

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал

№ 2(38)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Смоленск
2017

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)700232
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ РУБРИКА «ОНОМАСТИКА И ТОПОНИМИКА»

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЦЕНЗИИ

КОНФЕРЕНЦИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.Н. Андреев
Смоленский государственный университет

УДК 81'32

Взаимодействие различных видов описания в поэмах А.С. Пушкина

Ключевые слова: *статика; динамика; стихи; пропорция; глаголы; существительные; прилагательные; статистическая значимость.*

Статья посвящена исследованию статического и динамического видов описания в стихотворном тексте, анализируются пропорции существительных, прилагательных и глаголов по методике, предложенной Г. Альтманом и его коллегами. Материалом исследования служат десять лирических поэм Пушкина.

В настоящее время в стилеметрии внимание вновь обращено на такой традиционный параметр, как частеречная характеристика слова, в связи с чем отнесенность лексических единиц к той или иной части речи учитывается во все возрастающем количестве текстометрических исследований. Определяя и соотнося количественные данные, отражающие представленность различных частей речи в тексте, исследователи получают достаточно надежную информацию, характеризующую специфику структуры текста, индивидуальные особенности стиля автора, что, в свою очередь, имеет непосредственное отношение к проблемам авторства анонимных и псевдонимных текстов. Кроме того, можно указать на различные аспекты анализа текста, в ходе которого весьма успешно используются частеречные параметры, например, специфика ритмики стихотворного текста, его рифменная организация, когнитивные механизмы языка и целый ряд других [2; 5; 10; 11]. В число таких направлений исследования с применением частеречных параметров входит и вопрос о характере соотношения статического и динамического описания художественного мира автором. Для решения этой задачи весьма продуктивной оказалась методика разноаспектного изучения пропорций существительных, маркирующих именной стиль; глаголов, отражающих динамическое осмысление признака; прилагательных, отражающих статику.

Особый интерес в этом плане представляют стихотворные тексты, выбор слов в которых детерминирован целом рядом жестких правил. Исследования частотности, характера упорядоченности, соотношений ука-

занных частей речи на материале стихотворных текстов разных языков были осуществлены в последние несколько лет, что позволило сделать выводы о соотношении частеречного и ритмического параметров, характера распределения частей речи в стихотворной строке и, главное, изучить особенности визуализации поэтами внешнего мира [3; 4; 10; 9].

При таком квантитативном подходе, как уже указывалось выше, в основном изучаются распределения и соотношения трех частей речи: глагола, существительного и прилагательного. Другие части речи к анализу привлекаются относительно редко, причем выбор таких дополнительных морфологических классов в первую очередь определяется тем, как они соотносятся с основными тремя частями речи. Так, например, в работе [7] в дополнение к прилагательным включены наречия со значением образа действия.

В этой статье ставится задача изучить соотношение статического и динамического описания в стихотворных текстах Пушкина, для чего определяются пропорции указанных трех основных частей речи. Стихотворные произведения Пушкина значительно отличаются от произведений многих других поэтов в этом отношении тем, что, как было обнаружено относительно недавно, в его лирике, а также в романе «Евгений Онегин» имеют место отклонения от традиционного для поэзии соотношения статики и динамики на уровне лексических единиц [2]. Для дальнейшего анализа указанных тенденций в творчестве Пушкина были выбраны 10 поэм, написанных им в разное время на различных этапах творчества. В этот список входят: «Тень Фонвизина» (1815), «Кавказский пленник» (1820), «Братья разбойники» (1821–1822), «Вадим» (1822), «Бахчисарайский фонтан» (1821–1923), «Цыганы» (1824), «Граф Нулин» (1825), «Тазит» (1829–1830), «Езерский» (1832–1833), «Медный всадник» (1833).

Следует сделать некоторые уточнения по поводу критериев отнесения слов к трем используемым частям речи.

В число существительных (СУЩ) входят как существительные нарицательные, так и собственные. Класс глаголов (ГЛ) включает глаголы в личной форме, в форме инфинитива, а также деепричастия и причастия. Глаголы в аналитической форме («буду смотреть», «был увиден») рассматриваются как одна лексическая единица. Прилагательные (ПЛГ) в свой класс включают адъективированные причастия.

Следует отметить, что в некоторых случаях в класс существительных в этом исследовании были включены субстантивированные слова других исходных морфологических классов, что привело к некоторым крайне незначительным изменениям данных по сравнению с теми случаями, когда этого не делалось [6].

Все поэмы были написаны четырехстопным ямбом за исключением нескольких очень небольших фрагментов с другой ритмической организацией. Общее количество строк составляет немногим менее 4000.

Первый этап анализа, который состоял в подсчете трех частей речи и выявлении пропорций между ними, дал результаты, представленные в таблице 1. Необходимо отметить, что пропорция, понимаемая как соотношение элементов между собой, определяется следующим образом. Пропорцией элемента X и элемента Y является частное от деления X на сумму X и Y. Таким образом, пропорция глаголов относительно существительных определяется как ГЛ / (ГЛ + СУЩ), а пропорция прилагательных и существительных – как ПЛГ / (ПЛГ + СУЩ).

Таблица 1

Пропорция глаголов и прилагательных относительно существительных

№ п/п	Поэма	ГЛ – СУЩ	ПЛГ – СУЩ
1	*Тень Фонвизина*	0,361	0,23
2	*Кавказский пленник*	0,319	0,30
3	*Вадим*	0,325	0,29
4	*Братья разбойники*	0,385	0,23
5	*Бахчисарайский фонтан*	0,319	0,31
6	*Цыганы*	0,385	0,30
7	*Граф Нулин*	0,399	0,22
8	*Тазит*	0,372	0,26
9	*Езерский*	0,292	0,22
10	*Медный всадник*	0,369	0,29

Полученные данные необходимо сопоставить с *ожидаемыми* в этих текстах пропорциями, то есть такими, которые выявляются в среднем в стихотворных текстах. Такие ожидаемые пропорции V – N и A – N характеризуют своего рода норму и могут быть определены по результатам большого числа наблюдений в русской поэзии.

В статье М.Л. Гаспарова [3] на основании анализа представленности частей речи в поэзии было установлено, что в русских стихах существительные составляют 43%, глаголы – 22% и прилагательные – 15% от всех фиксируемых слов. Эти данные могут быть использованы для выявления ожидаемых пропорций. Исходя из них следует, что ожидаемая пропорция глаголов и существительных равна $E_{ГЛ}$ = 43/(22+43) = 0,33846, а ожидаемая пропорция прилагательных и существительных – $E_{ПЛГ}$ = 0,25862.

Наблюдаемые пропорции могут либо совпадать с ожидаемыми пропорциями, либо отличаться от них. В первом случае мы будем говорить о сбалансированности стиля. Во втором может наблюдаться превалирование «глагольного» или «адъективного стиля» – в этом случае соответствующие пропорции будут превышать значения ожидаемых – либо, напротив, превалирование именного стиля, когда количественные значения пропорций ГЛ – СУЩ и ПЛГ – СУЩ значимо ниже ожидаемых.

Для определения статистической значимости возможных отклонений наблюдаемых пропорций от пропорций ожидаемых используется методика, предложенная в работе [9]:

$$u = \frac{p(S) - E(p)}{\sqrt{p(1-p)/(S+N)}},$$

где *p* – пропорция данной части речи *S*, *E(p)* – ожидаемая пропорция, *p(S)* – наблюдаемая пропорция в тексте данной части речи относительно существительных, *N* – количество зафиксированных в тексте существительных.

Если принять уровень статистической значимости равным $p = 0{,}1$ при количестве степеней свободы $df = \infty$, то все случаи, когда $|u| \le 1{,}64$, не могут рассматриваться как статистически значимые отклонения наблюдаемой пропорции от ожидаемой. В случае $u < -1{,}64$, количество глаголов либо прилагательных (в зависимости от того, чьи пропорции рассматриваются) значимо ниже, чем ожидаемый уровень; в случае, если $u > 1{,}64$, наблюдаемые пропорции значимо превышают ожидаемый уровень.

В таблицах 2 и 3 помещены значения критерия ***u*.**

Как видно из таблицы, в пяти поэмах наблюдается превышение пропорции глаголов, то есть имеет место глагольный стиль, и только в одной поэме «Езерский», к которой можно условно добавить поэму «Кавказский пленник», *u*-критерий для которой близок к пороговому, количество глаголов меньше ожидаемого. В трех поэмах глагольно-именной тип можно обозначить как сбалансированный.

Главный вывод, который можно сделать из таблицы 2, – поэмы в достаточной степени характеризуются динамическим описанием. Это соотносится с выводами М.Л. Гаспарова, который отмечал, что стих Пушкина является даже более динамическим, чем проза Толстого и Чехова.

Еще один вывод состоит в том, что динамика стиля в определенной степени коррелирует с возрастом автора, в котором было написано произведение. Так, более ранние поэмы отражают сбалансированный стиль, когда пропорция глаголов произведений соответствует «ожидаемой», то есть средней по поэзии.

Результаты анализа пропорций прилагательных в целом ряде произведений тоже превышают ожидаемый уровень. В отличие от глагольно-именных соотношений это следует признать несколько неожиданным, причем не столько для поэзии вообще, сколько именно для произведений Пушкина, который, как теперь стали считать, предпочитает динамическое описание. Несмотря на то, что у Пушкина в целом, как указывалось выше, ярко выражен глагольный стиль, в то же время достаточно представлен и стиль статического описания.

Отметим также, что адъективный стиль не связан с периодом творчества – он наблюдается как в раннем, так и в более позднем творчестве поэта.

Таблица 2

Статистическая значимость отклонений наблюдаемых пропорций глаголов от ожидаемых

№ п/п	Поэма	ГЛ – СУЩ, *u*-критерий
1	*Тень Фонвизина*	1,232
2	*Кавказский пленник*	–1,604
3	*Вадим*	–0,596
4	*Братья разбойники*	2,224
5	*Бахчисарайский фонтан*	–1,363
6	*Цыганы*	3,321
7	*Граф Нулин*	3,497
8	*Тазит*	1,672
9	*Езерский*	–2,013
10	*Медный всадник*	2,007

Таблица 3

Статистическая значимость отклонений наблюдаемых пропорций прилагательных от ожидаемых

№ п/п	Поэма	ПЛГ – СУЩ, *u*-критерий
1	*Тень Фонвизина*	–1,756
2	*Кавказский пленник*	3,304
3	*Вадим*	1,622
4	*Братья разбойники*	–1,213
5	*Бахчисарайский фонтан*	4,244
6	*Цыганы*	2,703
7	*Граф Нулин*	–1,988
8	*Тазит*	0,000
9	*Езерский*	–1,584
10	*Медный всадник*	1,795

Превышение нормы у пропорции ПЛГ – СУЩ имеет место в пяти случаях. Еще в одном случае («Граф Нулин») также наблюдается отклонение от канона, однако здесь в сторону уменьшения количества прилагательных.

Для сопоставления двух видов стиля представим полученные в таблицах 2 и 3 данные в сводной таблице 4, а также на рисунке 1. В таблице для большего удобства будут использованы не количественные показатели, а качественные данные: «+» для превалирования наблюдаемого стиля, то есть статистически значимого превышения наблюдаемой пропорции ЧР над ожидаемой, и «–» для значимого снижения наблюдаемой пропорции. В двух случаях, когда *u*-критерий не достигает порога релевантности, но весьма близок к нему, используются скобки. Наконец, в тех случаях, когда ожидаемая и наблюдаемая пропорции оказываются одинаковыми (то есть статистически значимого отклонения не зафиксировано), ставится ноль.

Таблица 4

Объединенные данные рассматриваемых пропорций

№ п/п	Поэма	ГЛ–СУЩ, *u*-критерий	ПЛГ–СУЩ, *u*-критерий
1	*Тень Фонвизина*	0	–
2	*Кавказский пленник*	(–)	+
3	*Вадим*	0	0
4	*Братья разбойники*	+	(+)
5	*Бахчисарайский фонтан*	0	+
6	*Цыганы*	+	+
7	*Граф Нулин*	+	–
8	*Тазит*	+	0
9	*Езерский*	–	0
10	*Медный всадник*	+	+

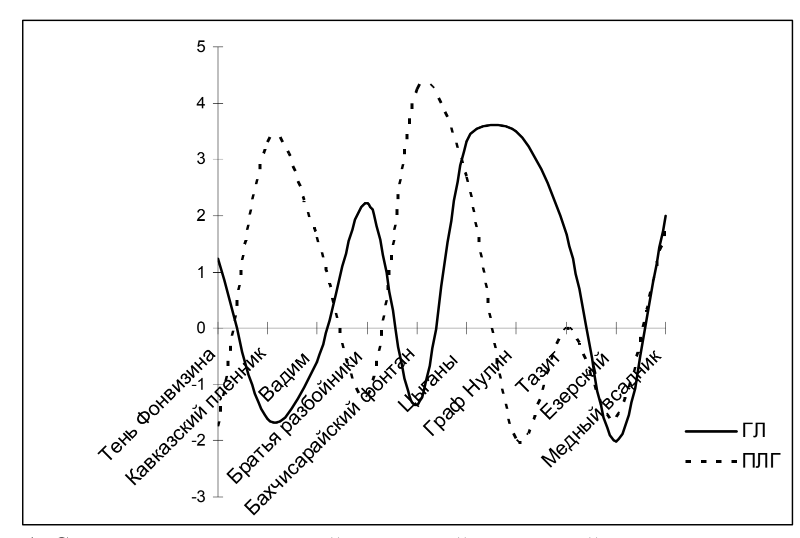

Рис. 1. Соотношение глагольной и именной пропорций с существительными

Анализ соотношения ПЛГ – ГЛ показывает, что по характеру взаимодействия двух типов стиля среди поэм можно выделить пять основных классов. Первый класс («Вадим») имеет сбалансированный тип стиля в отношении и статики, и динамики, то есть написан в рамках стихотворного канона.

Все остальные классы имеют определенное отклонение от канона. Так, второй класс («Кавказский пленник» и «Граф Нулин») базируется на эквиполентной оппозиции, в которой наблюдается противодействие статики и динамики, их конкуренция, когда усиление одного стиля происходит за счет ослабления другого. Конкуренция двух рассматриваемых видов описания здесь выражена больше всего.

Третий класс демонстрирует неравноправное (асимметричное) участие ГЛ и ПЛГ в создании стиля, когда выражен один вид стиля при сбалансированном другом: динамический стиль поэмы («Тазит») и статический стиль («Бахчисарайский фонтан») при сбалансированном уровне конкурирующего стиля. Эта оппозиция может быть обозначена как привативная.

Привативная оппозиция имеет место и в четвертом классе, однако вошедшие в него произведения на фоне сбалансированного типа одного из стилей в то же время характеризуются ослаблением другого типа описания: в поэме «Тень Фонвизина» – статического, в поэме «Езерский» – динамического.

Наконец, пятый класс включает три произведения, в которых эксплицитно представлены оба типа описания. Это поэмы «Цыганы», «Медный всадник» и «Братья разбойники». Строго говоря, такая ситуация не должна казаться нелогичной, поскольку в нашем анализе сопоставляются не глаголы и прилагательные между собой (то есть не пропорция глаголов и прилагательных), а их представленность относительно существительных. Здесь динамическая и статическая репрезентации художественного мира не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга. Тем не менее возникает вопрос, как они взаимодействуют в составе одного и того же произведения.

Для анализа этого взаимодействия можно прибегнуть к методике, предложенной Г. Альтманом и его коллегами [9], которая на материале русской поэзии была применена нами к сопоставлению различных редакций «Демона» М.Ю. Лермонтова [1]. Суть предложенного подхода состоит в том, чтобы определить распределение элементов одной величины относительно элементов другой. Для отражения характера распределения этого вида авторы указанной выше работы предлагают использовать степенную функцию $y = ax^b$, которая в точках $x_1, x_2, \ldots, x_n$ принимает значения $y_1, y_2, \ldots, y_n$, близкие к наблюдаемым. Тогда показатель степени будет свидетельствовать об усилении либо ослаблении представленности одного параметра относительно другого.

Для анализа на этом этапе исследования сопоставлялись глаголы и прилагательные непосредственно друг с другом, а не через их пропорции с существительными. В случае пропорции ГЛ : ПЛГ при $b > 1$ глагольный стиль возрастает, в случае $b < 1$ этот стиль ослабевает. В тех случаях, когда $b = 1$, имеет место равномерное распределение прилагательных относительно глаголов по всему тексту.

Исходя из произведенных подсчетов получены значения a и b и коэффициента детерминации r^2, показывающего долю вариации зависимой переменной y, объясняемой данной моделью зависимости. Они представлены в таблице 5.

Таблица 5

Вариативность динамического и статического описания

Поэма	a	b	r^2
Медный всадник	3,37	0,72	0,983
Цыганы	2,40	0,80	0,988
Братья разбойники	1,57	0,77	0,991

Коэффициент детерминации r^2 высок и отражает хорошую объясняющую силу уравнения. Исходя из показателя *b* степенной функции, можно сделать заключение о тенденциях изменения именного или глагольного стиля. Согласно данным таблицы, при следовании от начала произведения к его концу достаточно сильно падает представленность прилагательных относительно глагольной лексики, то есть имеет место усиление динамического аспекта при уменьшении статики. Можно констатировать, что в начале этих трех поэм, характеризуемых стилистическим дуализмом, статичное описание сдвинуто к началу, а динамичное – к концу произведения. Таким образом, и здесь имеет место конкуренция двух типов описания, однако она характеризуется своеобразной дихотомией – начало поэм по характеру репрезентации художественного мира противопоставлено их концу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев С.Н. Распределение частей речи в стихотворном тексте // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3(31). С. 8–16.
2. Гаспаров М.Л. Пушкин и проблемы поэтической формы: язык и стих // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 4: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 117–129.
3. Гаспаров М.Л. Точные методы анализа грамматики в стихе // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 4: Лингвистика стиха. Анализы и интерпретации. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 23–35.
4. Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Глагольная рифма и синтаксис стихотворной строки // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 148–160.
5. Altmann G. Supra-sentence levels // Glottotheory. 2014. Vol. 5(1). P. 25–39.
6. Andreev S. Verbal vs. adjectival styles in long poems by A.S. Pushkin // Glottometrics. 2016. V. 33. P. 25–31.
7. Čech R., Altmann G. Descriptivity in Slovak lyrics // Glottotheory. 2013. Vol. 4 (1). P. 92–104.
8. Descriptivity in Slovak lyrics / G. Altmann [et al.] // Glottotheory. 2013. Vol. 4. P. 92–104.
9. Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G. Aspects of nominal style // Glottometrics. 2012. V. 23. P. 23–55.
10. Popescu I.-I., Best K.-H., Altmann G. On the dynamics of word classes in text // Glottometrics. 2007. Vol. 14. P. 58–71.
11. Tuzzi A., Popescu I.-I., Altmann G. Parts-of-speech diversification in Italian texts // Glottometrics. 2009. Vol. 19. P. 42–48.

S.N. Andreev

Competition of Types of Description in Long Poems by A.S. Pushkin

Key words: *statics; dynamics; verses; proportion; noun; verb;, adjective; statistical significance.*

The article studies static and dynamic types of description in verses. Proportions of verbs against nouns and adjectives against nouns are analyzed, using the methods, suggested by G. Altmann and his colleagues. The study is based on the verse texts of ten long poems by A.S. Pushkin.

М.С. Баликова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

УДК 82.09

Изобразительное искусство в литературно-критических статьях Д.С. Мережковского 1880–1890-х годов

Ключевые слова: *Мережковский; литературная критика; изобразительное искусство.*

В статье рассматриваются ранние литературно-критические работы Мережковского, создававшиеся одновременно с его книгой «Вечные спутники». В центре внимания автора – метафора изобразительного искусства, пронизывающая статьи Мережковского указанного периода и проявляющаяся в развернутых сравнениях поэтов, писателей, критиков с художниками, скульпторами, архитекторами, а их сочинений – с произведениями изобразительного искусства. Также отмечается стремление Мережковского к выходу на национально-ментальный и мировоззренческий уровни и постижению этих сфер через анализ произведений живописи и архитектуры.

Значимой и устойчивой чертой творческого мышления и стиля Д.С. Мережковского-критика является метафора изобразительного искусства, воплотившаяся в системе развернутых сравнений «героев» его литературно-критических работ с художниками, скульпторами, архитекторами, а их текстов – с живописными полотнами, изваяниями, архитектурными строениями. Данная метафора, во-первых, способствует «скреплению» в единое целое корпуса эссе «Вечных спутников» (1897), посвященных разным авторам, в том числе представителям отдаленных друг от друга эпох и несхожих национальных литературных традиций, и образует архитектонический «каркас» сборника (1); во-вторых, пронизывает ряд статей, создававшихся критиком в те же годы, что и составившие сборник тексты, но в книгу не включенных.

Так, уже в дебютном выступлении Мережковского-критика – статье 1888 года «Старый вопрос по поводу нового таланта (“В сумерках” и “Рассказы” Чехова)» – проявляет себя та метафора, которая затем станет одной из стилевых доминант «Вечных спутников». Подобно тому, как творческий мир «персонажей» литературно-критического сборника будет постигаться Мережковским посредством сравнения их с мастерами разных видов изобразительного искусства, особенности чеховского таланта в этой работе трактуются через сравнение писателя с художником. «Герои его рассказов, – пишет Мережковский, – никогда не бывают безличными, но автор изображает их чересчур уж внешними, акварельными чертами <…>» [6, с. 358]. В другом месте критик замечает по поводу одного из чеховских героев – огородника Савки (рассказ «Агафья»): «Остается жалеть, что

г. Чехов обрисовал его чересчур эскизными, легкими штрихами, что он не развил этого интересного типа, не прибавил побольше реальных, бытовых черт в его биографию и характер, не превратил поэтического силуэта на фоне зари – в живого человека» [6, с. 363].

Сходную характеристику получает в работе 1889 года В.Г. Короленко. По оценке Мережковского, он, «как и все молодые беллетристы, рисует свои типы несколько эскизно» [6, с. 397], но в данном случае «эскизность» связывается не с недостатком в том или ином созданном автором образе «реальных, бытовых черт», а с тем, что изображаемый писателем «в высшей степени благородный и новый тип протестующего униженного» [6, с. 397], который «мог бы послужить отличной темой для широкой эпической картины» [6, с. 398], у Короленко находит воплощение лишь «в отрывочных очерках и новеллах, а не в крупном, законченном художественном произведении» [6, с. 397].

Параллель с Чеховым возникает и тогда, когда критик отзывается о пейзажах в рассказах Короленко. Автор статьи отмечает, что писателю «лучше всего удаются <…> пейзажи с широкими, очень простыми очертаниями, где много воздуха, света и дали и мало миниатюрных, детальных черточек», а к «миниатюрной живописи природы» «художественный темперамент» Короленко, напротив, «мало приспособлен, да кроме того, в этом роде описаний он имеет такого опасного, почти непобедимого соперника, как г. Чехов» [6, с. 406].

Характерен также фрагмент, где Мережковский, выделяя в качестве основных «художественных приемов» Короленко «простые и резкие очертания пейзажа и не менее простые и резкие контуры драматического действия», называет писателя приверженцем «того метода в поэзии, который в живописи соответствует пластической школе Рафаэля». Критик поясняет: «Он (Короленко. – *М. Б.*) выдвигает не колорит, а рисунок, не психологическое настроение, а скульптурный остов произведения, в противоположность В. Гаршину и Чехову». Последних двух авторов Мережковский воспринимает как «настоящих колористов тициановской школы», предпочитающих «рисунку, простым и резким очертаниям драмы – лирическое освещение, настроение, колорит» [6, с. 409]. В этом пассаже как будто апробируется «методология» вошедшего в «Вечные спутники» эссе «Марк Аврелий» (1891), в котором, описывая стиль работ И. Тэна, Мережковский вспоминает о колорите полотен Рубенса и с уверенностью выражает мысль о том, что «Тэн подражает колориту Рубенса, которого он любит» [6, с. 29]. Таким образом, возможно, приоткрывая перед нами и свою творческую лабораторию, критик фиксирует внимание на подмеченном им факте влияния колорита (в широком смысле) художника на манеру человека пишущего – собственно писателя (Гаршин, Чехов) или ученого, мыслителя (Тэн).

Замечание же автора статьи о том, что «Короленко так же, как в общих архитектурных массах своих лучших произведений, остается истинным по-

этом и в отделке второстепенных частей» [6, с. 404], предвосхищает характеристику, данную в одном из эссе «Вечных спутников» Сервантесу, который, по Мережковскому, подобно скульптору, «высекает изваяния в цельной каменной глыбе», не пренебрегая при этом и «отделкой» «мелких подробностей, изящных, миниатюрных камней» [6, с. 90–91].

Обращает на себя внимание также статья «Мистическое движение нашего века» (1893), которую автор начинает со сравнения двух миланских зданий, стоящих рядом, но выражающих собою «два непримиримых человеческих взгляда на жизнь». Одно из этих зданий – прекрасный «неоконченный мраморный собор», который критик называет «божественною мечтою средних веков», другое – торгово-промышленная галерея, в восприятии Мережковского представляющая собой лишь «бездушный железно-стеклянный сарай для товаров» и воплощающая современный буржуазный дух с его «идеалом разумного комфорта и утилитарной роскоши» [6, с. 415]. Здесь перед нами уже не стремление литературного критика постичь творческий мир отдельного писателя через сравнение его манеры с «колоритом» художника или «почерком» скульптора, а попытка мыслителя через со- и противопоставление двух ярких, наглядных архитектурных образов передать «резкий контраст» [6, с. 415] принципиально разных типов миросозерцания – «мистического», утверждающего «связь человеческой души с Бесконечным» [6, с. 416], и «утилитарного», позитивистского, прикрывающего лозунгами пользы и удобства «внутреннее ничтожество», «плоскость и пошлость» [6, с. 415].

В сходном ключе развивается мысль Мережковского в работе «Памяти Тургенева» (1893), где по портрету конкретного писателя делается заключение о целом типе «*коренного* (курсив автора. – *М. Б.*) русского человека», каковым, по мнению автора статьи, был И.С. Тургенев не только по внешности, но «и по своему духу»: «Глаза с тонким умом и нежною, русскою печалью, добрые, мудрые и грустные морщины, – это лицо старого русского крестьянина, только облагороженное и утонченное высокою культурой» [6, с. 422]. В работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Мережковский, истолковывая характеры и судьбы писателей, также апеллирует к их портретам. В частности, значимыми представляются критику живописный «образ одного из царей поэзии, увенчанных всемирною славой, Л. Толстого, в крестьянской одежде идущего за сохой, как он изображен на известной картине Репина» [6, с. 434] (имеется в виду полотно И.Е. Репина «Пахарь. (Лев Николаевич Толстой на пашне)», 1887) и портрет К.М. Фофанова кисти того же художника (1888), запечатлевший поднятое «к своему лирическому небу уродливое и вдохновенное лицо» [6, с. 490] самого «неровного, болезненного и дисгармонического поэта» [6, с. 491] в русской литературе.

В статье «Вместо предисловия. К трагедии Софокла “Эдип-царь”» (1894) критик возвращается к метафоре изобразительного искусства, уподобляя древнегреческого трагика архитектору, а его произведение – храму, кото-

рый венчает, «как символическая статуя <…>, образ чудовища с лицом женщины, с крыльями, с острыми когтями, с львиным туловищем, с опасной и загадочной речью – *Сфинкс* (курсив автора. – *М. Б.*), воплощение Судьбы, того Непознаваемого, что язычники называли Роком» [6, с. 503].

Сравнение писателя с живописцем вновь развертывается в масштабной работе «Крестьянин во французской литературе. Очерки. I. Бальзак. II. Мишле» (1894). Так, разбирая роман О. де Бальзака «Крестьяне», Мережковский отмечает, что, за редким исключением, почти все «крестьянские типы в романе очерчены слегка, в профиль» [6, с. 511], причем от многих «типов романа, благодаря слишком сгущенным, мрачным краскам, веет <…> чем-то фантастическим» [6, с. 512]. На «тенденциозно мрачные краски картины» [6, с. 523], созданной Бальзаком, критик неоднократно обращает внимание в посвященном писателю разделе статьи.

Размышляя о неоромантизме в драме (одноименная статья 1894 года) и описывая «сложные, смутные грезы, составляющие главный фон <…> действия» в сочинениях М. Метерлинка, Мережковский проводит параллель с современной драматургу живописью. Критик считает, например, что при постановке пьес Метерлинка «декорации должны быть <…> простые, нероскошные, тусклые, с таинственною полустертою окраскою, напоминающие сны ребенка, проникнутые наивным и глубоким символизмом, как произведения знаменитой английской школы живописи – *прерафаэлитов*» [6, с. 543] (курсив автора). Далее, развивая и усложняя эту параллель, Мережковский отмечает, что «общий колорит, освещение в метерлинковских драмах – преднамеренно тусклое и нежное, как в картинах наивных итальянских мастеров, потемневших от старости, как у английских прерафаэлитов» [6, с. 547].

Для характеристики двух поколений европейских поэтов – «парнасцев» и неоромантиков («Новейшая лирика», 1894) – критик вновь обращается к аналогиям из мира искусства. «Парнасцев», которые «стремились главным образом передать *внешнюю* прекрасную или точную форму вещей», он сравнивает с «живописцами» и «ваятелями», противопоставляя им неоромантиков, желающих «выразить *внутреннюю*, таинственную сущность предметов» (в обоих случаях курсив автора) и в этом отношении напоминающих музыкантов. «Они, – пишет Мережковский, – заставляют расписывать в тумане резкие скульптурные формы, нарочно стирают краски, превращают их в слабые оттенки, они влюблены в звуки и в запахи» [6, с. 570].

Выделенные нами приемы находят свое воплощение и в упомянутой программной работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892; публ. 1893), что представляется особенно значимым. Так, в связи с произведениями И.А. Гончарова, одно из которых в более раннем эссе (1890) характеризовалось как «огромное здание <…> эпопеи» [6, с. 198], критик пишет теперь об «особенном, ни с чем не сравнимом чувстве широты и простора, которое возбуждает грандиозная архитектура» [6, с. 461], а созданные писателем характеры напоминают Мережковскому «отдельные

статуи и барельефы, размещенные в здании» [6, с. 461–462] и составляющие «ряд символов, нужных поэту, чтобы возвысить читателя от созерцания частного проявления к созерцанию вечного» [6, с. 462]. Таких писателей, как Тургенев, Чехов и Ясинский, Мережковский именует «импрессионистами», имея в виду их «жадную впечатлительность» и способность замечать «неуловимое» [6, с. 488–490]; повесть А.К. Шеллера-Михайлова «Эсфирь» (1893) аттестует как «великолепную экзотическую картину» [6, с. 490].

Примечательно, что наряду с авторами художественных произведений в статье «О причинах упадка…» метафора изобразительного искусства распространяется и на литературных критиков. «Художником в своих критических работах» предстает С.А. Андреевский, чьи статьи о писателях, на взгляд Мережковского, «похожи на портреты, набросанные быстрыми, воздушно-легкими штрихами карандаша» [6, с. 497]. Но Андреевский выглядит скорее исключением на общем фоне современной ему и автору «Причин упадка…» критики – фоне, характеризуемом Мережковским как «мертвый колорит» [6, с. 437] «знакомого великорусского пейзажа» [6, с. 436]. Контрастом по отношению к этому унылому, скучному фону выступает «почти неведомый до настоящих времен и все более развивающийся род художественного творчества» – прокламируемая Мережковским субъективно-художественная критика, которая, быть может, и «теряет в яркости и силе» по сравнению с другими направлениями критики, но «выигрывает в бесконечном благородстве и нежности оттенков» [6, с. 444]. К аналогии из мира изобразительного искусства – правда, не живописного, а скульптурного – обращается автор статьи, истолковывая сущность нового направления уже не в критике, а собственно в литературе. Давая трактовку понятию символа, Мережковский в качестве примера использует барельеф Парфенона, воссоздающий «самую обыденную и, по-видимому, незначительную сцену: нагие, стройные юноши ведут молодых коней, и спокойно и радостно мускулистыми руками они укрощают их» [6, с. 457]. В этом барельефе, продолжает Мережковский, чувствуется «веяние *идеальной* человеческой культуры, *символ* свободного эллинского духа. Человек укрощает зверя. Это – не только сцена из будничной жизни, но вместе с тем – целое откровение божественной стороны нашего духа» [6, с. 457] (в обоих случаях курсив автора).

Сетования на «безвкусие» и «пошлость популярно-великих идей» [6, с. 447] современной критики, выражающей «преобладающий вкус толпы» [6, с. 455], подкрепляются воспоминаниями автора статьи о восприятии зрителями экспонированной в феврале 1892 года на XX выставке Товарищества передвижных художественных выставок в Петербурге картины В.Е. Маковского «Не пущу!». Картина, считает Мережковский, «была прескверно написана, с пренебрежением к технике, какими-то мертвыми, деревянными красками. Но публика перед нею останавливалась: на лицах интеллигентных дам было видно сочувствие. Говорили по-французски о страданиях нашего бедного народа, о пьянстве, объясняли тенденцию художника». «Общедоступный,

банальный трагизм (курсив автора. – *М. Б.*) оказывал свое вечное действие на толпу», – резюмирует критик [6, с. 447].

Систематическое обращение Мережковского к сфере изобразительных искусств объясняется, очевидно, его взглядом на единство и взаимодействие разных видов искусства в их основной цели и сущности – воплощении народного «духа» или «гения». «На всех созданиях истинно-великих культур, – убежден критик-философ, – как на монетах, отчеканен лик одного властелина. Этот властелин – гений народа» [6, с. 431]. Например, «дух Гомера», по Мережковскому, равно запечатлен «в какой-нибудь полустертой надписи на могильном мраморе, как и в диалогах Платона, и в шутках Аристофана, и в походном дневнике Ксенофонта, и в нежных, как мрамор Парфенона, подобных самым чистым христианским гимнам лирических хорах Софокла» [6, с. 430]. Подобно этому и «мрачный, свободный и неукротимый» «флорентийский дух» обретает свое воплощение в произведениях мастеров Ренессанса, причем не только «в мощном реализме Джиотто», «мощном резце Донателло», «у Гирландайо», «у Вероккио», «в титаническом Микеланджело и загадочном Леонардо да Винчи», но и «в отчеканенных, с их металлическим звуком терцинах (“Божественной комедии”. – *М. Б.*) Аллигиери» и даже «в самых ничтожных подробностях архитектуры – вот в этих несравненно прекрасных чугунных грифонах, которые вбиты в камень на уличных перекрестках по углам палаццо, чтобы поддерживать факелы ночью» [6, с. 431].

Прежде чем подвести итог сказанному, обратим внимание на то, что пронизывающая основные литературно-критические работы Мережковского 1880–1890-х годов метафора изобразительного искусства была подхвачена и использована для характеристики творческого мира самого писателя уже его современниками. Так, И.А. Ильин в статье «Мережковский-художник» пишет о «живописных панно», составляемых писателем из многочисленных цитат, определяет его как «мастера <…> крупных мазков, резких линий» и сравнивает с величайшими живописцами прошлого – Тицианом, Рубенсом и др. [5, с. 374, 377, 378]. «Художником» настойчиво называет Мережковского и А.А. Блок, объясняя этим его «влюбленность» в мировую культуру [4, с. 245–246]. А. Белый говорит о «прекрасной, как мраморная статуя, лирической скульптуре слов» [3, с. 258] в текстах Мережковского, хотя герои романов писателя и представляются младшему символисту «вылепленными из воска и раскрашенными старинной краской статуями» [3, с. 260]. По Белому, Мережковский «слишком хорошо знает живопись итальянских мастеров», что позволяет ему «стилизовать» свои литературные произведения под картины, например, Боттичелли или Леонардо да Винчи [3, с. 261]. При этом, в отличие от Блока, Белый отмечает, что Мережковский «*не художник*» (курсив автора), точнее, «не художник только», ибо «его нельзя мерить чисто эстетическим масштабом» [3, с. 265]. Впрочем, в этих высказываниях, как и в данной М.О. Цетлиным интересной характеристике Мережковского как «художника <…> помимо воли», который «не стремится к живописности» [7, с. 410],

понятие «художник», вероятно, наделяется более широким эстетико-философским смыслом, чем только связанный с искусством живописи.

Итак, ставшая одной из стилевых доминант «Вечных спутников» и своеобразно «цементирующая» сборник эссе, посвященных разным и во многом несхожим друг с другом авторам, метафора изобразительного искусства организует также статьи Мережковского, хронологически близкие работам сборника, но не вошедшие в его состав. Наряду с отчетливо проявляющейся тенденцией к проникновению в творческий мир писателей посредством сравнения отдельных литераторов с создателями картин и скульптур, в ряде работ критика заметно стремление к выходу на более значимые уровни (национально-ментальный, мировоззренческий) и постижению этих сфер через анализ произведений живописи и архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баликова М.С. «Общность веры и страданий…»: О принципах выбора героев ранней литературно-критической и романной прозы Д.С. Мережковского // Stephanos. 2016. № 6(20). С. 200–208. URL: http://stephanos.ru/izd/2016/2016_20 (дата обращения: 10.03.2017).

2. Баликова М.С. Сфера «изобразительное искусство» в осмыслении Д.С. Мережковского-критика // LITTERATERRA: межвузовский сборник аспирантских и студенческих научных трудов. Екатеринбург, 2013. С. 45–50.

3. Белый А. Мережковский // Д.С. Мережковский: Pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2001. С. 257–266.

4. Блок А. Мережковский // Д.С. Мережковский: Pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2001. С. 242–247.

5. Ильин И. Мережковский-художник // Д.С. Мережковский: Pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2001. С. 374–388.

6. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. 907 с.

7. Цетлин Мих. Д.С. Мережковский (1865–1941) // Д.С. Мережковский: Pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2001. С. 408–416.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом подробнее в наших работах: [1; 2].

M.S. Balikova

Fine Arts in D.S. Merezhkovsky's Literary-Critical Essays of the 1880–1890s

Key words: *Merezhkovsky; literary criticism; Fine Arts.*

The article discusses the early literary-critical works of Merezhkovsky, created along with his book «Constant Companions». The author focuses on the metaphor of Fine Arts which pervades Merezhkovsky's essays of the specified period and is manifested in the form of detailed comparisons of poets, writers,

critics with artists, sculptors, architects and their texts with works of the Fine Arts. The desire of Merezhkovsky for promotion to the national-mental and ideological levels and comprehension of these areas through the analysis of works of painting and architecture is also discussed.

А.А. Чевтаев
Государственная полярная академия (г. Санкт-Петербург)

УДК 821.161.1.09

«Римская» «двойчатка» в ранней поэзии О. Мандельштама: тождество и антиномии

Ключевые слова: *«двойчатка»; Древний Рим; лирический субъект; лирический сюжет; «точка зрения»; художественное время; художественное пространство.*

В статье рассматриваются структурно-семантические сходства и различия стихотворений О. Мандельштама «Когда держался Рим в союзе с естеством…» (1914) и «Природа – тот же Рим и отразилась в нем…» (1914), репрезентирующих ключевые идеологемы раннего творчества поэта. Данные тексты, образуя своеобразную «двойчатку», представляют собой две версии рефлективного постижения центральной для мандельштамовской поэтики периода книги стихов «Камень» оппозиции «природа – культура». Исходная точка сюжетного развертывания каждого из стихотворений, обнаруживающих явные структурные сходства, получает противоположные векторы смыслового самополагания лирического субъекта и продуцирует концептуальное представление о ценностной незыблемости человеческого «я» в универсуме, целостность которого обеспечивается осознанием и созидательным принятием своего места в едином миропорядке.

Утверждение целостности универсума как абсолютной ценностной константы является одним из ключевых параметров художественного мировоззрения О. Мандельштама. Рефлективное постижение различных феноменов бытия в творчестве поэта оказывается своеобразным восхождением к онтологическому единству Мироздания, при котором отдельные эмпирические ситуации существования предстают как смысловые индексы «собирания» в универсальное целое всей многомерности проявлений личного, природного, культурного и цивилизационного начал. Однако мандельштамовский поэтический мир, тяготея к бытийной полноте, вместе с тем отрицает итоговую статичность результата и предстает как принципиально динамическая система. Как констатирует Л.Г. Панова, «в поэзии Мандельштама движение – это глобальный закон, по которому существует

мир, норма, а статика – отклонение от нормы» [13, с. 261]. Соответственно, динамика художественной рефлексии определяет вектор смыслообразования в творчестве поэта. «Нераздельность и неслиянность» бытийных феноменов, с которыми соприкасается лирический субъект, обусловливает стремление к верификации различных возможностей развития одной и той же данности самополагания «я» в координатах поэтической реальности.

На уровне художественного мироустройства это реализуется прежде всего в принципиальной семантической взаимообусловленности различных элементов поэтики, «суть которой в том, что один и тот же элемент может насыщаться разными смыслами, функциями, приобретать способность к окказиональным склеиваниям и членениям, к новым видам внутреннего (внутрисловного) и внешнего монтажа» [15, с. 302]. Множество тематических, образных и интертекстуальных перекличек между различными стихотворениями О. Мандельштама способствует их смысловому объединению в циклические единства и общие парадигмальные ряды, среди которых особое место занимают «двойчатки».

«Двойчатки» – разные стихотворения, вырастающие из одного истока, «двойные побеги на одном корню» [7, с. 234], являются характерным признаком поэтического миромоделирования в поэтике зрелого и позднего периодов творчества О. Мандельштама, оказываясь своеобразным интегралом его художественного сознания. Как отмечает В.И. Тюпа, «в палимпсестных микроциклах такого рода эффект проступания первоначального текста сквозь обновленный напоминает соотношение черновика с чистовиком <…> и создает концептуально значимое семантическое напряжение между двумя стихотворениями» [18, с. 165]. Экспликация творческой работы с разновекторным поэтическим «потоком», исходящим из одной семантической точки, которую акцентировал сам поэт, признавая ценностное равенство и самостоятельность каждого из «парных» стихотворений, становится магистральным принципом постижения его поздней лирики как целостной системы. «Двойчатки» в творчестве О. Мандельштама 1920–1930-х годов исследованы достаточно подробно [11; 15; 16], однако до сих пор остается открытым вопрос о генезисе мандельштамовской поэтики «двойных побегов».

Определенные признаки формирования подобной многомерности единого истока лирической рефлексии обнаруживаются уже в раннем творчестве поэта, реализуясь в качестве текстовых вариантов одного поэтического текста. Н.Я. Мандельштам указывает, что «в юности О.М. [О. Мандельштам] вытравлял следы общего происхождения у стихов или уничтожал одно из родственных стихотворений <…>, не признавая за ними права на самостоятельную жизнь. В зрелый период его отношение резко переменилось: видимо, он решил узаконить самый принцип двойных побегов и не считал их больше вариантами» [7, с. 235]. Изначальное представление О. Мандельштама о семантически различных решениях одной и той же лирической ситуации как о вариантах, среди которых традиционно один должен быть признан в качестве

окончательного, итогового, помимо трудностей эдиционного порядка, приводит к сложностям интерпретационного восприятия целого ряда ранних произведений поэта, обладающих общей образно-тематической или сюжетной точкой лирического высказывания. Статусная непроясненность структурно-семантических параллелей различных стихотворений О. Мандельштама периода поэтики «Камня» (конца 1900-х – 1915 года) проблематизирует принципы осмысления его художественного мира, как в аспекте становления логики «двойственного» развертывания исходной лирической ситуации, так и в аспекте универсализации эмпирического опыта субъектного «я».

Так, по мнению Л. Гутриной, справедливо отмечающей, что «истоки "поэтики порыва" обнаружимы в начальном периоде поэтического творчества Мандельштама» [4, с. 202], первым утверждением принципа «парности» текстовых структур становятся стихотворения «Футбол» (1913) и «Второй футбол» (1913). Исследователь высказывает предположение, что вариативная равноценность данных текстов стала причиной их отсутствия в составе всех авторских изданий первой книги стихотворений поэта «Камень»: «"Футболов" два, и вполне вероятно, что уже тогда, в 1913 году, для Мандельштама важно было, чтоб они были опубликованы рядом, вместе, а в сконструированном, строго организованном "Камне" трудно было найти место для двух стихотворений с одним названием» [4, с. 209]. Следование традиционным принципам работы с поэтическим текстом и соблюдение композиционной строгости первой книги стихов обусловливают завуалированность изначальной семантической «парности» и иных стихотворений О. Мандельштама, претендующих на статус «двойного побега». Своеобразными «двойчатками» или их предтечами выступают парные стихотворения «Египтянин» («Я избежал суровой пени…» и «Я выстроил себе благополучья дом…») (1913), «Аббат» («Переменилось все земное…» и «О, спутник вечного романа…») (1915), вариативность которых также осталась нереализованной в структуре «Камня».

Представляется, что особое место в ранней поэзии О. Мандельштама занимает своеобразная «римская» «двойчатка»: стихотворения «Когда держался Рим в союзе с естеством…» (*КДР*) и «Природа – тот же Рим и отразилась в нем…» (*ПТР*), написанные поэтом в 1914 году. Традиционно данные тексты воспринимаются в качестве вариантов одного стихотворения, что обусловлено авторским отношением к ним: включение О. Мандельштамом во второе издание «Камня» (1916) второго текста закрепило за ним статус окончательного, «белового» варианта, тогда как первый текст оказался за пределами основного корпуса творческого наследия поэта. Вместе с тем вариативность в данном случае оказывается достаточно условной. Во-первых, несмотря на акцентирование О. Мандельштамом смысловых преференций *ПТР* (как отмечено в дневнике С.П. Каблукова от 6 сентября 1914 года, данный текст, вместе со стихотворениями «Пусть имена цветущих городов…» (1914) и «О временах простых и грубых…» (1914), в первоначальном замысле

поэта входил в состав «“складня” “Рим”» [12, с. 248]), исходный «вариант» (*КДР*) был опубликован в газете «Петроградское эхо» в январе 1918 года [9, с. 313], то есть мыслился О. Мандельштамом в качестве самостоятельного произведения спустя длительное время после его написания. Во-вторых, семантический потенциал лирической рефлексии, воплощенный в сюжетостроении данных текстов и вскрывающий тождества и антиномии видения общей исходной ситуации, свидетельствует именно о смысловой взаимосвязи каждой из структур, позволяя рассматривать их как «двойчатку», предполагающую «нераздельность и неслиянность» двух версий самоактуализации лирического субъекта в идентичных координатах художественного мира.

Прежде всего, отметим, что данная «двойчатка» входит в состав обширной группы стихотворений О. Мандельштама, объединенных рефлективным постижением культурно-исторического и ценностно-смыслового статуса Рима в контексте человеческого существования. В 1914–1915 годах поэт обращается к поэтическому осмыслению бытийного значения «римских» реалий. В таких стихотворениях, как «Рим» («Поговорим о Риме – дивный град!..») (1914), «О временах простых и грубых…» (1914), «На площадь выбежав, свободен…» (1914), «Пусть имена цветущих городов…» (1914), «Encyclica» (1914), «Обиженно уходят на холмы…» (1915), «С веселым ржанием пасутся табуны…», (1915), «У моря ропот старческой кифары...» (1915), мандельштамовские представления о Риме как о матрице универсума оформляются в своеобразную мифологему, совмещающую его различные исторические и культурные ипостаси. По мысли Р. Пшыбыльского, «Рим Мандельштама – это парадигма единства. Языческий Рим – образец однородного и цельного государственного организма, охватывающего всю цивилизацию, созданного силой, хищностью и завоеваниями. Рим же христианский – образец единства, основанного на духовном авторитете» [14, с. 34]. Именно в аспекте бытийной целостности, стремление к которой является фундаментом художественного мировоззрения поэта, постигаются античные и христианские основы существования Рима, а также соотношение природного и культурного начал в Мироздании. Именно осмысление ценностной оппозиции «природа – культура» становится семантическим центром сюжетостроения стихотворений О. Мандельштама «Когда держался Рим в союзе с естеством…» и «Природа – тот же Рим и отразилась в нем…».

Итак, исходной ситуацией первого стихотворения, репрезентируемой в 1-й строфе, является констатация изначального единства культурно-цивилизационной сферы человеческого бытия и естественно-природного течения жизни:

Когда держался Рим в союзе с естеством,
Носились образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе – как в цирке голубом –
На форуме полей и в колоннаде рощи [8, с. 102].

Картина единения древнеримской государственности и природы здесь мыслится феноменом исторического прошлого. Лирический субъект, занимая позицию вненаходимости по отношению к изображаемому миру, акцентирует темпоральную дистанцию между целостностью универсума и своей бытийной позицией. Сама же эта целостность осмысляется как принципиальное единство античности, взятой в культурном и природном измерениях. Гражданское начало, являющееся наивысшей ценностью в системе общественных отношений Древнего Рима, предстает результатом онтологического следования «союзу с естеством» и оказывается воплощением в культурной созидательности человеческого существования изначальных законов природы. Универсализация миропорядка индексирована тремя метафорическими знаками, вскрывающими синкретизм бытия-в-культуре и бытия-в-природе: «цирк», «форум» и «колоннада» как характерные детали социокультурного величия древнеримской эпохи соединяются с «воздухом», «полями» и «рощей» как ключевыми параметрами естественного состояния мира, образуя неразрывное целое.

Универсальный статус изображаемой картины древнеримского прошлого подчеркивается пространственной семантикой, присущей данным знакам. Указанные метафоры задают три базовые координаты Мироздания: неотъемлемость бытийной динамики, растворенной в самом «веществе существования» («В прозрачном воздухе – как в цирке голубом»), пространственную вертикаль культурной и природной реальности («на форуме полей») и ее пространственную горизонталь («в колоннаде рощи»). Универсум, данный в экстенсивной безграничности вертикальных и горизонтальных границ (границы площади (форума), поля, колоннады или рощи здесь мыслятся не пространственными рубежами, а разделением гармоничной упорядоченности мира и бессмысленности хаоса, еще не отмеченного культурным или природным актом созидания), получает статус своеобразного ценностного идеала, в котором Рим предстает городом и государством, сотворенным «по образу и подобию» природы. Примечательно, что человек, воплощающий «гражданскую мощь», обусловленную неразрывным единством его духовной (социальной) и природной (биологической) ипостасей, представлен здесь имплицитно, присутствуя лишь в семантике пейзажных знаков, то есть через результат его созидательного труда.

Лирический субъект, фокусируя «точку зрения» на культурно-природных реалиях древнеримского прошлого, демонстрирует признаки вездесущности и всеведения, что способствует определенной эпизации видения мира, при которой действительность мыслится упорядоченной системой, объединяющей феномены культуры и природы, и в которой каждому явлению отведена своя бытийная позиция, обусловленная естественной гармонией миропорядка. Как известно, в поэзии О. Мандельштама «авторское “я”» часто «оказывается равновеликим культуре, природе, истории», в результате чего лирическое высказывание предстает

«как голос универсального человеческого начала в данной культурно-исторической и природной ситуации» [15, с. 293]. В *КДР* такая универсализация обусловлена отмеченной выше вненаходимостью лирического субъекта в координатах моделируемого мира и, соответственно, возможностью всеохватного постижения пространственно-временной многомерности человеческого существования.

Именно резкая трансформация темпорального плана субъектной «точки зрения» маркирует изменение исходной ситуации во 2-й строфе стихотворения: созерцание гармоничной целостности, определяющей бытие универсума в античном прошлом, сменяется картиной современной данности:

А ныне человек – ни раб, ни властелин,
Не опьянен собой – а только отуманен;
Невольно думаешь: всемирный горожанин!
А хочется сказать – всемирный гражданин! [8, с. 102]

Знак темпорального дейксиса («ныне»), обозначающий мир настоящего, в котором пребывает лирический субъект, создает семантическое натяжение между современностью и картиной мира, представленной в 1-й строфе («Когда держался Рим»). Вместо природно-культурных реалий в центр изображения помещается человек, взятый в отрицательном регистре его самополагания в универсуме: «ни раб, ни властелин». По мысли А.И. Немировского, здесь реализуется поэтическое осмысление республиканских идей, в результате которого утверждается мысль о том, что «общество ни социально, ни морально не подготовлено к гражданству без границ» [10, с. 132]. Нам представляется, что такая социально-политическая интерпретация стихотворения, хотя и согласуется с пристальным вниманием О. Мандельштама к общественным процессам, происходившим в России и Европе в 1910-е годы, все же существенно сужает его смысловой потенциал. Утрата собственной идентичности, которая в контексте стихотворения предстает не только в социальном, но и в природно-антропологическом измерении (статус раба или патриция в древнеримском обществе предустановлен естественной упорядоченностью существования), ведет к отпадению от гармоничной целостности Мироздания и, как следствие, к измельчанию человеческого «я». Жизненная активность, тождественная «гражданской мощи», сменяется опустошенностью и пассивным восприятием собственного места в мире («Не опьянен собой – а только отуманен»).

Утверждение неспособности современного человека к эпическим свершениям и деятельно-созидательному преобразованию действительности соотносится здесь с констатацией утраты героики в стихотворении Н.С. Гумилева «Современность» (1911): «Я так часто бросал испытующий взор / И так много встречал отвечающих взоров, / Одиссеев во мгле пароходных контор, / Агамемнонов между трактирных маркеров» [3, с. 82]. Однако если в гумилевском представлении целостность миропорядка восстановима посредством любовно-интимного начала, соединяющего воедино разные времена и

эпохи (Ср.: «Вот идут по аллее, так странно нежны, / Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя» [Там же]), то у О. Мандельштама, напротив, акцентировано противоречие между личным и всеобщим: «Невольно думаешь: всемирный горожанин! / А хочется сказать – всемирный гражданин!». Человек, представая в качестве лирического персонажа, суммирующего человечество как таковое, обнаруживает две свои полярные ипостаси: обывательски-городскую, укорененную в сиюминутно-личное существование, и гражданскую, ведущую к всеохватной полноте бытийной гармонии. В восприятии лирического субъекта первая является знаком духовной деградации, явленной современной действительностью, тогда как вторая мыслится желательным восстановлением органичной упорядоченности универсума. Такое противопоставление реализуется и в окказиональной энантиосемии эпитета «всемирный»: всемирность «горожанина» означает всеобщность измельчания человеческого «я», а всемирность «гражданина» продуцирует жажду возвращения к целостности культурно-природного бытия, имплицитно отсылая к формуле Urbi et orbi («К Городу и миру»), с которой начинались государственные объявления в Древнем Риме и которая индексирует единство Мироздания. Представление о том, что, как отмечает Р. Пшыбыльский, «город-природа создали человеку гармоничный universum, в котором он чувствовал себя всемирным гражданином» [14, с. 36–37], вступает в принципиальный конфликт с современным состоянием внеприродного городского мира. Поэтому в *КДР*, сюжетостроение которого акцентирует ценностное расподобление прошлого и настоящего, итоговой идеологемой оказывается констатация невозможности возврата к «всемирной» гармонии.

Необходимость достижения онтологической полноты древнеримского миропорядка определяет вектор лирической рефлексии во втором стихотворении «двойчатки», в котором исходная ситуация единства природы и культуры осмысляется принципиально иначе. Как и в *КДР*, в 1-й строфе *ПТР* утверждается неразрывная связь природного и культурного измерений бытия:

Природа – тот же Рим и отразилась в нем.
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом,
На форуме полей и в колоннаде рощи [8, с. 102].

Однако здесь единство естественной и культурной созидательности предстает не просто гармоничным «союзом», а тождеством, основанным на взаимообратимости: «природа» и «Рим» уже не два разных аспекта существования универсума, а растворенные друг в друге бытийные константы, идентичные друг другу. Как справедливо указывают Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель, такая «взаимообусловленность поддержана и на фонетическом уровне: <…> *Рим*, заданный вначале, прочитывается по принципу зеркального письма как *мир*» [5, с. 67]. Отметим, что семантическое проступание «мира» сквозь «Рим» усиливается в свете значений дважды по-

вторяющегося эпитета «всемирный» в первом стихотворении «двойчатки», что эксплицирует смысловые связи между ее частями.

Данное тождество формируется за счет изменения вектора уподобления: если в *КДР* город-государство сопоставляется с природой («Когда держался Рим в союзе с естеством»), то в *ПТР* природа оказывается идентичной Риму, в свою очередь воплощаясь в его миропорядке («Природа – тот же Рим и отразилась в нем»). Эта смысловая инверсия продуцирует принципиально иное развертывание сюжетной структуры: исходное акцентирование природного начала сигнализирует о его незыблемости и вневременном постоянстве, поэтому здесь упраздняется темпоральная дистанция между реалиями античного прошлого и настоящим моментом самополагания лирического субъекта. Соответственно, в субъектной позиции актуализируется пространственно-временная причастность изображаемой действительности. Конечно, в данном случае персонификация лирического субъекта предстает в ослабленном виде, так как в центр изображения помещается «картина и ее переживание, а не сам переживающий» [1, с. 146], но смысл такого переживания существенно трансформируется. Если в первом стихотворении лирический субъект изображает гармоничную целостность Древнего Рима как внеположную его бытию реальность, то во втором – лирическое «мы» свидетельствует об отождествлении субъекта с носителями природно-культурной гармонии. Поэтому пейзажное изображение «образов гражданской мощи» Древнего Рима, композиционно и вербально идентичное пространственной конкретизации универсума в *КДР* (2–4-я строки 1-й строфы в обоих текстах практически полностью совпадают), здесь получает иные коннотации. Природное и культурное единство мира («В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде рощи») является уже не нарративной репрезентацией былого состояния, а данностью настоящего момента бытия, эксплицируя антиномичный характер видения одной и той же ситуации в первом и втором стихотворениях.

Как видно, в *ПТР* размывается темпоральная определенность созерцания лирическим «мы» гармонично организованного миропорядка. Взаимообратимость природы и культуры, постулируемая в 1-й строфе, продуцирует нарушение линейного течения времени, поэтому синхронизация субъектной «точки зрения» и изображаемой реальности может мыслиться и как ментальное проникновение лирического «мы» в древнеримское прошлое, и как бытийное проступание античной гармонии в современности, обусловленное изначальной абсолютностью природы. Такая амбивалентность временных координат вскрывает энигматическую направленность постижения целостности Мироздания, которая является очевидным мандельштамовским возражением представлению Ф.И. Тютчева о бессмысленности и, соответственно, внекультурной сущности природного начала: «Природа – Сфинкс. И тем она верней / Своим искусом губит человека, / Что, может статься, никакой от века / Загадки нет и не было у ней» [20,

с. 208]. В стихотворении О. Мандельштама природа загадочна в силу тождественности культуре, которая, в свою очередь, порождается посредством своей ускоренности в природную упорядоченность.

Именно стройность и гармония миропорядка как высшая ценность существования утверждаются во 2-й строфе стихотворения, в которой также обнаруживается со-противопоставление сюжетному развертыванию первого текста «двойчатки». Как и в *КДР*, здесь акцентируется позиция человека в Мироздании, однако его бытийный статус определяется не в отрицательном, а в положительном измерении:

Природа – тот же Рим, и, кажется, опять
Нам незачем богов напрасно беспокоить –
Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить! [8, с. 102]

Оппозиция «прошлое – современность» здесь полностью снимается, так как различные темпоральные планы соединяются в синкретичное единство, представляющее собой не расподобление, а уплотнение времени, в котором Древний Рим является неустранимым фактом настоящего. Синхронизация разных эпох продуцирует идеологему возвращения к изначальной целостности Мироздания, в которой все сущее занимает свое место, предустановленное тождеством природы и культуры. В соответствии с акмеистическим отказом от постижения потусторонности загадочность и смысловая полнота универсума определяются не действием трансцендентных высших сил («нам незачем богов напрасно беспокоить»), а иерархической упорядоченностью «посюсторонней» реальности и следованием своему бытийному предназначению.

Утверждение гармонии существования человека предстает как обретение и осознание им своей природно-культурной идентичности. Опустошенность и бессмысленность современной человеческой жизни, обусловленные презрением к собственной бытийной сущности, констатируемым в *КДР* (ср.: «А ныне человек – ни раб, ни властелин»), здесь сменяются ценностным принятием своего места в структуре природы-государства. Поэтому субъектное лирическое «мы» утверждает необходимость различных социальных ролей в единой картине универсума: «Есть внутренности жертв, чтоб о войне гадать, / Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить!». Созидательная полнота Мироздания обеспечивается исполнением функций, заданных единством природы и культуры. Социальная упорядоченность Древнего Рима, представленная в системе лирических персонажей, индексирует онтологическое предначертание как залог мировой гармонии. Гаруспики (этрусские жрецы, приглашаемые в Рим, чтобы «предсказывать будущее, главным образом по внутренностям (преимущественно печени) жертвенных животных» [17, с. 122]), рабы и ремесленники-творцы не только эксплицируют функциональную соразмерность римского общества, но и оказываются знаками органичного миропорядка, взятого в универсальном измерении, вне конкретной

исторической эпохи. Эта универсализация акцентирована бытийными актами «гадания», «молчания» и «строительства», в которых реализуется энигматическая направленность постижения мира, главная тайна которого состоит в созидательном тождестве природного и культурного аспектов существования. Взаимопроникновение природы и культуры в финале стихотворения утверждается посредством ключевого для ранней мандельштамовской поэтики знака «камни», в семантике которого одновременно актуализированы естественность «“вещества существования”» и «строительный материал, из которого созидается “тело” культуры» [5, с. 66]. Именно их неразрывная связь обеспечивает витальную полноту движения Мироздания.

Присущий ранней поэтике О. Мандельштама выход за пределы интимно-личного самополагания «я» в моделируемой реальности, обусловленный телеологией художественного мировоззрения поэта, суть которой состоит «не в том, чтобы пропустить мир через свои чувства», а «в том, чтобы найти своим чувствам место в мире» [2, с. 207], определяет сюжетное развертывание обоих текстов «римской» «двойчатки», однако получает в них противоположные смысловые реализации. В *КДР* постижение места человека в мире идет по пути ценностного противопоставления гармонии как сущности прошедшей эпохи и духовной пустоты как явления современности. Расподобление макрокосма и микрокосма вызывает желание лирического субъекта восстановить «гражданскую» целостность миропорядка, но это невозможно в силу непреодолимости темпорального разрыва между прошлым и настоящим. В *ПТР* субъектная рефлексия, напротив, основывается на неустранимой конвергенции природного и культурного, личного и всеобщего, древнеримского и современного, в результате чего происходит ментальное обретение бытийной упорядоченности существования.

По сути, структурно-семантические тождества и антиномии в рассмотренной «римской» «двойчатке» О. Мандельштама вырастают из субъектного представления об идиллическом и героическом миропорядке как изначальной конвергенции «я» и универсума, обеспечивающей вселенскую гармонию существования. Синкретизм природных и социокультурных знаков, акцентированный в 1-й строфе каждого стихотворения, указывает на свойственное античности отождествление идиллического и героического модусов художественности (как отмечает В.И. Тюпа, «идиллии античности являли собой героику малой роли в миропорядке» [19, с. 46]) и задает «эпическую» направленность субъектной «точки зрения». Однако смысловые решения исходной эпизации видения мира оказываются противоположными. В *КДР* утверждается утрата ролевого поведения в координатах современной действительности, в результате чего универсум предстает лишенным эпической целостности. В *ПТР* констатируется принятие человеком своей онтологической позиции в Мироздании, что способствует усилению эпической всеохватности созидательного преображения бытия. Героико-идиллическое

самоопределение здесь не только не упраздняется, но и мыслятся единственно возможным смыслом существования.

Таким образом, тождественность природного и культурного аспектов бытия, являющаяся исходной идеологемой для обоих стихотворений, получает в них противоположные смысловые реализации, акцентируя идеологическую самостоятельность каждого текста. Представление о Древнем Риме как о ценностном идеале, реализуемое в двух версиях лирической рефлексии, суммарно утверждает необходимость осознания и созидательного принятия собственной бытийной позиции в целостном единстве миропорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: Литературное произведение: основные понятия и термины. М.: Высшая школа; Изд. центр «Академия», 2000. С. 141–153.
2. Гаспаров М.Л. Осип Мандельштам. Три его поэтики // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 193–259.
3. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 2: Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М.: Воскресенье, 1998. 501 с.
4. Гутрина Л. «Футбол» и «Второй футбол» – первая «двойчатка» Осипа Мандельштама // Миры Осипа Мандельштама: VI Мандельштамовские чтения. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 201–212.
5. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Осип Мандельштам: философия слова и поэтическая семантика. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013. 200 с.
6. Левин Ю.И. О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: ВГУ, 1990. С. 406–416.
7. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 576 с.
8. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. 370 с.
9. Мец А.Г. Комментарий // Мандельштам О.Э. Камень. Л.: Наука, 1990. С. 286–309.
10. Немировский А.И. Поговорим о Риме… // Мандельштам и античность. М., 1995. С. 129–141.
11. Нерлер П. О композиционных принципах позднего Мандельштама (К постановке проблемы) // Столетие Мандельштама: материалы симпозиума. N.Y.: Tenafly, 1994. С. 326–342.
12. О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // Мандельштам О.Э. Камень. Л.: Наука, 1990. С. 241–258.
13. Панова Л.Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
14. Пшыбыльский Р. Рим Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. М., 1995. С. 33–64.
15. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю.И. Левин [и др.] // Смерть и бессмертие поэта: материалы научной конференции. М.: РГГУ, 2001. С. 282–316.
16. Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций – к окончательному тексту. М.: Ваш выбор, 1997. 144 с.
17. Словарь античности: пер. с нем. / сост. Й. Ирмшер. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
18. Тюпа В.И. «Заблудился я в небе – что делать?..» О.Э. Мандельштама // Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Изд. центр «Академия», 2009. С. 161–168.

19. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь: Изд-во ТГУ, 2002. 80 с.

20. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6 т. Т. 2: Стихотворения 1850–1873. М.: Изд. центр «Классика», 2003. 640 с.

A.A. Chevtaev

«Roman» «Double Structure» in the Early Poetry by O. Mandelstam: Identity and Antinomies

Key words: *«double structure»; Ancient Rome; lyrical subject; lyrical plot; point of view; narrative; artistic time; artistic space.*

Structural-semantic similarities and differences of the poems «Kogda derzhals'a Rim v sojuze s jestesstvom…» (1914) and «Priroda – tot zhe Rim i otrazilas' v n'om…» (1914) by O. Mandelstam, representing crucial ideologemes of the poet's early works, is examined in the present article. These texts, forming peculiar «double structure», constitute two versions of reflective comprehension by Mandelstam of the opposition «nature – culture» which constituted the main poetic topic of the period of his book of poetry «Kamen'». Initial point of plot deployment of each of the poems, revealing obvious similarities, gets contrary vectors of the semantic self-presentation of lyrical subject and produces conceptual understanding of the value of inviolability of human «self» in the universe, the integrity of which is ensured by awareness and creative recognition of one's own place in the indivisible world order.

В.В. Колобов

Воронежский государственный университет

УДК 821.161.1.09

«Новый мир» А.Т. Твардовского глазами поэта-современника (на материале дневника А.В. Жигулина)

Ключевые слова: *Жигулин; Твардовский; дневник; журнал «Новый мир»; история отечественной литературы.*

В статье впервые исследуются дневниковые записи выдающегося поэта, прозаика, бывшего узника сталинских лагерей Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000), касающиеся истории популярного в годы «оттепели» журнала «Новый мир» и деятельности его главного редактора Александра Трифоновича Твардовского (1910–1971). По мнению А.В. Жигулина, «Новый мир» А.Т. Твардовского своими публикациями, бескомпромиссной позицией способствовал духовно-нравственному пробуждению страны, подлинному расцвету отечественной литературы и журналистики во второй половине XX века.

О «Новом мире» эпохи «оттепели» за прошедшие полвека написано так много и обстоятельно, что, казалось бы, добавить что-либо принципиально новое к сказанному невозможно. Содержательные воспоминания о «Новом мире» и его главном редакторе оставили В.Я. Лакшин, А.И. Кондратович, И.И. Виноградов, Ю.Г. Буртин, С.Г. Караганова, много лет работавшие с Твардовским и хорошо знавшие его.

Среди научно-исследовательских работ, посвященных жизни и творчеству А.Т. Твардовского и возглавляемому им «Новому миру», необходимо отметить статьи и монографии В.М. Акаткина, В.С. Баевского, Н.П. Бианки, Н. Биуль-Зедгинидзе, П.С. Выходцева, Ю.А. Голубицкого, Д.П. Дмитриева, В.В. Ильина, Э.В. Кардина, А.В. Македонова, О.А. Новиковой, Р.М. Романовой, Т.А. Снигиревой, А.М. Туркова.

Дополнительные штрихи в портрет «Нового мира» и его главного редактора А.Т. Твардовского вносят материалы домашнего архива (дневники, письма, различные документы) известного поэта второй половины XX века А.В. Жигулина, поступившие в соответствии с волей вдовы писателя И.В. Жигулиной в 2011–2013 годах на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина [5].

Эпистолярное и дневниковое наследие А.В. Жигулина, которое только сейчас становится доступным исследователям его творчества, поражает глубиной, уникальностью и объемом эмпирического материала. Это сотни дневниковых тетрадей и записных книжек, имеющих сквозную нумерацию, аккуратно сделанную самим поэтом. Это тысячи читательских писем, большое количество копий писем самого поэта различным адресатам. Одной из главных тем «малой прозы» А.В. Жигулина в 1960-е годы является журнал «Новый мир», творческая и редакторская деятельность А.Т. Твардовского.

А.В. Жигулин был одним из постоянных авторов «Нового мира», он горячо поддерживал творческую и идеологическую линию, проводимую редакционным коллективом во главе с А.Т. Твардовским. В его дневниках и письмах рассказывается о встречах с Твардовским, о внутренней «кухне» редакционной практики, принципах отбора произведений для публикации в «Новом мире», тактике и стратегии журнала во взаимоотношениях с властями, диктате партийной цензуры.

Сразу отметим: в дневнике А.В. Жигулина отражены события, связанные только со вторым периодом редакторства А.Т. Твардовского (1958–1970). Первый период (1950–1954) выпал из поля зрения А.В. Жигулина по одной-единственной причине: в это время он как «враг народа» отбывал срок наказания в сталинских лагерях в Сибири и на Колыме (см.: [3]).

Как считал А.В. Жигулин, появление в стране такого журнала было вызвано объективными причинами. Социально-экономические и общественно-политические перемены в Советском Союзе, последовавшие после смерти Сталина: XX (1956) и XXII (1961) съезды КПСС, осудившие культ личности, возвращение к ленинским принципам партийной работы, к кол-

лективному руководству, реабилитация тысяч репрессированных, смягчение цензурных и идеологических ограничений – оказали мощнейшее влияние на развитие культуры и искусства, повлекли за собой переоценку нравственных ценностей и моральных ориентиров.

Об эпохе Сталина и о растущем сопротивлении тоталитарной системе А.В. Жигулин с документальной точностью и художественной силой рассказал в автобиографической повести «Черные камни», впервые опубликованной в журнале «Знамя» (1988. № 7, 8). В повести рассказывается о встречах и беседах с А.Т. Твардовским, посвященных обсуждению лагерных стихов А.В. Жигулина.

Особый научный интерес представляет параллельное исследование и сравнение дневниковых записей А.В. Жигулина и «Рабочих тетрадей» А.Т. Твардовского 1960-х годов, публиковавшихся в журнале «Знамя» [11]. В них запечатлены основные моменты жизни и творчества поэта, его редакторство и «мытарства», связанные с выпуском журнала, философские размышления и наброски новых произведений. В «Рабочих тетрадях» А.Т. Твардовского немало предельно откровенных записей о непростых отношениях с А.И. Солженицыным, о дружбе с М.В. Исаковским, С.Я. Маршаком, И.С. Соколовым-Микитовым, К.М. Симоновым, В.С. Гроссманом, В.П. Некрасовым, Г.Я. Баклановым, В.В. Овечкиным, Н.И. Рыленковым, Г.Н. Троепольским.

Проведенный анализ свидетельствует об очевидной схожести и зачастую полной идентичности взглядов А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского по ключевым вопросам литературной и общественной жизни, несмотря на существенную разницу в возрасте, отличия в биографическом и творческом опыте.

Первая встреча А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского состоялась в редакции «Нового мира» 4 ноября 1961 года. Только что в Москве закончился XXII съезд КПСС, на котором Твардовский выступил с яркой речью о задачах советской литературы в современных условиях. С трибуны съезда он вновь напомнил о главной задаче писателя – стремиться воплотить в своих произведениях всю полноту правды, не ограниченную никакими требованиями, откуда бы они ни исходили (текст его выступления был опубликован в газете «Правда» 29 октября 1961 года).

В тот день Жигулин оставляет в дневнике лаконичную запись: «Поехал в “Новый мир”. <…> Встречу с Твардовским я подробно опишу после. А сейчас скажу только, что он очень тепло меня принял, похвалил стихи. “Флажки”, “Ночная смена”, “Земля” намечены в первый номер журнала» (Дн. № 63, с. 56) (1).

Закружившись в вихре московских дел и забот, Жигулин, к сожалению, не оставил, как обещал, подробных записей в дневнике о первой встрече с Твардовским. Поэтому приведем фрагмент из его статьи «Слезам нужно верить…», написанной много лет спустя, когда Твардовского уже не было на свете: «Только что закончился XXII съезд КПСС. Твардовский был в связи с этим очень занят, спешил, как мне сказали, на какое-то важное совещание, но,

узнав, что я приехал из Воронежа, принял меня. Первые слова Твардовского меня несколько удивили. Он внимательно присмотрелся ко мне и сказал:

– Вид у вас болезненный, но глаза веселые, живые. Верю, что вы выздоровеете!

Уже после я сообразил, что это, вероятно, Абрамов писал Твардовскому о моей болезни. Александр Трифонович попросил меня рассказать о себе, заинтересовался подробностями моей трудовой биографии» [6, с. 287–288].

Есть все основания полагать, что к Воронежу и воронежцам А.Т. Твардовский относился с особой теплотой и симпатией. Прежде всего, с неофициальной столицей Черноземного края у него были связаны военные воспоминания. В прифронтовом Воронеже с ноября 1941 по июнь 1942 года в здании музыкального училища (проспект Революции, 41), в бывших учебных классах, размещалась редакция газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия», в которой Твардовский работал военным корреспондентом. Здесь рождались его военные очерки и стихи. Здесь создавались новые штрихи к портрету Василия Теркина – собирательного образа солдата Великой Отечественной войны.

Суровая военная обстановка, редакционная деятельность и личное творчество А.Т. Твардовского, в том числе во время его пребывания в Воронеже, нашли отражение в дневнике и переписке с женой Марией Илларионовной Твардовской, ставших основой документальной книги «Я в свою ходил атаку...», подготовленной и изданной его дочерьми В.А. и О.А. Твардовскими уже в наше время [13].

Воронеж мог воскрешать в душе А.Т. Твардовского и другие, не менее дорогие и близкие, ассоциации. К примеру, здесь родился известный писатель и переводчик Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964), с которым Александр Трифонович многие годы находился в дружеских отношениях. Тема Воронежа, Острогожска могла не раз возникать в их разговорах, заканчивавшихся нередко далеко за полночь.

Как не раз признавался Твардовский, С.Я. Маршак был для него одним из высших судей в жизни и творчестве. По наиболее важным вопросам литературного процесса Александр Трифонович считал необходимым обязательно посоветоваться со своим старым другом и единомышленником (как, например, в случае с А.И. Солженицыным). Твардовский называл это «испытание Маршаком».

И наконец, в Воронеже жил и работал Анатолий Михайлович Абрамов, доцент, а затем профессор Воронежского государственного университета, постоянный автор «Нового мира», с которым Твардовский находился в переписке.

В сентябре 1961 года А.М. Абрамов послал Твардовскому только что вышедшую книгу А. Жигулина «Костер-человек» и письмо, в котором просил главного редактора «Нового мира» обратить внимание на молодого талантливого поэта. Вскоре на домашний адрес Абрамова поступила теле-

грамма: «Напишите для Нового мира рецензию на Костер Жигулина зпт передайте автору мою просьбу присылать новые стихи – Твардовский».

Много лет спустя А.М. Абрамов вспоминал: «С этой телеграммы началось печатание А. Жигулина у А.Т. Твардовского. Телеграмма была ответом на письмо о стихах Жигулина и его книжку “Костер”, которую я послал Твардовскому в сентябре 1961 года перед отъездом со студентами в колхоз, в село Васильевку, под Анной. Из-за этой занятости я не мог тогда выполнить просьбу А.Т. Написал уже потом, когда вышли “Рельсы” Анатолия в “Молодой гвардии”» (“Новый мир”. 1963. № 10). <…> В связи с этой телеграммой стоит сказать: я многим посылал стихи А. Жигулина. Очень хотелось, чтобы как можно больше людей – во всяком случае, из литературно-художественной среды – узнало, что в русскую поэзию пришел новый замечательный поэт» [1].

В январском номере «Нового мира» за 1962 год была напечатана подборка стихотворений А. Жигулина, отобранных к печати лично А.Т. Твардовским. Уже в первых строчках читателю нетрудно было почувствовать мотивы болезненной для общества темы политических репрессий: «Флажки на трассе в снежной шири, / Но будет речь о них потом. / А раньше Слово о чифире, / Напитке горьком и густом…» («Флажки»); «Из штольни вышли в пыльных робах, / На свет взглянув из-под руки. / И замелькали на сугробах / Густые черные плевки…» («Ночная смена»); «Мы сначала снимали / Твой снежный покров. / Кисти мерзлой брусники / Алели, как кровь…» («Земля») [7].

Публикация в «Новом мире» – самом популярном в стране в то время «толстом» литературном журнале – означала, что в мир пришел новый большой поэт.

В марте 1962 года А.В. Жигулин был принят в Союз писателей СССР. Воодушевленный поддержкой Твардовского, Жигулин в 1963 году поступает на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького и переезжает на постоянное место жительства в Москву.

Как свидетельствуют дневниковые записи, А.В. Жигулин восторженно принял публикацию повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 год [9].

Еще вчера сам носивший клеймо «враг народа», Жигулин не мог не приветствовать слова А.Т. Твардовского, предваряющие знаковую публикацию: «Жизненный материал, положенный в основу повести А. Солженицына, необычен в советской литературе. Он несет в себе отзвук тех болезненных явлений в нашем развитии, связанных с периодом развенчанного и отвергнутого партией культа личности, которые по времени хотя и отстоят от нас не так уж далеко, представляются нам далеким прошлым.

Но прошлое, каким бы оно ни было, никогда не становится безразличным для настоящего. Залог полного и бесповоротного разрыва со всем

тем в прошлом, чем оно было омрачено, – в правдивом и мужественном постижении до конца его последствий» [10, с. 8–9].

Запись в дневнике А.В. Жигулина:

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила! Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы! Думаю завтра дать в редакцию "Нового мира" телеграмму такого содержания:

"Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому. С большой радостью прочел повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключенный номер И–2–594 Особого лагеря"» (Дн. № 78. С. 47–48).

Судя по корешку квитанции, аккуратно помещенной между страницами дневниковой тетради, телеграмма в адрес «Нового мира» была отправлена.

Так же позитивно отнесся А.В. Жигулин к публикации и других произведений А.И. Солженицына на страницах «Нового мира»: «Матренин двор» (авторское название «Не стоит село без праведника»), «Случай на станции Кречетовка» (первоначальное название – «Случай на станции Кочетовка» – было изменено в связи с тогдашним противостоянием с ортодоксальным журналом «Октябрь» В.А. Кочетова) и «Для пользы дела» [8].

Как отмечает А.В. Жигулин, в журналистской деятельности А.Т. Твардовский, безусловно, равнялся на опыт великих редакторов XIX века – А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова.

Например, 2 апреля 1963 года А.В. Жигулин отмечал: «…При всех ошибках "Новый мир" сейчас – единственный настоящий журнал. Лет через 50 наши внуки в школе будут по учебникам изучать роль нынешнего "Нового мира" в создании советской литературы, как сейчас дети изучают в школах роль "Современника"» (Дн. № 80. С. 77–78).

В программной статье «По случаю юбилея» (1965) А.Т. Твардовский сформулировал этические и эстетические принципы «Нового мира» и основные критерии отбора литературно-художественных и документально-публицистических произведений, которыми руководствовалась редакция журнала в своей деятельности [12].

«Предпочтительное внимание журнал уделяет произведениям, правдиво, реалистически отражающим действительность, по формам простым, но отнюдь не упрощенным, чуждым формалистической замысловатости, более близким классической традиции, но и не избегающим новых средств выражения, оправданных содержанием», – отмечал А.Т. Твардовский [12, с. 4].

В связи с задержкой статьи цензурой А.Т. Твардовский был вынужден обратиться к секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову, ведавшему вопросами

идеологии. По требованию идеологического отдела ЦК КПСС автору пришлось внести в статью значительную правку, смягчить тональность по отношению к оппонентам и т.д. Но даже в таком, смягченном, варианте статья «По случаю юбилея» вызвала шквал критики и даже брани в адрес А.Т. Твардовского и «Нового мира» со страниц партийной прессы.

14 апреля 1965 года в «Известиях» вышел резкий, несправедливый и явно санкционированный властями отклик известного скульптора Е.В. Вучетича «Внесем ясность» [2]. Основная мысль статьи Вучетича: не всякая правда нужна и полезна, необходимо отличать правду факта – от правды явления, соотносить происходящее с историческим смыслом. По сути, это был призыв к введению еще более жесткой и изощренной цензуры, подаче информации с позиции партийной и государственной целесообразности.

Статья бурно обсуждалась в московских литературных кругах и, естественно, не могла не оказаться в поле зрения А.В. Жигулина.

«16 апреля 1965 года, пятница.

Прочитал Вучетича. Статья написана на уровне школьного сочинения. Это, конечно, не большая беда, но прописные истины перемешаны с передержками и откровенной демагогией. Читать противно и стыдно за “Известия”. Впрочем, им не в первый раз… Не совсем понятно, однако, почему статья появилась в “Известиях”. Наверное, для “Правды” показалась слишком глупой. Впрочем, в “Правде” появлялись вещи и почище. Например, подборка писем о Солженицыне в прошлом году» (Дн. № 90. С. 29–30).

Дневник А.В. Жигулина, как зеркало, отражает позицию демократической части советской интеллигенции по отношению к прямой травле журнала «Новый мир» и А.Т. Твардовского, которая велась по указанию и с участием партийных чиновников и литературных «генералов». С присущим ему стремлением к точности в выражении чувств и мыслей и одновременно очень эмоционально поэт запечатлел хронику многолетнего конфликта «Нового мира» с властью, закончившегося в феврале 1970 года отставкой А.Т. Твардовского (см.: [4]).

«21 февраля 1970 года, суббота.

Вчера был большой и очень тяжелый день. После краткого визита в ЦДЛ (за гонораром в Бюро, за книгами в библиотеку) поехали с Ирой (2) в “Новый мир”. У входа повстречали уходящих Лакшина и Кондратовича. Внизу, в отделе публицистики, грустные Юра Буртин и Лева Левицкий. Заходил И. Виноградов. Лева:

– Вы пришли, ребята, в исторический день. Сейчас Александр Трифонович заходил, прощался…

Надо было нам сразу подняться наверх, и мы застали бы еще Твардовского. Но задержались у Юры, печально беседовали о том, как это все произошло… Трифонович письмо написал Брежневу и Косыгину. Не помогло и это – свалили… И как все неожиданно, дико получилось! Затишье было,

словно после совещания в Чиерне над Тисой (3). Тихо-тихо было, а потом вдруг – танки. Так и на “Новый мир” были неожиданно брошены все силы.

…На втором этаже заплаканная Караганова (4):

– Ах, как жаль! Только сейчас ушел Твардовский, три минуты назад! Но скажу ему, что Вы заходили. Я еще увижу его…

Грустная Софья Ханановна, секретарша (5):

– Разорили нас…

Так это горько было сказано! Действительно, разорили. Безжалостно, зверски разбили, растоптали живой, талантливый организм! Ира тоже заплакала, когда Караганова рассказывала о последних днях Твардовского:

– Ему очень тяжелы были эти последние дни, последняя неделя. Все надеялся на что-то. Как ребенок! Ходил каждый день на работу. И не пил ни капли. А работы никакой не было… Я уж думала: лучше бы он запил, ему легче было бы!

Долгая, тихая была беседа. Шепотом – как на похоронах. Все! Конец! Черные дни настали для русской литературы. В понедельник придут новые люди.

<…> Жалко, жалко Твардовского!.. Свалили, гады!.. Историки и литературоведы будут когда-нибудь изучать и описывать эти черные дни…» (Дн. № 112. С. 186–192).

Последняя мимолетная встреча А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского состоялась 26 марта 1970 года, в третий день работы съезда Союза писателей РСФСР (он проходил в Большом Кремлевском дворце). А.В. Жигулин делает запись в блокноте, который он всегда носил с собой:

«Минут 20 назад великий поэт А. Твардовский подарил мне книгу (в присутствии Г. Троепольского и Р. Гамзатова). Надпись… Впрочем, она есть на книге… Но перепишу все-таки и сюда. Радостно такие слова переписать: «Анатолию Владимировичу Жигулину – с добрым пожеланием его таланту. А. Твардовский. 26.III.70. М.».

Когда он надписал, я робко упомянул что-то вроде:

– Вы ведь меня, как бы это сказать, вывели на большую дорогу…

– На большую дорогу – это значит, в разбойники…

С приятной улыбкой он сказал эту шутку.

Выглядит плоховато. Постарел» (Дн. № 114. С. 43–44).

Весть о смерти Твардовского настигла А.В. Жигулина в Академии общественных наук при ЦК КПСС, куда он приехал вместе с другими литераторами, чтобы принять участие в вечере, посвященном 150-летию со дня рождения великого писателя и публициста Н.А. Некрасова. За три недели до этого Жигулин выступал в Литературном музее на подобном вечере. Отметив огромный вклад Н.А. Некрасова в общественно-политическую жизнь и русскую литературу, Анатолий Владимирович, в частности, сказал:

– Традиции Некрасова живы и сейчас в советской поэзии. Несомненно, самым ярким представителем некрасовской школы является наш

современник и тоже – не побоюсь сказать – великий поэт Александр Твардовский. И общественно-гражданская деятельность Твардовского, и его поэзия в истории русской литературы сопоставимы только с жизнью и творчеством Н.А. Некрасова.

Завершил Жигулин выступление словами:

– Александр Трифонович сейчас тяжело, неизлечимо болен. Как видите, даже этим обстоятельством он как бы повторяет судьбу Некрасова (Дн. № 118-а. С. 1–6).

В дневнике А.В. Жигулина можно встретить немало записей, свидетельствующих о доброжелательном отношении к нему А.Т. Твардовского. Так, главный редактор «Нового мира» категорически отверг статью одного бойкого критика о творчестве Жигулина. «У меня отношение к рассказам Жигулина в стихах более теплое», – просил передать А.Т. Твардовский автору забракованной статьи (Дн. № 100. С. 5).

«14 июля 1967 года, пятница.

<…> Кое-что важное я не записывал в последнее время; забывал или по иным причинам. Караганова, например, сказала, что А.Т. Твардовский своею собственной рукой вписал мою фамилию в список авторов юбилейного, 11-го, номера» (Дн. № 101. С. 76).

А.В. Жигулин всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминал людей, поддержавших его в начале творческого пути, и прежде всего, конечно, А.Т. Твардовского. Например, 20 сентября 1979 года он записал в дневнике: «Кто помогал мне? Для начала надо сказать, что сам я ни к кому за помощью не обращался. Более всего помогли мне собственные стихи. Мне помог А. Твардовский. И поддержали меня многие московские писатели» (Дн. № 171. С. 76–77).

А 17 января 1985 года в его дневнике появилась такая запись: «А. Абрамов – автор двух рецензий на мою первую книгу. Послал мои книги с письмом А. Твардовскому. Образно говоря, взял за руку и привел в “Н<овый> м<ир>”» (Дн. № 214. С. 79).

А.В. Жигулин всегда считал А.Т. Твардовского не только великим народным поэтом, патриотом своей страны и своего народа, но и великим редактором, который, несмотря на чудовищное противодействие консервативных сил, не свернул в сторону, не отклонился от выбранного курса. По его мнению, многогранная личность А.Т. Твардовского, его талант и организаторские способности, стремление всегда следовать принципам правды, справедливости и человечности, редакторские чутье и опыт стали главными составляющими успеха «Нового мира», способствовали известности журнала не только в нашей стране, но и за рубежом.

Судя по рассказам вдовы поэта И.В. Жигулиной автору этих строк, в зрелые годы Анатолий Владимирович планировал написать мемуары, в которых центральное место, несомненно, заняли бы гигантские фигуры А.Т. Твардовского и А.И. Солженицына. К сожалению, писатель не успел

реализовать замысел из-за постоянных болезней, приобретенных в сталинских лагерях, и преждевременной смерти.

Учитывая масштаб личности и таланта А.В. Жигулина, его большой вклад в отечественную культуру и приближающийся юбилей – 100-летие со дня рождения, представляется целесообразным уже сегодня начать подготовку научного издания его писательского дневника. Если иметь в виду солидный объем и специфические особенности архивного материала, совершенно ясно, что эта работа может продлиться не один год.

Мы убеждены, что дневник А.В. Жигулина займет достойное место в одном ряду с такими мемуарно-публицистическими работами, посвященными истории отечественной литературы второй половины XX века, как «Рабочие тетради» и «Новомирский дневник» А.Т. Твардовского, «Бодался теленок с дубом» и «Угодило зернушко промеж двух жерновов» А.И. Солженицына, «Солженицын и колесо истории» В.Я. Лакшина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.М. Письма Александра Твардовского. URL: http://podyom.ruspole.info/node/1657 (дата обращения: 13.02.2017).

2. Вучетич Е. Внесем ясность: Некоторые мысли по поводу одного юбилейного выступления // Известия. 1965. 14 апр. (Моск. веч. вып.); 15 апр.

3. Колобов В.В. Жигулинский век: документальная повесть // Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. 328 с.

4. Колобов В.В. Читая дневники поэта… (А.В. Жигулин о времени и о себе). Тамбов: ООО «Тамбовский полиграфический союз», 2016. 320 с.

5. Жигулин А.В. Материалы домашнего архива // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина.

6. Жигулин А. «Слезам нужно верить…» // Воспоминания об А. Твардовском: сборник. М. : Сов. писатель, 1978. С. 287–291.

7. Жигулин А. Флажки. Ночная смена. Земля // Новый мир. 1962. № 1. С. 78–79.

8. Солженицын А. Два рассказа: Случай на станции Кречетовка; Матренин двор // Новый мир. 1963. № 1. С. 9–63; Для пользы дела: рассказ // Новый мир. 1963. № 7. С. 58–90.

9. Солженицын А. Один день Ивана Денисовича: повесть // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–74.

10. Твардовский А. Вместо предисловия // Новый мир. № 11. С. 8–9.

11. Твардовский А.Т. Из рабочих тетрадей (1953–1960) / публ. и прим. М.И. Твардовской // Знамя. 1989. № 7, 8, 9; Рабочие тетради 60-х годов: вступ. ст. Ю.Г. Буртина; публ. В.А. и О.А. Твардовских // Знамя. 2000. № 6, 7, 9, 11, 12; 2001. № 12; 2002. № 2, 4, 5, 9, 10; 2003. № 8, 9, 10; 2004. № 4, 5, 9, 10, 11; 2005. № 9, 10.

12. Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 3–18.

13. Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941–1945. М., 2005. 400 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее дана нумерация дневниковых тетрадей, сделанная самим А.В. Жигулиным.

2. Жигулина Ирина Викторовна (1932–2013) – жена А.В. Жигулина, публикатор и биограф поэта.

3. Имеется в виду встреча руководителей Компартий Чехословакии и Советского Союза в Чиерне над Тисой 29 июля – 1 августа 1968 года, на которой было принято решение о вводе войск Варшавского договора для подавления Пражской весны.

4. Караганова Софья Григорьевна – заведующая отделом поэзии редакции журнала «Новый мир» в 1960–1970-е годы.

5. Минц Софья Ханановна – секретарь А.Т. Твардовского в редакции журнала «Новый мир».

V.V. Kolobov

«New world» of A.T. Tvardovsky through the Eyes of a Poet-Contemporary (Based on the Diary of A.V. Zhigulin)

Key words: *Zhigulin; Tvardovsky; diary; magazine «New world»; the history of Russian literature.*

The paper examines the diary entries of an outstanding poet, writer, former prisoner of Stalin's camps, Anatoly Vladimirovich Zhigulin (1930–2000), relating to the history of the magazine «New world», popular in the years of the «thaw», and its editor-in-chief Alexander Trifonovich Tvardovsky (1910–1971). According to A.V. Zhigulin, Tvardovsky's «New world» with its uncompromising publications contributed to the spiritual and moral revival of the country as well as genuine flourishing of Russian literature and journalism in the second half of the twentieth century.

И.С. Леонов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва)

УДК 821.161.1

Пастырь и паства в российской приходской прозе XXI века: специфика взаимодействия

Ключевые слова: *современная православная литература; приходская проза; пастырь; паства; храмовое пространство; таинство.*

В статье рассматривается поэтика современной приходской прозы. На материале повестей и рассказов писателей-священнослужителей Александра Шантаева, Алексия Лисняка, Саввы Михалевича исследуется специфика взаимоотношений пастыря и паствы, отмечаются основные черты персонажей-прихожан, выявляются контексты, отражающие причины и характер как взаимного отчуждения, так и сближения священника и мирян. Речь идет о ситуации первого появления пастыря на приходе, знаковых датах церковного календаря, совершении особых богослужений.

Современная православная проза – одно из знаковых явлений отечественного литературного процесса сегодняшнего дня. Появление большого количества художественных произведений, созданных православными священнослужителями и близкими им по духу писателями «церковного круга», подготовка ряда научных исследований (в том числе диссертаций [1; 5]), посвященных поэтике произведений религиозно-христианской направленности, активные дискуссии в сети Интернет – все это позволяет говорить об актуальном характере изучаемого явления.

Христианская проза сегодня выходит за пределы сугубо конфессионального и узко корпоративного контекста. Она отражает ключевые тенденции жизни современного общества, раскрывает особенности мировоззрения, внутреннего поиска человека XXI века: «Современная православная литература, продолжая традиции классической русской литературы, только показывает вектор движения человека в русле традиционных христианских ценностей и описывает сложный процесс обретения человеком Бога и смысла жизни» [4, с. 146].

Целью настоящей работы становится изучение одного из течений православной литературы сегодняшнего дня – приходской прозы, которая опирается на опыт современных священников, осуществляющих свое пастырское служение в сельской местности и познающих социальные, психологические, духовно-нравственные особенности общества российской глубинки.

Задачи исследования ориентированы на анализ взаимодействия пастыря со своей паствой, то есть постоянными членами прихода, лицами православного вероисповедания, регулярно посещающими храм, участвующими в богослужениях, воспринимающими священника как духовного наставника.

Исследование базируется на материале повестей и рассказов протоиереев Алексия Лисняка, Саввы Михалевича, а также на художественных произведениях и этнографических очерках, автором которых является священник Александр Шантаев. Следует признать, что все указанные произведения отражают уникальный опыт пастырского служения своих создателей. В отдельных случаях имена персонажей намеренно изменены, что свидетельствует о желании авторов представить типичные ситуации из отечественной приходской жизни рубежа XX–XXI веков.

Размышляя о специфике сельского православия, писатель-этнограф А. Шантаев отмечает: «Пространство церкви, прихода бытует как место усвоения, закрепления и передачи ритуального текста, особого понимания православного вероучения и обрядности…» [8, с. 34]. В этой же работе автор размышляет о распределении гендерных ролей среди членов сельской церковной общины, отмечая при этом доминирующую роль женщины, выступающей как хранитель обычаев и традиций. Анализ ряда произведений позволяет выявить некоторые черты членов паствы:

– регулярное посещение церковных служб;

– участие в церковных таинствах (исповедь, причастие, соборование);

– вступление в процесс коммуникации со священником;

– «узнавание» священником членов своего прихода.

В большинстве случаев акцент на поведении паствы и специфике ее взаимодействия со священником делается в следующих ситуациях:

– первый приезд пастыря в храм, вступление в должность настоятеля прихода;

– важные даты церковного календаря: воскресные и праздничные службы, дни особого поминовения усопших;

– совершение таинств и обрядов, приуроченных к определенному времени (например, соборование в Великий пост).

Знакомство пастыря с прихожанами чаще всего носит сдержанный, отчасти дистанцированный характер, что находит подтверждение в книге священника Александра Шантаева «Между небом и Львами». Вспоминая первые встречи со старостой Зинаидой Алексеевной после переезда на новое место служения, рассказчик отмечает: «Общается со мной сдержанно: для нее я человек неизвестный и чужой, но по всему видно, что намерение открыть в селе церковь ей по душе» [7, с. 4]. Иногда отмечается, напротив, дружественная тональность, что может натолкнуть пастыря на определенные размышления и вызвать у него ряд противоречивых чувств. Так, в повести протоиерея Саввы Михалевича «Год на сельском приходе» рассказчик весьма противоречиво описывает собственную встречу с новыми прихожанами: «Народ встретил сдержанно. А вот члены приходского совета были рады. Это и хорошо и плохо. Плохо, что быстро позабыли моего предшественника и что-то не жалеют о нем. Значит, не очень ладили?» [3, с. 113].

Во время знакомства пастыря с паствой возникает ситуация оценивания священника прихожанами, при этом акцент делается на внешнем облике нового настоятеля. В рассказе А. Шантаева «Соборование» восприятие священника церковными людьми передается следующим образом: «…Когда вновь прибывший молодой иеромонах возгласил первую службу, лица набившихся в церковь бабушек, пришедших посмотреть на нового священника, разочарованно вытянулись. Голос у отца Софрония был какой-то сухой, рыхлый и бесцветный (…). Собою он тоже был не слишком виден – не румян, не осанист, не мог похвастаться окладистой бородой» [6, с. 123]. В этом же произведении возникает образ отца Петра, по внешним признакам контрастирующий с обликом молодого иеромонаха: «Внушительного роста, полноватый, но нисколько не рыхлый, а скорее сдобный, широколицый, с крупными мягкими руками и русыми кудрями, отец Петр являл собой излюбленный образ православного священнослужителя» [6, с. 128].

Следует отметить, что внешность священника играет важную роль не только на этапе знакомства с членами прихода, но и во время дальнейшего взаимодействия. В качестве иллюстрации следует обратиться к рассказу

А. Шантаева «Теплая», в котором автор изображает сельского священника Даниила: «Наружность у монаха была такого рода, что весьма располагает женщин, особенно одиноких и вдовых, и тем паче старух…» [6, с. 80]. При этом писатель отмечает следующие черты персонажа: «опрятность облика, приятную мужественность и некоторую, не приторную, но мягкую медовость» [6, с. 80].

В ряде произведений приходской литературы отмечается процесс постепенного преодоления изначально прохладных и официально-сдержанных отношений. О сближении прихожан с настоятелем свидетельствует и характер обращений к последнему, отражающий определенную динамику: «…местные скоро переименовали его в отца Данилу и величали батюшкой» [6, с. 80].

Во многих случаях подлинное сближение пастыря с паствой происходит во время особых богослужений, к которым, в первую очередь, следует отнести пасхальное. В подобных ситуациях в произведениях возникают мотивы всеобщей радости, торжества. Подобное можно наблюдать в рассказе протоиерея Алексия Лисняка «Песня про гробы»: «– Христос Воскресе! – Воистину Воскресе! – торжественно, словно на параде, отвечают известные прихожане. Их лица светятся ярче солнца. Счастливые» [2, с. 69]. Особое настроение прихожан передается и пастырю, в облике которого отмечаются динамизм, духовное окрыление: «…иду, почти лечу с кадилом и трисвечником по храму» [2, с. 79]. Мотив *пасхальной радости*, объединяющей пастыря и паству, отмечается и в книге А. Шантаева «Между небом и Львами»: «Все разошлись вполне вдохновенные, и я, как мог, делился радостью с другими…» [7, с. 271]. Аналогичные мотивы возникают в повести С. Михалевича «Год на сельском приходе»: «…когда народ дружно отвечал на мое пасхальное приветствие громовым “Воистину воскресе”, я чувствовал себя по-настоящему счастливым» [3, с. 141].

Теме духовного сближения пастыря и паствы, постепенного «потепления» их взаимоотношений посвящен рассказ А. Шантаева «Соборование», центральный персонаж которого – молодой иеромонах Софроний – изначально находится в состоянии внутреннего кризиса, связанного с резкими изменениями в его судьбе. Пролить свет на причины противоречивого состояния священнослужителя и его непростые взаимоотношения с окружающими людьми помогает анализ следующих приемов:

– обращение к прошлому персонажа, включающему как «домонашеский» период, так и этап церковного служения;

– изображение монаха в храмовом пространстве;

– рассмотрение личности пастыря в контексте приходской жизни;

– изображение эволюции отца Софрония в процессе совершения им таинства соборования.

О «мирском» периоде жизни будущего священника читатель имеет крайне мало сведений. Однако информация, что Софроний является выпускником исторического факультета педагогического вуза, позволяет увидеть в персонаже представителя городской интеллигенции, гуманитария, склонного к углубленному самоанализу и внутреннему поиску. Если обратиться к жизни молодого человека в монастыре, то становится очевидным, что в это время в сознании героя формируется устойчивое ощущение стабильности и защищенности, несмотря на то, что пребывание в обители «было по-своему нелегким, полным никому не видимых слез и переживаний, суровым, как армейская служба…» [6, с. 123].

Своеобразным испытанием-инициацией для Софрония становится его встреча с архиереем, которая предваряла приходскую жизнь иеромонаха. При этом в тексте возникают мотивы предостережения, грядущих испытаний, «туманного» будущего: «Архиерей, сводя косматые брови, наставлял Софрония и испытующе всматривался в лицо молодого духовного воина, не зная наверняка, не породил ли он очередного пастыря из числа тех, кто бесследно заглохнет и угаснет в непроходимых топях его епархии» [6, с. 121].

Герой рассказа за небольшой период времени преодолевает путь, который можно представить в виде цепочки: *мир – монастырь – мир*, при этом наиболее мучительным для него становится именно процесс перехода из одного пространства в другое, который ведет к разрушению иллюзии защищенности: «Он с такими, как ему думалось, огромными усилиями в свое время отказался от жизни в миру и шагнул в монастырь, и вот теперь снова, взнузданный уздою своих обетов, взят чьей-то рукой (…) и вновь возвращен в круговерть мира» [6, с. 123].

Воспоминания о предшествующем жизненном этапе, склонность к рефлексии и своеобразному «застреванию» в прошлом не дают возможности Софронию принять новую реальность. Как отмечает автор, «монах никак не мог заставить себя окунуться в души вверенных ему людей (…). Он исправно носил с собой свой монастырь (…) как черепаха носит свой панцирь, то и дело пряча в него голову» [6, с. 124]. Иными словами, для пастыря образ монастыря связывается с идеями защиты, изоляции от общества, погружения в мир «себе подобных»; налицо формирование в его сознании психологической оппозиции *свой – чужой*, где к «своим» относятся люди, живущие в пределах монастырской ограды, а к «чужим» – все остальные, независимо от их веры, степени воцерковленности и участия в приходской жизни. Именно по этой причине в разряд «чужих» попадают прихожане села Ямского, которые, в свою очередь, чувствуют отношение к себе со стороны священника, однако не всегда понимают его источник, в основе которого лежат страх и неуверенность пастыря в собственных духовных и физических силах.

Изображение отца Софрония в храмовом пространстве села Ямского построено с помощью контраста. Церковное здание и его внутреннее

убранство предстают таинственными и величественными, на их фоне фигура молодого иеромонаха, напротив, кажется маленькой и робкой. В данный момент в произведении возникает ряд мотивов, отражающих особенности самовосприятия пастыря. Речь идет о мотивах *незащищенности* («…некуда убежать и нет возможности за кого-либо спрятаться» [6, с. 123]), *взросления* («…он бесповоротно стал взрослым» [6, с. 123]), *одиночества* («…неизвестные и чужие люди, которые вдруг стали его людьми… И само чудо служения, которое ему предстоит теперь совершать одному» [6, с. 123]), *людского суда* («…эти люди будут смотреть на него и спрашивать с него, как со всей Церкви» [6, с. 123]) и т.д.

Мотив людского суда тесно связан с оценкой личности пастыря, вызванной реалиями приходской жизни. Важное место в сознании церковных людей села Ямского занимал бывший настоятель, глубоко почитаемый протоиерей Трифон Пересветов. Его преемники, которые, по замечанию автора, были «масштабом поменьше» [6, с. 116], невольно сравнивались членами прихода с уважаемым пастырем; в их сознании постоянно возникал вопрос: «Смог бы батюшка Трифон признать нового священника?» [6, с. 124].

Важным событием в жизни отца Софрония, определившим ход его дальнейших взаимоотношений с паствой, становится первое служение таинства соборования, проходящее, согласно традиции, в период Великого поста. Специфической чертой данного таинства является наличие тесного молитвенного, психологического и физического контакта священника с адресатом обрядовых действий: обходя несколько раз молящихся, пастырь наносит на их определенные части тела (лицо, шею, руки) освященное масло, произнося при этом слова молитвы. Тесный визуальный контакт, произнесение имени соборуемого прихожанина – все это представляется некими связующими звеньями между пастырем и паствой, способствует их взаимному сближению в метафизическом пространстве церковного таинства.

Совершение соборования и подготовка к нему в рассказе изображаются с помощью двух сюжетно-композиционных блоков. В первом показано приготовление к таинству: священник в алтаре читает положенные молитвы, в то время как прихожане постепенно собираются на службу. Этот процесс занимает достаточно большое время и обусловлен вполне бытовой причиной: расписанием рейсового автобуса, привозящего в храм жителей соседних деревень. Следует заметить, что в этот период автор отмечает четкое разграничение храмового пространства: священник находится в алтаре, отделенном перегородкой иконостаса от основной части храма, которая постепенно наполняется молящимися. Отсутствие прямого визуального контакта между пастырем и членами его паствы способствует возникновению своеобразного восприятия, которое осложняется мотивами страха и неуверенности. Так, для отца Софрония находящиеся за пределами алтаря прихожане предстают в образе единой человеческой массы, толпы, которой свойственен динамизм,

склонность к движению, что отражается с помощью определенного звукового рисунка. Речь идет о традиционных восклицаниях пожилых прихожан перед иконами («Пресвятая Владычице!», «Святителю Николае!»), которые, по убеждению автора, «имели не столько молитвенный смысл, сколько выражали чувство умиления» [6, с. 126]. К звуковому наполнению храмового пространства следует отнести общий гул (прослеживается динамика от сдержанного шепота до «нестройного гомона» [6, с. 127]), отдельные реплики и приветствия «глуховатых старух» [6, с. 127], громкие замечания церковницы Зои, обращенные к прихожанам.

Своеобразным промежуточным звеном между двумя сюжетными блоками можно считать приезд священников Петра и Валентина, вызвавшихся оказать помощь молодому настоятелю, первый раз совершающему таинство. Появление пастырей в пространстве Преображенского храма оказывает явное воздействие как на прихожан, так и на Софрония. В первом случае автор обращает внимание на резкие изменения в поведении паствы: «Неожиданное появление двух батюшек в широкополых рясах с долгими рукавами заставило даже самых ветхих старух привстать с насиженных скамеек. Шум сразу же затих» [6, с. 127]. Меняется и внутреннее состояние молодого иеромонаха, ощущающего явный спад психологического напряжения, связанного с состоянием одиночества, возвращение утраченного после отъезда из монастыря чувства защищенности: «Слава Богу, отцы, а то я уже совсем извелся!» [6, с. 127].

В следующей части рассказа передается ход совершения таинства, перед началом которого священники выходят из алтаря. Очевидно, что в данный момент происходит символическое разрушение преграды между Софронием и его прихожанами: священник и его паства начинают взаимодействовать в едином локусе.

На данном этапе автор делает акцент на портретных чертах членов паствы: «Крестьянские лица – носы бугристые, картошкой или уточкой, губы со складочками или со впавшим верхом, щеки, сухие до бесцветия или вдруг неожиданно сохранившие свою свежесть…» [6, с. 131]. Также им отмечаются детали объединяющего характера: «С шелестом взмыли вверх кисти рук, сложенные щепотью» [6, с. 129]. Изображая совершение таинства, автор подчеркивает изменения во внешнем облике прихожан, в котором исчезают черты обыденности и проявляются знаки, свидетельствующие о сопричастности сакральному миру: «Бабушки, выпятив вперед согнутые в локтях руки, становились похожими на маленьких сфинксов» [6, с.131], «… лица масляно затеплились в полумраке, как отсветы на старых образах» [6, с. 131]. Если сравнить данное изображение молящихся с тем, которое было представлено в эпизоде, предваряющем начало соборования, то можно говорить о возникновении приема антитезы: шумная толпа, наполняющая храм гомоном, контрастирует с паствой, сопричастной таинству, находящейся на границе времени

и Вечности. В данный момент образ паствы воспринимается автором в двух проекциях: *горизонтальной* и *вертикальной*. Первая опирается на параллель *приход – вся Россия* и проявляется с помощью приема расширения пространства: «Вся Русь развернулась подобно антиминсу в этом таинстве Соборования. Тяжелые человеческие руки раскрылись, как судные книги, обнажая полные жмени прожитой жизни, неоглядный простор перекопанной земли, отполированные до блеска черенки лопат и вил…» [6, с. 132]. Вторая – вертикальная модель – рассматривает человека в сакральном пространстве богослужебного мира сквозь призму его воссоединения с Богом, раскрытия в нем образа и подобия Создателя: «Внезапно открылась не поддающаяся разумению иная перспектива, не ограниченная земным горизонтом, все более и более приоткрывающая истинную правду Божью…» [6, с. 132].

Во время совершения соборования меняется и облик иеромонаха Софрония. Казавшийся изначально «человеком необщительным и к тому же каким-то невыразительным и бесцветным как в общении, так и в службе» [6, с. 124], молодой священник по-новому раскрывается в сакрально-метафизическом пространстве таинства. Именно в момент помазания прихожан освященным маслом (при наличии визуального, физического и молитвенного контакта с членами паствы) в душе священника происходит кардинальный перелом, свидетельствующий как о зарождении чувства любви к молящимся, так и о признании каждого из них носителем Божьего образа: «Софроний (…) тихо, по-ангельски летел над вечностью, вымощенной этими руками, над вывороченной скудной землей, над кровью и слезами, над бревенчатой своей родиной, прощая и всем сердцем принимая ее» [6, с. 132].

Таким образом, в статье были рассмотрены основные черты реализации модели *пастырь – паства* в современной приходской литературе. Исследование базировалось на повестях и рассказах современных отечественных писателей-священнослужителей: А. Лисняка, С. Михалевича, А. Шантаева. В перспективе данное исследование предполагается расширить за счет привлечения нового литературного материала, отражающего реалии приходской действительности сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 22 с.

2. Лисняк А., протоиерей. «Сашина философия» и другие рассказы. М., 2014. 288 с.

3. Михалевич С., протоиерей. Год на сельском приходе. М.: Благо, 2004. 160 с.

4. Рецов В.В. Черты «нового реализма» в современной православной прозе // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: материалы междунар. конф. (Москва, 12–14 мая 2009 г.). М.; Ярославль, 2009. С. 141–147.

5. Червоненко С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990–2000-х годов: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2013. 22 с.

6. Шантаев А., протоиерей. Асина Память: рассказы из российской глубинки. М., 2015. 256 с.

7. Шантаев А., священник. Между небом и Львами. Записки на полях церковного года. М.: Артос-Медиа, 2005. 320 с.
8. Шантаев А., священник. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М., 2004. 240 с.

I.S. Leonov

Pastor and Congregation in the Parish Russian Prose of the XXI Century: the Specificity of the Interaction

Key words: *modern Orthodox literature; parish prose; pastor; congregation; Church environment; sacrament.*

The article deals with the poetics of modern parish prose. On the basis of novels and short stories of writers-clergymen: Alexander Shanaev, Alexis Lisnyak, and Sava Mikhalevich the author explores the characteristics of the relationship between the pastor and the congregation, identifies the main features of the characters, reveals the contexts which reflect the causes and nature of both mutual estrangement and rapprochement between priest and the members of the congregation. The paper analyses the situations of the first appearance of the pastor in the parish Church, the significant dates of Church calendar and special worship services.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А.Б. Чернышев
Закрытое акционерное общество «ВолгАэро» (г. Рыбинск)

УДК 81'367.633

Корреляционная семантика английских предлогов: фрагмент «движение в заданном направлении»

Исследование выполнено при поддержке ГОНЭФ «Языковая среда» (г. Рыбинск).

Ключевые слова: *предлог; контакт; целенаправленность; активность; движение; коррелят*.

Статья посвящена исследованию семантики английских предлогов с фрагментом «движение в заданном направлении». Выделяются признаки, конституирующие данный фрагмент. Выявляются отличительные семантические характеристики английских предлогов to, at, in, towards, for. В результате сопоставительного анализа предлог to определяется как языковая единица, когнитивная модель которой в максимальной степени отражает выявленные с точки зрения человеческого восприятия основные параметры движения, а именно: активность и целенаправленность.

На современном этапе, когда наблюдается тенденция интеграции наук, когда становятся необходимыми комплексные методы описания изучаемых объектов действительности, важным является переосмысление проблем в области онтологически значимых форм человеческих знаний. Одной из таких форм, безусловно, является пространство. Лингвистический интерес к изучению пространства отнюдь не случаен, ибо он связан, прежде всего, с проблемой восприятия пространства человеком, результатом чего становится отражение этого восприятия в языке в целом и в его единицах в частности.

Фундаментальные лингвистические исследования по проблеме пространства и его отражения в языке представлены в трудах ведущих отечественных и зарубежных ученых – Р. Лангакера, Ж. Фоконье, Н.Н. Болдырева, А.В. Кравченко. Исследования И.М. Кобозевой предвосхитили целый комплекс методики описания грамматики пространства, в которой языковые элементы – носители пространственных значений – получили статус так называемых «реляторов». К одному из таких реляционных классов относятся предлоги.

Возможная сфера номинации пространственных отношений настолько неисчерпаема, а развитие семантической структуры языковой единицы столь безгранично, что выявление особенностей функционирования предлогов связано с поисками системы закономерностей употребления предлога в том или ином контексте. И в этой области по-прежнему остаются не полностью решенными проблемы, связанные с представлением системной семантики предлога, а также некоторого ряда одноуровневых единиц, выражающих сходный фрагмент языковой картины мира. Это касается как группы родственных или разноструктурных языков, так и отдельно взятого языка. Целью настоящей статьи является анализ особенностей функционирования некоторых предлогов английского языка, в семантике которых отображен пространственный фрагмент языковой картины мира, условно обозначаемый как «движение в заданном направлении».

Конституирующие признаки фрагмента «движение в заданном направлении»

Очевидно, что представляемый фрагмент ассоциируется с так называемым двигательным пространством. Движение в заданном направлении предполагает его определенное завершение, обусловленное конечной целью или конечным пунктом, топологическое восприятие которого связано с оппозиционными конституирующими признаками контактности / неконтактности и активности / инактивности.

Контакт подразумевает такое достижение Y, в результате которого X полностью оказывается вовлеченным в его сферу, то есть находится внутри пространства Y, либо реального, физического, либо психологического. В противоположность ему неконтакт имплицирует идею движения по направлению к конечному пункту, не достигая его, оставаясь где-то рядом. Контакт как таковой является неполным, но представляется неверным подразумевать его полное отсутствие. Контакт имеет точечный характер. Предметы соприкасаются друг с другом четко в определенном месте или в рамках четко определенных условий в зависимости от характера действия, обозначенного глаголом. Становится ли один предмет частью другого предмета, может быть определено только по какой-то заданной точке или условию. Как в совокупности конца и начала возникает идея целого, так и целостное рассмотрение контакта и неконтакта приводит к восприятию единства предметов. Кажущееся единство предметов является следствием невозможности восприятия достижения (контакта) или недостижения (неконтакта) конечного пункта по заданной траектории. Такое положение вещей позволяет говорить о единстве предметов, но единстве условном, или функциональном. В связи с этим условный, или функциональный, характер имеет и неконтакт. Оппозиция движения и неконтактности, очевидно, дает понимание единства при восприятии векторной направленности одного предмета к другому.

Реализация же признаков активности / инактивности зависит от положения предмета при совершающемся действии. Активность проявляется в случае, когда предмет оказывает какое-либо воздействие на другой предмет, то есть когда он выступает субъектом активного действия. Следовательно, восприятие предметов как активных обусловлено их способностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет.

Активность, как указывает А.Е. Маньков, реализуется тогда, когда предмет занимает позицию субъекта воздействия (то есть активного действия). Восприятие предметов как инактивных обусловлено их неспособностью оказывать какое-либо воздействие на другой предмет, и, следовательно, неспособностью занимать позицию субъекта активного действия. Из этого следует, что в зависимости от возможности занимать положение субъекта активного действия все множество предметов делится на два класса. Первый класс составляют предметы, способные одинаково часто быть и субъектами, и объектами активного действия. Второй – предметы, не способные быть субъектами активного действия. Выделение этих двух классов предметов связано с наличием двух типов действий: действия, представляющие собой то или иное воздействие на предмет (активные действия), и действия, не являющиеся воздействием на предмет (инактивные действия). Активное действие не только распространяется на предмет, но и является воздействием на него [3, с. 81].

По мнению А.Е. Манькова, восприятие предметов как «одушевленных» («активных») и «неодушевленных» («инактивных») не образуется произвольно, а складывается в ходе эмпирического познания как следствие опыта наблюдения за предметом [3, с. 82]. В основе этого мировосприятия лежит, по определению А.Ф. Лосева, космологический соматизм, или биосоциальная нерасчлененность [2, с. 43–45].

Различие активных и инактивных действий проявляется в наличии прямого объекта у первых и его отсутствии у вторых. Активное действие, являясь по своей природе воздействием, естественно подразумевает предмет, испытывающий это действие. Инактивное действие чаще всего не является направленным на предмет; в случае наличия этой направленности предмет не испытывает какого-либо воздействия. В целом же любой предмет в силу своей способности быть производителем активного действия может быть воспринят как одушевленный, а действие, совершаемое им, – как разумное и целенаправленное [3, с. 82].

Таким образом, активность и целенаправленность могут рассматриваться как модификации в перспективе восприятия движения. Если целенаправленность рассматривает X как самостоятельно перемещающийся субъект, то активность имплицирует восприятие Y (конечного объекта) как притягивающий к себе источник. Перспектива восприятия движения становится обратной. С другой стороны, и активность, и целенаправлен-

ность рассматривают X и Y в качестве взаимосвязанных, взаимозависимых объектов. Именно благодаря этой взаимосвязи мы также можем говорить о единстве X и Y, то есть о функциональном единстве предметов.

Пространственная конфигурация семантики предлога *to*

Образ исследуемого фрагмента, связанный с восприятием функционального единства предметов, отражен в семантике предлога *to*, являющегося прототипической единицей, или моделью «движения в заданном направлении». Выделение пространственных конфигураций предлога *to* основано на особенностях восприятия конечного объекта, к которому реализуется направление. В связи с этим выделяется топографический пункт назначения, событийный пункт назначения и метафорический пункт назначения.

Топографический пункт назначения представляет собой конкретный пункт, имплицирующий идею пространства и связанный с преодолением дистанции. Например:

(1) *She could* ***go to Waukesha*** *right away if she wanted to* (Dreiser).

Дорога в Вокишу или дорога в парк может и не являться так называемым прямолинейным движением. Она может быть сопряжена с определенными трудностями достижения пункта назначения. Однако события, связанные с прибытием в конечный пункт, включены в цепь последовательных действий, представляющих собой единство как достижение результата перемещения. Таким образом, конечный пункт может рассматриваться как результат или как цель движения.

Событийный пункт назначения также ассоциируется с конечной точкой движения, что также обусловливает употребление предлога *to*. Однако в данном типе функционирования конечный пункт перемещения воспринимается на контекстуальной основе. Пример:

(2) *«I've got to get up early in the morning, so I'll* ***go to bed****»* <...> (Dreiser).

Bed ‘кровать’, *theatre* ‘театр’, *work* ‘работа’ (или ‘рабочий участок’), *shoe company* ‘обувной магазин’ не предстает как конкретное место расположения объекта. Данная лексема относит к реализации того или иного события, связанного с конкретным местопребыванием, например, местом для сна.

Метафорический пункт назначения связан с местом, куда направлены ментальные и эмоциональные усилия человека. Для подобного типа функционирования очень часто характерна предложно-именная конструкция *from ... to ...*, рассматриваемая как возможный случай репрезентации метафорического пункта назначения. Здесь имеет место и так называемый метафорический исходный пункт, к которому относят предлог *from*. Весь сценарий может быть обозначен как метафорическое пространство. Например:

(3) *They were people of a sort very common in America to-day, who live respectably from hand* ***to mouth*** (Dreiser).

Таким образом, пространственные значения предлога *to* обусловливают функциональное *единство* основного элемента глагольной схемы и

некоторой пространственной координаты, воспринимаемой топографически, событийно или метафорически.

Предлог *to* и его корреляция с пространственными предлогами *at, in, on, into, onto, towards*

Что касается пространственных коррелятов предлога *to*, то к ним относятся предлоги *at, in, on, into, onto*.

Как отмечает А. Ченки, предлог *to* имеет более широкое применение, чем *at*, поскольку он имеет большее количество так называемых «локативных коррелятов». Анализируя основные из них, а именно предлоги *to, on, in*, а также производные предлоги *onto, into*, А. Ченки описывает общее значение *to* как ‘цель’, как ‘направление движения к цели’. Способность же предлога *to* совмещать в себе значения *into* и *onto* отличает его от последних большей семантической абстрактностью [4, p. 135–138].

Можно предположить, что подобная его характеристика вместе с такими оппозиционными признаками, как «статика – динамика» и «целеполагание – отсутствие цели», обусловливают употребление этих глаголов в так называемых нестандартных случаях их функционирования. Примеры:

(4) *She can' t have much of a life living* ***at the Grange*** (Christie).

В примере (4) *Grange* воспринимается, очевидно, не как название местности, но как здание, то есть место определенного события, чем обусловлено употребление *at*, а не *in*. Не случайно в русском переводе данного предложения *Grange* соответствует слово *лечебница*.

Если при использовании в предложении глагола движения подразумевается не линейный процесс действия, а пункт назначения воспринимается как конкретное место событий, то употребляется предлог *at*, а не *to*, например:

(5) *Callers* ***arrive at*** *Western Biological* <u>*to*</u> *sec Doc, and he* ***crosses*** *the street* ***to*** *Lee Chong’s for five quarters of beer* (Steinbeck).

Как демонстрирует данный пример, при глаголе *to arrive* с названием местности ‘Western Biological’ употребляется предлог *to*, очевидно, как с пунктом постоянных событий, описываемых автором с позиции жителя данной местности, в то время как *sec Doc* и *Lee Chong* ассоциируется с пунктом-адресатом или лицом-адресатом.

Предлог *to*, использующийся, как правило, с глаголами движения, направления, и предлог *at* при глаголах со значением «статики» определяют местоположение субъекта как позицию, которая частично перекрещивается со значением ‘точечность’, или, по А. Герсковиц, ‘совпадение двух точек’ [5].

Это же значение, вероятно, характерно и для предлога *to*, а именно: совпадение двух точек как результата или процесса движения. В этой связи для субъекта и конечного пункта может быть введено понятие целого, основанного на единстве начального и конечного, или понятие целостности, основанной на единстве целого и его части.

(6) *I'm* ***going*** *off now* ***to another city****. I want to* ***go to Montreal*** *for a while, and then anywhere you want to. We'll go and* ***live in New York****, if you say* (Dreiser).

Как показывают пример (6), с глаголами движения, описывающими достижение конечного пункта, употребляется предлог *to*, в то время как с так называемым статическим глаголом *to live* используется предлог *in*.

Вероятно, геометрическое понимание цели, возникающее вследствие того, что данный предлог придает ситуации событийный формат, является единственным непосредственным и обязательным следствием реализации действия, обозначенного глаголами перемещения или приближения.

Предлог *toward* (*towards*) – еще один пространственный предлог английского языка, требующий, на наш взгляд, отдельного рассмотрения. Справедливым будет классифицировать этот предлог как производный от комбинации *to* и *ward* по аналогии с образовательными типами *forward*, *eastward, homeward* и т.п. с общим значением направления. Из этого следует, что как предлог *to*, так и предлог *towards* имеют значение направления. Отличие употребления предлога *toward* (*towards*) состоит в том, что он характеризует ориентир исключительно как направленность без идеи совмещения и целеполагания описываемых в сценарии предметов:

(7) *Then she* ***walked towards*** *Christie Lane and stood between him and Bob Dixon* <*…*> (Susann).

Употребление предлога *towards* в примере (7) обусловлено тем, что *Christie Lane* как место является не совмещением и целью перемещения, а лишь ориентиром. Как следствие, *Christie Lane* не является и активным источником, предопределяющим действия Х-а.

(8) *She was heading* ***toward the bungalows*** (Susann).

В примере (8) ориентиром являются дачи (дома), которые, однако, отнюдь не выступают местом совмещения. Введение дач для описания сценария оказывается уместным лишь с той точки зрения, что дачи представляют собой достаточный ориентир для определения пространственных координат остальных участников сценария.

Совершенно очевидно, что скорость перемещения не зависит от выбора предлога, так как *towards* относит ситуацию именно к восприятию Х в отношении У как результата движения. Сравните:

(9) *Drouet shook hands, beaming good nature, and they strolled* ***towards*** *the bar* (Dreiser).

В данном случае употребление предлога *towards* обозначает медленное движение участников сценария по направлению к стойке. При этом с точки зрения концептуализации конечного пункта (ориентира) стойка может и не являться окончательной целью, куда направляются Друэ и Герствуд.

Если ситуация описывает одушевленный предмет, выступающий в роли релятора, то вполне очевидно, что одушевленный предмет не предполагает замкнутого геометрического пространства в силу особенностей своих форм.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что при одушевленном предмете возможно употребление как предлога *to*, так и предлога *towards*, но с той разницей, что предлог *to* предполагает вовлеченность относящегося к нему предмета как в собственную искусственную создаваемую сферу психологического пространства, подразумевающего в том числе его личную территорию, например, дом и т.п., в то время как предлог *towards* концептуализирует предмет как некий ориентир. Примеры:

(10) *One of these came* ***towards her*** (Dreiser).

(11) *Not that he blamed her or this effigy of a man in a tail-coat with a carnation in his button-hole coming* ***towards him*** (Woolf).

Очевидно, что употребление предлога *towards* обусловливает определенную самостоятельность предмета-агенса при совершении действия, в частности движения. Если речь идет о месте совмещения, в котором завершается целенаправленное перемещение, то употребляется предлог *to* как предлог, указывающий на активность релятума. Релятум, проявляя качества магнита, сам притягивает источник перемещения, вовлекая его в свою пространственную и психологическую сферу. Употребление же предлога *towards* заставляет воспринимать источник перемещения как активный. А место, в отношении которого совершается перемещение, оказывается лишь пассивным ориентиром, стимулирующим возможные дальнейшие действия локализируемого объекта (X). Пассивность релятума при предлоге *towards* способствует его осмыслению лишь как ориентира движения, в то время как активность релятума при предлоге *to* подтверждает идею целенаправленности, или целеполагания, как ключевой характеристики связи и единства между совмещаемыми предметами в активной точке пространства.

Дихотомия «предлог *to* vs. предлог *for*»

Другим коррелятом предлога *to*, имеющим пересечения по пространственным семемам, выступает предлог *for*, который, помимо своего пространственного употребления, также выражает и семемы целенаправленности и бенефактивности.

Как представляется, основные различия предлогов *to* и *for* могут быть рассмотрены в трех языковых аспектах: в аспекте полисемии как собственно предлогов, так и глаголов, с которыми они функционируют, в аспекте категориальном и в аспекте синтаксическом.

Что касается аспекта полисемии, то отношения, охватываемые сферой употребления предлога *for*, безусловно, намного более разнообразны.

Вероятно, именно вследствие полисемии имеет место чисто смысловое различие предлогов *to* и *for*. Ср.:

(12) *She sent* ***for a doctor*** (Woolf). *Она послала <u>за</u> доктором.*

(13) *She sent* ***to a doctor***. *Она отправилась <u>к</u> доктору.*

Кроме того, разница в употреблении *to* и *for* может возникать и как

результат полисемии самих глаголов, с которыми используются данные предлоги. Ср.:

(14) *He* ***asked*** *his wife* ***for*** *another plate of porridge at breakfast* (Woolf).

(15) *He had four little children and he had* ***asked*** *her* ***to*** *tea, she told Septimius* (Woolf).

Первый пример демонстрирует идею просьбы – *ask + for*, во втором – присутствует идея приглашения (*ask + to*).

Второй аспект, условно определяемый как категориальный, может выявлять различие слов в рамках их общего значения, общей категории. Употребление предлогов *to* и *for*, часто имеющих бенефактивное значение, выставляют на первый план либо индивидуальные побуждения субъекта – желание сделать другому человеку что-то хорошее, либо объективное соответствие данного действия интересам этого другого человека.

Так, предлог *for*, аналогично русскому предлогу *для*, обычно используется при описании сознательной деятельности субъекта в чьих-либо интересах:

(16) *There he stood now, guilty of his miserable breach of confidence and talking about what he had done* ***for*** *her!* (Dreiser)

Употребление предлога *for* в данном значении особенно характерно, когда речь идет, например, о наемном труде:

(17) *Shortly afterward he departed, and Carrie prepared* ***for*** *her meeting with Hurstwood* (Dreiser).

Как свидетельствует наблюдение над фактическим материалом, предлог *for* включает элементы определенной корысти, эгоизма, не свойственных предлогу *to*. Именно поэтому *for*, как правило, употребляется с такими глаголами, как *to desire* – ‘желать’, *to want* – ‘хотеть’, *to long* – ‘страстно желать (жаждать)’, *to change for* – ‘менять на (о деньгах, вещах и т. д.)’, например:

(18) *Nothing exists ... except ... a desire* ***for solace, for relief*** (Woolf).

Наоборот, в предлоге *to* акцентируется само намерение субъекта, мотив его действий. Этот предлог часто используется для описания ситуации, когда, действуя в интересах другого, человек пренебрегает собственными интересами. Ср.:

(19) *She realised that she was of* ***interest to*** *him from the one standpoint which a woman both delights in and fears* (Dreiser).

Как следствие, понимание отъезда в английском языке ассоциируется не с местом назначения, а с тем, ради чего это делается. В таком виде предстает употребление глагола *to leave* с предлогом *for*:

(20) *He* ***left for*** *New York the following day* (Susann).

Рассмотренные семантические различия могут проявляться и в третьем – синтаксическом – аспекте функционирования исследуемых предлогов. Третий аспект, безусловно, дополняет второй (категориальный) аспект. Так, после предлога *to* как носителя семантического признака «единства предме-

тов» и «активности», как правило, употребляются местоимения (чаще 1-го и 2-го лица) и одушевленные существительные, в то время как за предлогом *for* следуют существительные неодушевленные. Ср.:

(21) *What 's Christmas time to you but a time **for playing** bills without money; a time **for balancing** your books?* (Dickens).

Различие в употреблении предлогов *to* и *for*, как известно, проявляется и в предложениях с обстоятельством цели. Ср.:

(22) *«Dear, those motor cars», said Miss Pym, going to the window **to look*** <...> (Woolf).

(23) <...> *signalling their intention to provide him for nothing, for ever, **for looking** merely, with beauty, more beauty!* (Woolf).

Очевидно, что английский инфинитив (22) в большей степени соотносится с глагольными свойствами, в то время как герундий (23) ориентирован на свойства существительного. В связи с этим неопределенная форма глагола, то есть той части речи, которая, по словам В. фон Гумбольдта, «никогда не пребывает без движения, но всегда выступает в конкретном, всесторонне определенном действии» [1, с. 200] и, как следствие, являющаяся «активной», в качестве своего формального показателя использует предлог *to*, трансформировавшийся в частицу.

Таким образом, анализ конкретного языкового материала позволяет сделать следующие выводы. Восприятие пространства, в частности такого его фрагмента, как «движение в заданном направлении», субъективно и обусловлено психологическими факторами с позиции человека познающего и оценивающего. В качестве его модифицирующих параметров, выведенных с точки зрения восприятия конечного объекта при движении, выделены активность и целенаправленность, так как, во-первых, объект перемещения представляет собой цель, а во-вторых, он координирует поведение субъекта, являясь активным источником, притягивающим к себе. Из всех исследованных английских предлогов, обозначающих фрагмент «движение в заданном направлении», только предлог *to* в максимально полной степени соответствует модели воспринимаемого фрагмента пространства. В основу его семантической сети (когнитивной модели) заложены дейктические свойства, связанные и с активностью объекта, и с целенаправленностью, и с «наивным» движением, ассоциируемым с функциональным единством связываемых сценарием предметов. Предлог *to* является мотивным в сопоставлении с предлогами *at, on, in, onto, into* и активным и целенаправленным в сравнении с его коррелятами – *towards* и *for*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
2. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
3. Маньков А.Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // Вопросы языкознания, 2004. № 5. С. 79–89.

4. Cienki Alan J. Spacial cognition and the semantics of prepositions in English, Polish and Russian. München: Verlag Otto Sagner, 1989. 172 p.

5. Herskovits A. Language and spacial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English. Cambridge: Cambridge UP, 1986. 208 p.

A.B. Chernyshev

Correlative Semantics of English Prepositions: Fragment «Motion in the Direction»

Key words: *preposition; contact; purposefulness; activity; motion; correlate.*

The article deals with the semantics of the English prepositions representing a fragment «motion to the direction». Characteristics constituting this fragment are derived. Some distinctive characteristics of English prepositions 'to, at, in, towards, for' are revealed. As a result of comparative analysis, the preposition 'to' is defined as a language unit, whose cognitive model reflects in the maximal degree the main parameters of motion as it is viewed from the point of view of human perception. These two parameters include activity and purposefulness.

Е.А. Кондратенкова

Смоленский государственный университет

УДК 811.111'255.2

Ирония в русских переводах новеллы С. Ликока «How to Avoid Getting Married»

Ключевые слова: *ирония; средства выражения; Ликок; новелла; перевод.*

Статья посвящена языковым средствам выражения иронии и особенностям ее перевода с английского языка на русский в новелле С. Ликока «Как избежать женитьбы». В работе сопоставляются два перевода с точки зрения адекватной передачи иронии, выраженной на разных уровнях текста.

Стивен Ликок – один из крупнейших канадских писателей XX века, один из первых представителей критического реализма в канадской литературе. Его творческое наследие включает множество юмористических новелл, темы которых актуальны до сих пор.

Творчеству С. Ликока посвящены работы преимущественно зарубежных ученых (G. Lynch, R. Davies, D.A. Cameron, R.E. Watters, Z. Vavrova-Rejskova, R. Curry, G.G. Sedgewick). Исследования отечественных ученых малочисленны (А.И. Голышева, Н.Ф. Овчаренко, Н.П. Ми-

хальская, Н.А. Абросимова). Бóльшая часть этих работ носит биографический и литературоведческий характер, а с точки зрения перевода на русский язык его произведения почти не исследованы.

Изучение новелл С. Ликока показывает, что одним из часто используемых стилистических приемов является ирония. В Словаре лингвистических терминов ирония определяется как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления» [1, с. 185]. Однако роль иронии в тексте не ограничивается только стилистическим приемом. Наиболее фундаментальный труд по данной проблеме представляет исследование С.И. Походни «Языковые виды и средства реализации иронии». Автор разграничивает два понятия: иронию как средство, стилистический прием и иронию как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка [5, с. 5].

Механизм реализации иронии в некоторых новеллах С. Ликока нами уже рассматривался [2]. В этой статье мы остановимся на языковых средствах выражения иронии и особенностях ее перевода на русский язык в новелле «How to Avoid Getting Married» [6]. Материалом нашего исследования послужили два перевода, выполненные А.И. Кудрявицким [3] и Т.В. Китаиной [4].

В данной новелле ирония реализуется на разных уровнях текста. С. Ликок тонко и остроумно описывает парадоксальную ситуацию, которая расходится с традиционными взглядами на жизнь: как молодому человеку избежать женитьбы. Читатель сталкивается с иронией уже с самого начала повествования. Несколько лет назад автор вел в газете колонку. Ему часто приходили послания молодых людей, которые писали подробно и откровенно о своих проблемах, и автор якобы всегда старался оправдать их доверие и не разглашал тайн:

> I accepted their confidences as under the pledge of a secrecy, never divulging their disclosures beyond the circulation of my newspapers, or giving any hint of their identity other than printing their names and addresses and their letters in full [6, c. 48].
>
> Я всегда старался оправдать их доверие и не разглашал их тайн, как бы это ни отражалось на тираже моей газеты; никогда не публиковал каких-либо сведений о моих корреспондентах, по которым читатели могли бы догадаться об авторстве писем, за исключением имен и адресов авторов и полных текстов их писем (перевод А. Кудрявицкого).
>
> Понимая, какое доверие мне оказано, я строго хранил тайну и никогда не допускал, чтобы сообщенные мне сведения вышли за страницы моей газеты, и не указывал никаких сведений о моих корреспондентах, кроме полного имени, адреса и текста письма (перевод Т. Китаиной).

В данном примере ирония реализуется на уровне предложения и построена на логической контрадикторности: с одной стороны, автор пишет, что никогда не указывал сведений о своих корреспондентах, а с дру-

гой стороны, публикует их имена, адреса и письма.

Оба переводчика стремятся сохранить иронию. В то же время А. Кудрявицкий несколько отходит от оригинала (*как бы это ни отражалось на тираже моей газеты*), а также использует добавление, усиливая иронический эффект.

Не можем не заметить, что Ликок еще дважды в разной форме повторяет эту противоречивую мысль в новелле, создавая иронический эффект на протяжении всего произведения. Например:

On receipt of this I wrote back at once a private and confidential letter which I printed in the following edition of the paper [6, с. 50].

Получив это письмо, я тотчас же сочинил очень личное и конфиденциальное послание, которое назавтра опубликовал в очередном номере газеты (перевод А. Кудрявицкого).

Получив это письмо, я написал в ответ конфиденциальное послание, которое опубликовал в следующем выпуске газеты (перевод Т. Китаиной).

В предложении мы сталкиваемся с ситуативной иронией, которая создается немедленно: придаточное предложение раскрывает ироничность слов «private» и «confidential». Однако создаваемая с помощью повторов на протяжении развертывания всего текста произведения ирония становится ассоциативной и служит средством выражения авторской оценки персонажей.

Переводчики стремятся следовать оригиналу и сохраняют способ создания иронии – парадокс. Однако во втором переводе опущено слово «private». С нашей же точки зрения, Ликок целенаправленно использовал оба слова для усиления эмоционального воздействия на читателя, поэтому в первом переводе А. Кудрявицкому удалось более точно донести эмоциональную значимость подлинника.

But I may perhaps without dishonour reproduce one of these letters, and my answer to it, inasmuch as the date is now months ago, and the softening hand of Time has woven its roses – how shall I put it? – the mellow haze of reminiscences has – what I mean is that the young man has gone back to work and is all right again [6, с. 48–50].

Надеюсь, я не навлеку на себя обвинений в том, что не держу своего слова, если воспроизведу здесь одно из таких писем и свой ответ на него. С тех пор как я его опубликовал, прошло уже несколько месяцев, и ласковая рука Времени вплела розы… – куда бы мне их пристроить?... – а сладкий туман воспоминаний успел рассеяться… гм, я хочу сказать, что молодой человек вернулся к активной трудовой деятельности и с ним теперь все в порядке (перевод А. Кудрявицкого).

Но в данном случае я полагаю, что могу без всякой неловкости воспроизвести здесь одно из таких посланий и мой ответ, поскольку прошло уже несколько месяцев и смягчающая рука времени заткала розами… Как бы это сформулировать?.. Мягкая дымка воспоминаний

уже… То есть я хочу сказать, что молодой человек вернулся к работе и все с ним в порядке (перевод Т. Китаиной).

В данном примере мы наблюдаем столкновение в одном высказывании разных стилей речи, вкрапление возвышенных выражений в описание обыденной ситуации. Смешивая язык художественной литературы и разговорной речи, Ликок применяет прием автокоррекции (how shall I put it?), что приводит к комическому эффекту.

Для достижения адекватности оба переводчика сохраняют образность речи, стиль подлинника. Им удается сохранить метафору, в которой сочетается художественная выразительность и разговорный характер высказывания, что, в свою очередь, создает иронический эффект.

В отличие от второй переводчицы А. Кудрявицкий использует добавление (*успел рассеяться*), которое вполне уместно и придает законченность фрагменту. Помимо этого переводчик прибегает к членению синтаксически сложного предложения, что позволяет избежать нарушения литературных норм русского языка и легче воспринимается при чтении новеллы. Более того, он сохраняет и прописную букву в слове «Времени», добиваясь того же воздействия на читателя, как и текст оригинала.

В своем письме молодой человек описывает ухаживания дамы и просит у автора совета, как действовать в подобных ситуациях.

> Yesterday she sent to my house a beautiful bouquet of American Beauty roses addressed to me, and a magnificent bunch of Timothy Hay for father. I do not know what to say. Would it be right for father to keep all this valuable hay? [6, с. 49–50]
>
> Вчера она прислала мне великолепный букет роз сорта «Краса Америки», а моему папе – огромную копну сена сорта «тимофеевка». Я в недоумении. Следует ли моему отцу принять в подарок этот ценный сельскохозяйственный продукт? (перевод А. Кудрявицкого).
>
> Вчера она прислала мне роскошный букет алых роз, а моему отцу – огромную вязанку отличного сена. Я просто в растерянности. Позволительно ли моему отцу оставить себе такое дорогое сено? (перевод Т. Китаиной).

Нарушение социальных ролей участников ситуации, когда молодой человек становится объектом ухаживаний женщины, советуется с отцом и берет его на свидания, детализация названий подарков, контраст романтического и тривиального (розы и сено) приводят к комическому эффекту. А повтор (*beauty, beautiful*) и эпитеты (*magnificent, valuable*) усиливают ироничность ситуации.

В первом переводе сохранена детализация объектов, а также переводчик усиливает иронический эффект, заменив обиходное слово «сено» термином «сельскохозяйственный продукт». Во втором переводе комический эффект несколько снижен, хотя его также можно считать адекватным, как и первый.

> I enclose a dollar, because I do not think it right to ask you to give all your valuable time and your best thought without giving you back what it is worth [6, с. 50].
>
> К письму прилагаю доллар, поскольку думаю, что было бы несправедливо заставлять вас тратить на меня ваше драгоценное время и лучшие из ваших мыслей, не компенсировав вам их стоимость (перевод А. Кудрявицкого).
>
> Я вкладываю в письмо доллар, поскольку считаю, что не вправе просить вас тратить на меня свое драгоценное время, не предлагая взамен достойной компенсации (перевод Т. Китаиной).

Переводчики сохраняют ироничность ситуации при переводе. А. Кудрявицкий оправданно использует перестановку и замену формы единственного числа на форму множественного. Т. Китаина же опускает словосочетание «your best thought», снижая экспрессию фразы.

Ирония во многом зависит от контекста, и в отрыве от него ироническое высказывание может показаться вполне прямодушным заявлением. Минимальным контекстом зачастую является предложение, если же смысл высказывания неявен на уровне предложения, то следует обратиться к уровню текста.

Новелла изобилует иронией, представленной на уровне текста:

> Your letter has touched me. As soon as I opened it and saw the green and blue tint of the dollar bill which you had so daintily and prettily folded within the pages of your sweet letter, I knew that the note was from someone that I could learn to love, if our correspondence were to continue as it had begun. I took the dollar from your letter and kissed and fondled it a dozen times [6, с. 50].
>
> Письмо ваше тронуло мою душу. Как только я его распечатал и увидел зеленовато-синие переливы красок на долларовой купюре, которую вы так аккуратно и со вкусом заложили между страниц вашего во всех отношениях приятного письма, то сразу понял: оно послано человеком, которого я готов горячо полюбить, особенно если переписка наша будет продолжаться так же, как началась. Я извлек доллар из конверта и не менее дюжины раз его поцеловал (перевод А. Кудрявицкого).
>
> Ваше письмо растрогало меня до глубины души. Как только я его открыл и увидел зелененькую бумажку, которую вы так изящно и со вкусом вложили между страниц вашего милого послания, я понял, что, если наша переписка продолжится, она со временем станет мне бесконечно дорога. Я осторожно достал доллар из конверта и с десяток раз поцеловал и погладил его (перевод Т. Китаиной).

Из контекста мы понимаем, что больше всего автора взволновало не письмо, а вложенный в него доллар. Иронический эффект создается за счет усилительной частицы и наречий с положительной коннотацией «so daintily and prettily», а также иронического эпитета «sweet». Совмещение отрицательного контекстуального значения и положительного словарного создает новое подтекстовое модальное значение лексической единицы. Ирония усиливается

детализацией описываемого (*green and blue tint*), а также использованием полисиндетона и гиперболы в последнем предложении.

При переводе А. Кудрявицкий использует прием добавления (*душу, во всех отношениях, горячо*), который придает необходимую саркастическую нотку, замену формы единственного числа (*tint*) на множественное (*переливы красок*), что делает речь автора более выразительной и усиливает ироничность высказывания. С другой стороны, переводчик опускает не менее важную фразу «and fondled it», в то время как Т. Китаина с точностью воспроизводит ее. В целом переводчикам удалось передать авторскую иронию и сохранить эмоциональный тон повествования.

Существенным источником создания ассоциативной иронии служат повторы.

> I shall always keep that dollar! No matter how much I may need it, or how many necessaries, yes, absolute necessities, of life I may be wanting, I shall always keep *that* dollar. Do you understand, dear? I shall keep it. I shall not spend it. As far as the *use* of it goes, it will be just as if you had not sent it. Even if you were to send me another dollar, I should still keep the first one, so that no matter how many you sent, the recollection of one first friendship would not be contaminated with mercenary considerations [6, c. 51].

> Я буду хранить этот доллар вечно! Какую бы необходимость я в нем ни испытывал, какая бы жестокая нужда меня ни терзала, я всегда буду хранить этот доллар, именно этот. Вы меня поняли, дорогой мой? Я буду его хранить. Не потрачу его. Не смогу извлечь из него пользу. Все будет так, как будто вы мне его не посылали. Даже если у вас возникнет потребность прислать мне еще один доллар, я все равно буду хранить первый. Так что неважно, сколько всего их вы мне пришлете, – воспоминания о первом мгновении нашей с вами дружбы никогда не омрачат корыстные расчеты (перевод А. Кудрявицкого).

> Я навсегда сохраню этот доллар. Что бы со мной ни случилось, как бы сильно я ни нуждался в деньгах, я не расстанусь с этим долларом. Вы понимаете, мой дорогой? Я сохраню его и не буду тратить. Но в таком случае мне не будет от него никакой пользы, как если бы вы не посылали его вовсе. Даже если вы пошлете мне другой доллар, этот я буду свято хранить, и получается: сколько бы долларов вы мне ни послали, память о первом знаке дружбы не запятнают никакие корыстные мотивы (перевод Т. Китаиной).

В данном фрагменте мы наблюдаем повтор синтаксического рисунка предложения (параллелизм), который, выполняя функцию интенсификатора иронии, выведения ее на поверхность, подчеркивает корыстные намерения автора. Парцеллированные конструкции и графическое выделение курсивом слов «that» и «use» также нацелены на создание иронического эффекта (1). Гиперболизируя ситуацию, Ликок с явной насмешкой делает громкие обещания относительно ценности того самого доллара.

А. Кудрявицкий полностью сохраняет авторский повтор при переводе, а вместо графически выделенных слов использует усилительное до-

бавление «именно этот», а также разбивает предложение на два коротких, добиваясь интенсификации иронии.

Т. Китаина в одном из четырех случаев заменяет повтор антонимическим переводом (*я не расстанусь с этим долларом*). Помимо этого переводчица несколько меняет смысл фразы «As far as the *use* of it goes» и при переводе никак не отражает графическое выделение авторских слов. В целом переводчикам удается передать коммуникативную идею подлинника, однако авторская речь более эмоциональна в первом переводе.

Иронично звучат и советы автора, которые он дает молодому человеку по поводу выбора спутницы жизни. Вот один из них:

> Then you must know, too, that her mind is worthy of your own. So many men to-day are led astray by the merely superficial graces and attractions of girls who in reality possess no mental equipment at all. Many a man is bitterly disillusioned after marriage when he realises that his wife cannot solve a quadratic equation, and that he is compelled to spend all his days with a woman who does not know that *x* squared plus *2xy* plus *y* squared is the same thing, or, I think nearly the same thing, as *x* plus *y* squared [6, с. 53].
>
> После этого вы должны убедиться, что уровень ее умственного развития не ниже вашего. Слишком многих мужчин в наши дни сбивают с пути внешняя красота и привлекательность девиц, не обладающих на самом деле никакими мыслительными способностями. После свадьбы мужчину часто постигает горькое разочарование: он осознает, что жена его не в силах решить квадратное уравнение и что он обречен провести остаток своих дней с женщиной, не знающей, что $x^2 + 2xy + y^2$ означает то же самое – а может, почти то же самое, – что и $(x + y)^2$ (перевод А. Кудрявицкого).
>
> В наше время очень многие молодые люди сбиваются с пути, пленившись внешней привлекательностью и благосклонным вниманием девушек, которые на самом деле не обладают никакими душевными достоинствами. После заключения брака многие мужчины бывают глубоко разочарованы, обнаружив, что их жены не умеют решать квадратные уравнения и что им придется провести остаток дней с женщиной, не знающей, что $x^2 + 2xy + y^2$ – то же самое (ну почти), что $(x + y)^2$ в квадрате (перевод Т. Китаиной).

Ликок саркастичен в данном высказывании. Семейная жизнь не строится на знании математики, поэтому совет, данный автором молодому человеку, по сути своей парадоксален. Вкрапление в художественный текст математической формулы, которая повторяется дважды в описании бытовой ситуации, приводит к комическому эффекту. Ирония усиливается использованием вставной конструкции (*I think nearly the same thing*), подчеркивающей неуверенность автора в точности математической формулировки.

Переводчикам удается передать парадоксальность ситуации, причем Т. Китаина при переводе заменяет слово mental на «душевными», тем самым усиливает ироничность высказывания в русском тексте. Плюсом в обоих переводах можно назвать графическое оформление математических

формул вместо их описания, как у Ликока. Однако в переводе Т. Китаиной неоправданно опущено первое предложение, а в конце абзаца дважды используется «в квадрате»: цифрой и прописью. В целом же восприятие идеи, заложенной автором в данном фрагменте текста, не нарушается.

> Nor should the simple domestic virtues be neglected. If a girl desires to woo you, before allowing her to press her suit, ask her if she knows how to press yours. If she can, let her woo; if not, tell her to whoa [6, c. 53].
>
> Не следует пренебрегать и обычными домашними добродетелями. Если девушка выражает желание окружить вас заботой, поинтересуйтесь, окружила ли она ею себя. Если полученные сведения окажутся для нее благоприятными, можете смело дать ей завладеть собой, если же нет, дайте ей от ворот поворот (перевод А. Кудрявицкого).
>
> Не стоит пренебрегать и простыми домашними добродетелями. Если девушка позволяет себе ухаживать за вами, не отгладив предварительно свой костюм, спросите ее, знает ли она, как отгладить ваш. Если знает, то пусть ухаживает, а если нет, пусть сначала научится (перевод Т. Китаиной).

Данный пример построен на каламбуре. Здесь Ликок обыгрывает многозначное выражение «to press one's suit»: добиваться чьей-либо благосклонности, согласия на брак и гладить костюм. Неожиданное столкновение двух разноплановых значений приводит к юмористическому эффекту. Помимо этого мы можем наблюдать аллитерацию, усиливающую выразительность художественной речи.

Каламбуры представляют сложность при переводе. В данном случае Т. Китаиной удалось реализовать в тексте два значения английского выражения. А. Кудрявицкий же передает только комичность ситуации, но не игру слов.

Таким образом, проанализировав языковые средства выражения иронии, можно сказать, что в новелле преобладает ассоциативный тип иронии, использующий средства разных языковых уровней. Ирония занимает все текстовое пространство рассказа.

При переводе А. Кудрявицкому и Т. Китаиной почти в каждом случае удалось сохранить иронию и донести ее до читателей. Однако первый переводчик в большей степени уловил авторский идиостиль и сумел его передать в русском тексте (сохранение приема детализации, более отточенный выбор лексики и лаконичность). В целом оба перевода можно считать адекватными, в них творчески передана авторская субъективно-оценочная модальность и специфичность его стиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.

2. Кондратенкова Е.А. Ирония как особенность идиостиля С. Ликока // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. Вып. 7. В 2 т. Т. 1. С. 86–95.

3. Ликок С. Как избежать женитьбы // Ликок С. Как стать миллионером. М., 1991. С. 482–485.

4. Ликок С. Как избегнуть брачных уз // Ликок С. Литературные ляпсусы. Безумная беллетристика. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 39–43.

5. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев: Наукова думка, 1989. С. 5.

6. Leacock S. How to avoid getting married // Leacock S. Literary Lapses. New York; London. 1918. P. 48–53. URL: https://archive.org/details/literarylapses00leacgoog (дата обращения: 10.01.2017).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В некоторых изданиях данные слова написаны прописными буквами. См.: Leacock S. Literary Lapses. URL: http://www.gutenberg.org/cache/epub/6340/pg6340.html (дата обращения: 10.01.2017).

Y.A. Kondratenkova

Irony in the Russian Translations of Leacock's Short Story «How to avoid getting married»

Key words: *irony; means of expression; Leacock; short story; translation.*

The article deals with the language means of irony expression and the problem of irony translation from English into Russian in Leacock's story «How to avoid getting married». The author compares two translations from the standpoint of adequate interpretation of irony verbalized at different text levels.

И.О. Бабурченкова

Смоленский государственный университет

УДК 81`32, 811

Квантитативный анализ вариативности стиля У. Блейка

Ключевые слова: *стилеметрия; корреляционный анализ; индивидуальный стиль; метафора; Уильям Блейк; лирика.*

Статья посвящена квантитативному анализу индивидуального стиля У. Блейка. В работе произведен анализ лирики Блейка, установлена сила межконцептуальных корреляций, выявлены основные закономерности авторской метафоризации и основные тенденции в вариативности построения авторской метафоры в динамическом аспекте.

Одной из наиболее интересных проблем в современной лингвистике является объективное описание индивидуального стиля. Данную проблему, которой посвящено большое количество исследований, все еще нельзя

назвать решенной в силу многогранности и комплексности самого объекта изучения [3; 14].

Мы полагаем, что признаковую парадигму исследования идиостиля полезно дополнить анализом такой важной черты, как авторская метафора [4; 7]. Изучение метафоры на определенном этапе творчества автора позволяет вскрыть особенности его ментальной картины мира в тот период. Рассмотрение метафоры в динамическом аспекте позволяет выявить основные закономерности эволюции идиостиля. Именно изменение стиля в части авторской концептуализации находится в фокусе нашего исследования, материалом которого служат лирические работы Уильяма Блейка.

Не оцененный по достоинству при жизни, поэт теперь признан одной из ключевых фигур в становлении романтизма в Англии [5; 8; 9; 13]. Его творчество относится к концу XVIII – началу XIX веков. Традиционно творчество Блейка подразделяют на два периода: ранний «светлый» (1769–1790) и более поздний «темный» (1790–1827) [9]. К первому периоду относятся два опубликованных лирических сборника, это «Поэтические Наброски» («Poetical Sketches») и «Песни Невинности» («Songs of Innocence»). Ко второму периоду относится лирический сборник «Песни Опыта» («Songs of Experience»).

В нашей работе мы следуем широко распространенному в когнитивной лингвистике подходу, согласно которому метафора рассматривается как двучленная структура. Эта структура включает концепт-цель, которая метафорически переосмысливается и приобретает основные характеристики концепта-источника [4; 7]. Такой подход к анализу метафоры позволяет свести все многообразие ее реализаций в тексте, к ограниченному числу моделей, которые в дальнейшем можно успешно анализировать, применяя количественные методы [2; 3]. Под моделью понимается сочетание в метафоре двух конкретных концептов, например Вода – Существо, Орган – Контейнер, Свет – Растение. Модели имеют идентичную структуру, но отличаются концептами, заполняющими позиции цели и источника в метафорической проекции.

Методика исследования диктуется поставленными целями: выявление скрытых взаимоотношений в обширном материале требует применения статистических методов, которые хорошо зарекомендовали себя в лингвистике и в исследовании различных аспектов идиостиля [1– 3; 6; 10– 12].

Мы используем корреляционный анализ (мера Коула), который позволяет эксплицировать искомые скрытые тенденции в сочетаемости концептов [2; 3]. Коэффициент показывает степень связанности признаков. Положительный коэффициент означает тенденцию к взаимной встречаемости признаков (если есть один, то есть и другой), отрицательный – к тенденции отсутствия одного признака, если есть другой. Нулевой коэффициент означает отсутствие связи. Чем больше коэффициент по модулю, тем взаимосвязь признаков сильнее.

На первом этапе корреляционного анализа мы исследовали частотные антропоморфные (то есть репрезентирующие напрямую или косвенно указывающие на человека) концепты Существо и Психическая сфера в функции концептов-целей.

В результате анализа получены следующие коэффициенты корреляции этих концептов в функции цели со всеми концептами-источниками (табл. 1).

Статистически значимые коэффициенты корреляции выделены жирным шрифтом.

Таблица 1

Корреляции концептов-целей Существо, Психическая сфера с различными концептами-источниками

Концепты-источники	Концепты-цели	
	Существо	Психическая сфера
Вещество	–0,06	0,10
Вода	–0,44	**0,33**
Драгоценность	**–1,00**	–0,44
Еда	–1,00	0,33
Звук	**–1,00**	–0,22
Информация	–1,00	0,33
Контейнер	**0,39**	–1,00
Мир	**1,00**	–1,00
Музыкальный инструмент	–1,00	–1,00
Огонь	**–1,00**	0,10
Орган	**–1,00**	**–1,00**
Оружие	0,19	**–1,00**
Предмет	0,05	**0,25**
Пространство	**–1,00**	**–0,76**
Психическая сфера	**0,19**	0,10
Растение	**0,35**	**–0,48**
Свет	**0,24**	–0,51
Стихия	–1,00	–0,03
Существо	0,02	**0,17**
Ткань	–0,06	–0,35
Транспорт	–1,00	–1,00
Экзистенция	–1,00	0,33

Таким образом, Блейк имеет тенденцию метафорически сопоставлять антропоморфные концепты Существо и Психическая сфера в первую очередь с неантропоморфными (Предмет, Вода, Растение, Контейнер, Мир). Сопоставление указанных антропоморфных концептов с антропоморфными представлено только одной значимой корреляцией Психическая сфера – Существо.

Рассмотрим другие активные концепты-цели, определяющие макрокосмос в лирике первого периода (табл. 2).

Таблица 2

Корреляции концептов-целей Время, Пространство, Свет с различными концептами-источниками

Концепты-источники	Концепты-цели		
	Время	Пространство	Свет
Вещество	**–1,00**	–1,00	–1,00
Вода	**–1,00**	0,02	–1,00
Драгоценность	**–1,00**	–1,00	**0,23**
Еда	–1,00	–1,00	–1,00
Звук	**–1,00**	0,13	–1,00
Информация	–1,00	–1,00	–1,00
Контейнер	–1,00	**0,18**	–1,00
Мир	–1,00	–1,00	–1,00
Музыкальный инструмент	–1,00	–1,00	–1,00
Огонь	–0,08	–1,00	0,11
Орган	**0,24**	–1,00	0,06
Оружие	–1,00	–1,00	–1,00
Предмет	–0,38	0,03	–1,00
Пространство	–0,31	**0,32**	–0,09
Психическая сфера	–0,38	0,03	–1,00
Растение	**–1,00**	–0,21	**0,07**
Свет	–0,31	–1,00	–1,00
Стихия	–1,00	–1,00	–1,00
Существо	**0,47**	–0,11	0,07
Ткань	–0,08	0,09	0,11
Транспорт	**1,00**	–1,00	–1,00
Экзистенция	–1,00	–1,00	–1,00

Активные неантропоморфные концепты-цели показывают бивалентную сочетаемость: с одной стороны, автор метафорически интерпретирует их в терминах антропоморфных концептов (Существо, Орган), с другой стороны, прослеживается тенденция по сопоставлению рассматриваемых концептов с неантропоморфными концептами-источниками (Растение, Транспорт, Контейнер, Пространство, Драгоценность).

Теперь рассмотрим сочетаемость указанных групп концептов в функции источников с концептами-целями (табл. 3).

Таблица 3

Корреляции концептов-источников Существо и Психическая сфера с различными концептами-целями

Концепты-цели	Концепты-источники	
	Существо	Психическая сфера
Вещество	–0,09	–1,00
Вода	**–0,62**	–1,00
Время	**0,47**	–0,38
Драгоценность	**–1,00**	–1,00
Еда	**–1,00**	–1,00

Звук	–1,00	–1,00
Информация	–0,24	–1,00
Музыкальный инструмент	0,03	–1,00
Орган	**–0,39**	–1,00
Оружие	**–1,00**	–1,00
Предмет	**–1,00**	–1,00
Природа	**1,00**	–1,00
Пространство	–0,11	0,03
Психическая сфера	**0,17**	0,10
Растение	0,27	–1,00
Свет	0,07	–1,00
Социальное	**–0,49**	–1,00
Стихия	0,64	–1,00
Существо	0,02	**0,19**
Ткань	–1,00	–1,00
Экзистенция	–0,24	–1,00

Как видно из представленных корреляций, автор в равной степени переносит качества антропоморфных концептов-источников как на антропоморфные концепты-цели (Психическая сфера, Существо), так и на неантропоморфные (Природа, Время).

В следующей таблице приводятся результаты анализа корреляций неантропоморфной группы активных концептов-источников, которая включает Пространство, Растение, Вода (табл. 4).

Таблица 4

Корреляции концептов-источников Вода, Пространство, Растение с различными концептами-целями

Концепты-цели	Концепты-источники		
	Вода	Пространство	Растение
Вещество	–1,00	–1,00	**0,17**
Вода	–1,00	**0,09**	–1,00
Время	**–1,00**	–0,31	**–1,00**
Драгоценность	**1,00**	–1,00	–1,00
Еда	–1,00	–1,00	–1,00
Звук	–1,00	–1,00	–1,00
Информация	–1,00	–1,00	–1,00
Музыкальный инструмент	–1,00	–1,00	–1,00
Орган	–1,00	**0,09**	0,03
Оружие	–1,00	–1,00	–1,00
Предмет	–1,00	–1,00	**0,48**
Природа	–1,00	–1,00	–1,00
Пространство	0,02	**0,32**	–0,21
Психическая сфера	**0,33**	**–0,76**	**–0,48**
Растение	–1,00	–1,00	–1,00
Свет	–1,00	–0,09	**0,07**
Социальное	–1,00	–1,00	–1,00
Стихия	–1,00	–1,00	–1,00

Существо	–0,44	**–1,00**	**0,35**
Ткань	–1,00	**1,00**	–1,00
Экзистенция	**0,17**	**0,13**	–1,00

Схожие положительные корреляции показывают концепты-источники Вода и Пространство в модели с концептом-целью Экзистенция.

Схожие отрицательные корреляции представлены моделями Психическая Сфера – Пространство, Психическая сфера – Растение, а также Время – Вода и Время – Растение.

На следующем этапе рассмотрим корреляционные отношения наиболее частотных концептов во втором периоде лирики.

Сначала рассмотрим корреляционные закономерности антропоморфных концептов-целей: концепты Психическая сфера и Существо (табл. 5).

Таблица 5

Корреляции концептов-целей Существо, Психическая сфера с различными концептами-источниками

Концепты-источники	Концепты-цели	
	Психическая сфера	Существо
Вещество	**–1,00**	–1,00
Драгоценность	**–1,00**	–1,00
Еда	–1,00	–1,00
Инструмент	–1,00	**1,00**
Информация	–1,00	–1,00
Огонь	**–1,00**	**0,40**
Орган	**1,00**	–1,00
Орудие	–1,00	–1,00
Оружие	–1,00	–1,00
Предмет	**0,52**	**–1,00**
Природа	**1,00**	–1,00
Пространство	0,11	**–1,00**
Психическая сфера	**–1,00**	–1,00
Растение	**0,52**	0,01
Свет	0,28	–1,00
Социальное	–1,00	–1,00
Существо	–0,08	**0,49**
Ткань	–1,00	–1,00
Транспорт	–1,00	–1,00
Экзистенция	**1,00**	–1,00

Таким образом, автор склонен интерпретировать Психическую сферу как Растение и Предмет, объясняя абстрактный мир чувств человека через конкретные локальные понятия. Интересно провести сравнение с тенденциями реализации концепта Психическая сфера в ранней лирике: показательна несхожесть авторского понимания данного концепта в представленных образах. Единственной схожей тенденцией, перенесенной Блейком во второй период, является тенденция сопоставления Психиче-

ской сферы с Предметом, тогда как сопоставления Психической сферы с Растением автор, наоборот, в ранней лирике стремился избегать; другие тенденции включают в себя сопоставление с Водой и Существом.

Закономерности авторской интерпретации Существа также претерпели изменения по сравнению с первым периодом. Если в первом периоде показаны закономерности сочетания Существа с концептами Контейнер, Психическая сфера, Растение, Свет, то во втором периоде автор сохраняет тенденцию по параллельной реализации Существа на концах метафоры, добавляя тенденцию сочетаемости Существа с Огнем. Интересно отметить общую для двух периодов тенденцию избегать сочетания концептов Существо и Пространство.

Корреляции активных неантропоморфных концептов (Пространство, Растение, Время) в функции цели приведены в таблице 6.

Таблица 6

Корреляции концептов-целей Время, Пространство, Растение с различными концептами-источниками

Концепты-источники	Концепты-цели		
	Время	Пространство	Растение
Вещество	–1,00	–1,00	**0,28**
Драгоценность	–1,00	–1,00	–1,00
Еда	–1,00	–1,00	–1,00
Инструмент	–1,00	–1,00	–1,00
Информация	–1,00	–1,00	–1,00
Огонь	–1,00	–1,00	–1,00
Орган	–1,00	–1,00	–1,00
Орудие	–1,00	–1,00	–1,00
Оружие	–1,00	–1,00	–1,00
Предмет	–1,00	–1,00	–1,00
Природа	–1,00	–1,00	–1,00
Пространство	–1,00	**0,46**	–1,00
Психическая сфера	–1,00	**1,00**	–1,00
Растение	0,10	–1,00	–1,00
Свет	–1,00	**0,46**	–1,00
Социальное	–1,00	–1,00	–1,00
Существо	0,42	**–0,59**	**0,73**
Ткань	**0,46**	–1,00	–1,00
Транспорт	–1,00	–1,00	–1,00
Экзистенция	–1,00	–1,00	–1,00

Корреляционный анализ демонстрирует интересную авторскую закономерность: тенденцию сопоставления активных неантропоморфных концептов-целей в первую очередь с другими неантропоморфными концептами (Пространство, Свет, Ткань, Вещество).

Сравнение закономерностей сочетаемости концептов-целей Время и Пространство в первом и втором периодах демонстрирует следующие осо-

бенности эволюции стиля автора. Автор уходит от тенденции интерпретировать Время в образах как живой организм: тогда как в первом периоде значимые корреляции включали Время – Существо и Время – Орган, теперь показана только одна значимая корреляция Время – Ткань. С другой стороны, закономерности сочетания концепта-цели Пространство изменились не так сильно: сохранилась тенденция параллельного использования концепта в метафоре и тенденция сочетания Пространства с неантропоморфными концептами.

Следующий этап корреляционного анализа предполагает рассмотрение корреляций с участием активных концептов-источников: Существо, Пространство, Растение, Предмет, Огонь.

Так же, как и в случае с анализом активных концептов-целей, рассмотрим отдельно антропоморфные (концепт Существо) и неантропоморфные концепты (концепты Пространство, Растение, Предмет, Огонь).

Таблица 7

Корреляции концепта-источника Существо с различными концептами-целями

Концепты-цели	Концепт-источник Существо
Вещество	**1,00**
Время	0,42
Информация	–1,00
Огонь	**–1,00**
Орган	**–1,00**
Предмет	0,32
Природа	**0,71**
Пространство	**–1,00**
Психическая сфера	–0,08
Растение	**0,73**
Свет	0,22
Социальное	**–1,00**
Существо	**0,49**
Экзистенция	**–1,00**

Таким образом, Блейк снова обнаруживает тенденцию сопоставлять в метафоре антропоморфный концепт в первую очередь с неантропоморфными.

Если в случае с Пространством автор сохраняет основные закономерности его реализации в метафоре на протяжении всей лирики, то тенденции использования концепта-источника Растения претерпевают изменения во втором периоде по сравнению с первым. В первом периоде сопоставление антропоморфных концептов с Растением осуществляется зеркально наоборот: автор понимает живые организмы как растение (значимый коэффициент R = 0,35) и стремится избегать сопоставления Психи-

ческая сфера – Растение (значимый коэффициент R = –0,48). Кроме того, в первом периоде выявлены тенденции авторского понимания некоторых неантропоморфных концептов как Растения (Вещество, Предмет, Свет), во втором же периоде подобных тенденций не выявлено.

Концепт-источник Огонь, так же как и концепты Растение и Предмет, часто используется автором для понимания мира человека. Однако эти концепты автор использует для интерпретации разных аспектов человеческой жизни по-разному. Так, Блейк стремится интерпретировать в метафоре концепты Существо и Орган как Огонь, но при этом избегает сопоставления Психической сферы с Огнем. Для группы концептов Растение и Предмет закономерности диаметрально противоположные.

Будучи яркой особенностью стиля, метафора демонстрирует эволюцию стиля лирики Блейка. С одной стороны, показаны закономерности, присущие лирике Блейка в целом: заинтересованность автора в интерпретации человека и его чувств в образах (концепты Существо и Психическая сфера входят в ряд наиболее частотных в обоих периодах), и временно-пространственных аспектов. Единственным новым частотным концептом-целью становится Растение – он заменяет концепт Свет в пятерке наиболее активных концептов. Таким образом, круг концептов, в понимании которых наиболее заинтересован автор, остается почти неизменным. Однако анализ реализации в метафоре этих концептов демонстрирует значительные систематические изменения, которые отражают тенденции в эволюции стиля. Выявленная вариативность лексической репрезентации является признаком, дифференцирующим идиостиль Блейка в различных периодах творчества. В первую очередь варьирует спектр наиболее частотных концептов-источников. Так, вместо одних из наиболее частотных концептов-источников ранней лирики Психической сферы и Света, Блейк обращается к концептам Предмет и Огонь.

Во-вторых, изменяется само понимание частотных концептов-целей, а именно их лексическая репрезентация. Наиболее красноречиво свидетельствуют об этом изменения в представлении Психической сферы. Если ранее Блейк в подавляющем большинстве случаев выбирал лексику с положительной коннотацией, то во втором периоде репрезентирующая лексика в основном имеет отрицательную окраску. Концепт Пространство также претерпевает изменения в лексикализации: несмотря на продолжение тенденции во втором периоде показывать пространство большой протяженности, автор все чаще обращается к пространствам локального характера. При вербализации концепта Существо во втором периоде Блейк больше не использует лексику, связанную с библейскими мотивами.

В-третьих, закономерности сочетания концептов в рамках метафоры показывают дальнейшие различия между периодами. Прослеживается интересная тенденция по сопоставлению частотных антропоморфных концептов (Психическая сфера, Существо), в первую очередь, с неантропо-

морфными (Растение, Предмет и Огонь соответственно), тогда как в ранней лирике автор почти в равной степени сопоставлял данные концепты-цели как с антропоморфными, так и с неантропоморфными источниками.

Закономерности реализации неантропоморфных концептов-целей в метафоре во втором периоде (Время, Пространство) также несколько отличаются от их реализации в первом периоде: усиливается закономерность сопоставления неантропоморфных концептов с неантропоморфными.

Реализация концептов в правой позиции также показывает отличные от первого периода тенденции. Антропоморфный концепт Существо автор наиболее часто сопоставляет с концептами, вербализующими различные аспекты природы (Растение, Природа, Вещество (лексема 'Clay'), тогда как ранее целый спектр концептов понимался автором как живые организмы (Время, Психическая сфера и др.).

Сочетаемость в метафоре частотных неантропоморфных концептов-источников также демонстрирует изменения, однако не настолько прямолинейные. Сохраняется общая для всей лирики тенденция избегать сопоставления мира человека с Пространством. Также сохраняется тенденция сочетать в метафоре неантропоморфные концепты-источники как с антропоморфными концептами-целями, так и с неантропоморфными, однако концепты-источники интерпретируют разные аспекты человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.С. Классификация стихотворных текстов Уитьера // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 7(28). С. 24–35.
2. Андреев В.С. Корреляция характеристик в метафорической модели // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 2(34). С. 86–94.
3. Андреев В.С. Методы количественного исследования стиля в лингвистике: многомерный подход // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 3(11). С. 100–110.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Михальская Н.П. История английской литературы. М.: Академия, 2007.
6. Николаева Е.А. Устойчивость и вариативность стиля: соотношение ядра и периферии текстовых классов американских поэтов начала XX в. В. Линдзи, Э. Лоуэлл, Э. Робинсона и Р. Фроста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12(128). С. 315–319.
7. Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: РАН ИРЯ, 1995. 491 с.
8. Седых Э.В. Контраст в поэзии как один из типов выдвижения: на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» У. Блейка. СПб., 1997.
9. Смирнова О.М. Пророческие поэмы Уильяма Блейка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003
10. Тишина А.Е. Основы метафорической системы в индивидуальном стиле А.Ч. Суинберна // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4(32). С. 111–118.
11. Тишина А.Е. Особенности внутренней организации метафорической системы А.Ч. Суинберна: динамический аспект // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 8. С. 156–162.

12. Andreev S. Estimation of similarity between poetic texts and their translations by means of discriminant analysis // Journal of Quantitative Linguistics. 2003. T. 10, № 2.

13. Frye H. Fearful symmetry: A Study of William Blake, 1947.

14. Goldfield J., Hoover D.L. Homebodies and gad-abouts: A chronological stylistic study of 19th century French and English novelists // Digital Humanities Conference Abstracts. Oulu: University of Oulu, 2008.

I.O. Baburchenkova

Quantitative Analysis of Variability of Style of W. Blake

Key words: *stylometry; individual style; metaphor; William Blake; poetry.*

The article is devoted to the quantitative analysis of the individual style of William Blake. Lyrics are analyzed; intensity of the correlations of concepts is established, the main tendencies in the author's metaphorization and the main patterns of variability of the author's metaphor creation in dynamic aspect are determined.

В.С. Дегтярёва

Смоленский государственный университет

УДК 81'27

Интертекстуальность сказочного дискурса: универсальное и этноспецифическое (на материале немецкого и русского языков)

Ключевые слова: *интертекстуальность; сказочный дискурс; концептосфера; языковые репрезентации.*

В статье рассматриваются случаи инкорпорирования сказочного дискурса в различные типы текстов на материале немецкого и русского языков. С целью выявления сходств и различий механизмов использования интертекстуальности данного дискурса описываются политический, спортивный, медийный и др. дискурсы, отмеченные интертекстуальностью, анализируются прагматические функции созданных конструкций.

В последние годы в современной лингвистике одним из центральных объектов для исследования является понятие «интертекстуальность». Данный термин был введен в 1967 году Ю. Кристевой, которая в своей ставшей впоследствии классической монографии «Бахтин, слово, диалог и роман» отмечает недостаточно четкое разграничение М.М. Бахтиным терминов «диалог» и «амбивалентность». Детальный анализ данной и смежной с ней проблем позволяет Ю. Кристевой прийти к выводу о том, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности

встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [7, с. 429].

Теорию диалогизма М.М. Бахтина развивал Р. Барт, который сформулировал ряд важных терминов, придав им постструктуралистское значение. Особое понимание таких терминов, как «письмо», «текст» и пр., позволило Р. Барту дать свое определение интертекстуальности. По мнению французского ученого, «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски «источников» и «влияний» соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [1, с. 417].

Исследования М.М. Бахтина, Ю. Кристевой и Р. Барта считаются фундаментальными, именно их идеи легли в основу понимания «интертекстуальности» и получили дальнейшее развитие.

Интертекстуальность – это широкий термин, который продолжает изучаться в наши дни и по-разному дефинируется различными учеными. Современный лингвист К. Адамчик объясняет данный термин следующим образом: «*… jeder Text zieht weitere Texte nach sich oder beeinflusst Gehalt und Gestalt späterer Texte. Der Ausmaß eines solchen Einflusses kann natürlich mehr oder weniger offenkundig sein. Massiv sichtbar ist der Einfluss, wenn der Rezipient-Produzent explizite Bezüge herstellt, er den gesamten gelesenen Text oder Passagen daraus wiederholt, kommentiert, interpretiert, bewertet*» [11, S. 7]. Ср.: «Каждый текст притягивает дополнительные тексты к себе или оказывает влияние на содержание и форму следующих текстов. Конечно, масштабы такого влияния могут проявляться в большей или меньшей степени. Особенно заметно это влияние тогда, когда создатель текста оперирует эксплицитными ссылками, повторяя, комментируя, интерпретируя, оценивая весь прочитанный текст или его отрывки» (здесь и далее перевод наш. – *В. Д.*).

На сегодняшний день изучение интертекстуальности ведется как отечественными, так и зарубежными лингвистами в самых разных проекциях (В.Е. Чернявская, И.В. Арнольд, Р. Лахманн и др.). Анализ современных исследований позволяет выделить две основные концепции понимания интертекстуальности:

1) широкое (радикальное) понимание интертекстуальности как универсального свойства текста;

2) узкое понимание – как специфического свойства определенных текстов.

Интертекстуальность рассматривается в контексте различных дискурсивных практик: политического дискурса (А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал), рекламного (А.А. Кибрик, Н.Н. Кохтев, С.В. Ильясова), спортивного (А.Б. Зильберт, Е.Г. Малышева, Р.В. Белютин) и пр.

В данной статье мы, вслед за В.Е. Чернявской, будем понимать под интертекстуальностью «*процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми / смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения*» [9, с. 176].

По-прежнему актуальным представляется изучение интертекстуальности сказочного дискурса (1), так как сказки, прошедшие долгий путь от описания примитивной действительности до ее философского переосмысления, являются неотъемлемым компонентом сознания каждого этноса. Такого мнения придерживаются многие исследователи. См., например: «*Märchen als unendliche Quellen und Speicher kollektiven Wissens und tradierter Weisheit bieten uns eine reichhaltige Anzahl eindrucksvoller Beispiele, anhand derer wir das vorhin Aufgezeigte widerfinden können»* (Ср.: «Сказки как бесконечные источники и хранилище коллективного знания, транслятора мудрости предлагают нам большое количество впечатляющих примеров, с помощью которых мы можем найти то, что было эмпирически освоено прежде») [8, с. 173]. Сказочные тексты аккумулируют ментальные стереотипы, которые в дальнейшем характеризуют языковую личность этноса. Прецедентные тексты, обладая «*парольной функцией*» (по Г.Г. Слышкину [8]), дают возможность сделать сообщение о том или ином событии более ярким, красочным, понятным, придают тексту особую окраску.

Первые исследования фольклорных жанров были направлены в основном на анализ их структурного аспекта. Интерес к структурной фольклористике появился после издания в 1928 году книги В.Я. Проппа «Морфология сказки». До этого момента никто не пытался применять понятия и термины морфологии при изучении сказки. В.Я. Пропп первым показал, что рассмотрение форм и поиск закономерностей построения фольклорной сказки возможно с такой же точностью, с какой возможна морфология органических образований. В своей работе он впервые представил описание сказки по ее составным частям и отношению частей друг к другу и к целому.

В.А. Бахтина рассматривала эстетическое своеобразие волшебной сказки. В своей работе «Эстетическая функция сказочной фантастики» [2] автор, основываясь на исследовании материалов русских народных сказок о животных, приходит к выводу о том, что фантастическое в сказках о животных носит эмоционально-оценочный характер.

Исследование О.Н. Гронской [5] направлено на определение и описание универсальных параметров языковой картины мира немецкой народной сказки и исторические этапы развития сказочной языковой личности. Кроме того, О.Н. Гронской была изучена языковая реализация сказочной картины мира и выявлены пути реализации фантастических смыслов в словосочетаниях и предложениях.

В данной статье предпринимается попытка показать случаи инкорпорирования сказочного дискурса в различные типы текстов на мате-

риале немецкого и русского языков с целью выявления сходств и различий ситуаций использования интертекстуальности данного дискурса в разных картинах мира.

Материалом для исследования послужили примеры, опубликованные в печатных и электронных источниках. Отобранный эмпирический материал на русском и немецком языках представляет собой различные по жанру тексты (публицистические тексты, интервью, анекдоты, рекламные слоганы, брачные объявления и др.).

Политика. Весьма интересными являются метафорические высказывания политиков, проведенные через сферу-источник «Сказка». Немецкие политики используют сказочные аллюзии для выражения отношения к актуальным событиям, явлениям и др. Так, недавно в твиттере пресс-службы Бундестага был опубликован следующий пост:

Merkel sagt, wenn sie an Erdogan denke, komme ihr immer ***«die Prinzessin auf der Erbse»*** *in den Sinn (https://twitter.com/RegSchreiber/status/760791024025399297).*

Нередко объектом становятся политические деятели или оппоненты. Так, после выборов 2011 года Д. Медведев в разговоре с председателем ЦИКа В. Чуровым назвал последнего ***«волшебником»***, после того, как тот отчитался о работе своего ведомства, отметив, что ошибка была минимальна – 0,2 процента голосов.

«Вы же ***волшебник*** *почти. Вас так некоторые лидеры партий называют», – ответил на это Медведев (https://lenta.ru/news/2011/12/06/magician/).*

Чуров, в свою очередь, заявил президенту, что он еще «только учится на волшебника», фактически процитировав известное выражение из советского кинофильма ***«Золушка»***.

Интертекстуальность сказки используется и во время описания политических событий. Актуальной и для немецких, и для русских СМИ остается тема коррупции.

Огромный политический резонанс вызвало расследование немецкого издания «Der Spiegel» о коррупционном скандале, связанном с получением Германией прав на проведение Чемпионата мира по футболу в 2006 году, который вошел в историю под названием *«Летняя сказка» (Sommermärchen)*. В рамках этого дискурса журналисты нередко апеллировали к сказочным текстам. Объясняется это тем, что в центре разбирательства о манипуляциях, связанных с получением права на проведение Чемпионата мира по футболу в Германии, находился бывший немецкий футболист и тренер Ф. Беккенбауер, который при подготовке к Чемпионату являлся главой оргкомитета. Ф. Беккенбауер давно носит негласный титул «Kaiser», и это то и дело обыгрывается в прессе. Ср.:

Des Kaisers wahre Kleider *(аллюзия на известную сказку Г.Х. Андерсена **«Des Kaisers neue Kleider»** – «Новое платье короля»).*

*Ein Ehrenmann im Ehrenamt: Diese gleich doppelt honorige Haltung war nicht weniger als der Gründungsmythos des **Sommermärchens**. Er funktionierte phantastisch. **Ein Kaiser** ist so frei und gibt sich die Ehre, sein Fußballvolk zu beschenken – und nimmt dafür jahrelang und ganz selbstlos alle Mühen dieser Fußballwelt auf sich. Das war lange, und selbst über die jüngsten Skandale hinweg, **die märchenhafte Erzählung**, die dem von Franz Beckenbauer geführten Bewerbungs- und Organisationskomitee stets Türen, Geldbörsen und Herzen geöffnet hatte (http://www.faz.net/aktuell/sport/fussball/franz-beckenbauer-und-des-kaisers-wahre-kleider-14435695.html).*

В русских СМИ нередко борьба против коррупции сравнивается с борьбой против известного персонажа русских сказок Кощея Бессмертного:

*А между тем времени для разгребания коррупционных авгиевых конюшен не так уж много. **Кому удастся победить Кощея Бессмертного? Найдет ли В. Путин ключ к тайным сокровищам Кощеев, возомнивших себя бессмертными?** (http://www.aif.ru/money/opinion/posledniy_feyerverk_rublyovki_udastsya_li_prezidentu_pobedit_korrupciyu).*

Спорт. Сказочные пассажи все более интенсивно встраиваются в различные участки спортивного дискурса. Как уже отмечалось ранее, Чемпионат мира по футболу в 2006 году, проходивший в Германии, вошел в историю как «*Летняя сказка*» (*Sommermärchen*). Данный концепт достаточно быстро закрепился в немецкой, а также других языковых картинах мира. Так, в статье немецкого издания «Der Spiegel» тренер немецкой сборной Ю. Клинсманн ставится в один ряд с известными рассказчиками сказок О. Уайльдом и К. Пейцем. Из контекста можно сразу понять, что автор статьи в своих оценках настроен положительно, потому что, как известно, абсолютное большинство сказок обычно заканчивается на мажорной ноте.

*Märchen sind Volksgut, jeder kennt sie, weil sie seit Jahrhunderten weitergetragen werden zwischen den Generationen. Mit Märchen ist es wie mit McDonald's – man weiß immer, was man bekommt. **An irgendeinem Ort passieren allerhand wunderliche oder grausame Dinge, und am Ende gewinnt immer das Gute.***

*Die Grimms waren sogenannte Märchensammler, Archivare der Überlieferung. **Es gibt aber auch Märchenerzähler.** Oscar Wilde zum Beispiel, Christian Peitz, Onkel Hotte. **Oder Jürgen Klinsmann. Sein Märchen ging so: «Wir wollen Weltmeister werden».***

*Zwei Jahre später, im Juli 2006, war der deutsche Märchenkanon überraschend erweitert – um das sogenannte **«Sommermärchen»** (http://www.spiegel.de/sport/fussball/wm-2006-das-fussballmaerchen-a-666410.html).*

В русском спортивном дискурсе можно также найти похожие примеры реализации сказочного дискурса. На одном из российских спор-

тивных сайтов текущее положение футбольной команды «Анжи» описывалось следующим образом:

В этом сезоне команда «Анжи» преобразилась ***подобно Золушке****.* ***«Добрая фея»*** *(Сулейман Керимов), сжалившись над бедной Золушкой, взмахнула* ***«волшебной палочкой»*** *и вместо мышей, крыс и ящериц появляется* ***прекрасная карета с тройкой скаковых****: Тарделли, Буссуфа и главной, она же ведущая, Роберто Карлос. И стало все прекрасно: новые платья, новые поклонники. В общем, «новая история». И захотелось этой золушке попасть на «****бал****» (в Лигу Чемпионов). Но на ее нелегком пути то и дело стали встречаться преграды. И вот одной из таковых в завтрашнем матче станет* ***старая скрипучая самарская телега*** *(https://www.sports.ru/tribuna/blogs/kcwars/203950.html).*

В ходе сбора эмпирического материала была выявлена еще одна интертекстуальная проекция сказочных текстов в языковом спортивном пространстве. Речь идет о дискурсе футбольных болельщиков, в «творчестве» которых был обнаружен целый ряд произведений, имеющих характерную стилистику и композиционное строение сказки. Так, в книге футбольного болельщика П. Штальхута «Elf Märchen müsst ihr hören. Wundersame Geschichten um den FC Schalke 04» знаменитые сказки немецких авторов трансформируются в соответствии с прагматическими установками фаната немецкого футбольного клуба «Шальке 04» (Гельзенкирхен). Сказка *«Красная шапочка» («Rotkäppchen»)* в интерпретации П. Штальхута звучит как *«Голубая шапочка» («Blaukäppchen»)* с интенцией автора акцентировать внимание на клубном цвете «Шальке 04», *злой волк* – герой многих сказок – *наделяется именем «Borusse»*, поскольку именно фанаты футбольной команды «Боруссия» (Дортмунд) являются для гельзенкирхенцев заклятыми врагами. Ср.:

Blaukäppchen

Es war einmal ein kleiner pfiffiger Junge, den konnte man einfach nur gernhaben, so freundlich und fröhlich war er und außerdem noch begnadet im Umgang mit dem runden Leder. Am allerliebsten aber hatte ihn seine Oma. Sie hatte ihn so lieb, dass sie schon gar nicht mehr wusste, was sie ihrem kleinen Sonnenschein so alles schenken sollte. Einmal schenkte sie ihm ein blaues Schalke-Käppi, und weil ihm das so gut stand und er auch nichts anderes mehr tragen wollte, hieß er von da an nur noch Blaukäppchen [12, с. 67].

Похожие примеры обнаруживаются в коммуникативном пространстве российских футбольных болельщиков. На официальном сайте фанатов ФК «Спартак» (Москва) один раздел полностью отведен под «Сказки и былины», где представлены тексты, пародирующие известные сказки. Например, «Сказка про Федота Стрельца – удалого молодца» в интерпретации представителей фанатской субкультуры звучит так. Ср.:

Версия фанатов	Оригинальный текст
Верьте – аль не верьте, Жил на белом свете – Федор-Стрелец – Удалой молодец.	*Верьте – аль не верьте, а жил на белом свете Федот-стрелец, Удалой молодец.*
Вид – неказистый, Торс – не плечистый, Но был на Руси Мировым футболистом!	*Был Федот ни красавец, ни урод, ни румян, ни бледен, ни богат, ни беден, ни в парше, ни в парче, а так, вообче.*
Хавбек – легендарный, Талант – многогранный, Если гол – то красавец! Если пас – филигранный!	

(http://spartak.msk.ru/menu.dll?a=humor&id=11)

Реклама. Сказки и реклама имеют много общего: они создают нереальный мир, в каждом из которых есть свои герои, злодеи и волшебники. Для более сильного эмоционального воздействия на реципиентов опытные специалисты по рекламе используют сказочные параллели. Так, например, Белоснежка, согласно замыслу авторов, покупает яблоки только в немецких супермаркетах «Эдека». Только там, если верить рекламе, она может быть уверена, что они «не будут отравлены злой колдуньей». Ср.:

Schneewittchen kauft ihre Äpfel jetzt bei EDEKA. *Zumindest im neuen TV-Spot. Ich war beim Dreh dabei!*

Sonntagmorgen, 7:00 Uhr. Über 40 Leute tummelten sich in der Obst- und Gemüseabteilung eines EDEKA Marktes in Hamburg und drehten den neuen TV-Spot von EDEKA. Die Hauptdarsteller: ***Ein Apfel, Schneewittchen*** *und ein EDEKA-Kaufmann. Schneewittchen ist nämlich dahinter gekommen, dass man lieber wissen sollte, woher das Obst kommt und ob es auch von guter Qualität ist (hat wohl schon schlechte Erfahrung gemacht, die Ärmste). Wie gut, dass ihr der Edekaner ganz selbstbewusst verklickern kann, dass er den Obstbauern sogar persönlich kennt (https://www.edeka.de/blog/details/der-neue-tv-spot-von-edeka-schneewittchens-geheimnis.jsp).*

В русском коммуникативном пространстве рекламы также можно встретить референции к сказочному дискурсу. Например, одна из российских компаний такси ***«Емеля»*** своим слоганом ***«По Вашему велению»*** апеллирует к русской народной сказке «По щучьему веленью», где главным персонажем является деревенский парень по имени Емеля.

Обращение к сказке может быть выражено не только вербально, но и визуально. Так, еще несколько лет назад в городах России можно было увидеть плакаты рекламы мобильного тарифа «Сказка» от сотовой связи «Мегафон». Компания утверждала, что их тариф «Хорош во всех направлениях», что должно было означать следующее: потребителю не нужно мучиться на

«распутье» для правильного выбора компании сотовой связи, это и было визуализировано дизайнерами на рекламных плакатах (см. рисунок).

Массмедиа. Концепт «сказка» актуализируется в медийном дискурсе. На российском телевидении недавно транслировалось реалити-шоу под названием ***«Золушка 2.0»***, где девушкам-участницам помогали ***«превратиться из служанок в королев»***. Ведущая сравнивалась создателями передачи с ***доброй феей***. Вот какое описание проекта можно найти на сайте телепередачи:

Уроки женственности и уверенности в себе ***Золушкам*** *преподаст* ***добрая фея*** *Глюк'Oza и ее помощники, которые словно* ***по мановению волшебной палочки сделают из вчерашних замарашек настоящих принцесс*** *(http://programs-tv.ru/video_zolushka-2-0.html).*

На немецком телевидении, наоборот, звезды примеряли на себя роль Золушек. Так, например, бывшая солистка группы «Spice Girls» приняла участие в проекте «7 дней за чертой бедности» («7 Days on the Breadline»), в рамках которого она должна была отказаться от своей роскошной жизни в Лос-Анджелесе. Ср.:

Vom Spice Girl zum Aschenputtel

Mit der britischen Show «7 Days on the Breadline», die auf dem Sender «ITV1» ausgestrahlt wird, tauscht Mel B ihr Luxuxleben in Los Angeles gegen ein Low-Budget-Life in England ein. Der Sängerin scheint ihr ***Aschenputtel-Experiment*** *allerdings ganz gut zu gefallen: «Ich drehe gerade meine neue TV-Show – dass es wirklich interessant ist, brauche ich gar nicht zu erwähnen!», schrieb Mel B auf ihrer «Twitter»-Seite (http://www.gala.de/stars/news/mel-b--vom-spice-girl-zum-aschenputtel-20044074.html).*

Брачное объявление. Как правило, брачное объявление представляет собой «монологический, не спонтанный текст, призванный с помощью параметризации личности максимально лаконичным способом в рамках публичной, дистантной коммуникации инициировать ответную реакцию адресата» [4, с. 56]. Успех такого текстотипа зависит от степени индивидуализации: чтобы выделить свой текст в потоке однотипных объявлений, авторы, независимо от того, где они находятся, могут использовать различные приемы (языковая игра, пародия, аллюзия и др.). Нередко в качестве «заготовок» для этих целей используются хорошо знакомые с детства образы, в частности сказочные персонажи. Ср.:

Mit Träumen beginnt die Realität

Kategorie: Er sucht sie

Altersangabe: 50–59

Nicht mehr ganz so junger Froschkönig (59) möchte sein Herz an eine lebenserfahrene / -frohe Prinzessin verschenken. Er entpuppt sich garantiert als *ein schlanker, attraktiver, kultur- und literaturinteressierter Akademiker mit Charme und Esprit (http://marktplatz.zeit.de/kennenlernen/index.php).*

Кого я хочу найти: ***Королевство увеличивается, а достойной золушки все нет*** *(без вредных привычек, с хорошими внешними данными и наличием интелекта),* ***для превращения в принцессу****, способную на преданность, верность и любовь (без интимного прошлого, знающую, что такое честь смолоду, а платье снову) (2) (http://anton-klyushev.livejournal.com/601019.html).*

Юмор. Сказочные мотивы являются неотъемлемой составляющей анекдотов. Сказочные персонажи «встраиваются» в анекдоты как в русской, так и в немецкой картине мира, при этом тематическая направленность может варьироваться от семейных отношений до школьных будней. Приведем примеры актуализации фрейма «отношения между полами» через сказочный дискурс. Ср.:

Auf dem Weg zur Arbeit springt einem Programmierer ein Frosch entgegen: «Ich bin eine verzauberte Prinzessin, küß mich».

Der Frosch wird in die Jackentasche gesteckt.

In der Mittagspause quakt es wieder: «Bitte, bitte, küß mich, ich bin eine verzauberte Prinzessin».

Keine Reaktion.

Als er abends in der Kneipe den Frosch vorführt, wird der Programmierer gefragt, warum er den bettelnden Frosch nicht erhört.

Antwort: «Für eine Freundin habe ich keine Zeit, aber einen sprechenden Frosch finde ich cool» (http://www.wahnsinn.tv/38638).

Жена: Я у тебя как ***Золушка*** *– стираю, убираю, готовлю.*

Муж в ответ: Я ж тебе говорил, выйдешь за меня – ***жить будешь как в сказке****!*

– Какая разница между ***феей*** *и* ***ведьмой****?*

– Год совместной жизни (https://anekdotovstreet.com).

Астрология. В обеих картинах мира допускается и принимается пересечение концептосфер «Сказка» и «Астрология». Зарубежные и отечественные астрологи в своих выступлениях заявляют о корреляции 12 знаков зодиака со сказками или сказочными персонажами. Они отмечают, что определенные сказки соответствуют внутреннему миру и влияют на личностное развитие (например, см. http://www.tarotaro.ru/portal/article/kto-vy-po-goroskopu-skazochnyh-geroev). Интересно заметить, что если немецкие астрологи соотносят знаки зодиаков с конкретными немецкими сказками (например, «Три перышка», «Храбрый портной» и др.), то отечественные специалисты сопоставляют их с конкретными сказочными персонажами, причем большинство из них является героями русских народных сказок. Ср.:

Телец	*Заколдованный принц*	«О рыбаке и его жене» *(«Vom Fischer und seiner Frau»)*
Близнецы	*Гамаюн*	«Храбрый портной» *(«Das tapfere Schneiderlein»)*
Рак	*Царевна-Несмеяна*	«Три перышка» *(«Die drei Federn»)*
Лев	*Царь-батюшка*	«Король Дроздобород» *(«König Drosselbart»)*

Песенная лирика. Подтверждением нашего тезиса о том, что сказочные тексты постоянно расширяют границы своих интертекстуальных возможностей, является тот факт, что концепт «сказка» с завидным постоянством встраивается в тексты песен как немецких, так и русских авторов.

Сказка	***Märchen***
«Каста» (российская группа)	*Christina Stürmer (немецкая певица)*
*В сером **королевстве**, во мраке и холоде,* *В надменном, с бледными цветами городе,* *Погрязшем навеки в болезнях и голоде,* *Дрожащем свете молнии, ночного грома грохоте,* *В пустой дворцовой комнате душно от копоти.* ***Юный принц** грустит, блестит слеза на вороте,* *Шевелятся губы, и дело не в совести,* *А в подлости мира, свет свеч танцует в тусклом золоте.*	*Mehr als sieben Berge hab'ich hinter mir,* ***Zwerge** hab' ich bisher nicht entdeckt.* *Durch dunkle Wälder wanderte ich tagelang,* *aber **die Hexe** hat ihr Häuschen wohl versteckt...* ***Frösche** fand ich viele aber **Könige** noch nicht.* ***Rote Käppchen** gibt's genug? nur **ohne Wolf**.* ***Stroh zu Gold mit Spinnrädern** hat noch nie geklappt.* *Keine **Prinzessin auf der Erbse**? **kein Talerregen.***

Педагогика. Рассматривая концепт «сказка», следует отметить его значение для педагогики и ее отдельных разделов. При этом можно говорить не только о воспитательной функции сказки и ее роли для социально-педагогического развития личности, но и о возможностях дидактизации данного текстотипа в школьной и вузовской практиках. В процессе отбора эмпирического материала было обнаружено большое количество разнообразных упражнений на уроках иностранного языка, направленных на развитие языковой, коммуникативной и межкультурной компетенций. В интернет-пространстве существуют целые учебные платформы, построенные на дидактизированных материалах сказочных текстов, например, см.: http://www.goethe.de/lrn/prj/mlg/miu/mak/deindex.htm. Интересными, на наш

взгляд, также являются случаи объяснения грамматического материала через сказочные проекции. Ср.

Сказка «Глагол и его друзья»

Жил-был Глагол. И вот однажды он решил, что каждый должен обязательно приносить какую-нибудь пользу людям. И пошел он по белу свету счастье искать. Шел, шел, видит – сидит существительное на камушке и плачет (https://infourok.ru/skazki-na-raznie-temi-grammaticheskie-skazki-743258.html).

Аналогичный пример находим и в немецком языковом пространстве. Ср.:

Schöner als wie im Märchen

***Hinter den sieben Bergen**, bei den sieben **Zwergen**, da lebte einst ein Mädchen, schöner wie eine **Prinzessin**. Seine Haut war weißer wie Schnee, die Lippen roter wie Blut und die Haare schwärzer wie Ebenholz. Sie kennen die Geschichte? (http://www.spiegel.de/kultur/zwiebelfisch/zwiebelfisch-schoener-als-wie-im-maerchen-a-295426.html).*

Таким образом, проанализированные выше примеры позволяют сделать следующие выводы. Выделяя общее в репрезентации концепта «сказка» в русской и немецкой картинах мира, отметим, что данный концепт активно проникает во многие сферы коммуникации (политика, спорт, реклама, образование и др.), причем случаи такой «миграции» не единичны, а скорее системны. В прагматическом аспекте также обнаруживается единая линия: достаточно часто сказочные проекции используются для того, чтобы одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, придать сообщению эмоционально-экспрессивную окраску или сделать его более доступным широкому кругу реципиентов. Универсальными как в немецком, так и в русском языковом пространстве являются такие «*наднациональные прецедентные феномены*» (по В.В. Красных), как «Золушка», «принц», «принцесса». Что касается различий, то здесь, в первую очередь, бросается в глаза, что представители немецкой этнолингвокультуры чаще всего пользуются «своими» ресурсами, то есть опираются на пассажи, образы, ситуации из немецких сказок, в то время как авторы русских текстов проявляют большую «демократичность» и осуществляют референцию не только к исконно русским сказкам, но и к произведениям зарубежных авторов. Перспективным в связи с этим и другими вопросами представляется дальнейшее изучение интертекстуального потенциала сказочного дискурса с привлечением данных из других языков. Это позволит выявить новые зоны совпадения и расхождения в концептуализации и объективации действительности со стороны носителей того или иного языка культуры и точнее определить статус сказочного дискурса в национальных картинах мира и как наднационального концепта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 413–423.

2. Бахтина В.А. Эстетическая функция сказочной фантастики: Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 52 с.

3. Белютин Р.В. Эротизация дискурсов через спортивный код (на материале немецкого языка) // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты: сборник докладов международной научно-практической конференции (11–13 мая 2011 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 52–55.

4. Васильева Н.А. Языковая личность: лингвокультурологический потенциал брачных объявлений // Личность в пространстве и времени. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. Вып. 5. С. 56–61.

5. Гронская О.Н. Языковая картина мира немецкой народной сказки: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 1998. 34 с.

6. Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, познание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В, Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 103–112.

7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427–457.

8. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.

9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

10. Goergen D. Die heilende Kraft des Komischen // Witz, Humor und Komik im Volksmarchen / Hrsg. von Wolfgang Kuhlmann und Lutz Rohrich. Saarbrücken, 1993. S. 164–185.

11. Petri D. Phraseologismen in der Sportsprache. Regensburg: VDM Verlag Dr. Müller, 2009. 53 S.

12. Stahlhut P. Elf Märchen müsst ihr hören. Wundersame Geschichten um den FC Schalke 04. Göttingen: Verlag Die Werkstatt, 2013. 127 S.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «интертекстуальность дискурса» заимствован нами у А.Б. Зильберта, который ввел его для характеристики спортивного дискурса и установления его коррелированных связей с другими дискурсивными практиками [6, с. 103]. В ряде работ применительно к «импортированию» ресурсов одного дискурса в другие сферы используется термин «интердискурсивность». Термин «интердискурсивность», по мнению Р.В. Белютина, «представляет достаточно широкие исследовательские возможности для определения протяженности комуникативного пространства дискурса и потенциала конституирующих его концептосистем» [3, с. 52].

2. Полный текст объявления дан без правок.

V.S. Degtyareva

The Intertextuality of Fairy-Tale Discourse: the Universal and the Ethnic-Specific (on the Material of German and Russian Languages)

Key words: *intertextuality; fairy-tale discourse; conceptual sphere; language representations.*

The article deals with the incorporation of fairy-tale discourse in a variety of text types on the material of German and Russian languages. In order to identify similarities and differences of mechanisms of intertextuality usage, political, sport, media, etc. discourses are analyzed.

Г.А. Лебеденко
Пятигорский государственный университет

УДК 811.112.2

Стратегия самопрезентации в речевом общении младших школьников (на материале ситуаций с обращениями)

Ключевые слова: *обращение; дискурс; младший школьный возраст; коммуникативная цель высказывания; самопрезентация; коммуникативные стратегии и тактики.*

Статья посвящена анализу прагмалингвистических особенностей обращений в речи немецкого младшего школьника в рамках стратегии самопрезентации. Исследуется выбор говорящим наиболее подходящей дискурсной реализации обращения в зависимости от параметров коммуникативной ситуации. Выделены четыре тактики, посредством которых реализуется стратегия самопрезентации в дискурсе немецкого младшего школьника.

Настоящая статья посвящена анализу обращения как предмета исследования коммуникативной стратегии самопрезентации в дискурсной деятельности немецких младших школьников.

Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием ученых к проблеме функционирования знаков языка в речи, к вопросу воздействующей силы слова, а также интенсивностью развития современных лингвистических исследований в области семиотики. Кроме того, одной из важных задач современной прагмалингвистики является изучение аспектов речевого общения представителей различных социальных групп. Внимание ученых привлекает изучение речи младшего школьника, определение коммуникативных параметров языковой личности ребенка, изучение социокультурной среды ее формирования. Но при этом недостаточно полно раскрыты вопросы прагмалингвистического потенциала обращений в речи ребенка младшего школьного возраста.

Новизна данного исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка прагмалингвистического анализа обращений в ситуации речевого общения немецких младших школьников.

Материалом исследования послужили результаты наблюдения за речевым поведением немецких младших школьников, зафиксированные в интервью (общая длительность записей 7 часов) и анкетах (опрошено 85 респондентов), а также эпизоды с ситуациями обращения, извлеченные методом сплошной выборки из текстов детской художественной литературы о детях и для детей младшего школьного возраста. Всего проанализирована 1000 речевых ситуаций с обращениями. В данной статье в качестве центрального используется эмпирический материал, извлеченный из ху-

дожественной литературы и интервью. Результаты анкетирования привлекаются для дополнения.

Младший школьный возраст мы определяем, вслед за А.К. Марковой, как период в жизни ребенка от 6–7 до 10 лет, когда он проходит обучение в начальных классах современной школы. В этом возрасте языковая форма становится предметом осознания, происходит овладение чтением и письмом, дискурсивным речевым общением [8, с. 12].

Дискурс рассматривается нами как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими), то есть как речь, «погруженная в жизнь» [2, с. 136]. В данной работе анализируется дискурс младшего школьника, который является одним из типов дискурса, выделяемых по возрастному критерию (от 7–8 до 10–11 лет) [4, с. 8]. Особенность детского дискурса состоит в том, что он выступает одновременно и процессом, и результатом речемыслительной деятельности детей, отражает постепенное освоение индивидом языковой системы. Дискурс – термин речи, в данном исследовании мы анализируем дискурсную реализацию обращения и используем методы прагмалингвистики.

Прагмалингвистика – это дисциплина современного языкознания, которая изучает взаимоотношение коммуникантов через выбор отправителем текста оптимальных единиц из набора равнозначных для достижения наилучшего воздействия на получателя текста [9, с. 144]. В данной работе используются методы функциональной прагмалингвистики, то есть исследуется продуманный и осознанный выбор речевых единиц с целью реализации коммуникативной стратегии в определенной ситуации.

При анализе прагмалингвистических характеристик ситуаций с обращениями учитываются составляющие речевого акта. Согласно Хаймсу, речевой акт содержит в себе семь компонентов речи: 1) отправитель (адресующий, адресант); 2) получатель (адресат, реципиент); 3) форма сообщения (речевой жанр); 4) канал связи (для лингвистики – устный или письменный текст); 5) код (язык и норма речеупотребления); 6) тема (функциональный стиль и подъязык, например, науки); 7) обстановка (контекст и ситуация) [10, с. 42]. Однако для раскрытия прагматического потенциала обращений определяющую роль играют следующие составляющие: тип ситуации общения (официальные ситуации / неофициальные ситуации), статус отправителя и получателя сообщения (ребенок – взрослый, ребенок – ребенок), коммуникативная цель высказывания.

Младший школьник использует обращения как в официальных, так и в неофициальных ситуациях общения.

Сфера общения детей младшего школьного возраста в рамках официальных ситуаций ограничивается преимущественно школой. С началом обучения в школе ребенок попадает в новые для него условия общения. Круг коммуникантов расширяется за счет сверстников, многочисленных товари-

щей по учебе, за счет взрослых – как правило, учителей. Ребенок обретает новый статус – статус младшего школьника. Несмотря на то, что данная сфера общения регламентирована этикетом, в младшей школе вербальные и поведенческие нормы носят нестрогий, размытый характер, что особенно ярко проявляется в 1–2 классах немецкой младшей школы. В связи с этим мы характеризуем такие ситуации общения как полуофициальные.

Сфера общения детей младшего школьного возраста в рамках неофициальных ситуаций включает коммуникацию в семье, в кругу друзей. Конкретные намерения адресата в рамках перечисленных ситуаций рассматриваются нами в виде коммуникативных стратегий.

О.С. Иссерс определяет коммуникативную стратегию как когнитивный план общения, с помощью которого достигается оптимальное решение коммуникативных намерений говорящего. К основным составляющим речевой стратегии она относит прогнозирование и контроль над осуществлением плана [5, с. 54]. Вслед за М.Л. Макаровым мы рассматриваем коммуникативную стратегию более узко, как цепочку решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств для реализации своих коммуникативных намерений [7, с. 25].

При использовании обращений в речи младший школьник реализует три выделенные нами стратегии: стратегию самопрезентации, стратегию оценивания адресата, стратегию контактоустановления. Особый интерес представляет стратегия самопрезентации. Впервые наиболее полное и систематическое исследование феномена самопрезентации было представлено И. Гофманом. По его мнению, самопрезентация является важным элементом конструирования ситуации, в которой человек предстает перед людьми в социуме. В своих работах, посвященных представлению себя другим, И. Гофман использовал драматургический подход и соответствующие театральные определения. Социальное взаимодействие он рассматривал как спектакль, участников – в качестве актеров. По мнению автора, в одном человеке существуют несколько «Я-концептов»: «Я» – для себя, «Я» – для других. В присутствии других людей (в процессе коммуникации) человек предъявляет свое «публичное Я». Для этого он использует «передний план» или «сцену». В одиночестве или в кругу близких людей человек находится «за кулисами» и может проявить свое «истинное Я». И. Гофман подчеркивает, что «исполнитель роли» заинтересован в том, чтобы контролировать поведение других, их ответную реакцию на его действия. Таким образом, он рассматривает самопрезентацию как процесс управления индивидом производимым впечатлением с целью контролирования поведения других людей и особенно их ответной реакции на производимые действия. Действия по созданию того или иного впечатления о себе могут быть целенаправленными и намеренными, но могут и не вполне осознаваться [3]. В представленном исследовании мы изучаем продуманный и осознанный выбор речевых единиц с целью реализации коммуникативной стратегии самопрезентации в

дискурсной деятельности младшего школьника. Данная стратегия является ведущей в речевом общении детей исследуемого возраста [1, с. 250], что соответствует интеграции ребенка в общество и связанной с этим социализацией. Стратегия самопрезентации является своеобразной психологической «инновацией» младшего школьного возраста и отражает постепенный переход от эгоцентрического к социальному типу личности.

Коммуникативная стратегия самопрезентации реализуется посредством следующих тактик: тактика принадлежности к группе «своих», тактика уничижения адресата, тактика выражения симпатии, тактика самовозвышения в разговоре со взрослым. Далее перейдем к рассмотрению данных тактик.

Тактика выражения принадлежности к группе «своих». В младшем школьном возрасте ребенок стремится самоутвердиться в среде сверстников. Это явление находит свое отражение в тактике выражения принадлежности к группе «своих». Она направлена на подчеркивание коммуникантами общности их взглядов и интересов. Данная тактика реализуется в полуофициальных ситуациях общения со сверстниками в школе и в неофициальных ситуациях общения в кругу друзей.

Реализуя тактику принадлежности к группе «своих», младший школьник использует в речи принятые в данной группе обращения. При этом наблюдаются гендерные различия в употреблении обращения.

Для мальчиков свойственны обращения по имени, фамилии, а также такие формы, как *Mensch, Mann, Menschenskind, Amigo, Alter.* Данные лексемы имеют положительную коннотацию и употребляются в значении «друг», «дружище», «приятель». Указанные формы обращения используются младшим школьником по отношению к хорошо знакомому коммуниканту-ровеснику (одноклассник, друг) в неформальных ситуациях общения. Например, такие обращения приведены в следующем фрагменте разговора мальчиков 9 лет во время перемены в школе:

Mann, ich muss dir was erzählen! (Lüdwig 2015, с. 56)

Также обращение может быть употреблено в сочетании с неформальным приветствием (*hi, hey*):

Hey Alter... heute ist was passiert! (Lüdwig 2015, с. 34)

Использование двойного обращения, выраженного личным именем и обращением *Mensch*, широко распространенным в неформальной среде между хорошо знающими друг друга собеседниками, подчеркивает доверительность отношений между коммуникантами:

Mensch, Peter, ist das wahr? (Fessel 2012, с. 180)

Обращение к сверстнику, выраженное личным именем и фамилией, в речи младших школьников не свидетельствует о дистанцированности и официальности ситуации общения. В следующем примере такая форма, напротив, служит для подчеркивания доверительности отношений, а также вносит в высказывание оттенок упрека:

He, Manne! Manne Mannomann! Traust du mich nicht, oder was? (Fessel 2012, с. 6).

Девочки зачастую либо обращаются к собеседнику по имени (в полной и краткой формах), либо употребляют лексемы *Maus, Süße, Schöne*:

Moni, Hör mich mal an, bitte!

Использование в приведенном примере краткой формы имени *Moni* (от *Monika*) обусловлено неофициальностью ситуации (игра в доме детского творчества) и дружескими, доверительными отношениями между коммуникантами (девочки 8 лет).

В подобных ситуациях используются обращения *Maus, Süße, Schöne*:

Hallo, Maus, ich muss dir unbedingt was erzählen! (Lüdwig 2015, с. 18). (Приветствие одноклассниц перед началом урока в школе).

Das ist aber nicht leicht, *Süße*!

Schöne, jetzt komm ein Umtwist. Das ist noch schwerer. (Ситуации в центре детского творчества, описанные респондентом-ребенком в интервью).

Вышеупомянутые формы обращения являются базовыми, общепринятыми. Их значения зафиксированы в словаре немецкого языка DUDEN [11] и в Lexikon der Jugendsprache [12]. Однако тактика выражения принадлежности к группе «своих» также реализуется с помощью использования в речи специфической для данной социальной группы лексики. Мотивами образования ситуативно-групповых обращений, как отмечает В. Кани, исследовавший образование и функционирование неофициальных имен в немецком языке, могут выступать качество объекта номинации, особенности его поведения или событие с его участием [13, S. 213]. В речи младшего школьника такие номинации и обращения в большинстве случаев являются событийными.

В следующем примере – *Los-Angy*, hast du schon eine Urkunde gekriegt? – обращение *«Los-Angy»* представляет собой усеченную форму, образованную от названия города *Los Angeles*, и созвучную с именем девочки *Angelika* (в краткой форме *Angy*). Мотивом образования данной лексемы стал факт из жизни школьницы (некоторое время проживала в США). Данное обращение используется как ситуативно-групповое только в эпизодах общения группы «своих» (класса).

Событие из жизни класса также стало основанием образования обращения «*Binde*» к однокласснику: *Binde*, ist Frau D. schon in der Klasse? В ходе интервью со школьником было выяснено, что данное обращение употребляется к ученику 3 класса по имени Klaus-Dieter. Он новенький в классе и при первом знакомстве уточнил, что его имя пишется через дефис «*Klaus-Dieter mit Bindestrich*». Такое обращение закрепилось в группе одноклассников и используется как на уроке, так и вне школы.

Тактика уничижения адресата направлена на самоутверждение путем подчеркивания каких-либо отрицательных качеств адресата. Такти-

ку уничижения младший школьник использует в ситуациях общения как со сверстниками, так и с детьми младшего по сравнению с ним возраста.

Наиболее распространенным средством уничижения является использование в речи дразнилки в качестве обращения.

Дразнилки по форме представляют собой краткие, в основном однострофные произведения юмористического, реже сатирического характера [6, с. 85]: *Claudia-Clodianne, Frerk-Zwerk, Basti-Spasti, Arne-Banane* и т.д.

Главная цель использования в речи дразнилки – принизить и высмеять адресата, рассердить его. Для этого используются указания на излишний или недостаточный вес, особенности роста, поведения ребенка. В следующем примере обращение, выраженное дразнилкой, направлено на принижение и высмеивание обидчивого и плаксивого ребенка:

– Heiner, der Weiner, den mag keiner!

Однако в качестве защитной реакции в ответной реплике также звучит дразнилка. В данном случае она подчеркивает внешний вид ребенка (полноту).

– Annete, die Fette, sitzt auf der Toilette! (Heinrich 2014, с. 19)

В обоих случая коммуниканты используют речевые единицы, подчеркивающие негативное оценивание, которому в детской среде уделяется особое внимание (плакса, толстуха, туалет).

Дразнилки могут принимать формы своеобразных словесных дуэлей младших школьников. В таком случае дразнилка выступает не только обращением, но и полноценным высказыванием, самостоятельным актом речи. Например:

– Was grinst`n so Frerk-Zwerk?

– Friss Mist, du Wurst! (Heinrich 2014, с. 31)

Адресат использует в качестве дразнилки созвучное имени слово Zwerk (гном), при этом не только подчеркивает небольшой рост ребенка, но и принижает его социальный статус. В ответ звучит не менее негативная реплика *Friss Mist, du Wurst*. Тем самым собеседник пытается реабилитироваться, возвыситься в глазах обидчика путем уничижения последнего.

Обращение, выраженное дразнилкой, может быть также использовано в ироничной форме не столько для уничижения, сколько для подстегивания адресата к дальнейшему действию. С целью поторопить адресата в детской речи часто употребляются дразнилки, выраженные зоонимом.

Например, обращение *Schnell, schnell, Frau Kamel!* употребляется ребенком по отношению к медлительной девочке 7 лет. В тезаурусе взрослого носителя немецкого языка Kamel ассоциируется с глупостью (в словаре Duden приводится одно из значений «Kamel» – «Dummkopf», «Trottel» – дурак, простофиля); однако в речи младшего школьника (девочка 9 лет) приведенное обращение имеет целью поторопить медлительного ребенка. В подобных ситуациях используются следующие реплики с

обращениями: *«Du lahme Schnecke!»* (Здесь ребенку приписывается признак медлительности, которым обладает улитка). Или в примере *«Du lahme Ente! Wird's bald?»* в речи девочки 8 лет тот же признак, характерный для утки, переносится в антропоцентрическую сферу и используется в качестве обращения с целью поторопить адресата.

Один из способов уничижения адресата и самовозвышения – использование лексем с отрицательной оценкой по отношению к коммуникантам более младшего возраста и сверстникам:

Fettklops, du sollst die Bahn nicht verstopfen! (Lüdwig 2015, с. 126)

В приведенном примере негативному оцениванию подвергается внешность ребенка. Младший школьник указывает на излишний вес коммуниканта-ровесника, призывая его отодвинуться в сторону с дорожки для плавания в бассейне.

Ласкательные именования дети старшего дошкольного и школьного возраста используют как дразнилки по отношению к детям младшего возраста. Такое «детское» имя нацелено на принижение социального статуса другого ребенка. Обращение, выраженное лексемой с уменьшительным суффиксом, подчеркивает «взрослый» статус адресанта:

Dummi! Das ist doch eine Überraschung! Doch nicht wegen der Geburtstag, *Dummi*! Wegen der Feierlichkeit! (Heinrich 2014, с. 38)

Тактика выражения симпатии взрослому заключается в положительном оценивании собеседника. При этом цель говорящего состоит не только в выражении симпатии, но и в подаче себя с положительной стороны и снискании благосклонности с помощью лести.

Для данной тактики характерно использование в качестве обращений обозначений родства в ласкательной форме (*Mami, Papi, Omi, Opi*), именований мелких животных (*Hase, Hasilein, Mausi*). В речи девочек также часто используются определения любимый, лучший (*liebe, beste, beste in der ganzen Welt*).

Использование в речи мальчика 9 лет обозначения родства в ласкательной форме и последующий текст сообщения демонстрируют, что адресант пытается снискать одобрение своих действий со стороны адресатов (родителей), призывая их совершить совместную велосипедную прогулку. Однако истинная цель такой самоподачи – снискание благосклонности для более поздних запланированных действий (игра в компьютер):

«Ich wollte nur sagen: / *Mami, Papi* / kommt wir fahren mal'n bisschen mit Fahrräder raus, es ist doch sehr gesund! / dann fahren sie mit, / dann sag ich, au mir is 'et zu kalt, fahrt weiter, ich fahr' nach Hause. // Dann nehm' ich mir den Schlüssel und fahre nach Hause und schalte den Computer ein!»

Выражение симпатии взрослому может иметь целью не только самоподачу себя как «хорошего сына / дочери», лесть и дальнейшую просьбу, но и утешение адресата:

Mausi, ärger dich nicht (Boie 2005, с. 19).

В приведенном примере ребенок не только выражает свою симпатию, но и, как примерная дочь, пытается показать сочувствие матери, не сдавшей экзамен на права.

Тактика самовозвышения в серьезном разговоре со взрослым направлена на подчеркивание ребенком своего «взрослого» статуса. Младший школьник использует в речи в качестве обращения формы, присущие взрослым. В данной тактике ярко выражается имеющая место в немецких семьях тенденция обращения к родителям по имени. По-видимому, детская субкультура, включающая и коммуникацию «взрослый – ребенок», в первую очередь реагирует на демократические изменения в социуме, выравнивающие социальные роли в семье.

Анализ результатов анкетирования показал, что обращения по имени к родителям чаще используют в речи мальчики, чем девочки. При этом наблюдаются гендерные различия целей употребления данных единиц. В речи мальчиков основной коммуникативной целью высказывания является выражение упрека и недовольства, в речи девочек – выражение ласковой просьбы, утешения.

Самовозвышение также может быть реализовано при помощи речевых оборотов, присущих дискурсу взрослых. Например, девочка 6 лет успокаивает маму после неудачного собеседования:

Ja, das ist Pech, nicht, *Jacquo?* So harrt kann das Leben manchmal sein (Boie 2005, с. 18).

В рамках тактики серьезного разговора со взрослым ребенок пытается самовозвыситься, употребляя в речи типичные для взрослых обращения и выражения из сферы деловых отношений:

– Na, was macht das Geschäft*, Herr Bosselmann?*

– Schlecht, Schlecht!

– Na, dann geben Sie mal was her*, Herr Bosselmann,* da wollen wir mal nicht so sein (Keun 2016, с. 52).

Отправитель – девочка 9 лет, получатель – друг семьи, мужчина 40 лет. В бытовых ситуациях общения ребенок обращается к другу семьи по имени Heinrich. В данной ситуации девочка выбирает официальную форму обращения, чтобы показать себя в глазах взрослого человеком, который разбирается в деловых вопросах.

Таким образом, мы проанализировали ситуации с обращениями в речи немецких младших школьников в рамках стратегии самопрезентации, которая является ведущей коммуникативной стратегией данного возраста, что обусловлено интеграцией ребенка в общество и связанной с этим социализацией. В основе коммуникативной стратегии самопрезентации лежат четыре выделенные нами коммуникативные тактики: тактика принадлежности к группе «своих», тактика уничижения адресата, тактика выражения симпатии, тактика самовозвышения в разговоре со взрослым.

В зависимости от параметров коммуникативной ситуации (официальные ситуации / неофициальные ситуации), статуса отправителя и получателя сообщения (ребенок – взрослый, ребенок – ребенок), коммуникативной цели высказывания в рамках каждой тактики младший школьник выбирает наиболее подходящую форму обращения. Благодаря этому он реализует свои интенции: явные и скрытые цели общения (например: самовозвышение, уничижение адресата, упрек, симпатия). Типичным для речи младшего школьника является употребление дразнилок в качестве обращения в рамках тактики уничижения адресата. Также выделяются базовые и ситуативно-групповые обращения. В проанализированных примерах обращения обладают богатым прагмалингвистическим потенциалом, помогают установить и поддержать контакт с собеседником, регулируют представления о ситуации общения, выступают средством речевого воздействия, помогают адресанту в достижении коммуникативной цели высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амзаракова И.П. Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 495 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.
4. Данюшина Л.А. Детский дискурс как феномен формирующейся языковой личности: дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2014. 31 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор: учебное пособие для студентов вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 320 с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
8. Маркова А.К. Периодизация речевого развития // Вопросы психологии. 1973. № 6. С. 96–106
9. Матвеева Г.Г. Речевой сигнал и его роль в практике прагмалингвистического исследования // Инновационные технологии и креативность в изучении и преподавании языков и культур: материалы междунар. науч.-практ. конф. (27–28 апр. 2016 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 145–150.
10. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. VII: Социолингвистика. М., 1975. С. 42–95.
11. Duden. Deutsches Universalworterbuch. URL: http://www.duden.de (дата обращения: 21.02.2017).
12. Hehl H. Lexikon der Jugendsprache. Leipzig, 2006. 112 S.
13. Kany W. Inoffizielle Personennamen: Bildung, Bedeutung und Funktion. Tübingen: Niemeyer, 1992

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Boie K. Nella-Propella. Frankfurt/M: Fischer Taschenbuch Verlag, 2005. 140 S.
2. Fessel K. Und wenn schon. Norderstedt: Books on Demand Verlag, 2012. 160 S.
3. Heinrich O. Frerk, du Zwerg! Berlin: Bloomsbury Kinderbücher & Jugendbücher, 2014. 96 S.

4. Keun. I. Das Mädchen, mit dem die Kinder nicht verkehren durften. Köln: Kiepenheuer & Witsch Verlag, 2016. 208 c.
5. Ludwig S. Die Fabelhafte Miss Braitwhistle. Hamburg: Dressler, 2015. 208 S.

G.A. Lebedenko

Self-Presentation Strategy in the Speech of Junior School Students (on the Material of Situations with Forms of Address)

Key words: *forms of address; discourse; junior school student; components of speech act; communicative purpose of speech; self-presentation; communicative strategy; communicative tactics.*

The article is devoted to the analysis of pragmatic features of address in the speech self-presentation of German junior school students. The paper is concerned with speakers' choice of most suitable forms of address depending on characteristics of communicative situation. Four tactics of self-presentation strategy are singled out and analyzed.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ РУБРИКА «ОНОМАСТИКА И ТОПОНИМИКА»

В.И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

УДК 81'373.21

Ономастика в диалектном тексте: проблемы лингвогеографии, лингвокультурологии, этнолингвистики

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 15-04-00137 «Особенности ономастического пространства России (на примере Республики Калмыкия)».

Ключевые слова: *ономастика; топонимия; антропонимия; диалектология; геолингвистика; этнолингвистика; региолект.*

В статье рассматривается представленность ономастических данных в материалах диалектологии, лингвогеографии, ареальной лингвистики, этнолингвистики, лингворегионалистики. Определяются исторические вехи в развитии лингвистических дисциплин, изучающих народную речь, особенности реализации различных ономастических разрядов в них.

В современном языкознании дополняют друг друга, взаимодействуют, сосуществуют несколько направлений научного поиска, полностью или частично опирающихся на материал народной речи: диалектология, лингвистическая география (геолингвистика), ареальная лингвистика, региональная лингвистика, этнолингвистика. На особенности речи разных территорий проживания народа обращали внимание еще в античные времена. Римские риторы (Марк Фабий Квинтилиан, Авгеллий и др.) ввели в науку термин *солецизм*, образованный от наименования греческой колонии Солы (др.-греч. Σόλοι, лат. Soli) в Малой Азии (по другой версии – на Кипре). Основанный афинянами, этот город вскоре вобрал в себя представителей окрестных селений, жители утратили чистоту древнегреческого языка [20, с. 751]. Ныне термин сузил свое значение, используется для обозначения неправильного в синтаксическом отношении оборота речи, не искажающего смысла высказывания [1, с. 1232].

Научное изучение народной речи, сбор диалектного материала начались в конце XVII века в Германии, а в начале XIX века появились классические труды по немецкой диалектологии Иоганна Андреаса Шмеллера (1785–1852) «Диалекты Баварии в грамматическом изложении» (1821) и 4-томный

«Баварский словарь» (1827–1837) [26; 27]. В России появление диалектологии связывают с именем М.В. Ломоносова, который выделил московский, северный (в материалах – поморской) и малороссийский диалекты [10, с. 429, 608]. Подлинным прорывом в русской диалектной лексикографии стало издание в 1852 году «Опыта областного великорусского словаря» (18 011 слов) [14], дополнения к нему в 1858 году (22 895 слов) [4] и 4-томного «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866), включавшего около 80 тысяч диалектных лексем [3].

В словаре В.И. Даля, помимо нарицательных слов, встречаются антропонимы с лингвокультурными и этнолингвистическими комментариями. Чаще всего антропонимы представлены в функции геортонимов с указанием народных примет, традиций, обычаев: (день) *Василия капельника, на севере день 7-го марта, на юге – 28 февраля, начинает капать с кровель.<…> Василия-свинятника, Васильев день, авсень, Новый год, 1 января. <…> На Василия теплого (22 марта) солнце в кругах – к урожаю. На Василия Парийского (12 апреля) весна землю парит.<…> На Василиска (мая 22) не пашут, не сеют, а то уродятся одни васильки* [3, т. 1, с. 167]. Отмечен также переход антропонимов в зоонимы: *Васька, обычная кличка козлов и котов. Машка коза да Васька козел. Васька идет, бородою трясет* [там же]. Топонимы и антропонимы встречаются в составе пословиц и поговорок: *Иван был в орде, а Марья вести сказывает; Язык до Киева доведет; Нет, я в Моздок не ездок!* Отмечены оттопонимические адъективные дериваты (*астраханский перец, клей, орехи* [3, т. 1, с. 27], *донской можжевельник* [3, т. 1, с. 468]), гидронимы встречаются в содержании словарных статей: *байкалит м. каменная порода, ископаемое, открытое на Байкале* [3, т. 1, с. 39]; *Воложка ж. вост. всякий из множества боковых рукавов, протоков Волги, образующих рукава, а со временем старицы и ерики; заостровка; такие ж протоки на Дунае назыв. дунавец, а в перм. такие огибающие остров протоки назыв. воложкою и на Каме и др. реках* [3, т. 1, с. 234]. Происходит полная апеллятивизация антропонима: *васька м. мальчик, служка, в значении разувайки, т. е. досчечка на подставке, с вырезкой по пятке, для разувания сапогов* [3, т. 1, с. 167].

Лингвистическая география возникла как развитие диалектологии, отражая стремление нанести на карты распространение языков и диалектов. Георг Венкер (1852–1911) в 1876 году разослал германским учителям анкету, на которую получил 40 тысяч ответов. Обработав их вместе с Фердинандом Вреде (1863–1934), он подготовил 550 различных карт, которые были изданы через 50 лет после начала работы и уже после смерти первого геолингвиста. Параллельно швейцарский ученый Жюль Жильерон (1854–1926) и его помощник зеленщик Эдмон Эдмон (1948–1926) составляли Лингвистический атлас Франции, содержащий 1200 карт; он вышел в свет в 1912 году. В 1922 году Альбер Доза (1877–1955) издает монографию «Лингвистическая география» [23]. В России в 1915 году был издан «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии», над которой с 1903 года работала Московская

диалектологическая комиссия [16, с. 19]. В 1926 году выходит небольшая брошюра (оттиск из Известий Горского педагогического университета) о лингвистической географии Михаила Яковлевича Немировского (1983–1965), который отметил: «Пока лингвистическая география ограничивалась картографическим изображением языковых фактов, она имела для лингвистики значение лишь вспомогательного, иллюстрирующего средства. Новая фаза развития лингвистической географии началась в тот момент, когда приступили к интерпретации лингвистических карт, объяснению изображенных на этих картах языковых явлений» [11, с. 236].

В Италии получает развитие ареальная (пространственная, спатиальная) лингвистика – раздел языкознания, изучающий распространение языковых явлений в пространственной протяженности и межъязыковом (междиалектном) взаимодействии на основе методов лингвистической географии. Ареальная лингвистика выявляет ареалы взаимодействия диалектов, языков, языковых союзов (ареальных общностей) в результате изучения территориального распространения языковых особенностей и интерпретации изоглосс языковых явлений. Основные принципы были разработаны в работе Маттео Джулио Бартоли (1873–1946) «Введение в неолингвистику» (1925), но впервые термин «пространственная (ареальная) лингвистика» появился в работах М.Дж. Бартоли и Дж. Видосси в 1943 и 1945 годах [21; 22].

Лингвогеография и ареальная лингвистика имеют дело с отражением на карте фонетических, морфологических, деривационных явлений, на лексико-семантическом уровне картографируются нарицательные диалектные слова, однако при нанесении изоглосс (изолекс, изосем) топографических понятий происходит постоянное вхождение в сферу микротопонимии, в которой граница между проприальной и нарицательной лексикой зыбка и легко преодолима.

В конце XIX – начале XX века в США в рамках культурной антропологии выделилось новое направление лингвистического поиска, получившее позже название этнолингвистики. У его истоков стояли Франц Боас (1858–1942), Эдвард Сепир (1884–1939) и Бенджамин Уорф (1897–1941). Американские ученые сформулировали принцип лингвистической относительности, названный по прямой и намеренной аналогии с принципом относительности Альберта Эйнштейна: то, как человек воспринимает окружающий мир, картина мира говорящего зависит не столько от наблюдаемой реальности, сколько от так называемой классификационной сетки, которую грамматическая, лексико-семантическая, словообразовательная и пр. системы языка навязывают Homo loquens et audiens [17; 18; 5, с. 191].

В России проблемами этнолингвистики занимался петербургский ученый Александр Сергеевич Герд (1936–2016), автор первого учебника по этой дисциплине. Он ввел понятие *региолекта* – особой формы устной речи, «в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия

многих ареально варьирующихся черт не совпадающая полностью с городским просторечием» [2].

Термин *региолект* мог быть создан на базе русского языка с использованием элементов, вычленяемых в словах *регион, диалект*, но мог заимствоваться из французской лингвистики, где к территориальным вариативностям (variation diatopique) относятся régiolecte (региолект), topolecte (securities) (тополект), géolectes (геолект). Тополект – лингвистическая разновидность (géolecte), рассматриваемая с точки зрения географической территории. Так, тополект, распространенный преимущественно в селах в окрестностях Висамбура, классифицируется как находящийся частично под влиянием франко-рейнского и немецко-эльзасского, включаемый в южно-франкскую группу [28; 24].

В немецкой диалектологии подобные явления называют полудиалектом – *Halbmundart*. Термин ввел в отечественное языкознание Виктор Максимович Жирмунский (1912–2000) в книге «Немецкая диалектология» [6]. Тамара Сергеевна Коготкова (1922–2015) писала: «Полудиалект – это такая языковая структура, которая представляет собой сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка» [9, с. 6]. В британских и американских работах по диалектологии используется термин *основной (господствующий) диалект* (Mainstream Dialect), под которым понимается современный, видоизмененный диалект независимо от его структуры. При таком подходе недостаточно понятными остаются структурные изменения, происходящие в системе современного английского диалекта вследствие влияния на него стандартного варианта языка. Питер Траджилл считает, что основной диалект включает в себя как стандартный английский диалект, так и современные нестандартные диалекты [25].

Этнолингвистика учитывает особенности употребления имен собственных в народной речи, включая региолекты (полудиалекты). Каждое имя обладает этнолингвистической ценностью, поскольку оно характеризует носителя как члена этноколлектива в антропонимах, определяет особенности места проживания в топонимах, взаимоотношения с окружающим животным миром в зоонимах, выявляет специфические черты жизни народа в геортонимах, хрононимах, библионимах и пр.

В последние годы в некоторых университетах России (Белгород, Магадан и др.) возникли научных центры региональной лингвистики. В Белгороде вышли два пособия по лингворегионоведению [12; 13]. В.К. Харченко поднимает проблемы региональной антропонимики и генеалогии, функционирования современного разговорного дискурса, ставит задачу организации языковой поддержки социума в целом и регионального инновационного общества [19, с. 24]. В Магадане еще в 60-е годы прошлого века начал изучать диалекты местного края Г.В. Зотов [7], его материалы были опубликованы уже в XXI веке в словаре, в котором представлена лексика русских старожильческих говоров Крайнего Северо-Востока России (около 6000 слов и выражений). Словарь составлен на ос-

нове материалов, собранных автором в 60–70-е годы XX века во время экспедиций в районы проживания русского старожильческого населения на реках Колыме, Анадыре, Гижиге и др. [8]. В 2016 году лингвисты Магадана издали пособие по региональной лингвистике [15].

Этнолингвистика и лингворегионоведение в значительной степени учитывают ономастическую лексику. Каждый регион и каждый народ обладают своим набором способов номинации объектов на географической территории, своим реестром популярных антропонимов, особенностями функционирования зоонимов, геортонимов и прочих единиц ономастических разрядов. На этнонимах строится представление о самостоятельности и самобытности этносов и субэтносов. На основе ономастических данных возможно проведение этногенетических и лингвогенетических исследований, определение исторических вех в жизни народа и его этнологических групп.

В последнее время диалектологические экспедиции все больше приобретают характер этнолингвистических: помимо записи диалектных лексем и фразем, фиксации фонетико-интонационных, деривационных, грамматических особенностей говора собиратели записывают обычаи, традиции, игры, особенности проведения праздников и т.п. При этом обнаруживается значительное число имен собственных. Так, в 2016 году этнолингвистическая экспедиция Волгоградского государственного социально-педагогического университета в Ольховском районе отметила народные формы антропонимов *Леска* (Александра), *Панда* (Полина), *Микита* (Никита), *Пятро* (Петр) и др., именования женщин *Гульдониха, Киверчиха, Дудачиха, Савтаниха, Стриглишиха* и пр., название детей по имени отца *Митяшонок* (сын Дмитрия), клички коров *Марта, Маня, Красотка, Буренка, Ночка, Цыганка,* индюка *Петюша*, название частей села Липовки *Горочка, Вонючка, Самодуровка, Середочка, Новики, Остров* и др., геортонимы *Пятровки, Рожаство, Маланка, Шудор вечер*, катойконим *романцы* (жители села Романовка) и мн. др. Все эти онимы характеризуют лингвокультурные особенности речи диалектоносителей, определяют специфику народной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИИНС, 1955. Т. 1–4.

4. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

5. Дорофеева О.А., Самойлова Е.В. Взаимосвязь понятий «картина мира», «языковая картина мира», «ментальность» // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 8 / отв. ред. К.Б. Свойкин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. С. 190–193.

6. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 636 с.

7. Зотов Г.В. К изучению говора Магаданской области (отчет о диалектологической поездке в с. Марково Анадырского района Магаданской области) // Ученые записки МГПИ. Вып. I, ч. I. Магадан, 1963. С. 3–23.

8. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан, 2010. 539 с.
9. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979. 335 с.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 578 с.
11. Немировский М.Я. Лингвистическая география и ее значение // Известия Горского педагогического института. Владикавказ, 1926. Т. III. С. 235–248.
12. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение в школе: учебное пособие. Белгород; Харьков: Федорко, 2014. 142 с.
13. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Белгород; Харьков, 2010. 104 с.
14. Опыт областного великорусского словаря / ред. А.Х. Востоков и А.М. Коркунов. СПб., 1852.
15. Региональная линвистика (Крайний Северо-Восток России) / под ред. А.А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2016. 219 с.
16. Русская диалектология / под ред. В.В. Колесова. 2-е изд., стер. М.: Высш. шк., 1998. 207 с.
17. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
18. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / пер. с англ. Л.П. Патан и Е.С. Турковой // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 157–201.
19. Харченко В.К. О языке, достойном человека: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 160 с.
20. Энциклопедический словарь. Т. XXXA. СПб.: Тип. акц. общ-ва «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 481–960.
21. Bartolli M.G. Saggi di linguisticaspaziale. Torino, 1945.
22. Bartolli M.G., Vidossi G. Lineamenti di linguistica spaziale. Milano, 1943.
23. Dauzat A. La géographie linguistique. P.: Flammarion, 1922. 200 p.
24. Hughes St. Bilingualism in North-East France with specific reference to Rhenish Franconian spoken by Moselle Cross-border (or frontier) workers, dans Preisler, Bent, et al. // The Consequences of Mobility: Linguistic and Sociocultural Contact Zones. Roskilde (Denmark): Roskilde Universitetscenter: Institut for Sprog og Kultur, 2005.
25. Peter Trudgill. I Love English Language // https://aggslanguage. wordpress.com/ 2009/09/21/peter-trudgill.
26. Schmeller J.A. Bayrisches Wörterbuch mit urkundlichen Belegen. Bd. 1–4. Stuttgart und Tübingen, 1827–1837.
27. Schmeller J.A. Die Mundarten Bayerns, grammatisch dargestellt. München, 1821.
28. http://dictionnaire.sensagent.leparisien.fr/TOPOLECTE/fr-fr.

V.I. Suprun

Onomastics in Dialectal text: Problems of Geolinguistics, Cultural Linguistics, Ethnolinguistics

Key words: *onomastics; toponymy; anthroponymy; dialectology; geolinguistics; ethnolinguistics; regional dialect.*

The article discusses the representation of onomastic data in the materials of dialectology, geolinguistics, areal linguistics, ethnolinguistics, regional linguistics. Historical milestones are identified in the development of linguistic disciplines which study people's speech, especially the implementation of various onomastic categories in them.

А.М. Мезенко
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

УДК 811.161.1'373.21:008

Частотность годонимов как экспонент культурно-исторической информации

Ключевые слова: *виконимия; годоним; культурная информация; оним; региональная ономастика, урбанонимия; фреквентативный анализ.*

В статье исследуется региональная распространенность и сущность повторяемости урбанонимов и виконимов как источника культурно-исторической информации. Делается вывод о том, что в конце XX – начале XXI века в белорусской годонимной системе наиболее частотны были названия улиц, отвечающие социальным и идеологическим параметрам, в польской годонимии – имеющие отношение к прецедентным именам, связанным с военно-политической историей Польши, литературой и искусством.

Присвоение одного и того же имени двум и более объектам одного класса вызывает особый интерес в наши дни. Примеры этого явления хорошо известны в антропонимии, ойконимии и особенно в урбанонимии и виконимии. Так, например, самые распространенные имена *Мария* и *Анна* носят тысячи представительниц женского пола во всем мире, название населенного пункта *Париж* существует во Франции и в Свердловской области, *ул. Т. Костюшко* известна в 719 городах Польши и 12 населенных пунктах Беларуси и т.д. Функционирование имен внутригородских и внутрисельских объектов в региональной или исторической перспективе тесно связано с динамикой частотности употребления и встречаемости тех или иных онимов. Феномен повторяемости онимов по целому ряду причин недостаточно изучен до настоящего времени в урбанонимике и виконимике.

Исследование частотности употребления того или иного годонима, начатое польскими исследователями, в частности К. Сковронек, еще в 1994 году [9], частично продолженное Э. Борисяк [8], белорусскими (см. работы А.М. Мезенко [3], М.Л. Дорофеенко [1]) и русскими учеными (см. публикации Р.В. Разумова [4; 5], А.Н. Соловьева [6; 7]), лишь начинается. Возникающий интерес к исследованию феномена повторяемости внутригородских и внутрисельских названий не случаен. Изучение частотности годонимов и других названий внутригородских и внутрисельских объектов, закономерностей их функционирования и тенденций возникновения и развития, процессов взаимодействия разноязычных урбанонимных и виконимных систем позволяет определить особенности заселения и освоения региона, языкового и этнического прошлого и настоящего. Фреквентативный анализ названий улиц

имеет основания открыть определенные закономерности формирования урбанонимной и виконимной систем конкретного народа и стать основой для лингвокультурологических и этнолингвистических построений.

Цель данного исследования – установление региональной распространенности и сущности повторяемости урбанонимов и виконимов как источника культурно-исторической информации.

Базой исследования послужили материалы наших монографий [2; 3], статьи Эльжбеты Борисяк [8], данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь.

Для анализа данного материала были использованы дескриптивный, сравнительно-сопоставительный методы, элементы метода количественных подсчетов.

Несмотря на то, что в целом урбанонимная история восточных славян начинается с XI–XII веков, первые письменные упоминания о годонимах – названиях линейных объектов (улиц, переулков, трактов и т.п.) – относятся к XV–XVI векам. За шесть столетий изменилось многое, в том числе и само понятие города. Не был однородным по своей частотности и годонимикон. При этом хотя древние населенные пункты и не отличались большим количеством линейных объектов, уже тогда регистрируется такое явление, как повторяемость годонимных единиц. Например, улицы с названием *Виленская* (*ulica Wileńska*), восходящим к наименованию г. Вильна, в направлении которого линейные объекты вели, в XVI–XVIII веках зарегистрированы в 35 поселениях, в частности в Клецке Клецкого княжества (1552 год), Гродно (1560 год), Василишках Лидского повета (1563 год), Новогрудке (1563 год), Койданове (1669 год), Ошмянах (1637 год), Долятычах Лидского повета (1657 год), Кругеле (1669 год), Несвиже (1637 год), Сморгони (1622 год) и др. (см.: [3, с. 55–57]).

Следует отметить, что в те времена заметной частотностью отличались и другие отойконимные годонимы: так, *Гродненская улица* зафиксирована в 13 населенных пунктах (Бержниках, Липске, Лунне, Мостах, Новом Дворе Гродненской экономии, Василькове Гродненского повета, Зельве, Белостоке, Динабурге, Лиде, Новогрудке, Острине и Новом Дворе Лидского повета); *Могилевская улица* – в 9-ти, *Минская улица* – в 9-ти, *Кобринская улица* – в 7-ми и т.п.

Несколько уступала этой группе частотность названий улиц, мотивированных национальностью жителей: *Жидовская* (в XIX–XX *Еврейская*) *улица* (Берестье – совр. Брест, Гродно, Кобрин, Новогрудок, Пинск, Слоним, Слуцк, Белосток, Вильно, Бельск, Динабург, Барановичи, Минск, Витебск); *Немецкая улица* (Ляды, Вильно, Белосток, Гомель, Гродно, Орша и др.).

Наконец, частотными в XVI–XVIII веках были также годонимы, образованные от наименований наиболее важных для ориентации в городе точечных объектов, прежде всего замков, церквей, костелов и других мест совершения обряда, как то: *Николаевская / Никольская улица / Николаев-*

ский переулок / Никольский заулок / Микольский заулок / Николаевская площадь (Белосток, Бобруйск, Брест-Литовск, Борисов, Гомель, Гродно, Динабург, Минск, Могилев, Мозырь, Пинск, Полоцк и др.); *Замковая улица / Замковый переулок / Замковая Верхняя улица / Замковая Могилевская улица / Замковый мост* (Бельск, Вильна, Витебск, Гомель, Гродно, Мозырь, Каменец-Литовск, Кругель, Логойск, Минск, Могилев, Мядель, Несвиж, Пинск, Полоцк, Рогачев, Слоним); *Школьная улица* (*школой* в означенный период называли также синагогу; Бобруйск, Витебск, Гродно, Игумен, Новогрудок, Пинск и др.); *Школьная Жидовская улица* (Гродно); *Школьно-Слободская улица* (Витебск); *Школьный переулок* (Витебск, Лида, Минск); Костельная улица (Бержники, Новый Двор, Сморгонь, Васильков, Гродненского повета, Береза Брестского повета, Каменец-Литовск, Дрогичин, Зельва, Пинск), *Костельный переулок* (Белосток, Орша), *1-й Костельный переулок, 2-й Костельный переулок, 3-й Костельный переулок, 4-й Костельный переулок* (Витебск).

Проанализированный материал позволяет говорить о том, что особая частотность годонимов, образованных от названий городов, в направлении которых они ведут, национальности жителей и важнейших объектов населенного пункта, может свидетельствовать об определенном историческом периоде и определенных культурных ценностях.

Обоснованность данного тезиса поддерживается также тем, что в начале XXI века наблюдаем совершенно иные направления частотности названий внутригородских и внутрисельских объектов.

Частотность современных белорусских годонимов, представленных в урбанонимиконах и виконимиконах северной, средней, южной, западной и восточной частей Беларуси, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Наиболее частотные современные белорусские годонимы

Ранг	Годоним	Количество линейных объектов
1	Молодежная улица	754
2	Садовая улица	730
3	Советская улица	622
4	Школьная улица	557
5	Лесная улица	544
6	Центральная улица	437
7	Полевая улица	415
8	Луговая улица	361
9	Зеленая улица	296
10	Первомайская улица	281
11	Заречная улица	280
12	Набережная улица	237
13	Комсомольская улица	227
14	Улица Мира	215
15	Улица Ленина	177

Как видно из приведенных данных, ассортименты частотных названий улиц XXI и XVI–XVIII веков пересекаются только в одном названии – *Школьная улица*, – но даже и это совпадение, учитывая изменения, произошедшие в семантике производящего слова, не идеально. При этом общее направление волны частотности кардинально изменилось – от названий, мотивированных конкретными объектами (городами, замками, храмами; национальностью конкретных людей, проживающих на данной улице, в переулке и т.п.), до наименований, мотивированных в каком-то смысле образом пространства миниатюрного мира (ср.: *Садовая ул.*, *Зеленая ул.*), элементами ландшафтного кода традиционной белорусской модели мира, которые вместе с другими элементами этого кода (ср.: *Полевая ул., Луговая ул., Лесная ул., Заречная ул., Набережная ул.*) по-своему структурируют пространство этого мира.

На первый план выходят социальные (*Молодежная ул.*) и идеологические (*Советская ул., Комсомольская ул., ул. Ленина, Первомайская ул.*) параметры, выступающие экспонентами «своей» исторической эпохи и определенного уровня культуры.

Показательно, что в разных регионах Беларуси набор частотных наименований внутригородских и внутрисельских объектов также несколько разнится.

Региональная распространенность наиболее частотных белорусских урбанонимов и виконимов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Наиболее частотные названия улиц в населенных пунктах Беларуси

Ранг	Годонимы Витебской области	Годонимы Гомельской области	Годонимы Гродненской области
1	*Центральная ул.* / Центральная пл., Центральный пер., 1-й Центральный пер. (437 н.п.)	*Советская ул.* (397 н.п.)	*Молодежная ул.* (232 н.п.)
2	*Садовая ул.* / 1 – 8-я Садовая ул., Садовый пер., 1–2-й Садовый пер., Садовый проезд (295 н.п.)	*Садовая ул.* (300 н.п.)	*Новая ул.* (157 н.п.)
3	*Молодежная ул.* / 1–2-я Молодежная ул. / Молодежный пер. / Молодежный бульвар (233 н.п.)	*Молодежная ул.* (289 н.п.)	*Школьная ул.* (152 н.п.)
4	*Полевая ул.* / 1–2-я Полевая ул., Полевой пер. (202 н.п.)	*Лесная ул.* (249 н.п.)	*Садовая ул.* (135 н.п.)
5	*Лесная ул.* / 1–9-я Лесная ул. / Лесной пер. / 2 – 9-й Лесной пер. (189 н.п.)	*Школьная ул.* (248 н.п.)	*Лесная ул.* (106 н.п.)
6	*Школьная ул.* / 2-я Школьная ул., Школьный пер., 1–2-й Школьный пер. (157 н.п.)	*Новая ул.* (164 н.п.)	*Зеленая ул.* (101 н.п.)
7	*Советская ул.* / 1–2-я Советская ул., Советский пер., 1–4-й Советский пер. (139 н.п.)	*Луговая ул.* (159 н.п.)	*Луговая ул.* (86 н.п.)

8	*Луговая ул.* / 1–9-я Луговая ул. / Луговой пер. / 1–2-й Луговой пер. (116 н.п.)	*Полевая ул.* (159 н.п.)	*Советская ул.* (86 н.п.)
9	*Озерная ул.* / Озерный пер., 1–3-й Озерный пер. (108 н.п.)	*Октябрьская ул.* (158 н.п.)	*Заречная ул.* (80 н.п.)
10	*Заречная ул.* / 1–3-я Заречная ул. / Заречный пер. / 1–3-й Заречный пер. (106 н.п.)	*Колхозная ул.* (148 н.п.)	*Первомайская ул.* (61 н.п.)
11	*Зеленая ул.* / Зеленый пер., Зеленый тупик (97 н.п.)	*Первомайская ул.* (145 н.п.)	*Полевая ул.* (54)
12	*Первомайская ул.* / 1–3-я Первомайская ул., Первомайский пер., 1–6-й Первомайский пер., ул. *1 Мая* (75 н.п.)	*Набережная ул.* (139 н.п.)	*Юбилейная ул.* (53 н.п.)
13	*Солнечная ул.* / 1–2-я Солнечная ул., Солнечный пер. (73 н.п.)	*Комсомольская ул.* (132 н.п.)	*Ул. Мира* (50 н.п.)
14	*Ул. Мира* / 1–3-я ул. Мира / пер. Мира / 1–2-й пер. Мира / Мирная ул. / Мирный пер. / 1–2-й Мирный пер. (72 н.п.)	*Ул. Гагарина* (98 н.п.)	*Октябрьская ул.* (46 н.п.)
15	*Набережная ул.* / 1–3-я Набережная ул., Набережный пер. / 1–2-й Набережный пер. (68 н.п.)	*Зеленая ул.* (98 н.п.)	*Ул. Гагарина* (41 н.п.)
16	*Восточная ул.*, 1–3-я Восточная ул., Восточный пер. 2–3-й Восточный пер., Восточный проезд, 1–2-й Восточный тракт (66 н.п.)	*Ул. Ленина* (95 н.п.)	*Озерная ул.* (38 н.п.)
17	*Комсомольская ул.* / Комсомольский пер. / Комсомольская пл. / 1–2-й Комсомольский пер. (64 н.п.)	*Юбилейная ул.* (95 н.п.)	*Комсомольская ул.* (31 н.п.)
18	*Парковая ул.* / Парковый пер. / 1–6-й Парковый пер. (62 н.п.)	*Заречная ул.* (94 н.п.)	*Парковая ул.* (31 н.п.)
19	*Железнодорожная ул.*, 1–3-я Железнодорожная ул., Железнодорожный пер., 2-й Железнодорожный пер. (61 н.п.)	*Ул. Мира* (93 н.п.)	*Набережная ул.* (30 н.п.)
20	*Ул. Ленина* / пер. Ленина, пл. Ленина / Ленинская ул. / Ленинский пер. / 1–2-й Ленинский пер. (58 н.п.)	*Пролетарская ул.* (89 н.п.)	*Ул. Ленина* (24 н.п.)

Привлечение данных трех областей – северной, западной и юго-восточной – позволяет установить сходство их фреквентативных характеристик на 70%. Так, из первых двух десятков наиболее частотных годонимов только 14 зарегистрировано в каждой из анализируемых областей: *Молодежная ул., Садовая ул., Советская ул., Школьная ул., Лесная ул., Полевая ул., Луговая ул., Зеленая ул., Первомайская ул., Заречная ул., Набережная ул., Комсомольская ул., ул. Мира, ул. Ленина.*

Заметнее отличается своим набором частотных названий улиц годонимикон Витебщины, включающий четыре названия, отсутствующие

среди частотных в Гомельской и Гродненской областях: *Центральная ул., Восточная ул., Железнодорожная ул., Солнечная ул.* Меньше отличных от других областей частотных названий на Гомельщине – всего два: *Колхозная ул., Пролетарская ул.* Что же касается Гродненщины, то на этой территории, где зафиксировано наименьшее число годонимов, нет не повторяющихся в других областях.

Еще нагляднее в отношении репрезентации культурной и исторической информации сопоставление наиболее частотных годонимов Беларуси и Польши.

Таблица 3

Наиболее частотные названия улиц в населенных пунктах Польши и Беларуси

Ранг	Годоним Польши	Количество линейных объектов	Годоним Беларуси	Количество линейных объектов	Ранг
1	Ul. T. Kostiushki	719	Ул. Т. Костюшки	11	46
2	Ul. Polna	714	Ул. Полевая	415	7
3	Ul. A. Mickiewicza	693	Ул. Мицкевича	51	26
4	Ul. Ogradowa	677	Ул. Садовая	730	2
5	Ul. Sloneczna	603	Ул. Солнечная	73	20
6	Ul. Krótka	597	Ул. Короткая	53	25
7	Ul. Słowackiego	567	Ул. Словацкого	1	53
8	Ul. Leśna	565	Ул. Лесная	544	5
9	Ul. Szkolna	557	Ул. Школьная	557	4
10	Ul. Sienkiewicza	527	Ул. Сенкевича	1	53
11	Rynek	509			
12	Ul. Konopnickiej	502	Ул. Конопницкой	1	53
13	Ul. Kolejowa	485	Ул. Железнодорожная	61	23
14	Ul. Wojska Polskiego	466	–	–	–
15	Ul. Lipowa	464	Ул. Липовая	4	51
16	Ul. Kopernika	447	Ул. Коперника	53	25
17	Ul. Kwiatowa	444	Ул. Цветочная	43	27
18	Ul. Kościelna	436	Ул. Костельная	1	53
19	Ul. Żeromskiego	434			
20	Ul. Zielona	424	Ул. Зеленая	296	9

Данные Э. Борисяк по польским населенным пунктам [8] и наши подсчеты по указанным поселениям Беларуси свидетельствуют, что в целом наборы названий внутригородских и внутрисельских объектов качественно похожи. Различие же приведенных годонимиконов состоит в дисбалансе ранговых показателей названий. Так, лидирующее в Польше наименование – *Ul. T. Kostiushki* – в белорусском наборе самых частотных годонимов занимает лишь 46-ю позицию; название *Ul. A. Mickiewicza*, имеющее третий ранг в польском списке, у белорусов отмечено только 26-м рангом; польские названия *Ul. Słowackiego*, *Ul. Sienkiewicza*, имеющие 7-й и 10-й ранги соответственно, в белорусском наборе занимают 53-ю позицию.

Разнятся и первые десятки белорусских и польских самых частотных годонимов. Относительно близки ранговые показатели лишь четырех из них: *Полевая ул*. (7-й ранг) – *Ul. Polna* (2-й ранг), *Садовая ул.* (2-й) – *Ul. Ogradowa* (4-й), *Лесная ул*. (5-й) – *Ul. Leśna* (8-й), *Школьная ул.* (4-й) – *Ul. Szkolna* (9-й).

Годонимы *Ul. Sloneczna, Ul. Krótka,* занимающие 5-ю и 6-ю позиции, у белорусов формируют вторую и третью десятки наиболее частотных наименований – *Солнечная ул.* (20-й ранг), *Короткая ул*. (25-й).

Показательно, что из двадцати наиболее частотных польских названий улиц девять имеют отношение к памятным именам, связанным с историей Польши (*Ul. T. Kostiushki, Ul. Wojska Polskiego*), духовным наследием (*Ul. Kościelna*), наукой (*Ul. Kopernika*), литературой и искусством (*Ul. A.Mickiewicza, Ul. Słowackiego, Ul. Sienkiewicza, Ul. Konopnickiej*, *Ul. Żeromskiego*).

Таким образом, полученные нами результаты сопоставления частотности внутригородских и внутрисельских годонимов подтверждают тезис о региональной распространенности одних и тех же наименований линейных объектов. При этом сходные номинативные процессы, происхо-дящие в годонимиконах разных территорий, нельзя признать константными, поскольку в каждом конкретном регионе может существовать своя «мода» на названия улиц, определяющая их территориальную частотность.

Имена внутригородских и внутрисельских объектов в ономастическом пространстве являются средством познания культурных особенностей их творцов. В этом отношении сами урбанонимы и виконимы, особенности существования отражают специфическую организацию их создателей. Они входят в систему мировоззрения народа, через которое осмысливаются и выражаются важнейшие для него категории бытия.

Частотность же годонимов способна выступать экспонентом культурно-исторической информации, изучение которой создает основу для моделирования языковой картины мира. Состав частотных годонимов меняется с течением времени. Одни имена улиц остаются широко используемыми в XVI, XVII и XVIII веках, другие – выходят из употребления. Употребительность частотных названий также может изменяться, при этом название остается распространенным, но количество линейных объектов, носящих его, может увеличиваться или уменьшаться.

Анализ показал, что в конце XX – начале XXI века в белорусской годонимной системе наиболее частотны следующие три названия улиц: *Молодежная ул., Садовая ул., Советская ул.*, свидетельствующие о выходе на первый план социальных (*Молодежная ул.*) и идеологических (*Советская ул.*) параметров, выступающих экспонентами современной исторической эпохи. В польской годонимии это другие наименования: *Ul T. Kostiushki, Ul. Polna, Ul. A. Mickiewicza*, имеющие отношение к прецедентным именам, связанным с историей Польши (*Ul. T. Kostiushki*), литературой и искусством (*Ul. A. Mickiewicza*).

Это свидетельствует о существовании определенных предпочтений в выборе уличных номинаций и является перспективным в аспекте сопоставления с данными по другим странам и регионам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорофеенко М.Л. Фреквентативные особенности виконимов Гомельской и Гродненской областей: сходства и различия // НИРС 2012: сб. науч. работ студентов Респ. Беларусь / редкол.: А.И. Жук (пред.) [и др.]. Минск, 2013. С. 504–505.

2. Мезенка Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2008. Ч. 1. 363 с.; Ч. 2. 254 с.

3. Мезенко А.М. Имя внутригородского объекта в истории: Об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX в. Минск: Выш. шк., 2003. 301 с.

4. Разумов Р.В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1, т. I (Гуманитарные науки). С. 145–149.

5. Разумов Р.В. Проблемы формирования городского онимического пространства // Стратегии исследования языковых единиц: материалы международной научно-практической конференции (Тверь, 16–17 апреля 2010 г.). Тверь, 2010. С. 276–281 и др.

6. Соловьев А.Н. Влияние советской идеологии на урбанонимию региона (на примере Смоленской области) // Труды кафедры стилистики русского языка. Вып. 3. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 154–164.

7. Соловьев А.Н. Смоленская урбанонимия по материалам однодневной переписи 1881 года // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. / под науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. С. 137–141 и др.

8. Borysiak E. Aktualne, najczęściej występujące w polskich miastach nazwy ulic // Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / pod red. A. Cieślikowej, B. Czopek-Kopciuch i K. Skowronek. Kraków: Wyd-wo PANDIT, 2007. S. 449–456.

9. Skowronek K. Współczesne, najczęściej używane nazwiska polskie // Antroponimia słowiańska: Materiały z IX Ogólnopolskiej Konferencji Onomastycznej (Warszawa, 6–8 XI 1994) / red. E. Wolnicz-Pawłowska, J. Duma. Warszawa, 1996. S. 291–299.

A.M. Mezenko

The Frequency of Godonyms as an Exponent of Cultural and Historic Information

Key words: *viconymy; godonym; cultural information; regional onomastics, urbanonymy; frequentative analysis.*

The article studies regional prevalence and essence of frequency of urbanonyms and vikonyms as a source of cultural and historic information. It is concluded that at the end of the XXth – beginning of the XXIst century the street names which correspond to social and ideological parameters were the most frequent in the Belarusian godonymy system, and in the Polish godonymy – those related to the precedent names associated with the military and political history of Poland, literature and Art.

И.А. Королёва
Смоленский государственный университет

УДК 81'01:94(470.332)

Информативная наполненность имен собственных в смоленских грамотах XIII–XIV веков

Ключевые слова: *смоленские грамоты XIII–XIV веков; история языка; имя собственное; информация; лингвистический; экстралингвистический.*

В статье рассматривается ономастическая лексика первых смоленских памятников делового письма – смоленских грамот XIII–XIV веков. Анализируется содержащаяся в именах собственных лингвистическая и экстралингвистическая информация, позволяющая подтвердить научную значимость текстов, их высокую информативную наполненность.

Смоленские грамоты XIII–XIV веков, первые памятники смоленской деловой письменности, достаточно хорошо сохранившиеся и дошедшие до наших дней, появились в печати в издательстве АН СССР в 1963 году [12]. Безусловно, тексты давно оценены, в первую очередь, историками и историками права – данными грамот пользовался еще Н.М. Карамзин. Ценны древние памятники письменности и для лингвистов; первым на их лингвистическую значимость обратил внимание академик А.И. Соболевский [6]. Лингвистическое значение грамот определяется их высокой языковой информативностью: 1) при ненормативности правописания (что было объективно для текстов того времени) они широко отражают местные, диалектные черты, особенно в области фонетики и грамматики; 2) языковые особенности смоленских грамот позволяют выяснить отношение смоленских говоров XIII–XIV веков к западным говорам русского языка и северо-восточным говорам Беларуси. Таким образом, появляется возможность восстановить конкретную историю развития языковой системы в западных регионах расселения восточных славян; 3) лексический состав грамот позволяет провести анализ лексико-семантической системы языка средневековой Смоленщины и отдельных ее звеньев (в частности, подсистемы имен собственных (ИС)).

Грамоты в основном касаются экономических (торговых) отношений Смоленского княжества с Ригой, Готландом и северо-восточными немецкими городами, взаимоотношений с Литовским княжеством и Польшей, а также внутренних взаимоотношений между смоленским князем и епископом. Первый, самый известный документ датирован 1229 годом – это «Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом» (две редакции, шесть списков). Самая поздняя относится к 1386 году – это «Грамота князя Юрия Святославича о союзе с королем польским и литовским Володиславом (Ягелло) и великим князем Свидригайло». К XIII веку относятся следующие тек-

сты: «Грамота князя Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе» (1284 год), подтвердительные грамоты князей Федора Ростиславича (1284 год), Александра Глебовича (около 1300 года). В издание АН СССР включена также «Уставная грамота князя Ростислава с дополнительными статьями к ней и подтвердительной грамотой епископа Мануила» (1150 год), сохранившаяся в более позднем списке XVI века.

Следует подчеркнуть, что впервые смоленские грамоты изданы максимально полно, с максимально точным воспроизведением (включая все фотокопии всех грамот) и предназначены, как отмечают составители, в первую очередь для лингвистов [12, с. 7].

Все грамоты подлинные, скрепленные княжескими печатями. Письмо – обычный для восточных славян этого времени устав с различными вариантами индивидуального почерка. Бумага – хорошо сохранившийся, хотя местами немного потертый пергамент.

Наряду с библиографией, содержащейся в комментариях к соответствующим документам, в особый раздел академического издания выделен список основных лингвистических и исторических исследований, имеющих принципиальное значение для изучения текстов [9; 11 и др.]. Представлен словоуказатель, отражающий словоизменение и словообразование в том виде, в котором они имеют место в языке документов, а также полный лексический состав смоленских грамот.

В настоящей статье мы обратимся к анализу лингвистической информативной наполненности всего лишь одного разряда ИС – антропонимов, то есть именований людей, смолян и иноземцев. Источник исследования – названный словоуказатель, который составлен профессором В.В. Лопатиным. Имена собственные пишутся автором-составителем с большой буквы в заглавном слове статьи; представлены точные ссылки на тексты [12, с. 87]. В грамматических пометах указан разряд ИС и виды антропонимов: личное имя, отчество, прозвище. Отсылка «сравни» связывает схожие в произношении, но разные в написании антропонимы (чаще всего – иноязычные личные имена) или нарицательные имена с теми же именами, употребляющимися как собственные.

Среди антропонимов преобладают личные имена как главный идентификатор именуемых в Древней Руси.

Больше всего личных имен в Договорной грамоте 1229 года. Так как договор заключался с западными землями, то много иноязычных обозначений. Непонятные и непривычные именования в разных редакциях текста имеют различные варианты написания, связанные либо со сложным фонетическим комплексом заимствованного ИС, либо с действиями различных фонетических процессов, отраженных на письме: имеет место четкая замена Ф на В (*Фолкунъ – Фолквинъ, Фредрикъ – Вредрикъ* и др.); смешение начальных Е/Я (*Яганъ – Еганъ*); замена неполногласия полногласием (*ВрѢдрикъ – Вередрикъ*); смешение начальных А/И (*Андрикъ – Индрикъ*); появление перед

начальным гласным протетического согласного (*Индрикъ – Гиндрикъ – Тиндрикъ*); взаимозамена О / У, которая отражает разную степень лабиализации (*Фолкунъ – Фулкинъ*); отражение процесса падения редуцированных, выраженного в смешении Ь и Ъ, их пропусках и замене гласными полного образования (*Алберь – Алеберь – АлбѢрь – Алберъ; Алъбратъ – Альбрахъ – Альбратъ – Алъбрать – Альбракъ*); упрощение трудных сочетаний согласных (ХТ, РТ, МБ, РН и др.) (1).

Известные западноевропейские имена Бернар(д) и Вальтер представлены следующими вариантами: *Бернартъ, Бернаръ, Берняръ, Берьнарь, Берникъ, Берняртъ* (смешение редуцированных, упрощение групп согласных); *Валтъръ, Вальторь, Валтоторъ, ВелѢтѢрь, Валтерь, ВалтѢрь, ВальтѢръ* (смешение редуцированных, взамозамена гласных О / А / Е / Ѣ).

Крестильные имена смолян также вариативны, что еще в большей степени свидетельствует о неупорядочении орфографических норм, которые практически отсутствовали, и о действии и отражении на письме определенных фонетических процессов, таких как возникновение аканья (*АндрѢй – ОндрѢй, Александръ – Олександръ*); появление русского разговорного Е на месте канонического И в суффиксе -ИЙ (*Лаврентий, Остафий, Прокофей, Тереньтей*); появление диалектного протетического Г (*ЕремѢй – ГеремѢй*); появление диалектных искажений (*Гюгри* при общерусской форме имени *Георгий – Гюрги (Юрий)*) [10].

Приведем два ряда полных чередований вариантов русских крестильных имен, засвидетельствованных в списках Договора 1229 года: *Пантелей – ПаньтѢлѢй – ПантьтѢлѢй – ПантелѢй* (имеет место смешение редуцированных и смешение Е и Ѣ, характерное именно для смоленских текстов того времени); *Ерьмей – ЕремѢй – Еремьи – Геремей – ГеремѢй* (появление начального Г, смешение редуцированных).

Двуосновные княжеские имена, безусловно, социальны: «князь смольнескыи Мъстиславъ» во всех списках Договора 1229 года означен только так (в одном списке в имени имеет место процесс падения редуцированных – *Мстиславъ*). Никто из знатных горожан, подписавших договор, княжескими именами не назван. Эти имена засвидетельствованы в основном в русской полногласной форме: *Володимерь, Володиславь, Всеволодъ*. Варианты с неполногласием единичны (*Владимиръ*).

Имеет место начало социальной дифференциации форм имен: так, князь именуется полной формой имени *Федоръ*, княжеский писец – *Федорко* (1284 год). Отметим попутно, что церковных канонических форм имен типа *Феодоръ, Симеон* и пр. в текстах грамот светского экономического характера не зафиксировано.

Некрестильные имена на первых позициях именования отмечены нечасто: *Се язъ князь смоленьскыи Федоръ судилъ есмь Биреля с Армановичемь про колоколъ про немецьскыи. Бирель правъ, а Арманович виноватъ* (1284 год) [12, с. 62–63]. Как отмечает Н.М. Тупиков, уже в XIII веке

некрестильные прозвищные имена стали вытесняться крестильными. Более часты они на второй позиции: *Олекса Черный, Юрьи Голова, Семенъ НепролѢй* и пр. Скорее всего, это имена, так как, по мнению многих антропонимистов, вплоть до XV века прозвищные имена употреблялись в качестве личных собственных имен и не имели никакой экспрессии, никакой эмоционально-оценочной окраски [7, см. введение]. В смоленских грамотах контексты также не позволяют выявить никакой оценки в основах некрестильных антропонимов.

Среди прозвищных имен обычны общерусские именования, образованные традиционными способами: *Дядко* – именование по термину родства, *НепролѢй* – именование по действию, *Голова* – метонимия, *Наместникъ, Таможникъ* – именования по профессии, *Пьсковъ* – именование по территориальному признаку и др.

Единичны имена с диалектными основами. Обычно они давались простым людям [4], а подобных именований в смоленских грамотах немного. Мы исследовали их и пришли к выводу, что состав некрестильных антропонимов в определенной своей части всегда имеет локальную приуроченность [1]. В XVI–XVIII веках в памятниках деловой смоленской письменности прозвищных имен и прозвищ с диалектными основами гораздо больше [2].

Некрестильные антропонимы разных разрядов в смоленских грамотах имеют разную структуру. Часть представляет собой имена нарицательные (существительные и прилагательные), перешедшие в разряд имен собственных: *попъ (Попъ), голова (Голова), черный (Черный*) и пр. В составе значительной части есть общерусские суффиксы: *Дядко* (-К-), *Путята* (-ЯТ-), *Таможникъ* (-НИК-) и пр. Однако встречаются в составе имен аффиксы, не свойственные древнерусскому языку; так, например, отмечены антропонимические единицы с суффиксами -ЕЛ-, -ЕЛЬ, характерными для белорусской антропонимической системы: *Бирель, Бирела, Дядела* (ср. белорусское *Андрела, Петрель* и пр.). Позднее, когда Смоленский край вошел в состав Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, таких наименований становится гораздо больше.

Наблюдения над антропонимами смоленских грамот дают интересный материал о становлении русских отчеств.

В лингвистической литературе утвердилось мнение об изначальной социальности русских отчеств, в частности, с суффиксами -ОВИЧ / -ЕВИЧ / -ИЧ [8; 10]. Однако некоторые полагают, что в ранний период бытования этих идентификаторов древнего русича социальная дифференциация отсутствовала, а была приобретена отчествами позднее, причем появилась административно, на уровне социальной дифференциации населения русского государства [5, с. 177–178]. Наши наблюдения дают некоторый материал в поддержку второй точки зрения.

Так, в грамотах отчества с суффиксом -ОВИЧ / -ЕВИЧ / -ИЧ используются довольно продуктивно, образуются от крестильных и некре-

стильных имен, употребляются для называния не только князей, но и других смолян. Грамоту 1386 года вместе с князем Юрием *Святославичем* подписали князья Федоръ *Романовичь,* Михайло *Ивановичь* и горожане Семенъ НепролѢй *Гавриловичь*, Прокофей *Ивановичь*, ГлѢбъ *Васильевичь*, ОндрѢй *Микулиничь*, Борисъ *Меркурьевичь*, АндрѢй *Мирославичь*, которые «крѢстъ целовали» [12, с. 70].

В смоленских грамотах отчества с суффиксом -ОВИЧ / -ЕВИЧ преобладают. Так, например, в Готландской редакции Договора 1229 года, по мнению специалистов, более ранней, во всех списках отмечена формула именования смоленского князя со словом сынъ: *Мьстиславъ Давыдовъ сынъ*. В Рижской же редакции, более поздней, те же именования засвидетельствованы только с суффиксом -ОВИЧ / -ЕВИЧ: *Мьстиславъ Давидовичь*.

Известно, что общеславянский по происхождению суффикс -ИЧ исходным, первичным значением имеет значение «маленькое существо», «молодой человек»: *робичь, баричь, княжичь*. Современное значение отчества, то есть указание на отца, приобретается суффиксом в истории развития восточнославянских языков и закрепляется в древнерусской письменности. Сам суффикс начинает носить сложный характер (-ОВИЧ / -ЕВИЧ / -ИНИЧ) [5].

Обратим внимание на структуру именований в смоленских грамотах. Проанализировав весь материал, мы выделили следующие структурные модели:

1) именование одним христианским именем: князь *Федоръ, Данило* и др.;

2) именование одним католическим именем: *Альбратъ* изъ Брюньжвика, *Адамъ* горожанин на Готском береге и др.;

3) называние одним языческим именем: *Бирель*. В целом однословных именований немного – около 17 (5%); как правило, есть дополнительные конкретизаторы, указывающие на сословную принадлежность, профессию, место проживания и пр.;

4) двучленные именования, в состав которых входит христианское имя и отчество с суффиксом -ОВИЧ / -ЕВИЧ / -ИЧ: *Олександръ ГлѢбовичь, АндрѢй Михайловичь* и др. Это самая высокочастотная модель в грамотах – около 36%. Еще раз подчеркнем, что отчества могли быть как от крестильных, так и от некрестильных имен (*Дядковичь*). Некрестильные же имена в подобных структурах нами не засвидетельствованы;

5) структурная модель, в которую входят два имени – крестильное и некрестильное: *Олекса Черный, Остафий Дядко* и пр. Скорее всего, на вторых позициях – еще имена, а не прозвища, тем более что само слово «прозвище» в памятниках отсутствует. Подобные двучленные структуры составляют около 19% именований грамот;

6) особыми двучленными структурами являются именования, в которых один компонент указывает на профессию именуемого: *Григорь НамѢстьникъ, Лука Околничий* (1284 год); *попъ Еремей*, *купець Адамъ*

(1229 год). В таких структурах вызывает некоторые трудности определение имени собственного или имени нарицательного в указании на профессию. Мы следуем принципам разделения подобных именований, определенных А.И. Моисеевым. Слова в функции ИС в составе неоднословных именований всегда встречаются в текстах в постпозиции; имена нарицательные могут употребляться только в препозиции, являясь приложением, или занимают самостоятельную независимую позицию в тексте [3];

7) интересны и стабильны именования лиц трехчленной моделью, в состав которой входит крестильное имя, отчество с суффиксом -ОВИЧ / -ЕВИЧ и патроним на -СКИЙ, указывающий на территориальную принадлежность лица: князь *Михаило Ивановичь Вяземский* (1386 год). Как видим, это позднее образование, именуется князь; возможно, мы имеем дело с зарождением владельческой фамилии. Обычная структура, в которой называется место проживания лица: *Ролфо ис Кашеля*, *Гелмикъ изъ Миштеря* и т.п.

Однако четкие структуры в именованиях как смолян, так и чужеземцев используются в текстах грамот далеко не всегда. Встречаются описательные контексты, в которых обычны антропонимические конкретизаторы.

Так, для именований чужеземцев обычно фиксируется имя и место жительства человека, а также, по возможности, его положение и род занятий: *Алъбрахтъ владыка ризкии*; *Ролфо ис Кашеля*; *умни купчи Регньбодѣ*; горожане *Детяртъ, Адамъ на Гочькомь березѣ Берняръ, Вълкерь изъ Грюнига* и т.п. То, что это «лучшие мужи», подтверждают прилагательные *умныи, добрыи, лучьшии*. В тексте Договора 1229 года много этнонимов, указывающих на национальность именуемых: *русинъ, латининъ, немчинъ*. Как конкретизаторы информации встречаются обозначения сословной принадлежности и профессии: *холопъ, князь, бояринъ, купець, судия, попъ, дворянинъ, свободьныи человекъ*.

Именования смолян также бывают неоднородны и разноплановы. Так, для заключения Договора 1229 года послали из Смоленска «попа *Еремѣя* и умна мужа *Паньтѣлея*». Записаны только их имена, причем во всех редакциях договора. В грамоте князя Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе (1284 год) на суде были княжеские люди бояре *Григорь Намѣстьникъ, Данило, Артѣмии, Микула Дядковичь, Лука Околничии, Путята Дядковичь*. В подтвердительной грамоте того же князя (1284 год) перечислены многие из названных выше людей: *Артѣмии* (уточнение *Намѣстьникъ*), *Микула Дядковичь, Андрѣи Михаиловичь*. К списку добавлены имена: *Остафии Дядко, Лаврѣнтии Намѣстьникъ, Олекса Черныи, Тереньтеи Таможникъ Ветхыи, попъ Аньдрѣи*.

В грамоте князя Юрия Святославича о союзе с королем польским и литовским Володиславом (Ягелло) и великим князем Скиргайло 1386 года (спустя 100 лет после написания предыдущих договоров и грамот) именования уже несколько иные: бояре зачастую записаны уже только с отчествами с суффиксами -ОВИЧ / -ЕВИЧ: *Семенъ Непролѣи Гавриловичь,*

Прокофеи Ивановичь, ГлѣБбъ Васильевичь, Ондрѣи Микулиничь, Борисъ Меркурьевичь, Ондрѣи Мирославич.

Итак, проанализировав антропонимическую лексику в смоленских грамотах, мы можем сделать следующие выводы.

Антропонимикон, то есть совокупность антропонимов смоленских грамот, неоднороден и многоаспектен, что свидетельствует о неупорядочении антропонимических структур в древнерусских деловых текстах, пусть и достаточно значимых и имеющих юридическую силу.

Личные имена в основном крестильные, так как христианство на Руси уже укрепило свои позиции. И тем не менее некрестильные имена еще бытуют у всех слоев населения, что свидетельствует об их традиционности и достаточно высокой активности в коммуникации.

Скорее всего, некрестильные имена – это личные имена, а не прозвища, в которые они перешли позднее. Слово «прозвище» отсутствует в лексиконе грамот.

Отчества с суффиксами -ОВИЧ / -ЕВИЧ / -ИЧ – весьма активные компоненты двучленных, реже трехчленных структур. Они обычны для всех именуемых, независимо от социального положения. Социальный характер прозвища с названными суффиксами приобрели позднее.

В описательную структуру именования, помимо антропонимов, входят лексемы, называющие сословную принадлежность именуемого, его профессию, указание на место жительства, родственные связи. Имеют место первые владельческие фамилии смоленских князей.

Так как грамоты носят экономический характер и раскрывают торговые и иные отношения Смоленского княжества с другими землями и государствами, в них много именований чужеземцев. Это обязательно отражается в именнике и географических названиях иноземных территорий.

Так как имена иностранного происхождения фонетически трудны для воспроизведения, а их звуковой комплекс далеко не всегда соответствует русским фонетическим законам, в грамотах имеет место сильное фонетическое варьирование личных имен. Также на фонетическом уровне проявляются некоторые диалектные черты смоленских текстов древнерусского периода: отмечается смешение букв Ь, Ѣ и Е, замена О и А (косвенное свидетельство оканья, которое было характерно для древнего смоленско-полоцкого говора), взаимозамена Н и М, появление протетического Г или В.

Диалектные черты можно обнаружить и на словообразовательном уровне. При в целом общерусском словообразовательном фонде в структуре отдельных антропонимов выделяются суффиксы, общие со старобелорусским языком. Это обусловлено близостью, а в отдельные периоды и общностью смоленских и белорусских территорий. Некоторые некрестильные имена имеют диалектные основы, также общие с именами старобелорусских текстов.

Большое количество этнонимов дает определенную информацию о коммуникации людей разных национальностей, имевших самые разные отношения с жителями древнего Смоленского княжества.

Таким образом, смоленские грамоты XIII–XIV веков – это ценный лингвокультурологический источник, а имена собственные, в частности антропонимы, содержат богатую лингвистическую, историческую, социальную, этнографическую и культурологическую информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королёва И.А. Антропонимы в смоленских грамотах XIII–XIVвв. // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении: межвузовский сб. научных трудов. Смоленск: СГПИ, 1995. С. 28–36.
2. Королёва И.А. Неканонические имена в смоленских грамотах // Русская речь. 1996. № 2. С. 92–96.
3. Моисеев А.И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1968. 27 с.
4. Палагина В.В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI–XVII веков // Вопросы русского языка и его говоров: сб. научных трудов. Томск, 1968. Т. 187. С. 83–92.
5. Симина Г.Я. История отчеств // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. С. 177–183.
6. Соболевский А.И. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XIV вв. // Русский филологический вестник. Т. XV. 1886. С. 7–24.
7. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
8. Угрюмов А.А. Русские имена. Вологда: Сев.-зап. книжн. изд-во, 1970. 112 с.
9. Усачева Л.Б. Язык смоленских грамот XIII–XIV вв. Фонетика: дис. … канд. филол. наук. М., 1954.
10. Успенский Л.В. Слово о словах. Ты и твое имя. Л.: Лениздат, 1962. 632 с.
11. Успенский С.М. Язык смоленских грамот XIII–XIV вв. Лексика и словообразование: дис. … канд. филол. наук. М., 1956.

ИСТОЧНИКИ

12. Смоленские грамоты XIII–XIV веков / под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 140 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Орфография источников частично упрощена: не используются буквы сложной конфигурации, не имеющие принципиального значения для анализа текстов.

I.A. Koroleva

Information Content of Proper Names in Smolensk Manuscripts of the XIIIth and XIVth Centuries

Key words: *Smolensk msnuscripts of the XIIIth–XIVth centuries; language history; proper name; information; linguistic; extralinguistic.*

The article considers the onomastic lexis of the first Smolensk memorials of business scripture, namely, Smolensk manuscripts of the XIIIth–XIVth centuries. The article analyses the linguistic and extralinguistic information contained in proper names making it possible to confirm scientific significance of the texts and high informational richness of the latter.

В.С. Картавенко
Смоленский государственный университет

УДК 81' 373.21

Архаичный топонимический ландшафт Смоленского края

Ключевые слова: *древнерусский; летопись; личное имя; название; памятники письменности; Смоленский край; топоним; топонимия; микротопоним.*

Статья посвящена топонимам, бытующим на территории Смоленского региона, выявленным в материалах летописей и памятников письменности XVI–XVIII веков. Проведен лексико-семантический анализ топонимов и микротопонимов. В семантико-этимологическом аспекте анализируются названия поселений, основанных в разные периоды истории региона.

Эволюционные процессы в языке происходят незаметно, но постоянно. Как справедливо заметил в свое время Е.Д. Поливанов, «на каждом отдельном этапе языкового преемства происходят лишь частичные, относительно немногочисленные изменения, а такие крупные результаты – в виде принципиального преобразования фонетического и морфологического строя, какие мы находим между латинским и французским (или, напр., между древнекитайским и современным китайским) языками, мыслимы лишь как сумма из многих небольших сдвигов, накопившихся за несколько веков или даже тысячелетий, на протяжении которых каждый отдельный этап или каждый отдельный случай преемственной передачи языка (от поколения к поколению) привносил только неощутительное или мало ощутительное изменение языковой системы» [10, с. 40–41].

По свидетельству археологов и историков, земли будущего Смоленского княжества до III–IV веков н.э. были заселены восточными балтами [13, с. 163]. Позже, в IV–VIII веках н.э., на этой территории проживали тушемлинские племена, культура которых была близка культуре восточных балтов. В VII–IX веках на Смоленщину приходит культура длинных курганов, по мнению одних ученых – тоже балтская, по мнению других – славянская. Л.В. Алексеев пишет по этому поводу: «О бесспорно славянских племенах здесь можно говорить лишь с IX века. То были кривичи, “иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра”, как говорит летопись» [2, с. 33]. Причем историки указывают, что кривичи в VIII–X веках представляли союз племен, куда входили как балты, так и славяне. И лишь к XI веку ассимиляция славянами балтов завершилась [15, с. 220].

Географическое положение Смоленского края (в верховьях трех великих рек: Днепра, Волги, Двины, соседство с Полоцким, Новгородским, Ростово-Суздальским, Черниговским княжествами) делает особенно важ-

ным изучение этого региона. Своеобразие исторических, географических, лингвистических признаков имеет свою основу и отражает те процессы, которые происходили на данной территории.

Смоленская топонимия включает в себя различные группы географических наименований по времени их возникновения. Мы остановимся здесь на архаических (древнеславянских) географических названиях, большинство из которых сохранилось до настоящего времени. Материалом для исследования послужили как древнерусские памятники смоленской письменности, так и старорусские, а также данные современных справочников и словарей.

Древнеславянские географические названия имеют ряд характерных признаков, а именно: 1) отсутствие для них «четких апеллятивных связей»; 2) «нерегулярность и непродуктивность структуры»; 3) «обнаружение среди них элементов, которые ведут к другим группам известных славянских языков» [19, с. 270].

Модели архаичных топонимов многочисленны. О некоторых из них пишет С. Роспонд: «Для названий городов очень продуктивными были определительные, притяжательные (*-jь*) и топографические структуры» [12, с. 82].

Г.П. Смолицкая называет пять групп славянских топонимов в бассейне реки Оки, признавая их архаичными. Это топонимы с финалью *-ля/-ль, -еж/-ижа*, *-гощь/-гост*, наименования с приставкой *су-* и «вятичские» названия [17].

Еще более значительную группу географических названий раннеславянского типа выявляет Ю.П. Чумакова «за счет ойконимов и микротопонимов, нередко продолжающих, как свидетельствуют исторические документы, старые гидронимы» [21, с. 53]. По ее мнению, это названия на *-ичи*, названия с суффиксом *-jь*, названия, образованные от древнеславянских антропонимов с иными суффиксами, композиты с компонентами *-городъ* и *-поль*, образования на *-ля*, образования на *-иж, -еж*, образования на *-ынь*, образования на *-ва*. Также Ю.П. Чумакова приводит ряд топонимов, отражающих раннеславянские топоосновы апеллятивного происхождения.

Суффикс принадлежности *-jь* присоединялся обычно к имени князя или владельца населенного пункта (Мстислав, Ярослав, Владимир, Ростислав и др.). Причем известно, что именно топонимическая функция является первичной по отношению к функции гидронимической [18, с. 127]. Однако продуктивным этот суффикс был недолго. С. Роспонд отмечает, что «XIII в. становится периодом отмирания названий на *-jь* и интенсивного образования атрибутивных названий на *-ov, -in*» [12, с. 85].

Свод смоленских грамот XII века содержит следующие названия на *-jь*: *Ростиславль*, *Мстиславль*, *Крупль*, *Изяславль*.

Город *Ростиславль* возник как южная застава Смоленской земли на древней дороге в Чернигов. Основателем его считается смоленский князь Ростислав Мстиславич, в честь которого город и назван. Наименование является по форме притяжательным прилагательным, образованным с по-

мощью суффикса *-jь*. Таким образом, топоним *Ростиславль* вначале обозначал «Ростиславий (город)» [6, с. 98]. Позже название *Ростиславль* в процессе употребления изменилось в *Рославль*. Одноименный топоним *Ростиславль* был известен и на Оке как центр Ростиславского стана в Рязанской земле [21, с. 57].

Город *Мстиславль* впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1156 годом [11, т. 2, с. 485]. По-видимому, город был возведен (или укреплен) смоленским князем Ростиславом, то есть между 1127 и 1159 годами. Известно, что Ростислав Мстиславич относился к своему отцу с величайшим почтением, очевидно, именно в честь князя Мстислава и был назван один из городов смоленских князей. Далее о домонгольском Мстиславле нет сведений, известно лишь, что в XIII веке он оказался на границе Руси и Литвы, что приводило к бесконечным столкновениям [2, с. 167]. В настоящее время Мстиславль – районный центр Могилевской области Беларуси, лежит на берегу притока реки Сож – Вихры. Топоним происходит от древнерусского имени *Мстиславъ* и суффикса принадлежности *-jь*. Само имя *Мстислав* образовано от *мсти-* (ср. *месть, мстить*) и *слав-* (ср. *слава*) [9, с. 202].

О местоположении города *Изяславля* до сих пор ведутся споры. П.В. Голубовский считал, что Изяславль расположен на юге Смоленского княжества западнее Рогнедина на городище у села Сеславль. Белорусский археолог А.А. Метельский полагает, что Изяславль был расположен на месте большого городища у села Горы Горецкого района Могилевской области [15, с. 176]. Свое название город получил, по-видимому, по имени брата основателя смоленской княжеской династии Ростислава Мстиславича – великого киевского князя Изяслава. Топоним *Изяславль* происходит от древнерусского мужского имени *Изяслав* и суффикса принадлежности *-jь*. Имя *Изяслав* произошло, в свою очередь, от древнерусского слова *изяти* «взять, брать» и *слав-* (ср. *слава*) [9, с. 147] и означает «взявший, берущий славу».

О древнерусском городе *Крупль* известно лишь то, что он платил в Смоленск погородье (уставная грамота «О погородьи» 1211–1218 годов). Ни о местоположении города, ни о его названии данных нет. Можно предположить, что город, возможно, назван в честь некоего Крупа (по имени или прозвищу). Широко известны фамилии Крупаков, Крупенин, Крупин, Крупицын, Крупкин, произошедшие из отчеств от прозвищ типа Крупа, Крупица, Крупка, связанных с нарицательным именем существительным *крупа*. Помимо общеизвестного слово *крупа* имело и другие значения, которые могли стать основой для образования прозвищ. В.И. Даль приводит слово *крупа* как «насмешливое название солдата, особенно отставного» [4, т. 2, с. 202]. Топоним в таком случае образован от основы *круп-* с прибавлением суффикса принадлежности *-jь*. Слово *крупа* обозначало в древнерусском языке «крупа, зерно, каша» [14, т. 4, с. 306]. Не исключена также связь со словом *крупный* – «крупный, толстый, дородный» [20, т. 2, с. 386].

Представляют также интерес относящиеся к рассматриваемой группе названия, выявленные в памятниках смоленской деловой письменности XVII века: пустошь *Расловль* (113/1, 212, 60 об.), речка *Раславка* (113/1, 212, 61 об.), пустошь *Хаславль* (15174, 498).

В Смоленской области известны следующие названия деревень: *Рославец* [1, с. 321], *Крупенино*, *Крупениха*, *Крупец*, *Новый Крупец*, *Старый Крупец* [1, с. 231].

Древнеславянские топонимы на *-гост-/-гощь* известны как у западных славян, так и у восточных [18, с. 127; 17].

В наших памятниках письменности встречаем следующие топонимы на *-гощь*: речка *Доброгощь* (15171, 574), речка *Сырагощь* (113/1, 377, 5), деревня *Рыдогощь* (15174, 3 об.). В.П. Нерознак приводит название города в земле вятичей – *Домагощь*, объясняя его происхождение от незасвидетельствованного древнерусского личного имени *Домагость*, которое, в свою очередь, состоит из двух частей и значит «дом, обильный гостями» [8, с. 67–68]. Названия *Доброгощь*, *Сырагощь*, выявленные в смоленских памятниках письменности, также, видимо, произошли от личных имен *Доброгость*, *Сырогость*, в Белоруссии известно название *Доброгоща* [5, с. 102]. Название смоленской деревни *Рыдогощь* (возможно, *Радогощь*) также представляет собой топоним, восходящий к древнеславянскому имени *Радогост-jь*. Подобные топонимы были известны на всей восточнославянской территории, они относятся к типу composita и состоят «из двух компонентов – основы *рад-*, хорошо известной в древнерусской ономастике, ср. *Радосынь*, урочище в Киевской обл., древнерусск. город *Радонеж* в Московской земле, а также ИЛ *Радослав*, ср. в берестяных грамотах: “радославомо”, № 50, XIV век, “на радослава” № 213, XIII век, и известной восточнославянской ономатоосновы *-гощ – гость* “гость”, ср. *Оргощ*, ср. *Видогоща* (ИЛ *Видогость*), *Витогощ* (*Витогость*), *Вогоща* (*Воегоща*), *Гостинеж* (*Гостенег*), *Щитогощ* (*Щитогость*), *Середогощ* (*Середогость*), *Кромегоща* (*Кромегость*), *Мирогоща* (*Мирогость*) – названия НП Шелонской пятины Великого Новгорода (ок. 1495 года), Попов, Следы времен минувших, 112. Интересно отметить, что топооснова *-гощь* выступает и как самостоятельный топоним, ср. р. *Гощь* и д. *Гощь* в Поочье, Смолицкая ГБО, 34» [8, с. 146].

По данным «Рязанского топонимического словаря», в Рязанской области есть село *Катагоща*, название которого «относится, несомненно, к значительно более раннему времени; не случайно оно прикреплено к местности, где сохранились славянские памятники XII века: курганы близ села Катагоща, Жокинское городище. Топоним Котогощь, затем Катогоща, Катагоща принадлежит к продуктивному в древности типу славянских географических названий с исходом на -гощь/-гоща, генетически представляющих притяжательные прилагательные с суффиксом -j- от двучленных личных имен со вторым элементом -гость(ъ): Радогость(ъ) – Радогощь, Радогощад. У истоков рассматриваемого топонима можно предположить це-

почку Хотогость(ъ) – Хотогощь со вторичной заменой “х” на “к”, встречающейся в славянской лексике» [3, с. 170].

Подобные древнеславянские названия населенных пунктов сохранились и на территории Смоленской области до нашего времени: деревня *Гощи* [1, с. 162], деревня *Любогощ* [1, с. 250], деревня *Мерегоще* [1, с. 260].

Следующая модель с суффиксом *-jь* – это названия на *-буд*, *-буж*. Город *Дорогобуж*, относящийся к Смоленскому княжеству, впервые упоминается в Суздальской летописи под 1300 годом [11, т. 1, с. 4850], но возник он, как полагают исследователи, значительно раньше, в середине XII века. В Уставе 1136 года его еще нет, но в дополнительной грамоте «О погородьи» он уже назван наряду с другими смоленскими городами.

Возникновение крепости *Дорогобуж* связывают с походом Святослава Ольговича в верховья Угры в 1147 году, когда местность, принадлежавшая Смоленску, была опустошена. Дата возникновения города может быть подтверждена косвенными данными. Свое название город получил, возможно, от *Дорогобужа*, располагавшегося в Волынской земле. *Дорогобуж* волынский был связан с борьбой Ростиславичей с Юрием Долгоруким. «Когда в очередной раз Дорогобуж был отнят у Изяслава Долгоруким, тот вызвал из Смоленска помощь, в борьбе участвовали Роман Ростиславич и Ростислав. Оба они на Волынь не ходили, но помогали Изяславу в черниговско-киевских землях. Возвратившись из Южной Руси с победой над грозным Долгоруким, Ростислав, видимо, и решил назвать новые крепости в память этой борьбы: в “окняженных” теперь Мирятичах и далее на восток от Смоленска» [2, с. 130]. Перенос названий южнорусских городов на вновь закладываемые города северо-восточной Руси был довольно распространенным явлением того времени.

Топоним представляет собой притяжательное прилагательное от имени *Дорогобудъ* из праславянского *dorgobudjь*, известного в славянских языках, и суффикса принадлежности *-jь*. Само имя состоит из основы слова *дорогой* «дорогой» (праслав. *dorgъ*) и *бужь*, праслав. *bodo* «становлюсь, буду», то есть «буду, будь». Аналогичные топонимы есть в сербохорватском и чешском языках: Dragobuzde, Drahobuz, ЭССЯ, 5, 75 [8, с. 68–69]. В смоленских памятниках письменности встречаем два топонима на *-буж*: деревня *Хатабужа* (15 175, 235), речка *Хатабуж(а)* (15 175, 235). Эти названия также имеют соответствия в западнославянских языках и рассматриваются как праславянские образования: *xotibodjь* [22, вып. 8, с. 84].

В настоящее время среди смоленских топонимов отмечаем, помимо названия города *Дорогобужа*, еще название деревни *Деребуж* [1, с. 171].

Названия с финалью *-ля* уже неоднократно были предметом описания [18; 21 и др.], но до сих пор они вызывают интерес своей неоднородностью. «Признается гетерогенный характер этого форманта: а) *l*-эпентетикум после губных на месте притяжательного суффикса *-j-*, соединившегося с усеченными формами антропонимических основ (отношения типа *Радомиръ*: *Радомля*)

и б) *-ля*/*-ль* в топонимии и гидронимах субстратного (балтийского или финского) происхождения» [21, с. 73].

В уставной грамоте Ростислава Мстиславича *Каспля* названа в числе важных торговых пунктов, выгодных для княжеской казны («а в Каспле 100 гривен, а из того епископу взяти 10 гривен»). Река Каспля, левый приток Днепра, от села Каспли становится сплавной. И Каспля, таким образом, стояла на великом водном пути, соединявшем Днепр через Западную Двину с Балтийским морем. Каспля не раз встречается в актах древности как центр волости.

Название *Каспля* западно-балтийского происхождения с корнем *-ape* («вода») связано с заселением этих мест, вероятно, балтийскими племенами 4–6 тысяч лет тому назад. Основным занятием племен был водный промысел. Это и было зафиксировано в названии реки. Далее на славянской почве корень *-ape* претерпел изменения, приведшие к современному облику топонима Каспля. Затемненная структура слова *Каспля* связана с тем, что заимствование корня, легшего в основу топонима, произошло в древние времена. Название реки и озера как единого водного источника затем перешло на поселение, расположенное на берегу [18].

Ряд других смоленских топонимов можно, видимо, считать славянскими, ср.: речка *Добромля* (15170, 505), пустошь *Рудомля* (15174, 727 об.), деревня *Лошамля* (15176, 57), озеро *Лошамля* (15176, 58), речка *Жестомля* (15170, 465 об.), деревня *Жаровля* (15172, 520), речка *Навля* (15172, 82 об.). О.Н. Трубачев говорит о праславянской древности этой топонимической модели [19, с. 243–244]. Топонимы на *-ля* представлены в достаточно большом количестве и в топонимической системе современной Смоленской области: деревня *Бугиля* [1, с. 134], деревня *Видомля* [1, с. 144], деревня *Гостимля* [1, с. 162], деревня *Гребля* [1, с. 164], деревня *Дорогомля* [1, с. 174], деревня *Жатомля* [1, с. 183], деревня *Литивля* [1, с. 244], деревня *Посохля* [1, с. 307], деревня *Радобля* [1, с. 316], деревня *Сукромля* [1, с. 351] (а также, по-видимому, деревня *Сукромель*, деревня *Сукромль*), деревня *Хотимля* [1, с. 374].

Интересно, что в Рязанском Поочье отмечен лишь единственный гидроним на *-ля*: *Сыромля* [16, с. 173].

К древнеславянским топонимам относят также образования на *-ва*, а именно те, которые «продолжают древний тип *u*-основ, в позднеславянский период имевших в исходе *-у/ъv* и выделивших затем под воздействием склонения на *-а* особый формант *-ва*» [21, с. 80]. Сложность, однако, заключается в том, что формант *-ва* может встречаться не только в славянских образованиях, но и в неславянских (балтийских, финских) [18, с. 155]. В смоленских памятниках письмености XVII века находим следующие гидронимы на *-ва*: речка *Протва* (2/104, 36, 35), река *Малохва* (15175, 121). Сюда же, по-видимому, можно отнести и еще один гидроним – речка *Пониклoвка* (15 171, 443 об.), а также топоним – сельцо *Поникли* (1355/1, 1440, 16 об.).

М. Фасмер фиксирует название реки *Протва* (левый приток Оки в бывшей Смоленской губернии) и приводит значения из других языков: «проход, брод, мост», «гавань, убежище», «ворота, дверь» [20, т. 3, с. 382].

Название реки *Малохва* (*Молохва*) известно на территории Смоленского края издавна (ср. *Молоховский стан*, *Молоховские ворота* Смоленской крепостной стены) и связано со словами *молоть*, *мельница*. Протекает по территории области также *Молоховка (Молоховая)* – река, правый приток Вихры. «Начало на юго-западе Краснинской возвышенности у деревни Николаевка. Течет по ландшафту моренной равнины с покровом лесовидных суглинков. Впадает южнее деревни Холеево. Бассейн почти безлесен и не заболочен. На склонах интенсивна эрозия» [15, с. 253].

Интересным является и название речки – *Поникловка*, оно связано с типом рек, «вода которых “поникает”, иссякает вниз по течению, что свойственно карстовым районам, где обычно вода проваливается в воронки, трещины и уходит под землю» [7, с. 453]. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев приводят ряд гидронимов (*Паник*, *Паниква*, *Паниковка*, *Пониковка* в Верхнем Поднепровье; *Ponikwa* в Польше; *Пониква* и *Пониквица* в Югославии) [18].

Полагаем, что рассмотренные смоленские топонимы на *-ва* позволяют считать их славянскими по характеру основы.

Еще одна группа топонимов – на *-еж*/*-иж* – относится к раннеславянским названиям. Смоленский город Велиж впервые упоминается в памятниках конца XIV века. Его название соотносят со словом *велии* «большой по величине, объему, протяженности» [14, т. I, с. 381]. В.А. Жучкевич полагает, что в далеком прошлом река Западная Двина, на которой стоит Велиж, могла называться *Велья*. Следовательно, город, стоящий на этой реке, получил название *Велиж*, где *-иж* – суффикс принадлежности [5]. В смоленской письменности находим микротопоним – пустошь *Большая Велижка* (15 175, 595). Есть такие топонимы и в современной топонимии Смоленской области: деревня *Велижино Лядо*, деревня *Велижка*, а также деревня *Велино*, село *Велисто* и др. [1, с. 142].

Итак, комплексное рассмотрение материала с привлечением исторических, археологических, географических данных, а также решающее значение лингвистических (ономастических) материалов позволило выделить ряд архаических географических названий раннеславянского типа, в числе которых топонимы, гидронимы, микротопонимы, и представить архаичный топонимический ландшафт Смоленского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области. М.: Московский рабочий, 1981. 416 с.

2. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 262 с.

3. Бабурин А.В. Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень) / гл. ред. В. Коростылев. Рязань, 2004. 546 с.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989–1991. Т. 1–4.

5. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: Изд-во БГУ, 1974. 447 с., карт.

6. Картавенко В.С. Становление русской топонимической системы: проблемы историко-лингвистического исследования. Ч. I: Начальный этап формирования русской топонимии. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. 160 с.

7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.

8. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.

9. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц. М.: Русские словари, Астрель, 2000. 480 с.

10. Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание: переиздание работы 1931 года с предисловием и комментариями / под общ. ред. И.А. Королевой. Смоленск: СГПУ, 2003.

11. Полное собрание русских летописей. М.: Изд. восточной литературы, 1962. Т. II: Ипатьевская летопись.

12. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9–89.

13. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1970. № 1. С. 124–163.

14. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988.

15. Смоленская область. Энциклопедия. В 2 т. Смоленск: СГПУ, 2003. 624 с. Т. 2.

16. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки: список рек и озер. М.: Наука, 1976. 403 с.

17. Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Поочья // Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974. С. 59–69.

18. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 269 с.

19. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 290 с.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

21. Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1992. 170 с.

22. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2010. Вып. 1–36.

ПРИМЕЧАНИЯ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА) – Москва

Ф. (фонд) 1209/2 – Поместный приказ, опись 2

Ф. 1209/2, 15 170, 1655–1680 гг. – Отказные, отдельные и отписные книги на поместья и вотчины в Бережнянском, Богородском, Вопецком, Ветлицком, Дубровинском, Еленском, Ивановском, Катинском, Максимовском, Молоховском, Свадицком и Шуцком станах Смоленского уезда.

Ф. 1209/2, 15 171, 1670–1697 гг. – Отказные книги на поместья и вотчины Смоленского уезда, Дорогобужского, Бельского, Серпейского и Рославльского уездов. 1143 л.

Ф. 1209/2, 15172, 1656–1663 гг. – Отказные книги на поместья и вотчины Смоленского уезда, Рославльского, Дорогобужского, Бельского уездов. 630 л.

Ф. 1209/2, 15174, 1661–1674 гг. – Отказные книги на поместья и вотчины Смоленского, Бельского, Дорогобужского, Велижского, Невельского уездов. 736 л.

Ф. 1209/2, 15 175, 1685–1690 гг. – Отказные книги на поместья и вотчины Смоленского, Бельского, Дорогобужского, Рославльского уездов. 773 л.

Ф. 1209/2, 15 176, 1693–1698 гг. – Отказные книги на поместья и вотчины Смоленского, Дорогобужского, Рославльского, Бельского уездов. 293 л.

Ф. 1335/1 – Экономические примечания к планам дач Генерального межевания. (Смоленская губерния), опись 1.

Ф. 1355/1, 54/1487, 1776–1779 гг. – Экономические примечания Духовщинского уезда. 50 л., большого формата.

Ф. 1355/1, 1440, 1781 г. – Экономические примечания Бельского уезда. 77 л. большого формата.

Ф. 1355/1, 1470, 1776–1779 гг. – Экономические примечания Гжатского уезда. 99 л. большого формата.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО) – Смоленск

Фонд 2/104 – Смоленское губернское правление, опись 2.

Ф. 2/104, д. 36, 1768 г. – Межевая книга дачи Старковской волости села Дровнина князя Долгорукова Гжатского уезда.

Фонд 113/1 – Личный фонд Клетновой Е.Н., опись 1.

Ф. 113/1, 212, 1722 г. – Указы, переписка о земельных вопросах, рекрутах и другие условия и записи. 92 л.

Ф. 113/1, 222, 1626–1629 гг. – Переписка и грамота короля Владислава Бердицкому на земли Смоленские, данные в Варшаве. 10 л.

Ф. 113/1, 377, 1823 г. – Межевая книга по пустоши Рыковка. 9 л. Копия.

V.S. Kartavenko

Archaic Toponymic Landscape of Smolensk Region

Key words: *old Russian; record; personal name; name; written records; Smolensk region; toponym; toponymy; microtoponym.*

The article is devoted to toponyms, existing on the territory of Smolensk region according to the written records of the XVIth – the XVIIIth centuries. Lexical and semantic analysis of toponyms and microtoponyms is carried out. Semantic-etymological aspect addresses the names of the settlements established during different periods of history of the region.

О.С. Евсеева

Заборьевская средняя школа
Демидовского района Смоленской области

УДК 81’ 373’ 21

Топонимия русско-белорусского приграничья: этнолингвистический аспект

Ключевые слова: *смоленско-белорусское приграничье; пространственный код культуры; этнолингвистика; топонимика; русский язык; белорусский язык.*

Статья посвящена этнолингвистическому исследованию топонимии русско-белорусского приграничья. В основе работы лежит экспликация пространственного кода культуры. Среди базовых параметров представлены следующие: «передний – задний», «ближний – дальний», «верх – низ», «начало – конец». Данные параметры позволяют проследить формирование и становление предложенного культурного кода, а также рассмотреть его влияние на менталитет жителей смоленско-белорусской приграничной зоны.

В конце XX – начале XXI века в науке произошла своеобразная смена парадигм: статистическая парадигма традиционного подхода в языкознании сменилась динамической, которая в центр изучения ставит человеческую личность. Основой современной лингвистической науки, таким образом, в настоящее время является антропоцентризм, определяющий перспективы и конечные цели исследований, в которых «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [7, с. 212].

В рамках антропоцентрической парадигмы, сложившейся на рубеже тысячелетий, сформировалась *этнолингвистика* – направление, которое сосредоточивает свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом. Отметим, что в центре современной этнолингвистики находятся лишь те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами.

Параллельно с этнолингвистикой получили развитие и другие лингвистические отрасли – *лингвокультурология* и *лингвострановедение*. В.А. Маслова считает, что лингвокультурология возникла на стыке лингвистики и культурологии, она исследует проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Основная задача лингвокультурологии – раскрытие народной ментальности и культуры через язык.

Основным отличием лингвокультурологии от другого, не менее важного лингвистического направления – лингвострановедения является смена предмета изучения. На первый план выходят собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке. Это безэквивалентные языковые единицы, которые обозначают специфические для данной культуры явления [8, с. 9–12].

Как следует из приведенных определений, язык изучается через призму человеческого сознания, менталитета, а также поведенческих аспектов и мифологических представлений индивида.

В рамках этнолингвистических исследований реализуется четкое соотношение понятий *язык – этнос – культура*, поскольку язык есть свидетель изменений в культуре (социально-исторических, идеологических, политических и др.), которые в нем отражаются, хранятся, а также передаются из по-

коления в поколение. Культура и язык имеют этнические особенности, что и является национально-культурной спецификой. Очень ярко национально-культурная специфика проявляется при анализе топонимической лексики.

Именно топонимы обладают огромным культуроведческим потенциалом, сохраняют традиционные модели именования, кодируют информацию о восприятии человеком окружающего мира, репрезентируют «бытовой» вариант картины мира, взаимодействуют с другими сферами традиционной духовной культуры [1, с. 4]. Топонимия содержит богатый материал для исследования, поскольку складывается в течение длительного времени и представляет собой объединение, в котором отражаются культура, языки, исторические эпохи, социально-экономические условия, психология и мировоззрение народа, что указывает на несомненную перспективность изучения данного языкового пласта сквозь призму взаимодействия языка и культуры.

Особой национально-культурной спецификой обладают топонимы приграничных зон, в частности русско-белорусской, так как они репрезентируют связь с культурно-историческими традициями и национально-специфическим контекстом определенного времени в истории двух народов – русского и белорусского. Помимо того, за счет присущей топонимической лексике накопительной функции она фиксирует и сохраняет в своих основах самую разнообразную информацию: лингвистическую, культурологическую, социальную, историческую, психологическую, этнографическую [5, с. 262].

Следует подчеркнуть и историческую общность территорий приграничья, которая порождает национально-культурную идентичность жителей этих территорий, на протяжении долгого времени проявляющуюся в культурной, хозяйственной жизни народов, в целом в системе имен собственных и в частности в географических названиях [4, с. 3].

Дадим краткую характеристику исследуемой смоленско-белорусской приграничной зоны. В территориальном плане это приграничные с республикой Беларусь районы Смоленской области – Велижский, Руднянский, Краснинский, Монастырщинский, Хиславичский, Шумячский и Ершичский, а также приграничные со Смоленской областью районы республики Беларусь – Городокский, Витебский, Лиозненский, Дубровенский, Горецкий, Кричевский, Климовичский, Мстиславльский и Хотимский. Протяженность государственной границы составляет 463 км, а собранная картотека включает около 3000 топонимических единиц.

В настоящей статье представлена попытка этнолингвистического анализа топонимической лексики смоленско-белорусского приграничья. Основой такого анализа является обращение к понятию *код культуры*. Так, например, В.В. Красных определяет код культуры как «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [6, с. 232].

Ученые выделяют следующие базовые культурные коды.

1. Соматический, связанный с символьными функциями частей тела человека.

2. Пространственный, связанный с членением пространства.

3. Временной, фиксирующий членение временной оси.

4. Предметный, связанный с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру.

5. Биоморфный, связанный с живыми существами, населяющими окружающий мир.

6. Духовный, включающий нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры («добро – зло», «хорошо – плохо», «плюс – минус», «верх – низ»).

Мы считаем, что основным параметром для изучения топонимов являются особенности локализации топонимов в пространстве (пространственный код культуры), так как само значение топонима (наименование географического объекта, расположенного в окружающем человека пространстве) подразумевает именно такой подход.

Данный параметр непосредственно связан с членением пространства на зоны: ближние и дальние, верхние и нижние, известные и неизвестные, доступные и недоступные и другие. Концепция пространства (места), по мнению Е.Л. Березович, является базовой для топонимики, и, соответственно, топонимический материал может дать достаточно подробную и целостную трактовку народного восприятия пространства. Для топонимии автор выделяет четыре базовых параметра, необходимых при описании организации пространства: 1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства [1, с. 17–18].

Следует обратить внимание, что в качестве первого параметра выделяется локализация объекта, что действительно актуально для его восприятия человеком. Т.Ю. Васильева, например, считает, что топонимия обязательно предполагает описание локализации объекта в пространстве, в котором используются следующие базовые параметры: «передний – задний», «верх – низ», «ближний – дальний», «правый – левый», «стороны света», «начало – конец» [3, с. 8–7].

Именно по этим параметрам мы проанализируем собранный топонимический материал.

1. Параметр «передний – задний».

Реализация параметра находит выражение в пространственной модели, отражающей идею *локализации населенного пункта за каким-либо объектом*; формируются так называемые «задние» названия [3]. На территории смоленско-белорусского приграничья нами выявлено 46 топонимических единиц, созданных по модели: *За- + -je*: *Заборье, Забродье, Загорье, Задвинье, Заложье, Залужечье, Замосточье, Заполье, Запрудье,*

Заречье (2 упоминания), *Залесье, Замошье* (2 упоминания), *Заболонье, Задубровье, Заозерье* (2 упоминания) и другие. «Задние» названия присваиваются жителями поселений, для которых номинируемый населенный пункт оказывается расположенным за каким-либо объектом (за болотом, лесом, озером, полем и др.).

На территории приграничья нами не выявлены «передние» названия, то есть названия, отражающие идею расположения населенного пункта перед каким-либо объектом. По данным Т.Ю. Васильевой, это связано с особенностями субъективной ориентации, где главный тот, кто наблюдает [3, с. 9].

2. Параметр «ближний – дальний».

Реализация этого параметра связывается топонимистами с попыткой человеческого сознания измерить пространство через *расположение объектов относительно друг друга и положения номинатора*. Семантика таких топонимов свидетельствует о локализации населенного пункта около определенного географического объекта. Обычная модель: образование топонима с помощью приставки *под-* и суффикса *-j(е)* – обладает общим значением «место, которое находится под чем-нибудь», а модель, представленная приставкой *при-* и суффиксом *-j(е)*, имеет значение «место, которое находится вблизи чего-либо». Подобные названия в нашей картотеке немногочисленны: *Подберезье* (2 упоминания) – место около берез или под березами; *Подъелье, Подъелецкий* – место около ельника; *Поддубье* – место около дубов или под дубами; *Подлесная* – место около леса; *Подлужье* – место перед лугом [9, с. 122].

С приставкой *при-* топонимы также единичны: *Прибережье, Приднепровье, Придвинье.* Если обратить внимание на семантику данных топонимов, то в их основах закрепилось значение «нахождение рядом с водоемом». Подобные географические названия можно считать одними из самых древних, поскольку населенные пункты первоначально появлялись возле рек, озер и других водных объектов.

3. Параметр «верх – низ».

Е.Л. Березович выделяет две ситуации функционирования верхних и нижних названий:

1) «высотную», связанную с пространственной вертикалью;

2) «гидрографическую», обусловленную привязкой к реке [1, с. 17].

В нашей картотеке есть и те и другие топонимы. Так, «высотную» ориентацию для объектов смоленско-белорусского приграничья реализуют основы следующих топонимов: *Высокое* (2 упоминания), *Высокая, Верховцы, Верховая, Высочаны, Горбово, Крутое, Курганы, Обугор, Узгорки, Холмок, Холмы* и др. Судя по основам, вертикальное пространство показывается либо корнями *-выс-* или *-верх-*, либо высотой по отношению к другим объектам.

Топонимов, свидетельствующих о том, что населенный пункт находится в низине, практически нет (*Низки*). Такая непопулярность объясня-

ется большими возможностями высотного расположения населенного пункта по сравнению с объектом, расположенным в низине.

Иногда «высотные» топонимы противопоставляются «низинным», образуя при этом антонимические пары:

Верхнее Красное – Нижнее Красное;
Верхнее Ольгово – Нижнее Ольгово;
Верхнее Шерьково – Нижнее Шерьково;
Верхние Секачи – Нижние Секачи и др.

«Гидрографическая» ситуация в географических названиях также отражена на территории приграничной зоны. Основной признак топонимов, относящихся к данной группе, – расположение объекта в верховьях или низовьях рек: *Верховье* (2 упоминания), *Понизовье* (3 упоминания), *Устье*.

4. Параметр «начало – конец».

Этот параметр реализует *идею конца пространства*. Топонимы, представленные в группе, отражают действительные границы между деревнями, землями, волостями, уездами, губерниями. Такие географические названия могут быть дополнительным источником исторических сведений об особенностях административного деления, землевладения на территории смоленско-белорусского приграничья в разные периоды.

По наблюдениям Е.Л. Березович, популярность идеи конца в топонимическом пространстве обусловлена существованием четких границ между своим и чужим, а также значимостью самой идеи границы [2, с. 17].

В основах таких топонимов чаще всего лежит апеллятив «конец» (*Конец, Концы, Кончинка*), который имеет значение «кусок, отрезок» и бытует в языке с конца XVI века [10, с. 116]. Топонимический словарь Центральной России Г.П. Смолицкой объясняет топонимы с корнем *-конец-* как «название населенного пункта, которое появилось по образцу Великого Новгорода, в котором отдельные микрорайоны назывались концами» [11, с. 163].

Нам представляется, что значение «начало» может реализовываться в таких топонимах, как *Новки, Новь, Новый* и другие, где корень *-нов-*, помимо значения «новый», имеет значение «начало», то есть вновь образованный населенный пункт.

Итак, мы сделали попытку рассмотреть топонимическую лексику русско-белорусского приграничья в этнолингвистическом аспекте. Проанализировав собранный материал по параметру, отражающему особенности локализации топонимов в пространстве, который очень значим для выражения отношения человека к окружающему миру, мы пришли к выводу, что существенных различий в номинации топонимов исследуемых территорий нет. Одинаковое восприятие окружающей действительности позволяет говорить о едином ментальном пространстве приграничной зоны. Мы обратили на это внимание, так как самым важным свойством пространства является антропоцентричность. «Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком.

Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центре макро- и микрокосмоса» [1, с. 17]. Несомненно, это лишь первый фрагмент исследования, расширение которого позволит выявить и другие особенности национально-культурной специфики русско-белорусского приграничья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1999. 39 с.
2. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. 340 с.
3. Васильева Т.Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2014. 24 с.
4. Евсеева О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект. автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 22 с.
5. Королёва И.А. Языковые и культурные контакты в русско-белорусском приграничье // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы международной научно-практической конференции (Витебск, 27 мая 2011 г.). Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2011. С. 261–264.
6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
7. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. / под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995. С. 149–238.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
9. Лемцюгова В.П. Беларуская айканімія: Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1970. 156 с.
10. Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVIII вв. Смоленск: СГПУ, 2000.
11. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Наука, 2002. 416 с.
12. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 27–40.

ИСТОЧНИКИ

1. Генкін У.М. Слоўнік адтапанімных дэрыватаў Віцебшчыны. Віцебск: Віцеб. дзярж. ун-т, 2005. 235 с.
2. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь. Магілеўская вобласць: нарматыўны даведнік / І.А. Гапоненка [і інш.]; пад агульнай рэдакцыяй В.П. Лемцюговай; Дзяржаўны камітэт па маемасці Рэспублікі Беларусь, Рэспубліканская тапанімічная камісія пры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Мінск: Тэхналогія, 2007. 406 с.
3. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У.М. Генкін [і інш.]; пад рэд. В.П. Лемцюговай. Мінск: Тэхналогія, 2009. 668 с.
4. Справочник по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области. Смоленск: Принт-Экспресс, 2010. 247 с.

O.S. Evseeva

Toponymy of the Russian-Belarusian Border Area: Ethno-Linguistic Aspect

Key words: *Smolensk-Belarusian border area; spatial code of the culture, ethnolinguistics; place names; the Russian language; the Belarusian language.*

The article is devoted to the ethnolinguistic study of the toponymy of the Russian-Belarusian border area. The paper is based on the explication of the spatial code of culture. Basic parameters are the following: «front – rear», «near – far», «top – bottom», «start – end». These parameters allow us to trace the formation and establishment of the proposed cultural code, and to consider its impact on the mentality of the inhabitants of Smolensk-Belarus border area.

В.А. Трифоненко

Смоленский государственный университет

УДК 81'373.21(470.332)

Полуофициальные названия древнего Смоленска

Ключевые слова: *город; древнерусский; название; топонимия; Смоленская земля; топоним; полуофициальный топоним; официальный топоним; неофициальный топоним.*

В статье рассматриваются полуофициальные топонимы древнего Смоленска. Представленные географические названия делятся на четыре группы: связанные с профессиональной деятельностью, с национальностью, с географическими особенностями, с расположением района города. Наиболее продуктивным способом образования названий полуофициальных районов в древнем Смоленске являлся суффиксальный.

Все топонимы, то есть названия географических объектов, можно разделить по степени известности жителям определенной территории и отражения в законодательных актах на официальные, неофициальные и полуофициальные. Первые можно увидеть на географической карте, они закреплены в документах, законодательных актах, деловых и государственных бумагах. Официальные топонимы – это названия городов, сел, деревень, рек, озер, лесных массивов, улиц, зданий, переулков, площадей, парков, например: город *Москва*, село *Степаново*, деревня *Ополье*, река *Днепр*, озеро *Дубровенка*, лесной массив *Красный бор*, улица *Кирова*, переулок *Краснинский*, площадь *Победы*, парк *имени М.И. Глинки*. Неофициальные топонимы, как и официальные, называют улицы, парки, здания, площади, переулки. Но в отличие от первых вторые существуют в устной форме. Их нет в официальных документах, на географических картах. Неофициальные топонимы создаются в результате общения жителей одного населенного пункта между собой. Жителям других территорий эти названия неизвестны. В качестве примера подобного топонима можно привести название *Бабушка*, которое смоляне употребляют в речи вместо официального топонима улица *Бабушкина*. Неофициальный топоним возник путем искажения официального. Это связано

«вероятно, с тем, что улица была названа в честь человека, которого смоляне не воспринимают как “своего”» [1, с. 19].

В нашем исследовании рассматриваются некоторые полуофициальные названия города Смоленска. Употребляя данный термин, мы имеем в виду названия районов города Смоленска, используемые в наши дни или сохранившиеся в исторических трудах (например, топоним *Немецкая слобода*). Данное географическое название не является официальным, так как его нет на карте, его не используют в законодательных актах. Поскольку это наименование известно не всем смолянам и возникло достаточно давно, его нельзя отнести к неофициальным названиям. Топоним широко использовался в древнем Смоленске, два столетия назад каждый житель города знал месторасположение *Немецкой слободы*. То есть можно сказать, что данный топоним является древним полуофициальным географическим названием.

В статье рассматриваются полуофициальные названия древнего Смоленска и способы их образования.

Все рассмотренные нами топонимы можно условно разделить на четыре группы: 1) название связано с профессиональной деятельностью населения, проживавшего на данной территории; 2) название связано с национальностью людей, проживавших в этом месте; 3) название отражает географические особенности расположения (рельеф, ландшафт); 4) название указывает на расположение района в городе.

В первую группу входят топонимы: *Донщина, Рыбацкая набережная, Сокольничья слобода, Стрелецкая слобода, Тетеревники, Торжище, Ямщина.*

Донщина – это поселение донских казаков, несших охранную службу в городе и на западных границах страны. Находилось оно в Заднепровской части города. Слово *Донщина* состоит из корня *дон-*, словообразовательного аффикса *-щин-* и окончания *-а*. Лексическое значение географического названия – относящийся к Дону (река в европейской части России). Существительные с суффиксом *-щин-* «являются обиходными, неофициальными названиями областей, территорий в РСФСР, Белоруссии, на Украине и в Казахстане. Они мотивируются непосредственно прилагательными с суффиксом *-ск-*, а опосредованно – существительными, представляющими собой географические и этнические наименования, главным образом названия городов – областных и районных центров (*Полтавщина*, *Смоленщина*, *Ржевщина*), реже – названия рек (*Донщина*), этнонимы (*Гуцульщина*). Финаль *-ск-* основы прилагательного отсутствует: *Брянск – брянский – Брянщина*, *Орел – орловский – Орловщина*, аналогично *Гродненщина*, *Киевщина*, *Ростовщина*, *Курщина*, *Владимирщина*, *Рязанщина*, *Тюменщина*, *Кустанайщина*» [9, с. 175].

Рыбацкая набережная – это рыболовные угодья, находившиеся в Заднепровской части города на правом берегу Днепра, недалеко от церкви Петра и Павла. Географическое название представлено словосочетанием, состоящим из имени прилагательного и имени существительного, согласо-

ванных между собой. В словосочетании существительное называет место, а прилагательное его характеризует. Слово *рыбацкая* свидетельствует о том, что на данной территории проживали рыбаки.

Сокольничья слобода – место, где жили люди, занимающиеся соколиной охотой. Соколы – это «сем. птиц отр. хищных. 58 видов. Распространены широко. Питаются мелкими млекопитающими, птицами, пресмыкающимися, насекомыми» [13, т. 2, с. 416]. Сокольничий – «должность в великокняж. дворцовом хозяйстве, во второй половине XVI–XVII веке – придворный чин в России» [13, т. 2, с. 416]. Это географическое название, выраженное словосочетанием, состоящим из имени прилагательного и имени существительного. Существительное называет место, прилагательное дает его характеристику.

Стрелецкая слобода – поселение, в котором население состояло преимущественно из стрельцов. Находилось оно на южной окраине левобережной части Смоленска. В настоящее время слово «стрелец» является устаревшим. Стрельцы – «первая постоянная русская пехота, вооруженная огнестрельным оружием; создана в середине XVI века. Стрельцы набирались главным образом из посадских людей. За свою службу стрельцы получали жалованье деньгами, хлебом, землей. Селились слободами, занимались также ремеслами и торговлей. В мирное время охраняли города и несли полицейские функции» [13, т. 2, с. 455].

Тетеревники – княжеское охотничье угодье, примыкало к Петропавловскому храму с северной стороны. Место было так названо по обитавшим в нем птицам – тетеревам. Тетерев – это «птица отр. куриных. Длина самца 53–57 см, самки несколько меньше. Вес самца около 1,5 кг. Встречается в лесной и лесостепной зонах Европы и Азии. Ценная промысловая птица» [13, т. 2, с. 498].

Торжище – место, где проходил торг. «Торг, торжек или торжище церк. торговище стар. привоз. рынок, базар, место продажи и купли» [2, т. 4, с. 245]. Это район города, где располагался рынок. Слово *Торжище* состоит из корня *торж-*, словообразовательного аффикса *-ищ-* и окончания *-е*. Существительные с суффиксом *-ищ-* «называют предмет (чаще всего место), характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» [9, с. 153]. Данный топоним был образован от существительного *торг* с помощью словообразовательного аффикса *-ищ-*.

Ямщина – совместное поселение людей, занимавшихся перевозкой почты (ямщиков) и грузов (везовников), находилось в правобережной части города. Так же, как и стрельцы, в XVII веке ямщики находились на государственной службе. Ямщики выполняли ямскую повинность – «обязанность крестьян и посадских людей России в XVI–XVIII веках поставлять лошадей и подводы и содержать ямы (почтовые станции). С первой половины XVIII века отбывание ямской повинности заменяется уплатой денег» [13, т. 2, с. 726]. Из словаря М. Фасмера известно, что древнерусское слово *ямщик* имеет

тюркское происхождение («ср. тур. jamčy “ямщик”»), данное слово было «сближено вторично с образованиями на *-ик*» [12, т. 4, с. 557].

Во вторую группу входят топонимы: *Варяжская слобода, Немецкая слобода, Свирская слобода.*

Варяжская слобода – поселение, где жили варяги, выходцы из скандинавских стран. Название отражает давние торговые и культурные связи смолян. *Варяжская слобода* простиралась по низменному берегу Днепра к востоку от *Смядыни.* Варяги – это «древнерусское название жителей Скандинавии. В IX в. дружины варягов во главе с князьями появились в Восточной и Западной Европе как пираты и торговцы. В IX–XI вв. на Руси у князей было немало дружинников-В., а также варяжских купцов. Варяги на Руси восприняли язык и культуру восточных славян и быстро слились с ними» [12, т. 1, с. 169]. Впоследствии варягами называли не только выходцев из Скандинавии, но и обрусевших потомков этих торговцев, и наемных воинов, живших на Руси.

Немецкая слобода – поселение, где располагались жилые дома иностранных купцов, постоялые дворы для приезжих, склады с товарами и «немецкая божница» – католическая церковь. Вверх по течению за *Варяжской слободой* располагалась *Немецкая слобода.* Раньше прилагательное *немецкий* имело значение «относящийся к тем или иным народам, лицам германского происхождения (немцам, шведам, датчанам и др.), принадлежащий лицам из германоязычных стран. А оже убьють новгородца посла за моремъ пли нѣмецкыи посолъ Новѣгородѣ, то за ту голову 20 гривнъ серебра. Гр. Новг. и Псков., 55. 1263 г. ~ 1199 г.» [10, вып. 11, с. 169].

Свирская слобода – поселение, которое символически считалось принадлежащим свирским (северским) людям. Северяне – это «вост.-слав. племя, жившее в VIII–XI вв. по рр. Суле, Десне и Сейму. От С. произошли назв.: северские княжества, *северские города*» [13, т. 2, с. 365]. Название *Свирская* произошло путем искажения слова *северская*.

В третью группу входят следующие полуофициальные названия: *Мономахов холм, Соборная гора, Соборный холм.*

Мономахов холм – место, где расположена возвышенность. В названии отражен антропоним – имя великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха.

Соборная гора – место, где расположена возвышенность. Гора – это «значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью» [7, с. 141]. В 1101 году по приказу князя Владимира Мономаха на вершине данного холма был заложен собор *Успения Богородицы*. «Архитектурный ансамбль *Соборной горы* в том виде, в каком он существует сегодня, сложился в основном к середине XVIII в., однако уже в XI–XII вв. здесь на вершине прибрежного холма располагался детинец – административный и религиозный центр Смоленска, одного из крупнейших в то время городов Древней Руси» [11, с. 107]. В древнерусском городе детинец – это территория

княжеского терема, как правило, обнесенная частоколом. Вплоть до XVII столетия *Соборный холм* сохраняет значение укрепленной цитадели.

Соборный холм – место, где расположена возвышенность. Холм – это «округлая возвышенность с пологими склонами» [7, с. 863].

Мономахов холм, *Соборная гора* и *Соборный холм* – это разные названия одного места. Названия *Соборная гора* и *Соборный холм* используются в речи горожанами и в настоящее время.

В четвертую группу входят топонимы: *Болонь, Крылошевский конец, Крылошанский конец, Поле, Пятницкий конец.*

Болонь – название района города, в котором находится городской парк. Территория расположена в центре Смоленска. «Место, являющееся в настоящее время городским садом им. Глинки, а в обиходном употреблении *блонье* (*блонь, блоня*), в древнейшую пору находилось за чертой города. Оно располагалось непосредственно за укрепленным валом. Судя по современному рельефу местности (плоскогорье), оно никак не представляло собою низменности: достаточно удалено оно и от реки (Днепра). Очевидно, это была луговая равнина, обширная окраина древнего города, предместье его» [3, с. 123–124]. Данную версию подтверждает значение слова «болонь», представленного в словаре В.И. Даля: «Ближайшая окружность города; предместье, слобода, околица» [2, т. 1, с. 135]. В городе Смоленске парк и сейчас называют *Блонь*, *Блонье*, хотя официальное его название – парк *им. М.И. Глинки*.

Крылошевский конец – поселение за стеной, состоявшее из разных улиц. Конец – это «часть или край города» [2, т. 2, с. 128]. С XV века Смоленск делился на концы, в которых находились храмы. Данный конец располагался на восточной части левобережья до самой речки Рачевки. Название он получил от находящейся рядом башни, построенной в северной части крепости на берегу Днепра. Башня «название Рачевская и Крилошевская получила от лежавших к востоку предместий – Рачевского и Клирошанского конца, где жили клирошане, поющие в церковном хоре. Более позднее название, Черепаховая, башня получила от кровли из черепицы, покрывающей башню» [5, с. 68]. К 1827 году возникает угроза обрушения, поднимается вопрос о строительстве новой башни на месте старой. В 1835 году на месте старой постройки возникает новая круглая башня, которая по цвету кирпича получает название *Красная*. Так как ее планируют использовать для хранения пороха, возникает еще одно имя – *Пороховая*. Новая башня сохранилась до настоящего времени, сдается в аренду и эксплуатируется.

Крылошанский конец – поселение за стеной, состоявшее из разных улиц. Конец располагался на восточной части левобережья до самой речки *Рачевки*. Название получил от находящейся рядом башни. «Башня построена в северо-восточном углу крепости, недалеко от Днепра. Названия ворот башни: *Рачевские*, *Клирошанкие*, *Крылошевские* – получены от близлежащих предместий. В более поздние времена башня называлась

Козенской, Песочной, Песчаной» [5, с. 77]. В 1497 году *Крылошанский конец* упоминается в жалованной грамоте литовского великого князя Александра смоленскому епископу Иосифу.

Крылошевский и *Крылошанский конец* – это две разные вариации одного названия. В обеих отразился «реальный фактор – наличие среди местного населения значительной прослойки священнослужителей – клириков» [6, с. 20], то есть в основе данных топонимов лежит название священного сана.

Поле – это «безлесная равнина, пространство» [7, с. 550]. В Древней Руси слово *поле* имело значение «место сражения». В Смоленске место, куда выходили сражаться с неприятелем, также называли *Полем*.

Пятницкий конец – поселение за стеной, состоявшее из разных улиц. Конец располагался западнее Пятницкой надвратной башни, расположенной в северо-западной части крепости. «Свое название, как и ворота, башня получила от древней церкви *Параскевы Пятницы*» [5, с. 282]. «Святая Параскева Пятница была особо почитаема на Руси, она считалась покровительницей путешествующих, поэтому церкви, храмы или часовни строили возле больших дорог. Остатки церкви были обнаружены в районе *Большой* и *Малой Краснофлотской* улиц (в далеком прошлом эти улицы назывались *Богословская* и *Большая Проезжая*» [4, с. 58]. Аналогичным образом получил свое название и *Пятницкий конец*. До настоящего времени *Пятницкие* ворота с башней не сохранились, так как постепенно разрушились за годы войн. Вместо *Пятницких* ворот со временем в стене появился *Малый Пятницкий* пролом. «Здесь в пространстве, граничащем далее с *Пятницким* ручьем, существовал храм *Пятницкий*, от которого получили название две башни городской крепости: …*Пятницкие* большие проезжие ворота, находившиеся далее, не доходя до *Пятницкого* ручья, где теперь узкий пролом в стене» [8, с. 145].

Итак, значение полуофициальных топонимов в древнем Смоленске чаще всего было связано с профессиональной деятельностью людей, живших на этой территории. Самым продуктивным способом образования новых полуофициальных топонимов являлся суффиксальный. Проанализированные нами полуофициальные топонимы, наряду с официальными, отражают далекое прошлое города Смоленска и жизнь людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутеев Д.В., Никифорова В.В., Сергеев В.Ю. Под покровом имен: словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск: Маджента, 2012. 163 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Олма-Пресс, 2002.

3. Иванова А.И. К истории слова *болонье* (*блонье*) // Труды второй научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка пед. ин-тов. Владимир, 1964. С. 115–129.

4. Картавенко В.С. Семантика топонима как концентрированного текста // W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu / pod redakcją Agaty Piaseckiej i lji Blumental. Łódź, 2014. S. 55–64.

5. Кузьмичев А.П., Аверченков И.А. Крепость красна башнями. Историко-документальное описание Смоленской крепости и событий, связанных с ней. Смоленск: Смядынь, 2003. 320 с.

6. Махотин Б.А. К живым истокам. Смоленск: Московский рабочий, 1989. 127 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.

8. Писарев С.П. Памятная книга Смоленска. Историко-современный очерк. Указатель и путеводитель Смоленска. Смоленск: Паровая типо-литография Я.Н. Подземского, 1898. 208 с.

9. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980.

10. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–2015. Вып. 1–30.

11. Суханова В.А. Памятные места Смоленщины. Культурно-исторический атлас Смоленского края. Смоленск: Русич, 2004. 208 с.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. В 4 т.

13. Энциклопедический словарь: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1963–1964.

V.A. Trifonenko

Semi-Official Names of Ancient Smolensk

Key words: *town; old Russian; name; toponyty; Smolensk land; toponyt; semi-official toponyt; official toponyt; informal toponyt.*

The article deals with semi-official toponyms of ancient Smolensk. The geographical names represented in the article are divided into four groups: connected with professional activities, nationality, geographical features, with the location in the city. Suffixation was the most productive way of formation of semi-official names of the districts of ancient Smolensk.

Д.В. Бутеев

Смоленский государственный институт искусств

УДК 81’373.21

Смоленские ойкодомонимы как отражение советской эпохи

Ключевые слова: *ономастика; неофициальный топоним; ойкодомоним; советский период; смоленская региональная топонимия.*

В статье автор рассматривает неофициальные наименования смоленских предприятий (неофициальные ойкодомонимы), большинство из которых возникло и активно функционировало в советскую эпоху. Предпринимается попытка выявить причины и словообразовательные пути их появления. Делается вывод о том, что подвергаемый анализу лексический пласт, отразив при своем возникновении скрытые веяния, противоречия эпохи, стал важным не только языковым, но и историко-культурным феноменом, ярко характеризующим определенный период жизни страны.

Неофициальные топонимы современного города, не обладая официальным статусом, рождаясь и функционируя в речи сменяющих друг друга поколений, в большинстве своем живут недолго. Определенным образом отразив в акте коллективного словотворчества мироощущение той или иной социальной группы, они уходят в небытие вместе со всеми другими атрибутами эпохи. К сожалению, до недавнего времени неофициальной городской топонимии как особому лексическому пласту должного внимания исследователями не уделялось и многие языковые феномены, если им не посчастливилось попасть в поле зрения краеведов, канули в Лету.

В последние десятилетия ситуация стала изменяться, и современные ономасты различных регионов нашей страны, обратившись к сбору, анализу и систематизации народных наименований, помимо научно-исследовательской функции осуществляют и не менее важную культурносберегающую. Они сохраняют для потомков портрет эпохи, реалии и веяния которой наглядно проступают сквозь неофициальную городскую топонимию. Например, в «перестроечное» время в наш язык вместе с полюбившимся сериалом «Рабыня Изаура» (яркая черта эпохи!) пришло португальское слово «фазенда». Так стали иронично называть небольшие загородные садовые и огородные участки. В Смоленске поклонники мыльных опер пошли дальше и назвали Фазендой стихийно возникший неподалеку от нынешней площади Победы базарчик (рядом с магазином «Юнона»), где продавалась «продукция» с этих участков. В те же годы и немного позже в речи отдельных групп смолян стали активно употребляться топонимы Тропа Шаолиня, Полторашка (15 школа), Билайнь (Блонье), Наркомандия (ул. имени полка Нормандия-Неман), Эльфийский храм (Спасо-Преображенский собор в Авраамиевом монастыре) и подобные им, с разных сторон характеризующие непростую переходную социальную эпоху.

Наряду с рождением новых слов, со сменой политического строя ушли в небытие или же заметно сузили ареал своего функционирования и, соответственно, частотность употребления целые лексические пласты. В этот круг входят и многие народные наименования предприятий, когда-то процветавших и дававших возможность трудиться и достойно существовать большинству жителей города, а ныне либо закрытых, либо утративших прежние производственные мощности.

В этой работе мы рассмотрим смоленские неофициальные ойкодомонимы (наименования предприятий и учреждений). Ойкодомонимы, как справедливо отмечает ульяновская исследовательница В.В. Стародубцева при характеристике официальных наименований, «являясь сплавом трех факторов: лингвистического, социального и культурно-исторического, – … испытывают на себе сильнейшее влияние экстралингвистических факторов» [3, с. 8]. Это замечание сохраняет актуальность (во многом окрашенную другими семантическими нюансами) и по отношению к неофициальным ойкодомони-

мам, большинство из которых возникло в советскую эпоху, отразив скрытые веяния, чаяния и противоречия того времени.

Калинкой смоляне до сих пор называют ОАО «Завод КДМ им. М.И. Калинина» (КДМ – это комплексные дорожные машины). В 1915 году в связи с событиями Первой мировой войны из Вильно в Смоленск был эвакуирован завод сельскохозяйственных машин товарищества «Вилия», основанный незадолго до переезда в 1911 году. В 1920 году он получил имя М.И. Калинина.

При образовании неофициального топонима был использован весьма продуктивный в подобных случаях способ словообразования – сращение с суффиксацией, причем было найдено созвучное с фамилией всесоюзного старосты песенное слово, являющееся брендом России. Народное наименование, заменившее обезличенное топонимическим культом М.И. Калинина официальное название, выделяется среди неофициальных имен предприятий ярко выраженной «положительностью» звучания.

Льнухой или Льнушкой до недавнего времени часто именовали ОАО «Смоленский льнокомбинат». Оба неофициальных топонима образованы сокращением с прибавлением суффикса. Суффикс -ух- привносит грубоватое звучание, суффикс -ушк- – уменьшительно-ласкательное, отражающее теплое отношение смолян к предприятию, с которым рос, достойно проходил через исторические испытания их город и с которым многие годы было связано благосостояние Смоленщины и ее жителей.

Сегодня льнозаводы области стоят в запустении. Сама вершина пирамиды, некогда крупнейший в Европе комбинат, пройдя через ряд банкротств, отошел в небытие в 2005 году, и на его площадях раскинулась «Галактика» – очередной торгово-развлекательный центр. Область, идеально подходящая для выращивания льна, который крайне востребован в текстильной, оборонной промышленности, медицине, лишилась одного из китов своей экономики. «<…> В 1983 году, который по погодным условиям оказался очень благоприятным для льна, чистая прибыль от него составила почти 150 миллионов рублей…» [1, с. 107]. При самом заниженном пересчете (1 к 100) на сегодняшние деньги – это 15 млрд рублей, почти половина совокупного бюджета области за 2016 год (34 млрд рублей). Смоленский лен, бывший наряду с собором и крепостью визитной карточкой города, не смог вписаться в новую капиталистическую эпоху.

В 2004 году было признано банкротом ОАО «Смоленское пиво», в простонародье – Фильтрашка. Основано предприятие было в 1863 году, по одним источникам, Н.И. Шервудом-Верным, по другим – Н.В. Шварцем. Использование чистейшей воды из родника Здоровец способствовало появлению высококачественной продукции – в 1883 году на международной выставке в Неаполе смоленское пиво получило золотую медаль. Смоленских пивоваров наградили и в 1884 году в Париже. Презрительное наименование Фильтрашка возникло в эпоху, когда вместо любимого в народе

нефильтрованного пива завод стал выпускать пастеризованный, отфильтрованный продукт – бутылочное пиво невысокого качества.

Осенью 2014 года было признано банкротом ЗАО «Смоленский автоагрегатный завод им. В.П. Отрохова АМО ЗИЛ». В эпоху социалистических соревнований были распространены подтрунивания над конкурентами-соседями. Такой насмешкой и являются созвучные со словом «автоагрегатный», образованные от слова «регот» прозвища завода – Реготальный и Реготаловка. Возможно, рабочие расположенного по соседству Авиационного завода, придумавшие эти прозвища, давали уничижительную характеристику качеству продукции земляков-автопромщиков: мол, на нее нельзя взглянуть без смеха. Другая версия связывает происхождение топонима со своеобразным звучанием заводского гудка. Существовал и еще один вариант, скорее всего, уже не «внешний», а «внутренний» – Рыготальный. Он был мотивирован глаголом «рыгать», отражающим соответствующее отношение некоторых недобросовестных рабочих к социалистическому труду.

Следует отметить, что рабочие Авиационного завода очень активно занимались словотворчеством, а так как в советское время их было около 12 тысяч, то изобретенные ими слова быстро получали широкое распространение: Штаб генерала Лукина (топоним подчеркивал значимость магазина, расположенного на ул. Генерала Лукина), Аврора (прозвище магазина, побывавшее какое-то время и его официальным наименованием, первым встречавшего трудящихся при возвращении со смены), У Штыка или Стервятник (расположенное около памятника, прозванного Штыком, кафе, в советскую эпоху носившее название «Сокол»; подобно хищнику, оно могло быстро поглотить всю зарплату посетителя), Площадь трех корпусов (топоним, именующий площадь между заводскими корпусами № 37, 63, 80 и, скорее всего, возникший по аналогии с московской Площадью трех вокзалов). Сам завод, ведущий свою историю с 1926 года, когда-то тоже имел прозвище Ящик. Оно было сокращением от принятого в советскую эпоху наименования засекреченных оборонных предприятий – «почтовый ящик». С появлением в городе других «ящиков» (ОЗ «Кентавр», СФ СКБ ВНИИОФИ и др.) топоним перестал употребляться.

«Дразнильными» прозвищами обменялись заводы-соседи, прописанные по ул. Бабушкина. Это ФГУП СПО «Аналитприбор» (дата основания 1960 год) и ОАО «Измеритель» (основание – 1968 год). Первый получил имена с алкогольным уклоном – Аналитрприбор и Наливайприбор. Прозвище Аналитрприбор, по сообщению информанта, родилось на рубеже 1980–1990-х годов благодаря судье соревнований. Он награждал заводских футболистов, победивших в первенстве города, и оговорился «по Фрейду», чем вызвал долго не стихавший смех присутствующих. Топоним Наливайприбор уникален тем, что представляет собой целое побудительное предложение. У завода есть и нейтральное короткое неофициальное наименование Аналит – удобная замена и характерному для нашего вре-

мени несуразно раздутому полному официальному названию (Федеральное государственное унитарное предприятие «Смоленское производственное объединение “Аналитприбор”»), и не поддающемуся расшифровке аббревиатурному варианту (ФГУП СПО «Аналитприбор»).

Прозвища ОАО «Измеритель» другого рода – Изнуритель и Издуритель. Малоупотребительное в общеязыковом контексте слово «изнуритель» стало неофициальным наименованием завода по созвучию, вероятно, отражая высокие требования к трудовой дисциплине и качеству выпускаемой продукции на предприятии, изготавливающем изделия для авиационно-космической промышленности, в частности для самолетов серий Су, МиГ, Ил, Ту, Як. Вариант Издуритель, по смыслу близкий первому, не имея аналогов в языке, является лингвистическим изобретением.

Неподалеку (район не случайно в свое время был назван Промышленным) расположилось еще несколько предприятий, обладающих неофициальными наименованиями. Это ОАО «Смоленский завод “Кентавр”». Предприятие создавалось на территории бывшей колонии строгого режима, что, по всей видимости, и мотивировало прозвище завода Бухенвальд, созвучное к тому же слову «бухать» (ср. Аналитрприбор и Наливайприбор). В 1961 году в бараках, в которых до этого заключенные изготавливали кровати (отсюда первоначальное прозвище – Кроватная фабрика), разместился засекреченный «Почтовый ящик № 20». Впоследствии после ряда реорганизаций в 1967 году он стал заводом «Кентавр», неожиданно напомнив этим наименованием о *кентах*-предшественниках.

Еще один семантический пласт топонима Бухенвальд проявляется при сопоставлении с другими заводскими именами Изнуритель и Рыготальный: не все в стране победившего безработицу социализма разделяли жизненные установки Алексея Стаханова и Паши Ангелиной. Отметим, что неофициальное имя завода так прочно укоренилось в сознании его рабочих, что некоторые из них при опросах во время следствия по делу смоленского маньяка Стороженко напротив места работы, нимало не смущаясь, написали Бухенвальд, чем вызвали сначала глубокое недоумение, а затем негодование московских следователей.

ОАО «Пирамида» (ул. Шевченко, 75) до акционирования было Смоленским опытным заводом «НИИТеплоприбор», тогда же по созвучию оно получило топоним-«дразнилку» Ни тепла ни прибора.

На игре слов (трансформации слова «трикотаж») построено и одно из прозвищ ООО «Шарм»-Смоленск – Четырекотаж. Предприятие было основано в 1964 году. Сокращением первоначального названия (Смоленская трикотажная фабрика) является более популярный неофициальный топоним Трикотажка, который к тому же используется и по отношению к городскому дому культуры «Шарм».

АО «Ледванс», до 2016 года носившее неблагозвучное название ОАО «ОСРАМ», а изначально с момента основания в 1963 году известное

под именем «Смоленский электроламповый завод», смоляне зовут простым, как лампочка, словом Лампочка.

Так же не мудрствуя, жители города подобрали дифференцирующие прозвища для двух кирпичных заводов. ООО «Кирпичный завод», расположенное по ул. Крупской, 38 (до 2003 года – «Смоленский кирпичный завод № 2»), назвали Кирпичом, синтезируя сокращение с метонимией. А ООО «Теллура», расположенное на ул. Лавочкина, 90 и до 1993 года известное под названием «Смоленский кирпичный завод № 1», поэтически звучно прозвали Кирпичкой на Лавочке, осуществив привязку к местности.

Очень продуктивной моделью для образования неофициальных наименований смоленских предприятий стало сращение с суффиксацией, осуществляемое при помощи суффикса -к-. Керамка – основанный в 1953 году «Смоленский керамический завод», с 1996 года – ОАО по производству строительных материалов «Гнездово». Ликвидировано в 2006 году.

В том же 1953 году была основана Чулочка (ЗАО «Смоленская чулочная фабрика»). С 2008 года часть ее продукции проходит обработку наночастицами серебра. В смоленских носках летают на орбиту космонавты МКС. Высокое качество изделий фабрики отметил президент РФ Д.А. Медведев, посетивший ее в 2011 году.

Макаронка – Смоленская макаронная фабрика. Была построена в 1979 году, а с 1992 года стала именоваться почти на финский манер ОАО «САОМИ». До конца 1970-х годов Макаронка располагалась в возведенном в 1670-е годы Троицком соборе (ул. Большая Советская, 9). Столь оригинальный подход к использованию культурно-исторического объекта стал известен всей стране благодаря одному из выпусков сатирического киножурнала «Фитиль».

Чумаданка – ОАО «Смоленская кожгалантерейная фабрика». Старое название – Чемоданная фабрика. Ироничный топоним, вероятно, возник не без влияния озвученной голосом нашего земляка А.Д. Папанова фразы «Ну, чумадан, погоди!» из популярного советского мультсериала «Ну, погоди!» (7 выпуск, 1973 год).

Вагонка – «Пассажирское вагонное депо филиала ОАО РЖД», находящееся в Колодне, Ликерка – ликеро-водочный завод «Смоленский» (филиал СОАО производителей спирта и ликеро-водочных изделий «Бахус»; официальное название вполне можно использовать в качестве теста на трезвость), Мебелька – ОАО «Смоленскмебель», расположенное по ул. Соболева, 113 и вступившее в строй в 1950 году.

Особняком в ряду приведенных топонимов стоит Гудронка (асфальтово-битумный завод в Гнездове), так как корневой элемент народного наименования предприятия не присутствует и не присутствовал в его официальном имени. Завод приказал долго жить в эпоху реформ. На его месте ныне пустырь – все сдано на металл.

Сращение, но уже с другими суффиксами, породило неофициальные топонимы Лесуха и Мясуха. Лесуха – это холдинговая компания «Центр комплектации строительства “Лесоторговая база”». Народное имя не столь гламурно, как официальное (суффикс -ух- привносит грубоватое звучание), зато прозрачно и лаконично.

Мясуха – ООО «Смолмясо». Грубоватый суффикс -ух- в этом случае, возможно, был мотивирован резким неприятным запахом, временами распространявшимся от предприятия по всему городу.

Схожи конечной частью, но отличаются и суффиксом, и деривационным смыслом Бычарня (ср. овчарня) и Грибоварня (ср. пивоварня). Бычарня – ОАО «Смоленское» по племенной работе (Рославльское шоссе, 9). Неофициальный топоним точен и конкретен, чего явно не хватает невразумительному официальному наименованию.

Грибоварня – ООО «Гнездовский консервный завод» (ул. Вокзальная, 26). Помимо прочего, завод, находящийся при лесхозе, выпускал грибные консервы из местного сырья. Топоним-неологизм емко описывает основной производственный процесс. Неофициальный же топоним Швейник (ООО «Швейное предприятие “Восход”», ул. Ново-Ленинградская, 11), наряду с указанием на производственный процесс, выполняет и функцию исторической памяти. Предприятие было основано в 1920 году как швейная артель, в 1928 году стало швейной фабрикой и до 1937 года носило имя секретаря Западного обкома ВКП(б) И.П. Румянцева. После ареста Румянцева его имя исчезло из названия предприятия, ставшего именоваться «Красным швейником». Наименование «Восход» оно получило в 1962 году.

Прозвище ОАО «Смоленский полиграфический комбинат» – Полиграф, скорее всего, возникло (путем усечения конечной части) и обрело «популярность» благодаря остановке общественного транспорта «Полиграфкомбинат». К тому же для троллейбусного маршрута № 1 она конечная.

В какой-то мере то же самое можно сказать и о неофициальном топониме Холодильник, именовавшем и завод, и остановку общественного транспорта. Созданное в 1964 году предприятие с 1968 по 1992 год называлось «Смоленским заводом холодильников», затем стало ОАО «Айсберг», а в 2014 году было объявлено банкротом. Остановка официально продолжает жить под именем «Завод холодильников».

Автобазу № 4 в Гнездове в народе звали Четверкой и Шманцаревской. Последний вариант возник в советскую эпоху от фамилии директора (Шманцарь или Шманцарев). Автобаза представляла собой весьма крупное хозяйство, обладавшее даже подсобной свинофермой. Вероятно, учреждения и предприятия народ именует по фамилии руководителя, когда тот является неординарной личностью.

ООО «Смоленский электротехнический завод» (ул. Крупской, 65А) получило прозвище Слепецкое предприятие. Нейтральный по звучанию неофициальный топоним (по отношению к инвалидам сниженность не-

уместна) сразу делает понятным, о каком предприятии идет речь. Вряд ли большинству смолян что-то может сказать официальное наименование.

ОАО Пискарихинский спиртзавод, филиал СОАО производителей спирта и ликеро-водочных изделий «Бахус», обрел неофициальное наименование Бардояма. Барда – это побочный продукт спиртового производства. В некоторых деревнях бардоямой называли место для слива барды. Таким образом, неофициальное наименование Пискарихинского спиртзавода, расположившегося в низине у подножия Таборной горы, соединило в себе указание на профиль производства и обозначение месторасположения предприятия – в яме.

Подводя итог, отметим, что неофициальные ойкодомонимы являются важным элементом региональной топонимики, которая, как справедливо утверждает российский ономаст И.А. Королева, представляет «собой свернутый лингвокультурный код, при декодировании которого вскрывается самая разноплановая информация, лингвистическая и экстралингвистическая, отражающая, в первую очередь, представления об окружающем мире того этнического и совместно проживающего сообщества, в котором образуется и существует региональный топоним» [2, с. 95]. Зафиксированные и сохраненные для последующих поколений неофициальные ойкодомонимы нашего города позволят в будущем беспристрастному исследователю и обычному читателю составить более полное представление об индустриальной советской эпохе в историческом пути Смоленска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко И.Е. Думы о былом: Размышления о времени, о людях, о себе. Смоленск, 2001. 551 с.
2. Королёва И.А. Микротопонимы и неофициальные региональные топонимы (к постановке вопроса) // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 94–103.
3. Стародубцева В.В. Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке (на материале ойкодомонимов г. Ульяновска): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 21 с.

D.V. Buteev

Smolensk Oikodomonyms as a Reflection of the Soviet Era

Key words: *onomastics; informal place names; oikodomonym; Soviet period; Smolensk regional toponymy.*

The author considers informal names of Smolensk enterprises (oikoumenikos, or oikodomonyms), most of which were created and actively functioned in the Soviet era. An attempt is made to identify the causes and derivational models of their creation. It is concluded that the lexical layer, which reflects hidden trends and contradictions of the era, is an important phenomenon not only for linguistics, but also for history and culture phenomenon, as it vividly describes the whole period of life of the country.

О.П. Альдингер
Смоленский государственный медицинский университет

УДК 81'373 (2Р)

Ассоциативно-культурный фон антропонимов в «Пословицах русского народа» В.И. Даля

Ключевые слова: *имя собственное; оним; личное имя; антропоним; фразеоним; ассоциативно-культурный фон; фразеология; пословица; поговорка; паремия.*

В статье рассматривается функционирование распространенных в пословицах и поговорках антропонимов. Обосновывается лингвокультурологическая значимость имени собственного, предлагаются способы описания ассоциативно-культурного фона личных имен, вошедших в паремии.

В трансляции национально-культурного мировосприятия народа – носителя языка – особую роль играет фразеология, так как в образном содержании ее единиц воплощено культурно-национальное мировидение [14]. Образы, закрепленные в фразеологических единицах языка, служат своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связаны с материальной или духовной культурой определенного языкового коллектива, а потому могут свидетельствовать о его культурно-национальном опыте и традициях, условиях жизни народа, его истории и т.д.

Во многих фразеологических единицах обращает на себя внимание тот факт, что роль ключевых слов в них выполняют имена собственные. Фразеологизмы с ономастическим компонентом представляют особый интерес для лингвокультурологических исследований, поскольку национально-культурная информация, стоящая за именем собственным, богата, разнообразна и многопланова.

Имена собственные как культурный знак обладают комплексной семантикой, включающей три составляющие: языковую, речевую и энциклопедическую, соотношение которых в содержательной структуре онима может быть различным в зависимости от его индивидуальных характеристик, особенностей функционирования и др. Для онимов в составе пословиц и поговорок (1) стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация. Вплетаясь в единую ткань высказывания, они, с одной стороны, вносят в нее дополнительные сведения, обогащающие значение паремии, а с другой – испытывают влияние этого значения. Таким образом, на основе взаимодействия фразеологизма и его ономастического компонента формируется *фразеоним* – «комплексная ономастическая единица в составе фразеологизма, совмещающая в своей семантике и выражающая в *ассоциативно-культурном фоне* (АКФ) признаки онима и фразеологизма» [7, с. 86].

Выявление и описание АКФ фразеонимов представляется актуальной исследовательской задачей, решение которой позволит получить представление о русской фразеономастической картине мира.

Попадая в фразеологизм, имена собственные отражают национальную самобытность именослова того или иного народа, сообщают о традициях, мировидении, истории и мифологии последнего. К тому же они часто приобретают определенное значение, которое делает выражение более экспрессивным.

Богатым ассоциативно-культурным фоном обладают все фразеонимы, однако чаще всего в центре внимания исследователей оказываются личные имена. Работы Т.Н. Кондратьевой, В.М. Мокиенко, Е.С. Отина, Л.Б. Савенковой и других посвящены описанию вторичного, дополнительного понятийного содержания наиболее распространенных в пословицах и поговорках антропонимов: *Иван, Макар, Кузьма, Сидор, Фома, Ерема.* Можно утверждать, что и другие личные имена в результате функционирования в пословицах и поговорках приобретают определенную семантику.

Рассмотрим особенности АКФ фразеонимов на материале «Пословиц русского народа» В.И. Даля – наиболее полного собрания русских пословиц и поговорок.

Имя **Филипп** (также Филимон, Филат), в уменьшительной форме Филя, становится обобщенным названием глупого и ленивого человека [11]. В пословицах Филя выступает в роли простака и неудачника: *У Фили пили, да Филю и побили.* Зато он безобиден, привык к своему положению: *Наш Филипп ко всему привык.* Отсюда появилось *«простофиля».* Существует несколько точек зрения на причины появления этих значений у имени. Некоторые исследователи как основное приводят выражение *Филькина грамота* – «пустая, ничего не стоящая бумажка». В.М. Мокиенко считает, что данный фразеологизм первоначально означал грамоту, написанную безграмотным человеком, человеком «подлого» сословия, а потому не имеющую веса [10]. Другие исследователи время его возникновения относят к царствованию Ивана Грозного, который презрительно называл разоблачительные послания митрополита Филиппа, выступающего против бесчинств царя, филькиными грамотами [5]. И.М. Снегирев связывает происхождение паремий с антропонимом *Филя* с личностью Фили Прегордого – Фильния, венгерского полководца начала XIII века [13], известного своим презрительным отношением к русским. Именем *Филя* помещики часто называли своих слуг [6]. Неудивительно, что типизированное имя слуги пополнило синонимический ряд со значением «глупый».

Мартын беден (*Алтын Мартыну – ни сапог подшить, ни скота подковать*), но попрошайничеством не занимается, на бедность не жалуется (*Не ждет Мартын чужих полтин, стоит Мартын за свой алтын*). Если деньги появляются, чаще всего их пропивает (*Мартын свалился под*

тын; Взяли, как Мартына с гулянья), причем денег ему не жаль: может и других угостить (*Добр Мартын, коли есть алтын*). К тому же этот человек очень беспечен и в состоянии опьянения смешон: *Потерял Мартын отцов алтын; Шут Мартын, рукавиц ищет, а дваи за поясом торчат.* В.И. Даль в «Толковом словаре…» отмечает еще одно значение: *Мартын с балалайкой* – мужик с ленцой, с придурью, иногда о женщине, глупой и сентиментальной [4]. Е.С. Отин указывает, что имя *Мартын* помещено в список оскорбительных слов и выражений, которые в Судном приказе было запрещено употреблять «ответчикам» («Указ по челобитным о безчестьях» был издан в 1700 году). Не исключено, что к бранным относились лишь производные (засвидетельствованные в тексте указа) формы *Мартынушко* и *Мартыник*, хотя в диалектах известно и нарицательное имя *мартын* «некрасивое, безобразное лицо» [12].

Имя **Тит**, во-первых, является именем римского императора, героя русской трагедии «Титово милосердие» (Я. Княжин, 1778 год). Тит – мудрый и милосердный правитель. Имя его в XVIII веке становится нарицательным и приобретает значение просто «император» [10]. В дальнейшем это значение подвергается народной обработке. В нем развивается отрицательное значение, подкрепленное пословичной репутацией имени. В народном языке Тит – прожженный лоботряс и дармоед (*Тит, иди молотить! – Брюхо болит. – Тит, иди кисель есть! – Где моя большая ложка?*).

В выражении *Родится Тит широкий ум* Тит – синоним мудрого, но жестокого царя. Существует легенда, что юродивый Дометиан приходил во дворец к великому князю Василию Ивановичу возвестить о наступающем рождении Тита Широкого ума; этот Тит был царь Иван Грозный [6].

Во-вторых, день Тита празднуется 2 апреля (2) и приходится на период Великого поста, чем и объясняется ряд поговорок и присловий про Тита. Он не только ленив и вечно пьян (*Пьяный Тит псалмы твердит; Наш Тит под лавкой спит*), но еще и блудлив (*Наш Тит и в Великий пост блудит*).

Имя **Семен** в народных выражениях может иметь значение «муж»: *Людской Семен как лук зелен, а наш Семен из грязи свален.* Некоторые выражения – насмешка над глупостью: *Умен, как поп Семен: книги продал, да карты купил*.

Появление пословицы *По Сеньке шапка* связано со старинным русским обычаем в одежде. В XVI веке головные уборы разделялись по состоянию и чину носящего: тафьи духовные; бархатные, атласные колпаки для богатых, суконные и войлочные – для бедных; четырехугольные низкие шляпы с меховым околышем, украшенные жемчугом – для дворян и бояр. То есть по шапке можно было узнать происхождение человека [6]. Кого могли называть Сенькой? Скорее всего, человека, не пользующегося уважением окружающих [2]. На базе этой пословицы возникли другие: *По Сеньке шапка, по Еремке колпак; По Сеньке шлык, коли косенько сшит;*

По Сеньке и шапка, по бабе и шлык и под.

Выражения с именем **Федот** восходят к церковному календарю. Так, 7 июня – Федот-овсяник, время страды. К этому дню относится поговорка *Потягота на Федота, с Федота на Якова, а с Якова на всякого* (имеется в виду нарицательное понятие Федота-труженика и Якова с его яканьем). Выражения *Федот, да не тот; И Федот, да не тот: наш пьет, не прольет, усом не моргнет* основаны на том факте, что в году девять именин Федота. Т.Н. Кондратьева указывает, что они выпадают в основном на посты и страду и только четвертая часть Федотов встречает свои именины в мясоеды. Другим Федотам хотелось бы отпраздновать свои именины также в мясоед, в масленицу, поэтому они и выдавали себя за масленичного Федота [6]. В паремии *Фетинья стара, а Федоту мила* имена выступают в значении «муж и жена».

Имя **Яков** в основном используется в качестве рифмы к слову «всякий», поэтому значение его в пословицах и поговорках очень разнообразно. М.И. Михельсон сопоставляет героя фразеологизма *Не всякому по Якову* и под. (*Всякому по Якову; Не всякому по Якову, а кому Бог даст*) с библейским Иаковом: «Он возвестил слово Свое Иакову, уставы Свои и суды Свои – Израилю. Не сделал он того никакому другому народу (то есть как Иакову) и судов Его они не знают» (Псалом 147, 8–9) [8].

Яков – человек с самомнением: *Не тужила, не плакала – пошла Марфа за Якова; Фоку да Якова и сорока знает*. Однако восприятие такого человека отрицательно – «говорить говорит, а дело не делает»: *Ну, Яшка, плоха твоя замашка* [6, с. 108]. В целом к нему отношение ироничное: *Рад Яков, что пирог с маком; Яков лаком, съел кошку с маком.*

Нарицательные значения имени **Фофан** связаны с теофаниями (феофаниями), празднуемыми как мифическое событие явления Бога. В Средние века феофании превращались в обрядовые драматические сцены, в которых смешивались духовные элементы с распущенным цинизмом [6]. Отсюда Фофан – простак-шут, черт-пугало [9]: *Ни от камени меду, ни от Фофана приплоду*. Фофанцами назывались ряженые, статисты народной драмы: *В нынешних обрядах и Фофаны в нарядах* [6]. Выражение *Наш Фофан в землю вкопан* восходит к средневековому обычаю: монахов и монахинь, преступивших обет, закапывать в землю или замуровывать живыми в столбы.

Имя **Маланья** в паремиях может нести и положительную (*В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед*), и отрицательную оценку (*Дали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены не ладно»; Малаха Парахи не лучше*), может указывать на бедность (*С голоду Малашке и алашки в честь*). Есть несколько пословиц, в которых имя Маланья употребляется для рифмы с именем Ананья. На наш взгляд, они означают в таких случаях «мужа и жену»: *Охала Маланья, когда уехал Ананья; Каков Ананья, такова у него и Маланья*. М.И. Михельсон коммен-

тирует последнее выражение так: какова госпожа, такова и прислуга [9].

Ананья в других фразеологических выражениях – ласково угодливый человек, лиса [9]: *В людях Ананья, дома каналья; В людях Ананья, а дома не найдешь*.

Самые разные по смыслу паремии объединены рифмой «Роман – карман». В результате складывается образ вора **Романа**: *Нет воров супротив Романов.* Если он искусный вор, то одет хорошо: *Роман кожаный карман.* Но любой вор часто остается без денег, потому что легко нажитое так же легко тратится: *Худ Роман, коли пуст карман.* И добыть деньги он надеется тем же способом: *Не надейся, Роман, на чужой карман.* А раз лучше вора нет, то своего он достигнет: *Приехал к торгу Роман, привез денег полный карман.*

Акулина – нерадивая, ничего не умеет: *Акуля, Акуля, ты шьешь не оттуля. – Ничего, мамаша, я еще пороть буду.* Она бестолкова (*Малашка Акульку не выпередит*), к тому же – ханжа: *Акулина Федосеевна до чужих ребят милосерда.* Влияние на формирование у данного имени негативной оценки оказало то, что 13 июня – день св. Акулины. Т.Н. Кондратьева отмечает, что этот день считался нерабочим, однако все работали, поскольку в это время страда. Тот, кто праздновал, по мнению мира, был ленив, а потому назван *акулей, акулиной*, что обозначало лентяя, неряху, глупого человека, неумытого, рассеянного, неумелого [6].

Мирошка (Мирон) – бедный (*Богат Мирошка, а животов – собака да кошка*), недалекого ума (существует выражение *прикидываться Мирошкой*, то есть дурачком). Поэтому отношение к нему ироничное, над ним смеются: *Мирошка, голенькие ножки, прыг через порог, насилу ноги переволок.* Ироничное отношение проявляется и в форме имени – он не Мирон, а всего лишь Мирошка. Вдобавок он не прочь выпить: *Зачал Мирошка пить понемножку.* Отмечается также, что *Мирон* (*пермск.*) – незаконнорожденный [9; 6].

Пословица *Севастьян не узнал своих крестьян* первоначально относилась ко дню св. Севастиана (26 февраля). Когда весна была поздней, говорили, что **Севастьян** проехал мимо крестьян, не привез весны. Со временем связь с названием праздника была утеряна и имя стало употребляться в ироническом значении, что подкрепляется другой поговоркой с данным именем: *Севастьян горшки продает, а Севастьяниха подтаргивает* (в тематической группе «Мошенничество – воровство»).

Имя **Марья** при самостоятельности в фразеологизмах имеет несколько значений. *Машка* – нерадивая и ленивая: *Что Машка напряла, то мышка скрала. Маша* – крестьянка, обычно положительный образ: *Пошла бы Маша за попа, да поп не берет; Хороша Маша, да не наша.* В большинстве же паремий мы встречаем сочетание имен *Иван* и *Марья*, которое выступает в значениях «мужчина и женщина» (*Иван Марье не товарищ*); «муж и жена» (*Иван был в Орде, а Марья вести рассказывает*).

Алеха (Алексей) выступает в устойчивых выражениях как лгун, пустомеля, хвастун: *Плохо, Алеха, хило, Вавила*. Причиной послужило то, что день св. Алексия (18 марта) – праздник рыболовов, которые всегда отличались любовью к байкам. Данное имя выступает и в значении «упрямый» (*Алеха не подвоха: сдуру прям*). Е.С. Отин указывает также на значения «важный, чванливый человек, бахвал» [12].

В фольклоре **Петрушка** – скоморох, клоун, главное действующее лицо в традиционных народных выступлениях, в красном колпаке, с длинным носом и писклявым голосом. В переносном значении *Петрушка* – человек, который паясничает, несерьезно себя держит [1]. В результате и отношение к нему соответствующее: *Друг на дружку, а все на Петрушку*. Петр беден: *Нашему Петру скотина не ко двору.*

В пословицах и поговорках с именем **Улита** наблюдается контаминация и «народная» этимология, связывающая имя с *улиткой*. По народным приметам, Улита (Иулита) – 14 июня – едет с дождем. Но именно в это время дождя часто не было, отсюда выражение: *Улита едет, да когда-то будет* [6]. В других паремиях Улита – глупая, неповоротливая женщина: *Сыта Улита, и хлеб цел; Улита, знать ты не бита?*

Абросим (народная форма имени Амвросий), с одной стороны, имеет негативные сопредставления – важный, чванливый человек, бахвал: *Милости просим, отец Абросим: тебе ли с нами – садись под иконы* [12]. С другой стороны, вызывает уважение его умение жить с достоинством: *Абросим не просит, а дадут – не бросит; Наш Абросим есть не просит, а есть – не бросит.*

Тарас во многих паремиях плешив: *У Тараса на плеши разыгралися три вши; Плешивый Тарас, моли Бога о нас.* Т.Н. Кондратьева указывает, что Тарас (плешивый) отмечен в штате придворных шутов XVIII века. Также в русском фольклоре существовал сказочный персонаж – плешивый потешник [6]: *Наш Тарас на перегудки горазд*.

Антропонимы **Флор** и **Флориха** в паремиях часто связаны и выступают в значении «муж и жена»: *Как придет на Флора неспориха, дойдет и Флориха до лиха; Флор Флорихе не думает лиха.* Флориха, видимо, неверная жена: *Отец был Флор, а детки Миронычи.* В данных фразеологизмах отражен широко распространенный способ именования женщины по имени мужа.

Настя (Анастасия) – безответственная и беспечная девушка (*Хватилась Настя, когда ворота настежь*), в результате ничего у нее не получается, она во всем терпит неудачу (*Пошли на Настю беды да напасти*), поэтому никто не хотел бы видеть ее своей невесткой: *Жаль Насти, а парня изнапастит.* Исключением является поговорка *Настя-Настенька, шубейка красненька: сама черноброва, опушка боброва.*

Вавила оказывается неумным, нерасторопным человеком (*Ушел Вавило по мотовило, да, видно, лесом задавило; Не смыслит Вавила ни уха, ни рыла*), который ничего не может сделать основательно и добротно (*Плохо,*

Тереха, хило, Вавила). В результате окружающие относятся к нему с насмешкой (*Вавило-красное рыло; Вавила, утирай рыло, проваливай мимо!*).

Имя **Моисей** связано с положительными эмоциями, так как ассоциируется с библейским сюжетом о пророке Моисее, который освободил израильский народ от египетской зависимости и 40 лет вел в «обетованную» землю: *Восейка, как родился Моисейка; У всякого Моисея своя затея.*

Филат, как и многие другие герои паремий, беден (*Тарас есть пряники горазд, а Филат бы и каши рад*), рад любой мелочи (*Наш Филат тому и рад).* Т.Н. Кондратьева отмечает следующие значения этого имени: раб, лакей, слуга; лентяй, дурак, шут: *Наш Филат не бывает виноват* [6]. Окружающие относятся к нему с иронией: *У всякого Филатки свои ухватки.*

Имя **Прасковья** употребляется в составе паремий в народных разговорных формах, которые часто несут грубую окраску. Она думает только о себе (*У Пашки свои замашки*). О ней невысокого мнения (*Малаха Парахи не лучше*), и есть за что (*Параша-то ваша, да рубашка на ней наша*).

С именем **Демид** связано два противоположных образа. Первый – честный, открытый человек (*Наш Демид прямо глядит*), живет своим умом (*Добрый Демид на других не глядит*). Другой – эгоистичный, хваткий (*Всякий Демид себе норовит; Наш Демид не туда глядит*).

Устинья, как и Настя, ленивая (*Какова Устинья, такова у нее и ботвинья*), неряшливая (*Живет Устя, рукава спустя*), ничего не умеет делать, ее имя употребляется даже в качестве брани: *Ой ты, Устя Коповска!* (Копосово – село под Нижним Новгородом).

Имя **Антон** несет негативную окраску: *Наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает*. Оно расценивается как «бесчестное», «непристойное» слово в жалобе (1651 год) Г. Козловского на М. Кутузова, обозвавшего жалобщика «Аньтоном» [12].

Пахом – неуклюжий, неумный: *Ехал Пахом за попом, да убился о пень лбом; Хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому.* Однако при этом чванлив: *Не стоит гроша Пахом, а смотрит пятаком.* Пахомом назван Петр I в предсказании о его рождении: *Родится Пахом с большим костылем.*

Мина – человек забывчивый, неверный: *Дал денежку Мине – не держи ее в помине!* Односельчане его за это, по-видимому, «наказывают» (*Кого мимо, а Мину в рыло*), но это Мину не меняет: *Нашего Мины не проймешь и в три дубины.*

Фекла – возможно, пьяница: *Знать Феклу по рылу мокру.* Т.Н. Кондратьева приводит значение «разиня» [6]. Имя Феклы приобрело символическое значение и обозначает чарку: *Эту Феклу я и сам кокну.*

Имя **Анна** в каждой поговорке имеет свое значение: *Анна семь лет с мужем жила, а до семидесяти вдовой была* (замужняя женщина), *Анна затычка банна* (сварливый человек), *Хороша Аннушка, коли хвалит мать да бабушка* (дочка).

Авдей – простой, добрый (*Наш Авдей никому не злодей*), но глупо-

ватый человек (*Глупому Авдею наколотили шею*), вследствие чего он терпит обиды от других (*Пропал Авдей от злых людей*).

Аким – простодушный [9]: *Яким простота: рукавицы за поясом, а других ищет; На семи верстах один с денежкой Аким*.

Андрей – бедный (*У нашего Андрюшки ни полушки*), добрый (*Наш Андрей никому не злодей*), бесхитростный (*Андрей-ротозей*).

Арсений – медлительный: *Видно, Арсенья ждать до воскресенья; Жди Арсенья с дорогим горохом.*

Гурий в пословицах – священнослужитель (имя это в основном было распространено среди священничества): *Аллилуйя у Гурья давно тверда; Игумен Гурий – до братьев дурен*.

Захар – бедный неудачник: *По бедному Захару всякая щепа бьет.* Просто немыслимо, чтобы этот человек стал начальником: *Черт ли писал, что Захар комиссар.*

Савелий – пьяница: *Савелья ломает с похмелья; Не всякому Савелью веселое похмелье.*

Татьяна – тоже пьяница: *Наша Татьяна и не евши пьяна; Бредет Татьяна, недобре пьяна; Охнула Татьяна, напоив мужа пьяна.*

Созонт – человек дурных качеств (*И по роже знать, что Сазоном звать*), в то же время Созонт – «дурное, некрасивое лицо» (*И по рылу знать, что Созонтом звать*) [6, с. 92].

Фалалей – недогадливый, нерешительный дурень [9]: *Фалалей не нашел в избе дверей*; *У нашего Фали рукавицы спали*.

Таким образом, именно в результате функционирования имени собственного в составе паремий в значительной степени формируется тот ореол сведений (АКФ), который закрепляется за данным именем в языке, и это позволяет говорить о фразеониме как особой языковой единице. В ряду фразеонимов различаются такие, которые вызывают устойчивые ассоциации с однозначной оценкой, и такие, которые способны выражать различную семантику в контексте конкретного устойчивого оборота.

В структуре АКФ фразеонима выделяются ядро и периферия. В ядро входят сведения, минимально необходимые для понимания содержания фразеологизма. Как правило, это значение имени, сформировавшееся в результате его употребления в паремиях, в случаях широкой известности среди носителей языка, с учетом исторических данных (*Настоящее Мамаево побоище*). К периферии же относятся в первую очередь этимологические и исторические сведения, которые требуют обращения к историческим документам и справочным материалам. Комплексное и объективное описание содержания АКФ подразумевает предъявление всей информации, сопутствующей имени. Выявление ассоциативно-культурного фона фразеонимов позволяет воссоздать фразеономастическую картину мира, отражающую особенности миропредставления и миропонимания, уровень

духовного и культурного развития русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь // Актуальные проблемы учебной лексикографии / сост. В.А. Редькин. М.: Русский язык, 1977. С. 118–135.
2. Горбаневский М. В мире имен и названий. М.: Знание, 1987. 206 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000.
5. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа: Большой толковый словарь. Ростов-на-Дону: Феникс; М.: Цитадель, 2005. 544 с.
6. Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1983.
7. Максимчук Н.А. Фразеонимы в системе ономастических единиц // Русский язык в современном обществе: проблемы преподавания: сб. научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Смоленск: Изд-во ВПВО ВС РФ, 2006. С. 81–87.
8. Михельсон М.И. Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1894. 690 с.
9. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. М.: Русские словари, 1994.
10. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. М.: Просвещение, 1975. 173 с.
11. Мокиенко В.М. О собственном имени в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 57–68.
12. Отин Е.С. Из ономастических материалов к «Русской энциклопедии» // Отин Е.С. Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997. С. 311–319.
13. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. Н. Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1996. 620 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
15. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вслед за Н.М. Шанским относим пословицы и поговорки к разряду фразеологических выражений [15, с. 62].
2. Даты праздников указаны по старому стилю.

O.P. Aldinger

Associative and Cultural Background of Anthroponyms in «The Proverbs of Russian people» by V.I. Dahl

Key words: *proper name; anthroponym; phraseonym; associative and cultural background; phraseology; proverb; saying; paroemia.*

This article deals with the functioning of anthroponyms in proverbs and sayings. The linguistic and cultural significance of proper names is proved, the methods are suggested for describing the associative-cultural background of proper names which are included in the paroemia.

Е.Е. Гунтарева
Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1'373

Русь – Родина – Россия в поэзии С.А. Есенина: коннотативный аспект

Ключевые слова: *С.А. Есенин; имя собственное; идиостиль поэта; коннотация; хоронимы; художественный текст.*

Настоящая статья посвящена одной из актуальных тем филологии – изучению имен собственных (ИС) в художественном тексте. Анализируется поэзия великого русского поэта С.А. Есенина с точки зрения роли хоронимов, то есть названий русского государства, в его творчестве разных периодов, раскрывается коннотативное наполнение ключевых для осмысления темы «Родина» онимов Русь – Родина – Россия; показано, как отношение Есенина к своей стране передается через контекстуальное коннотативное прочтение названных ИС.

В начале 80-х годов XX века известный советский поэт и критик Е. Винокуров прекрасно сказал о Сергее Есенине, что это – душа нации, великий художник, поэт, который пользуется безграничной любовью народа, но при этом поэт сложный, и его творчество пока еще до конца никто не понял и не оценил [3].

Особенно трудно рассматривать и анализировать язык и стиль поэзии Есенина, то есть его идиостиль, так как уникальность таланта мастера слова затрудняет любые исследования. Под идиостилем мы понимаем «совокупность основных стилевых элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определенный период его творчества или распространяющихся на все его творчество в целом» [1, с. 455].

Судя по ключевым работам, имеющимся на настоящее время, основные особенности идиостиля Есенина – следование фольклорным традициям [5], религиозные мотивы его лирики [14], цветопись [15], разноуровневые окказионализмы [2].

На наш взгляд, немалое значение для исследования идиостиля поэта имеет анализ отобранных и использованных автором имен собственных и выявление их коннотативного наполнения. Детальное рассмотрение ключевых онимов, несомненно, позволяет ярче представить, хотя и фрагментарно, индивидуально-авторскую художественную картину мира великого мастера слова, проанализировать хорошо известную коннотативную цепочку «писатель – имя – текст – читатель» [8; 9]. Если подробнее остановиться на связи компонентов этой цепочки, то можно отметить, что исходным звеном является личность писателя, его вкусы, пристрастия, литературные взгляды, мастерство, то есть владение художественным сло-

вом. Выбор имен раскрывает авторское отношение и к персонажам, и к описанным событиям, реализует хронотоп произведения, показывает значимость ономастического фона произведения [10, с. 120].

Выбранное имя вводится автором в текст. Безусловно, в тексте обязательно реализуется не только номинативное значение лексемы, но и неизменно присутствующее коннотативное значение. Коннотация – это сопутствующий основному номинативному значению элемент семантической структуры слова, который выражает экспрессивно-эмоциональное отношение к денотату, его оценку, а также может подчеркивать и различные оттенки основного смысла. Коннотативное значение слова факультативно; оно отображает дополнительные оценочно-стилистические семантические «обертоны», зачастую имеющие объективный характер [18, с. 225].

Как видно из раскрытия понятия коннотации, дополнительные смыслы реализуются именно в тексте и могут иметь как объективный, так и субъективный характер. Г.Г. Сильницкий выделяет положительную или отрицательную коннотацию, выступающую в качестве семантического признака, дополнительного к основному лексическому значению слова. Таким образом, дается оценочная характеристика денотата. Он предлагает выделять следующие типы оценки:

– общая оценка: *хороший – плохой*;

– прагматическая оценка: *успех – неуспех*;

– эстетическая оценка: *красота – уродство*;

– оценка истинности: *истина – заблуждение, правда – ложь* (в последнем случае оценка истинности сочетается с эстетической оценкой) [18, с. 241].

Именно выраженную автором коннотацию при прочтении декодирует читатель (последнее звено цепочки). Это помогает ему осмыслить и понять автора, воспринять образы, определить свое отношение к прочитанному. Особенно сложно это сделать при прочтении поэтического текста, где писатель присутствует в виде лирического «я». Помимо того, чтобы лучше понять содержание произведения, нужно учитывать «биографическую эпоху» [7], то есть время создания текста и определенные биографические сведения об авторе. Поэтому большое внимание исследователи уделяют биографизму творчества мастера художественного слова, рассмотрению его творческой личности.

В свете вышеизложенного в настоящей статье мы рассматриваем роль особого разряда ИС – хоронимов, то есть онимов, обозначающих собственное имя любой территории, области, района [13, с. 160]. Для подробного анализа взяты три онима: *Русь*, *Родина*, *Россия*, коннотативное наполнение которых позволяет выразить поэту отношение к своей стране, что, несомненно, необходимо рассматривать при изучении темы «Родина» у Есенина, одной из ключевых в его творчестве и раскрываемой с помощью разнообразных лексических средств, в том числе и с помощью хоронимов. Рассмотрение этих

ключевых наименований помогает проследить, как менялось восприятие Родины поэтом на протяжении всего периода его творчества. У поэта любовь к своей стране – «чувство непреходящее, но изменяющееся», поэтому хоронимы наполнены разным коннотативным содержанием.

Существует несколько литературоведческих периодизаций творчества Есенина [4; 11; 12 и др.]. Однако в данной работе мы условно делим его на три периода, взяв за основу даты начала Первой мировой войны (1914 год) и революции (1917 год): 1 период – стихи 1910–1914 годов; 2 период – стихи 1915–1917 годов; 3 период – стихи 1918–1925 годов. Именно эти исторические вехи являются своеобразными границами для эволюции чувства Родины у поэта.

Картотека нашего исследования составлена методом сплошной выборки из всех лирических текстов поэта и содержит 7 онимов и 89 словоупотреблений. Как мы отметили, именно употребление хоронимов в их контекстуальном окружении (поэтому их такое значимое количество) передает отношение поэта к Родине, дает возможность через прочтение заложенных в них коннотаций показать изменение этого отношения в различные периоды творчества.

Представим полученные количественные данные в следующей таблице.

Таблица 1

Количественное соотношение хоронимов в поэзии С. Есенина

Хороним	1 период	2 период	3 период	Итого
Русь	8	17	27	52
Родина	4	6	11	21
Россия	–	–	12	12
Московия	1	–	–	1
Рассея	–	–	1	1
Руссия	–	1	–	1
СССР	–	–	1	1

Проанализируем количественный состав хоронимов. Как видно из таблицы, во все периоды самым частотным является название Русь (8 – 17 – 27). Второе место занимает оним Родина (4 – 6 – 11). Сразу же укажем, что, хотя у Есенина слово Родина пишется со строчной буквы, мы считаем его именем собственным, так как оно коннотативно значимо, связано с названиями Русь / Россия и его номинативное значение – «Отечество, страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит» [20, стлб. 1370] – уже содержит в себе лексему, позволяющую слову перейти в разряд имен собственных. Такое понимание Родины мы находим в стихах смоленских поэтов Д. Дворецкого, С. Фиксина (1).

Естественно, наименование Родина не является официальным названием, но оно из нарицательного может перейти в разряд собственных и стать хоронимом в тексте при объемном коннотативном наполнении.

В таком случае некоторые авторы пишут его с прописной буквы. Подчеркнем, что подобное наполнение семантической структуры слова позволяет ему выступить в роли индивидуализации конкретных объектов и выразить, таким образом, единичное понятие. Как считают исследователи, именно этим способом появилось большинство топонимов и гидронимов. Имеет место такое явление, как контекстуальная онимизация. Это происходит в тех случаях, когда автор выражает в семантике ононимического слова яркие коннотации, играющие роль в выражении авторской идеи и прочтении текста [18, с. 53]. Материал по онимизации слова *Родина* частично представлен в диссертационном исследовании О.В. Ивановой [6, с. 256–261].

В третий период творчества активным становится хороним *Россия* (12), отсутствующий в первых двух. Мы отметили и единичные хоронимы: *Рассея* (производное от *Россия*), *Руссия* (производное от *Русь*), *Московия* (историческое название), а также аббревиатуру *СССР*, которую, хотя она обозначает не только русские территории, в творчестве Есенина следует причислить к данной группе.

Далее обратимся к анализу ключевых хоронимов в творчестве Есенина.

Хороним *Русь* (первый ключевой хороним Есенина) в исторических словарях имеет следующее значение: «Русь – Русская земля – первоначально название государственного образования восточных славян IX века на среднем Днепре. До начала XII века название территории Киевской Руси. В XII–XIII веках – название древнерусских земель и княжеств. С XIII века возникают названия: Белая Русь, Малая Русь и другие. Термин Русь закрепляется за землями северо-восточных территорий бывшего Древнерусского государства и становится основой понятия “русские”» [21].

Как видим, давняя история бытования хоронима свидетельствует о его постоянстве в истории языка, хотя территориальные границы государства на протяжении длительного периода, безусловно, менялись. Происхождение именования *Русь* сложное и спорное. Подробно о нем пишет известный ономаст Г.Ф. Ковалев, который обобщил все имеющие версии и сделал следующий вывод: слово *Русь* появилось в древнерусском языке до приходов норманов; этимологию слова следует искать в финно-угорских языках и их диалектах, оно произошло от этнонима рос(ъ, ь), названия племени. Хороним *Русь* явился основой образования прилагательного русский и хоронима *Россия*, появившегося позднее [7, с. 35].

К денотативному значению добавляются коннотации, которые расширяют семантическое поле ИС и позволяют ему выступать в качестве оценочного компонента текста. Так, в «Словаре коннотативных собственных имен» Е.С. Отина слово *Русь* представлено как топоним и этноним с собирательным значением «Россия и ее народ». Коннотация положительная, проиллюстрированная цитатой из Есенина: «Ой ты, *Русь* моя, милая родина, / Сладкий отдых в шелку купырей» [13, с. 325]. В этом же словаре

отмечены коннотативные устойчивые сочетания *Русь-матушка*, *Матушка Русь*. Коннотация положительная, отмечающая народность оценки – «простые русские люди», «люди, живущие в России» [Там же].

Подобную же оценку мы встречаем в ранней лирике Есенина, в которой воспевается Русь крестьянская, деревенская, патриархальная.

Так, например, в стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная…» (1914 год) поэт обращается ко всей стране и одновременно описывает «хаты – в ризах образа», «кроткий Спас» в деревенских церквях. Среди этой обстановки приятно слышать «звонкий, как сережки», девичий смех, видеть на лугах «веселый пляс», чувствовать бесконечность просторов.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты *Русь*, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».
(«Гой ты, Русь, моя родная…», 1914. Т. 1, с. 50 (ПСС))

Один раз в первом периоде творчества употреблено историческое название *Московия* в небольшой лирической поэме «Марфа Посадница». Употребление хоронима подчеркивает исторические патриотические мотивы, связанные с Новгородом: новгородцы очень долго отстаивали свои привилегии.

Бороды, как молнии, выпячили грозно:
«Что нам *Московия* – как поставник блинный!»
(«Марфа Посадница», 1914. Т 2 , с. 21 (СС))

Во втором периоде творчества хороним *Русь* также активен и даже увеличивает свою частотность. Появляются новые коннотации: поэт показывает, как в патриархальной дремавшей стране рождается новая «воспрянувшая», «буйственная» народная стихия.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь –
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая *Русь*.
(«О Русь, взмахни крылами…», 1917. Т. 1, с. 106 (СС))

Тучи – как озера,
Месяц – рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная *Русь*.
(«Отчарь», 1917. Т. 2, с. 43 (СС))

И вместе с тем Есенин изображает устойчивые патриархальные и религиозные начала Руси и русского народа, которые не смогла изменить революция и которые связывают народ с традициями прошлого.

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телицу *Русь*.
(«Преображение» *Разумнику Иванову, 1917.* Т. 2, с. 52 (ПСС))

Можно отметить, что в стихах хороним и его семантическое окружение имеют спорное коннотативное наполнение, связанное с общей, этической оценкой и оценкой истинности. Есенин как бы сомневается, правильно ли это.

Именно в этот период в одном из текстов нам встретился хороним *Руссия*, который является историческим вариантом названия *Русь*, отражающим сильную лабиализацию корневого *о*, имевшую место при образовании от лексемы *Русь* лексемы *Россия*.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей *Руссии*
Он несет свой крест.
(«Пришествие», 1917. Т. 2, с. 51 (СС))

В приведенной выше цитате, если обратить внимание на контекстуальное употребление хоронима, отмечается особое коннотативное наполнение ИС. Автор (лирическое «я»), подчеркивая свое крестьянское происхождение, определяет страну и ее народ как «прозревшую», но «несущую» свой крест. Естественно, сам себя он причисляет к «несущим крест».

В третьем периоде творчества Есенина хороним *Русь* еще более активен – насчитывается 27 словоупотреблений. Коннотативное наполнение отличается пестротой и неупорядоченностью, что отражается в разных прилагательных, определениях к ИС: «голубая», «деревянная», «отчалившая», «уходящая», «бедная», «нищая». Несомненно, лексическое значение определений показывает неоднозначное отношение поэта к революции: сначала он в ней видел выход из сложившейся ситуации в стране, но в последние годы так и не смог найти себя в этом новом мире.

А впереди их лебедь.
В глазах, как роща, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая *Русь*?
(«Иорданская голубица», 1918. Т. 2, с. 57 (ПСС))

Я не знаю, что будет со мною…
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую *Русь*.
(«Неуютная жидкая лунность…», 1925. Т. 4 , с. 220 (ПСС))

Далее обратимся к анализу хоронима *Россия*, который появляется только в поздний период.

Россия – государство, расположенное в Европе и Азии. Название возникло в конце XV века и до начала XVIII века употреблялось наряду с названиями Русь, Русская земля, Московское государство, Русское государство. С XVI века – синоним названия Российское царство. В 1721 году – Российская империя до февраля 1917 года, в узком смысле – только европейская часть страны, без Царства Польского, Финляндии и Прибалтийского края. После Октябрьской революции – название территории РСФСР до декабря 1993 года, с этого времени – Российская Федерация. За рубежом Россией часто называли всю территорию СССР [22].

Как мы уже указывали, название *Россия* как хороним появилось с середины XVII века и окончательно закрепилось в таком варианте в петровскую эпоху (имели место написания с одним с).

Естественно, как и название *Русь*, ИС *Россия* получило такое же коннотативное наполнение, отмеченное в словаре Е.С. Отина. Появился разговорный вариант – Расея (Рассея) [13, с. 316, 317]. Согласно словарю, «Рассея – это народно-разговорная, диалектная форма хоронима Россия (причем чаще всего территория до Урала); глубинная, патриархальная, отсталая, кондовая, беспутная Россия». Как видно из определения, коннотативность онима основана на есенинских текстах.

Нет! таких не подмять, не рассеять!
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, *Рассея* моя… *Рас…сея*…
Азиатская сторона!
(«Снова пьют здесь, дерутся и плачут…», 1922. Т. 1, с. 169 (ПСС))

Хороним *Рассея* помогает создать образ сложной, непонятной, неоднозначной, на многое способной страны.

В последний период творчества Есенин соединяет в стихах хороним *Россия* с хоронимом *Русь*, подчеркивая их тесную связь и одновременно показывая новое коннотативное наполнение: поэт призывает к новой светлой жизни; пытается «отринуть» бедность и нищету старой России.

Тогда я понял,
Что такое *Русь*.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрава.
(«Мой путь», 1925. Т. 2, с. 140 (СС))
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.
(«Неуютная жидкая лунность…», 1925. Т. 4, с. 220 (ПСС))

Лишь один раз в третьем периоде используется аббревиатура, обозначающая полное название Страны Советов – СССР. Коннотация положительная, безусловно, связана с наименованием США и отражает биографизм поэзии Есенина.

И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном
В великих штатах СССР.
(«Стансы» *Посвящается П. Чагину, 1924.* Т. 2, с. 134 (ПСС))

Далее обратимся к мотивированному нами хорониму *Родина*. Родина – отечество, отчизна, страна, в которой человек родился; исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, общественным устройством, особенностями языка, культуры, быта и нравов. Русь Святая, православная, богатырская, мать святорусская земля – таков образ Родины в сознании русского человека. Для русского народа характерно раннее осознание своего национального «я» [23]. Слово *Родина* уже коннотативно наполнено, что является благодатным материалом для выражения отношения к своему государству. Оно воспринимается как ИС, хорошо ассоциируется с названиями *Русь*, *Россия*.

Хороним *Родина* в раннем периоде насчитывает 4 словоупотребления. Увеличивает свою частотность и яркое наполнение после революции. До революции отношение к Родине мы можем определить через значение прилагательных *кроткая*, *милая*, *моя*. Все эпитеты имеют положительную оценку, выражают любовь поэта и соотносятся с оценкой хоронима Русь.

Но люблю тебя, *родина* кроткая!
А за что – разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.
(«Русь», 1914. Т. 2, с. 29 (СС))

Война изменяет отношение к Родине, что отражается в лирике Есенина. Во втором периоде насчитывается 6 словоупотреблений названия Родина, подобных следующему.

Занеслися залетною пташкой
Панихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.
(«Занеслися залетною пташкой…», 1915. Т. 2, с. 358 (СС))

В приведенном контексте приложение «черная монашка» указывает на скорбь по погибшим на войне; патриархальные коннотации соотносятся с коннотациями хоронима *Русь*, отражающими религиозную направленность.

В поздних стихах у Есенина активизируется употребление хоронима *Родина* с ярким коннотативным наполнением. Слово *Родина* часто используется параллельно со словом *Россия*. Автор делает попытку ответить на вопрос, что такое новая Родина – Страна Советов.

Вначале он радостно приветствует приход свободы, принимает революцию, потому что видит в ней праздник обновления Родины.

Я люблю *родину*.
Я очень люблю *родину*!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.
(«Исповедь хулигана», 1920. Т. 2, с. 85 (ПСС))

Но проходит немного времени – и отношение поэта к новому меняется. В «расколе страны» он не находит воплощения своих ожиданий; революция меняет привычный ему уклад жизни русской деревни.

И в голове моей проходят роем думы:
Что *родина*?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.
(«Русь советская», 1924. Т. 2, с. 89 (СС))

Следует отметить, что в третьем периоде творчества самыми плодотворными являются последние годы жизни поэта – 1924–1925, в которые наиболее активны ключевые хоронимы. Интересно, что в период с 1920 по 1922 год проанализированные хоронимы не встречаются вовсе, что объясняется, на наш взгляд, сложной биографией поэта, свидетельствующей о его идейных исканиях, осмыслении будущего, в том числе и будущего страны. В этот период Есенин испытывает глубокий душевный разлад. Поэт, с одной стороны, начинает осознавать, что революция сулит великое будущее России, а с другой – прежние чувства заставляют его оборачиваться назад. Это противоречие хорошо показано в драматической поэме «Страна негодяев» (1922–1923 годы).

Итак, обобщая анализ системы хоронимов в лирике Есенина, рассмотрев их коннотативное наполнение, мы можем сделать некоторые выводы.

1. Для раскрытия темы Родины, одной из центральных, ключевыми являются названия *Русь – Родина – Россия*, которые передают разнообразный спектр коннотаций, имеют яркое индивидуально-авторское семантическое окружение, разнообразные дополнительные оценочные смыслы.

2. Через представление коннотативного аспекта хоронимов мы пытались показать отношение поэта к своей стране, изменение этого отношения в процессе формирования его гражданской и поэтической личности, что позволяет, на наш взгляд, поддержать своеобразный алгоритм прочтения поэтического текста через соединение понятий писатель – имя – текст – читатель.

3. В первом периоде творчества хороним *Русь* перекликается с хоронимом *Родина* и передает любовь поэта к патриархальной, религиозной и в то же время бедной, нищей России. Имеет место воспроизведение только позитивной оценки даже для показа негативных явлений действительности. Во втором периоде патриархальная коннотация сохраняется, но появляется мотив обновления страны, ассоциативно связанный с представлениями о своеобразном рае. Имеет место также выражение чувства скорби о погибших на войне. Доминирует по-прежнему хороним *Русь*. В третьем периоде активно используются все три ключевых онима, которые в контекстах переплета-

ются и получают новое коннотативное наполнение, отражающее различные отношения самого поэта к обновленной Родине. Наряду с позитивными коннотациями появляются некоторые негативные оценки, показывающие мятежную, бунтарскую натуру поэта. Наиболее плодотворными для употребления хоронимов и выражения коннотаций являются 1924–1925 годы.

4. Часто онимы во всех периодах творчества выносятся в заглавие, что еще раз подчеркивает их значимость для прочтения текста.

В заключение мы хотим привести слова самого Есенина о значимости отношения к своей стране. Он писал: «Моя лирика жива одной большой любовью – любовью к Родине. Чувство Родины – основное в моем творчестве» [16, с. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: учеб. пособие. Калининград. 1997. 84 с.
3. Винокуров Е. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1984. 495 с.
4. Захаров А.Н. Периодизация творчества Есенина в свете его поэтики // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. Вып. II. М.: ИМЛИ РАН, 1995. С. 140–154.
5. Зуев Н. Народные истоки поэзии Сергея Есенина // Литература в школе. 1995. № 5. С. 15–23.
6. Иванова О.В. Имена собственные в лирике поэтов Смоленской поэтической школы: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2009. 287 с.
7. Ковалев Г.Ф. К происхождению имени Русь // Этнос и имя. Воронеж: ВГУ, 2003. С. 7–36.
8. Ковалев Г.Ф. Писатель. Имя. Текст. Воронеж: ВГУ, 2004. 340 с.
9. Королева И.А. Дороги войны в лирике А.Т. Твардовского через призму имен собственных // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2(22). С. 38–48.
10. Королева И.А. Модально-оценочный потенциал имен собственных в художественном тексте // Категория модальности в речевой коммуникативности: сборник научных трудов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. 2016. С. 119–123.
11. Литературная энциклопедия: в 11 т. М.: Изд-во Ком. акад., 1929–1939. Т. 4. [IV]. 1930. 716 с.
12. Наумов Е.И. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: моногр. Л.: Лениздат, 1969. 496 с.
13. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.
14. Павловски М. Религия русского народа в поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина. Есенинский сб. Вып. III / под ред А.Н. Захарова, Ю.Л. Прокушева. М.: Наследие, 1997.
15. Перелыгин П.В. Цветообразная поэтика в творчестве С.А. Есенина и Н.М. Рубцова. Опыт сопоставительного анализа: дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 188 с.
16. Прокушев Ю. О Сергее Есенине // Сергей Есенин. Собрание сочинений: в 3 т. / под общ. ред. Е.А. Есениной, А.А. Есениной, С.А. Васильева [и др.]. М.: Правда, 1970. Т. 1. С. 3–32.
17. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
18. Сильницкий Г.Г. Трехмерная система межчастиречных семантических категорий // Семантика. Грамматика. Квантитативная и типологическая лингвистика. Смоленск: ФГУ «Смоленский ЦНТИ», 2006. Т. 1. С. 225–242.

19. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 76 с.

20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. 3. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1939.

21. http://vslovare.ru/slovo/rus (дата обращения: 25.11.2016).

22. http://www.onlinedics.ru/slovar/his/r/rossija.html (дата обращения: 25.11.2016).

23. http://vslovare.ru/slovo/rodina (дата обращения: 25.11.2016).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

1. СС – Есенин С. Собрание сочинений: в 3 т. / под общ. ред. Е.А. Есениной, А.А. Есениной, С.А. Васильева [и др.]. М.: Правда, 1970.

2. ПСС – Есенин С. Полное собрание сочинений: в 7 т. / под ред. Ю.Л. Прокушева. М.: ИМЛИ РАН, 2004.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Сергей Фиксин «Вишневый сад»**

Просторное небо над нами,
Да снежные горы вдали.
Повсюду большими шагами
Идет обновленье земли.
Поднимется ветер. И слышно,
Как в нашей ограде лесной
Шумят и качаются вишни,
Что мы посадили весной.
Поют, закипая цветами,
О вешнем сверкании рек,
О счастье, которое с нами
Давно подружилось навек.
Ребятам его подарила
Советская Родина-мать,
Его ни угрозой, ни силой
У нас никому не отнять.
Под сталинским солнцем чудесным
Прославятся наши труды.
Звенят над просторами песни,
Цветут молодые сады!

Дмитрий Дворецкий «Родное»

Люблю я острый почерк молний
И тютчевский весенний гром,
Люблю и час,
Когда безмолвны
Сама земля и каждый дом.
Когда,
Как первозданный глетчер,
Светя пергаментной луной,
Сползет с холмов
Днепровский вечер
И станет синей тишиной.
Люблю, когда под сенью ветел,
Согнав задумчивость реки,
Играет на жалейке ветер
Свои напевы в две руки.
Когда душа светлей и проще
И чувства лучшие свежи,
Когда еще милее рощи
И золотое время ржи.
Люблю все то, что полюбилось,
Что возвышало дух и труд,
Все то,
Что в сердце утвердилось,
Все то, что Родиной зовут.

E.E. Guntareva

Rus – Motherland – Russia in S.A. Esenin’s Poetry

Key words: *S.A. Esenin; proper name; the poet’s individual style; connotation; choronym; poetic text.*

The present article deals with an important problem of proper names (PN) in an poetic text. Lyrical poetry of great Russian poet S.A. Esenin is analyzed from the point of view of choronyms, i.e. names of the Russian state at different periods

of the poet's creative activity. The paper investigates the connotative component of the key choronyms necessary for the analysis of the theme «Motherland» in the names Rus – Motherland – Russia. The author also-shows how Esenin's attitude to his country is conveyed via contextual connotative meaning of these PNs.

Л.П. Родионова
Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1'373

Прецедентные имена в современном русском фэнтези (на примере романов А.О. Белянина)

Ключевые слова: *имя собственное; мифоним; прецедентное имя; художественный текст; фэнтези; русская народная сказка; художественный образ; А.О. Белянин.*

В статье анализируются прецедентные мифонимы Баба Яга и Кощей Бессмертный, традиционные для русских народных сказок и являющиеся ключевыми в прозе современного российского фантаста А.О. Белянина. Сделана попытка рассмотреть и сопоставить сказочные образы и их именования в традиционной сказке и в художественном тексте фэнтези, выявить ассоциативный фон, который создается автором при использовании прецедентных имен собственных и декодируется читателем. Приводится современное ассоциативное поле мифонимов, составленное по словарям и интернет-ресурсам.

Предмет нашего исследования – прецедентные имена, связанные с русской культурой и выраженные именами собственными (ИС), встречающиеся в романах Андрея Олеговича Белянина, ведущего представителя современного русского фэнтези.

Есть основания предполагать, что в прозе жанра фэнтези, стремящейся удовлетворить потребность читателя в волшебстве, специфически реализуются сказочные мотивы. Важной составляющей этой специфики являются особые сказочные персонажи, отражающие архетипы, присущие человеческому сознанию. Персонажи могут быть обозначены двояко: с одной стороны, они похожи на известных сказочных героев, с другой – изменены авторским воображением. Каждый персонаж назван особым ИС – мифонимом. Мифонимы – это имена любых объектов ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе мифоантропонимы, мифозоонимы, мифофитонимы и др. [15, с. 124].

Как отмечает известный ономаст А.В. Суперанская, значительные успехи в изучении мифонимии достигнуты индоевропеистами; меньше изу-

чена мифонимия языков других систем, в частности славянской [21, с. 183]. Поскольку в фэнтези А.О. Белянина, в цикле его романов «Тайный сыск царя Гороха», особое место занимают славянские мифонимы, их изучение интересно не только в контексте авторского замысла, но и в контексте славянской культуры. Многие мифонимы Белянина являются прецедентными.

Понятие *прецедентный* появилось в лингвистических работах конца XX века. Как прецедентные определяются тексты, высказывания, ситуации и имена. *Прецедентный текст* – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Он хорошо знаком практически любому представителю лингвокультурного сообщества, и обращение к нему регулярно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом символы. *Прецедентное высказывание* – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, оно может быть или не быть предикативным. Регулярно воспроизводится в речи носителей языка. *Прецедентная ситуация* – некая «идеальная» ситуация, насыщенная определенными коннотациями. Актуализация ее в сознании носителей может происходить как при употреблении закрепленной за ней номинации (Чернобыль), так и с помощью иных вербальных сигналов, например имен участников ситуации (Отелло и Дездемона) [3].

В ономастике термином *прецедентный* по отношению к именам широко пользуются Д.Б. Гудков [5], Е.Л. Березович [1] и другие. Учеными ставится вопрос: что в ономастике прецедентно – имя или образ? Как отмечает А.В. Суперанская, прецедентность складывается именно на основе образа, который абстрагируется от реального человека или придуманного автором. Прецедентное имя, таким образом, при назывании позволяет возникнуть в представлении человека какому-то образу, причем образ может быть весьма далеким от носителя имени [20, с. 40].

Как видим, не совсем четко различаются понятия *образ* и *имя.* Можно уточнить, что прецедентная единица текста (знак) имеет две стороны: план содержания, то есть образ, который имеется в тексте, и план выражения, то есть ИС, использующееся для обозначения этого образа.

Развернутое определение прецедентного имени дает Д.Б. Гудков: «Статусом прецедентных обладают те индивидуальные… имена, которые входят в когнитивную базу; то есть инвариантное представление обозначаемого, или “культурного” предмета, является общим для всех членов лингвокультурного общества. Они связаны или с широко известным текстом, или с ситуацией, известной носителям языка и выступающей как прецедентная …» [5, с. 71].

Общепризнанная сегодня трактовка ИС как культурного знака предполагает наличие у онима определенного внеязыкового содержания, которое формируется, прежде всего, сведениями энциклопедического тол-

ка [11, с. 357]. Как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, фоновая информация – это совокупность разнообразных сведений, составляющих фоновые знания, понимаемые как знания реалий говорящим и слушающим и являющиеся основой для языкового общения. В состав фоновых знаний ИС входят сведения о человеке, об окружающей его среде, быте и нравах, литературе, фольклоре, музыке и др.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют три уровня фоновых знаний: общечеловеческий (этими знаниями владеют практически все живущие на Земле), региональный (знания, которыми обладают жители какого-то конкретного региона) и страноведческий (знания, которыми располагают все члены этнической и языковой общности) [4, с. 210]. Н.А. Максимчук конкретизирует описание уровней фоновых знаний для имен собственных и вводит понятие «ассоциативно-культурный фон» (АКФ) [9, с. 110], который имеет разную структуру у ИС разных разрядов. Так, в структуру АКФ мифонимов, помимо указания на происхождение, источники и т.д., входят сведения об отражении мифологических образов в искусстве и литературе (в частности, в фольклоре). Информативное поле мифонимов насыщено разноплановой лингвокультурологической информацией, что позволяет авторам художественных произведений использовать их в своих текстах для выражения самой разной авторской оценки.

Фоновая внеязыковая информация, позволяющая выявить культурно-просветительский потенциал ономастической единицы, содержится в различных лексикографических трудах, словарях и справочниках энциклопедического, лингвокультурологического и иного характера [10]. В качестве основных лексикографических источников при анализе славянских мифонимов Белянина мы в первую очередь использовали работу Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [19] и «Славянскую мифологию» под редакцией С.М. Толстой [18]. К сожалению, в единственном словаре коннотативных собственных имен Е.С. Отина [14] рассматриваемые нами мифонимы отсутствуют. В качестве вспомогательных источников нами были привлечены «Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова [7] и сайт Sociation.org [23].

Обратимся к анализу ассоциативно-культурного фона двух прецедентных мифонимов «Баба Яга» и «Кощей Бессмертный», являющихся ключевыми в серии романов Белянина «Тайный сыск царя Гороха». Эти имена, несомненно, прецедентные не только для русской сказки, то есть фольклора, но и для всей русской культуры; это имена-символы, с ними ассоциируются устойчивые образы. Писатель, соблюдая фольклорную традицию, наполняет ее новым содержанием, что позволяет через восприятие традиционного ассоциативно-культурного фона, в который вплетаются новые, авторские аллюзии, создать фантастические, но хорошо узнаваемые читателем образы. Реализуется, таким образом, цепная связь

«писатель – имя – текст – читатель» [8, с. 120].

Традиционный русский сказочный персонаж Баба Яга у Белянина индивидуализирован, то есть представлен в авторском воплощении: это эксперт-криминалист в отделении милиции, открытом нашим современником при дворе царя Гороха. Баба Яга в народных сказках двойственна: она представлена и как положительный персонаж – всячески помогает герою, и как отрицательный – обязательно пытается зажарить и съесть его, то есть уничтожить. Подобное двойственное отношение и у современных россиян к сотрудникам милиции: их и недолюбливают, и ждут с нетерпением, когда нужна помощь.

Характерной чертой Бабы Яги в сказках, как отмечает В.Я. Пропп, является стремление накормить героя: «Она (Баба Яга) кормит, угощает героя. Он отказывается говорить, пока не будет накормлен» [17, с. 67]. Эту же особенность Бабы Яги подчеркивает Белянин. Так, Яга вкусно кормит Никиту: «Старушка уже хлопотала у стола, готовя мне вареники со сметаной, оладьи с молоком и брусничный чай с клюквенными пирожками. Бабка готовит так, что пальчики оближешь!» [24, с. 469]. За едой герой и Баба Яга обсуждают текущее расследование, что помогает развитию сюжета.

В «Славянской мифологии» в словарной статье «Баба Яга» оценка образа представлена также двояко: с одной стороны, Баба Яга – *воительница, похитительница*, с другой стороны – *дарительница, помощница* героя [18, с. 39].

Всесторонне и содержательно образ Бабы Яги как своеобразной константы русской народной культуры представлен в словаре Ю.С. Степанова.

Персонаж Баба Яга известен с глубокой древности: вполне вероятно, Яга – сестра-близнец Ямы – первого человека, царя мертвых из древнеиндийских «Вед». В самом составном имени слово «баба» подчеркивает гендерную принадлежность для того, чтобы отличить ее от Яги-мужчины, в русском фольклоре не сохраненного. Известно, что у Ямы, как у русской Яги, тоже была костяная, отсохшая нога.

В словаре отмечается сравнение и с древнеримским двуликим Янусом, богом входов и выходов. Бабу-Ягу с Янусом сближает очень яркая черта: избушка Бабы-Яги – о двух входах, она – переход из обычного пространства в колдовское (возможно, это следы мотива о переходе в царство мертвых, символ перехода – печь) [19, с. 89–90].

Двойственность Бабы Яги восходит к славянскому язычеству. В записях текстов, связанных с этой сказочной героиней, встречаются указания на ее красоту и доброту [22]. Данная информация не имеет широкого распространения и достоверного подтверждения, поэтому такие ассоциации не возникают ни у Белянина, ни у читателей. В целом соединение добра и зла в белянинской Бабе Яге позволяет соотнести ее с фольклорным персонажем: реализуются ассоциации *Баба Яга – еда* (накормить перед

переходом в другой мир – это добро), *Баба Яга – печь* (изменение состояния, переход в иной мир – это зло).

В «Ассоциативном словаре» Ю.С. Караулова [7] на стимул Баба Яга отмечено всего две реакции: мучительница (1), пугать (1). Как видим, реализуется только отрицательная оценка образа.

Для того, чтобы определить современные реакции на стимул Баба Яга, мы обратились к материалу сайта Sociation.org [23]. Было выявлено ассоциативное поле, в состав которого входит 62 слова и словосочетания. Среди них наиболее популярны *сказка, ступа, ведьма, избушка, метла, Кощей*. Все они, как мы считаем, объективны: подчеркивается сказочность образа, его сущность (*ведьма*), атрибуты (*ступа, избушка, метла*) и парность сказочных героев (*Баба Яга – Кощей*). Именно эти традиционные реакции в дальнейшем поясняются и расширяются. Как вариант реакции *сказка* встречается *фантастика.* С образом Бабы Яги соотносится ряд сказочных героев (*Иванушка-дурачок, Гуси Лебеди, Змей Горыныч, Царевич*). На реакцию *ведьма* имеются частные реакции *колдунья, персонаж, штучка*. В качестве атрибутов Бабы Яги упоминаются *костяная нога, нос, горб, труба, веник, помело, изба, снадобье, зелье, клюка*. Дается оценка образа: *злодейка, злюка, злость, смерть, рыба-пила*. Баба Яга называется *старухой, женщиной, бабкой, персонажем, героиней, штучкой*.

Мы обратили внимание на единичные, нестандартные реакции пользователей, которые попытаемся мотивировать. Так, реакция *Леди Гага*, возможно, свидетельствует о сходстве сказочного образа и образа певицы. Реакция *салон красоты*, скорее всего, появилась «от противного» и является своего рода антонимом. Сравнение Бабы Яги с *Бармалеем* основано на мотиве людоедства. В целом, проанализировав современные реакции на стимул Баба Яга, мы пришли к выводу, что реализуется только отрицательная оценка образа и ожидаемо образ Бабы Яги ассоциируется с образом Кощея Бессмертного, что традиционно для русской сказки и для романов Белянина.

Далее обратимся к анализу образа Кощея Бессмертного. Обычно Кощей – главный враг, с которым герой борется, а Яга помогает в этой борьбе советами или дарением волшебных предметов. Как и Баба Яга, в цикле «Тайный сыск царя Гороха» Кощей – главный преступный «авторитет» во владениях царя Гороха, отличается от традиционного, сказочного: «Каш или Кощей имя свое получил от родителей, они его еще ребеночком вместо молока кровью человеческой поили. И вырос он оттого невероятно силен, худ и злобен» [24, с. 141]. Герой романа Никита, попавший из современной Москвы в царство Гороха, оценивает Кощея: «Судя по детским сказкам, Кощей являлся классическим преступником, обладал как колдовской, так и огромной физической мощью, периодически посылал куда-нибудь войска, крал Василис Прекрасных и достаточно регулярно убивался. В смысле бывал убит, в основном разными Иванами-царевичами. <…> В каждой новой сказке Кощей

Бессмертный воскресал, даже не помня, что когда-то был лишен жизни несколькими богатырями» [24, с. 153].

В общении Кощея с другими персонажами проявляется как традиционное восприятие образа, так и индивидуально-авторское: присутствует ирония, современная лексика, не характерная для народных сказок: «Вы за это время уже успели сменить минимум три разговорных манеры. То ведете себя как матерый уголовник с сорокалетним стажем, то как беспощадный, но недалекий отрицательный герой русских *сказок, то как интеллигентствующий гангстер в романах Марио Пьюзо*» [24, с. 434]. Интересно, что белянинский Кощей курит, это подчеркивает его ирреальность и современность.

Традиционное понимание образа Кощея находим в словаре В.И. Даля: «Кащей – сказочное лицо, вроде вечного жида, с прилагательным бессмертный, вероятно от слова кастИть, но переделано в кащей, от кости, означая изможденного непомерной худобою человека, особенно скрягу, скупца и ростовщика, корпящего над своею казною» [6, с. 101]. Семантику имени рассматривает Ю.С. Степанов. По его мнению, в имени Кащей (или Кощей) соединились несколько слов и выражаемых ими представлений: это и древнерусское *кощеи* – «отрок, мальчик, пленник, раб»; основной концепт связан, конечно, с *костью* (старославянское, древнерусское слово *кость*). Возможно, первоначально это было прилагательное, означающее «имеющий отношение к кости», но более вероятная этимология – «костосей», «тот, кто сеет кости». На основании лингвистического материала Ю.С. Степанов делает предположение, что Кощей был в восточнославянской протокультуре (так как ни у западных, ни у южных славян его как «бессмертного» нет) тем лицом племени, подобным современному шаману, который ведал посевом костей, был «костосеем». Следовательно, Кощей – это посредник между миром людей и миром мертвых. Поэтому в славянском фольклоре Кощей связан со смертью [19, с. 83–84]. В преданиях русского народа встречается выражение «*кощуны* творить», что означает «совершать действия, присущие колдунам и дьяволу (кощунствовать)» [16, с. 113].

В русской сказке образы Кощея и Бабы Яги имеют много общего. Они связаны с понятием *смерти* и поэтому воспринимаются в большинстве случаев как отрицательные персонажи, хотя в образе Бабы Яги, как мы показали, есть некая двойственность: она может в определенной ситуации помогать героям. Для Кощея же понятие *смерть* – ключевое: он должен погибнуть, чтобы герой победил.

Таким образом, проанализировав ассоциативно-культурный фон мифонима Кощей, также можно констатировать, что Белянин, создавая образ, использует традиционные характеристики сказочного персонажа, позволяющие представить персонаж в сказочных ассоциациях: сказочное появление, худоба и злоба, колдовская активная злая сила, смерть и воскрешение. Вместе с тем в романе формируются дополнительные, особые составляющие АКФ

этого имени: Кощей – зло в современном воплощении, преступный авторитет, беспощадный, но недалекий; он иронично изъясняется, говорит современным языком, имеет современную вредную привычку. В «Ассоциативном словаре» Ю.С. Караулова мы нашли всего три реакции на стимул Кощей Бессмертный: *бессмертный* (по именованию), *скелет* (подчеркивается худоба персонажа, раскрывающая имя Кощей) и *плечи* (реакция не мотивирована) [7]. Мы также обратились к интернет-ресурсу, чтобы выявить современные реакции на стимул Кощей Бессмертный. Ассоциативное поле стимула составляют 46 единиц. Основные реакции: *бессмертие, яйцо, игла, Баба Яга, сказка, злато* – ожидаемы: образ является парным с образом Бабы Яги, подчеркиваются сказочные мотивы, выявляется сущность Кощея, называются атрибуты его смерти (*яйцо, игла*).

Ассоциативное поле расширяет названные реакции и подчеркивает традиционность образа: *золото, подземелье, скупость*; *кости*, *скелет*, *худоба*; *людоед, Бармалей; Василиса Прекрасная, Марья Моревна*, *Иван-дурак, Змей (Горыныч)*.

Естественно, есть единичные, индивидуальные реакции пользователей сайта. Например, реакция *Милляр*, возможно, не совсем точно дана на образ Кощея, так как он сравнивается с актером, исполнявшим роль Бабы Яги. *Молодильные яблоки* – сказочный атрибут, связанный с омоложением героев, ассоциативно отсылает к образу Кощея, который бессмертен. Есть реакции, которые мы не можем объяснить, например, *спиртовка*.

Итак, значительный фрагмент ирреального мира, где путешествуют герои Белянина, – мир русской сказки. Ключевые образы – Баба Яга и Кощей Бессмертный, обозначенные прецедентными мифонимами. План выражения мифонимов во многом традиционен, отражает волшебные сказочные ассоциации. Вместе с тем Белянин расширяет ассоциативно-культурный фон именований своих персонажей, так как характеры и поступки героев фэнтези сложнее, чем в сказках. Ирреальный мир воплощен в прецедентных для русской культуры ИС, которые отражают и сказочные мотивы, и современный реальный мир, что позволяет им стать значимыми в жанре фэнтези. Сказочные герои Баба Яга и Кощей Бессмертный и сегодня актуальны, о чем свидетельствует объемное ассоциативное поле обоих мифонимов. Самые популярные современные ассоциации, выявленные на ассоциативном сайте, позволяют говорить о традиционном восприятии сказочных персонажей, а частные реакции свидетельствуют о расширении ассоциативно-культурного фона прецедентных мифонимов в современном сознании коллективного пользователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Прецедентный топоним в русской языковой традиции. Механизмы формирования и функционирования // Ономастика Поволжья: тезисы докладов IX международной конференции. Волгоград: Перемена, 2002. С. 147–149.

3. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие. Красноярск: КГПУ, 2010. 176 с.

4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

5. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.

6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И – О. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 780 с.

7. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. 1. 784 с.

8. Королева И.А. Модально-оценочный потенциал имен собственных в художественном тексте // Категория модальности в речевой коммуникации; сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 119–123.

9. Максимчук Н.А. Ассоциативно-культурный фон как форма существования и способ представления внеязыкового содержания имени собственного // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник науч. статей. Витебск: ВГУ им. И.П. Машерова, 2016. С. 356–360.

10. Максимчук Н.А. Ассоциативно-культурный фон личного имени и его лексикографическое отражение // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности: сборник науч. статей. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 251–263.

11. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2002.

14. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006. 440 с.

15. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.

16. Предания русского народа / автор-сост. И.Н. Кузнецов. М.: Вече, 2008. 352 с.

17. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 366 с.

18. Славянская мифология: энциклопедия / под ред. С.М. Толстой. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. 416 с.

19. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

20. Суперанская А.В. Ономастика начала XXI века. М.: Институт языкознания РАН, 2008. 80 с.

21. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 3-е изд., испр. М.: Книжн. Дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 368 с.

22. Баба Йога в славянской мифологии // Славянская культура. URL: http://slavculture.ru/bogi/935-baba-joga.html (дата обращения: 12.12.2016).

23. Sociation.org – игра в ассоциации с коллективным разумом. URL: http://sociation.org (дата обращения: 5.03.2017).

ИСТОЧНИКИ

1. Белянин А.О. Тайный сыск царя Гороха: фантастический роман. М.: АРМАДА: «Альфа-книга», 2001. 490 с.

L.P. Rodionova

Precedent Names in the Modern Russian Fantasy (Based on the Novels by A.O Belyanin)

Key words: *personal name; miphonim; precedent name; belle-letter; fantasy; Russian fairy tale; image; Belyanin.*

This article includes analysis of precedent miphonims Baba Yaga and Kaschey Bessmertny, which are traditional for Russian fairy tales and play key role in the prose of the modern Russian fantasy writer A.O. Belyanin. Attempts were made to describe and compare fairy tale images and names in the traditional fairy tale and in the text of the fantasy novel in order to reveal the associative background which the author creates and a reader decodes. The modern associative field of miphonims based on the dictionaries and web-sites is presented.

Е.И. Попова
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

УДК 81’373’21

Имя собственное в составе молодежного сленга

Ключевые слова: *молодежь; молодежный сленг; имя собственное; топоним; переход имен собственных в имена нарицательные.*

В настоящей статье представлены результаты анализа топонимов, зафиксированных в «Толковом словаре молодежного сленга». Рассматриваются основные пути пополнения онимической лексики молодежного сленга; уделяется внимание случаям перехода жаргонных имен собственных в нарицательные. На примере жаргонных онимов рассматриваются некоторые особенности молодежного сленга.

Интерес к языку молодежи во многом обусловлен тем, что в нем все происходящие изменения отражаются наиболее полно и быстро, следовательно, его изучение позволяет составить представление о тенденциях развития языка современного периода. Несомненно, большое значение имеет исследование некодифицированной лексики, слов, находящихся за гранью русского литературного языка, то есть за пределами лексической нормы языка, но являющихся либо лексической единицей русского литературного языка, либо его потенциальной языковой единицей [1, с. 17]. Сленг подобен лаборатории, «в которой все свойственные языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению» [2, с. 40].

Если общество может быть представлено в виде ряда коллективов, объединенных по различным принципам (территориальным, социальным, по принципу сходных интересов, целей и т.д.), то аналогичную картину будут представлять и их подъязыки, составляющие множество подсистем, относительно обособленных и взаимодействующих между собой. Каждой подсистеме свойственна специфическая лексика и особый подбор и оформление собственных имен [8]. Сленг как разновидность жаргона обо-

значает социальную и возрастную разновидность речи, характеризующуюся экспрессивной, метафорической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств [1, с. 13].

Сленг является языковым отражением потребности людей объединяться, группироваться с самыми различными целями. Для сленга (даже «самого сиюминутного») характерна тенденция к обособленности, закрытости [3]. Л.П. Крысин называет ряд факторов, которые способствуют «речевой гомогенности группы: фактор сплоченности: чем сплоченнее группа, тем вероятнее ее речевая гомогенность; фактор лидера: чем больше сила речевого влияния лидера на группу, тем вероятнее “следы” такого влияния в речевой манере всех остальных членов группы; фактор времени: чем длительнее контакты членов группы друг с другом, тем вероятнее нивелировка их речевых индивидуальностей, выработка общей манеры общения; фактор регулярности: речевая гомогенность прямо пропорциональна частоте и регулярности внутригрупповых контактов; фактор кода: выработка общей манеры речевого поведения возможна лишь при условии, что все члены группы владеют одним и тем же языковым кодом» [4, с. 83].

Молодежная культура и молодежный сленг не являются чем-то завершенным и монолитным. Во многом это обусловлено тем, что такая социально-возрастная группа, как молодежь, неоднородна по своему составу. Особенности культуры, языка членов этой группы зависят от многих факторов: возраста, пола, воспитания, образования, территориального расположения, принадлежности к более узкой группе, жизненного опыта, социального класса, круга общения и др.

Безусловно, молодежный сленг включает в себя элементы других жаргонных систем. По мнению В.С. Елистратова, тенденции к консервативности, замкнутости, эзотеричности и напротив – к динамике, разомкнутости, демократизму сосуществуют в сленге (им используется термин «арго») диалектически. Борьба этих тенденций, с одной стороны, составляет основу развития системы, с другой – основу стабильности, вечности. Борьбу тенденций можно схематически свести к трем бытийным статусам: 1) замкнутости, 2) разомкнутости, то есть промежуточного состояния, и 3) абсолютной открытости. Данные состояния могут чередоваться во времени, перетекать друг в друга, но важнее то, что в любой произвольно взятый момент развития арго все три тенденции присутствуют одновременно, хотя и в разной пропорции. Исследователь сравнивает сленг с черновиком будущей культуры, без которого понимание всей культуры невозможно; говорит о сленге как о языке людей, находящихся в процессе творения культуры, как об отражении культуры в ее динамическом развитии [3]. Как пишет А.В. Суперанская, в кодифицированный литературный язык имена собственные попадают в виде застывших форм, именно разговорный вариант языка оказывается той средой, в которой они живут и развиваются [8].

Материалом для настоящего исследования послужили онимы, входящие в «Толковый словарь молодежного сленга» Т.Г. Никитиной [7]. Это обу-

словлено интересом к имени собственному как культурному знаку, его способностью накапливать и передавать информацию об особенностях культуры, истории, этнографии, мировоззрения и мировосприятия народа – носителя языка [6, с. 7].

Методом сплошной выборки было выявлено 143 топонима.

Онимическая лексика пополняется из следующих источников: 1) путем естественной онимизации апеллятивов; 2) путем заимствования готовых имен или именных основ из других языков; 3) путем искусственного создания имен из лексики своего языка; 4) путем дальнейшего преобразования собственных имен своего языка (деривация, трансонимизация) [9, с. 71]. Можно говорить о том, что жаргонные имена собственные вторичны по отношению к кодифицированным литературным, как правило, создаются на их основе.

Так, первую группу (48 единиц) составляют названия, омонимичные топонимам кодифицированного литературного языка, но имеющие переносное метафорическое значение. Среди имен этой группы можно выделить те, которые продолжают оставаться именами собственными, и те, которые, на наш взгляд, уже нельзя однозначно отнести к этой категории.

Одним из формальных признаков имен собственных является написание с прописной буквы. Собственное имя связывается не с классом, а с индивидуальным предметом, а объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен [8, с. 113]. Можно говорить о том, что данными свойствами обладают зафиксированные топонимы, являющиеся постоянной частью устойчивых словосочетаний и фраз:

– *Африка, «… и в Африке»* – выражение используется для обозначения постоянного качества предмета или человека;

– *Бобруйск, в Бобруйск* – выражение резкого неодобрения, презрения в адрес любого человека;

– *Бухара, съездить в Бухару* – напиться пьяным;

– *Одесса, один в Одессе* – прекрасный, превосходный;

– *Париж, позвонить в Париж* – сходить в туалет;

– *Сочи, отправить в Сочи* – убить кого-либо.

Если конкретность именуемого объекта становится неочевидной, наблюдается тенденция перехода собственного имени в нарицательное [8, с. 113].

Возможность перехода в нарицательные возникает у собственных имен в следующих случаях:

1) денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива, получивших некоторый общий минимум воспитания и образования (названия многих государств и их столиц, крупнейших рек и гор, имена наиболее популярных политических деятелей и деятелей литературы и искусства, современных и минувшей эпохи);

2) имя перестает связываться с одним сколько-нибудь определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, поселений, рек и т.п. [8, с. 116].

Как правило, переход онимов в апеллятивы без участия аффиксации в молодежном сленге происходит в результате языковой игры, каламбурного переосмысления: *бухенвальд* – пьянка (по ассоциации с *бухать* – пить алкогольные напитки); *голландия*, *нести голландию* – лгать, завираться, пустословить (возможно, от *галиматья*); *голливуд* – шумная пьянка; *грузия* – 1) ерунда, ненужная информация, 2) школа (от *грузить* – навязчиво передавать, сообщать большое количество информации кому-либо); *карабах* – провал на экзамене; *копенгаген* – компетентный человек; *майами* – моя вещь; *махачкала* – драка, потасовка; *мехико* – учебный предмет МХК; *русь* – урок русского языка; *сидней* – таблетки сиднокарб (психостимулятор); *синегал* – алкоголик, пьяница (от *синеть* – пить спиртное, пьянствовать; *синий* – пьяный); *смоленск* – место для курения (от *смолить* – курить); *сочи* (*сочи, темные ночи*) – сочинение; *чайхана* – отсутствие чая в доме (контаминация: *чай* + просторечие *хана* – конец, крах, гибель); *япония* – я понял и др.

Деонимизация происходит по нескольким типичным линиям [5; 8]:

а) топоним – место (*бастилия* – главное (высотное) здание МГУ в Москве; *кавказ, сахалин, чукотка* – последняя(ие) парта(ы) в классе; *канада* – туалет; *кембридж* – профессионально-техническое училище; *хилтон* – курсантское общежитие; *шаолинь* – военное училище; *пентагон* – 1) дом офицеров, 2) любое заметное административное здание или любой большой дом, преимущественно сталинских времен);

б) топоним – вещь (*аляска* – разновидность зимней куртки с капюшоном; *баку* – доллар (от *бакс* – доллар США, из англ. жарг.: buck); *балаклава* – шерстяная маска с вырезом для глаз, надеваемая преступниками или военнослужащими спецподразделений; *байкал* – слабо заваренный чай).

Встречаются также следующие варианты: *китай* – игра без оплаты; *коломна* – вопрос, не позволяющий без специального знания выбрать правильный ответ из нескольких равнозначных вариантов; *монтана* – 1) что-либо отличное, замечательное, 2) в значении междометия – выражение любой положительной эмоции; *удмуртия* – некрасивая девушка; *юрмала* – дальний выезд фанатов в комфортабельных условиях вместе с командой и др.

Было выявлено два именования в форме множественного числа: *аляски* и *кособланки.* На наш взгляд, это обусловлено тем, что они обозначают парные предметы: *аляски* – разновидность женских зимних сапожек из замши с молнией посередине; *кособланки* – кривые ноги.

Вторую группу топонимов, входящих в Толковый словарь молодежного сленга, составляют онимы (88 единиц), обозначающие конкретные географические объекты.

Самыми частотными являются единицы, в составе которых сохранились те или иные элементы исходного литературного топонима и (или) отражены связанные с ним ассоциации: *Бля́блино* – Люблино, район Москвы; *Бу́ндес, Бу́ндэс* – Германия, ФРГ (от Bundesrepublik Deutschland – Федеративная Республика Германия); *Ка́тькин садик* – сквер перед Александровским театром в Санкт-Петербурге с памятником Екатерине II; *Косогла́зия* – Азия;

Ку́кишинская – станция метро «Тушинская»; *Лос-А́нджелес* – жилые кварталы в районе железнодорожной платформы *Лось*; *Мясква́* – г. Москва, место расположения футбольного клуба «Спартак» (жарг. «мясо»); *Наусиби́рск* – Новосибирск, город, где была создана рок-группа «Нау» («Наутилус Помпилиус»); *Новогеро́иново, Новогоноре́ево* – станция метро «Новогиреево»; *Орехово-Долба́лово, Орехово-Коко́сово* – район Орехово-Борисово в Москве; *площадь Замужества, Му́жеская* – площадь Мужества в Санкт-Петербурге; *Палести́новка* – станция Валентиновка под Москвой, известное дачное место (намек на евреев, хозяев местных дач); *Пески́* – Стадион ЦСКА на ул. Песчаной; *Похмеле́цкая* – станция метро «Павелецкая» в Москве; *Прибалда́* – гостиница «Прибалтийская» в Санкт-Петербурге; *Примбу́ль* – Приморский бульвар в г. Севастополе; *Пурге́невская* – станция метро «Тургеневская»; *Пше́ччина* – Польша (от *пшек* – поляк, по характерной особенности фонетики польского языка); *Ра́шка* – Россия; *Спермь* – г. Пермь; *Са́шкин садик* – Александровский сад в Санкт-Петербурге; *Ста́сик* – Театр им. Станиславского и Немировича-Данченко в Москве; *Уде́ланная* – станция метро «Удельная» в Санкт-Петербурге; *Финба́н* – Финляндский вокзал в Санкт-Петербурге (*Финляндский* + *бан* – вокзал (из нем.: *Bahn*)); *Чухня́*, *Чухо́ния* – Финляндия и др.

В ряде подобных именований отражены сведения о более ранних по времени названиях географических объектов, ассоциации с ними: *Кали́на* – Новый Арбат (бывший проспект Калинина) в Москве; *Я́шка* – площадь Свердлова в Москве, место, где раньше стоял памятник Якову Свердлову (ныне Театральная площадь).

Итак, одной из особенностей молодежного сленга является тенденция к образованию сокращенных и сложносокращенных слов. Некоторые онимы являются сокращенными вариантами литературных: *Йо́шка* – г. Йошкар-Ола; *Новоро́сс* – г. Новороссийск; *Новоси́б* – г. Новосибирск; *Савел* – Савеловский вокзал в Москве; *Ха́нты* – г. Ханты-Мансийск; *Челя́ба* – г. Челябинск; *Че́реп* – г. Череповец.

Кроме того, можно выделить единицы, созданные по моделям, характерным для личных имен: *Вла́дик* – г. Владивосток; *Воло́дя* – г. Владимир; *Э́ля* – г. Элиста; *Па́влик* – Павелецкий вокзал в Москве; *Пе́тя* – г. Санкт-Петербург; *Я́рик* – г. Ярославль и др.

Среди зафиксированных топонимов встречаются неофициальные наименования учебных заведений: *Бонч* – Ленинградский (СПб) электротехнический институт им. Бонч-Бруевича; *Кирову́ха* – Военное училище им. С.М. Кирова в Петергофе; *Лумумба́рий* – Университет Дружбы народов им. Патриса Лумумбы; *маевня* – Московский авиационный институт; *Менделя́вка, Менделя́вочка* – Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева; *УХА* – Уральская архитектурно-художественная академия.

В отдельных случаях выявленные топонимы представляют собой сокращенные кодифицированные имена собственные, омонимичные определенным именам нарицательным: *Матро́ска* – тюрьма «Матросская тишина»; *Нога́* – бывшая площадь Ногина в Москве; *Пу́шка* – площадь Пушкина в Москве.

Самая немногочисленная часть топонимов молодежного сленга – онимы, возникшие в результате онимизации апеллятивов: *конюшня* – здание выставочного зала (бывшего Манежа) в центре Москвы; *табакерка* – Мавзолей В.И. Ленина на Красной площади.

По отношению к молодежному жаргону используется определение *креативно-игровой.* Креативная игра – игра ради развлечения, экспрессии, выступающая подтверждением общности взглядов [1, с. 184]. Создание и функционирование жаргонных имен собственных в молодежной среде опирается на смеховой элемент. В основе топонимов, входящих в состав молодежного сленга, лежат кодифицированные литературные единицы, однако единицы переосмысленные, используемые в переносном метафорическом значении, дополненные ассоциациями самого разного порядка (в том числе звуковыми).

ЛИТЕРАТУРА

1. Беглова Е.И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: монография. М.: Моск. гос. областной ун-т; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2007. 353 с.
2. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
3. Елистратов В.С. Словарь русского арго. (Материалы 1980–1990-х годов). М., 1994. 699 с.
4. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989. С. 78–86.
5. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч. 1. Смоленск: СГПУ, 2002. 184 с.
6. Максимчук Н.А. О региональных фоновых знаниях в структуре языковой личности и способах их выявления // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: материалы международного методического семинара (Смоленск, 18 ноября 2010 года). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. С. 7–12.
7. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1102 с.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 3-е изд., испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 368 с.
9. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.]; отв. ред. А.П. Неподкупный. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

E.I. Popova

Proper Name as a Part of the Youth Slang

Key words: *youth; youth slang; proper name; toponym; transformation of proper names into common names.*

The article presents the results of analysis of toponyms which are included in the Youth slang dictionary. Principal ways of lexicon addition of youth slang are analyzed; cases when slang proper names transfer to common names are investigated. On the material of slang proper names some peculiarities of youth slang are analyzed.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

К.В. Демидова
Смоленский государственный университет

УДК 94(420).07

Античная аргументация во внешней политике и общественной дискуссии Великобритании в 1720–1730-е годы

Ключевые слова: *внешняя политика Британии; общественная дискуссия; параллели из истории Древней Греции.*

Статья посвящена параллелям из истории Древней Греции в общественной дискуссии Великобритании в 1720–1730-е годы и их влиянию на внешнюю политику Соединенного королевства.

В исторической литературе принято рассматривать общественную дискуссию Великобритании через анализ богатейших материалов английской прессы и трудов многочисленных публицистов. И это неудивительно, учитывая объект исследования – первую великую державу Нового времени, в которой более или менее широкие демократические слои могли оказывать влияние на действия власти, в том числе и в области внешней политики, формально считавшейся незыблемой прерогативой короны. Однако в российской историографии до настоящего момента исследователи практически не уделяли внимания влиянию переосмысления публицистами того времени античного исторического и политического опыта как одного из факторов, способного формировать внешнеполитический курс. Эта проблема тесно коррелируется с неоднозначной реализацией унаследованной династией Ганноверов от Вильгельма III Оранского программы по поддержанию равновесия сил на европейском континенте. Ни для кого не секрет, что в Европе раннего Нового времени классическая античность служила линзой, через которую можно рассмотреть и проанализировать политическую практику, и сфера внешней политики не была исключением. Использование афинского опыта британскими идеологами XVIII века привлекало только узкий круг исследователей. В свою очередь, мы можем использовать широкий публицистический материал, опиравшийся на произведения античных авторов, как ориентир на пути к более тонкому и всестороннему взгляду на проблематику природы континентального интервенционизма, а также изменчивости общественного мнения в восприятии современников.

Необходимо отметить, что центром притяжения общественной мысли в течение многих веков в Европе была история Римской империи. И большая часть дискуссий об идеальном устройстве государства касалась классификации республик по двум типам, предложенным флорентийским мыслителем и политическим деятелем Никколо Макиавелли: те, которые выбрали внешнюю славу, и те, которые выбрали внутреннее умиротворение [7, p. 102]. Несмотря на историографическое господство римского примера в общественной мысли XVII–XVIII веков, классические Афины были первой морской империей в истории, которая постепенно захватывала политическое воображение многих представителей английской элиты раннего Нового времени, полагавших, что будущее могущество их островной страны состоится через господство над открытыми морями вне зависимости от кровопролитных войн на континенте, стабилизировавших европейское равновесие сил в конце XVII – начале XVIII века. Отсюда следовало, что Великобритания должна была, по их мнению, стремиться стать новыми Афинами и играть похожую роль уже не в тесных берегах Эгейского или даже Средиземного морей, но на просторах Мирового океана, представление о границах которого в то время можно сравнить с принятой в наши дни теорией расширяющейся Вселенной. Это сопоставление напрашивается из-за того, что сведения об открываемых жителями Старого Света землях и пространствах зачастую просто не успевали уложиться в головах современников. Афинская демократия в сознании знакомых с древней историей англичан была одной из главных причин поразительного коммерческого успеха Афин периода их наивысшего подъема. Следствием подобных рассуждений являлись неизбежные параллели со стремительным развитием окрыленной победой в войне за Испанское наследство (1701–1714) Британии.

Этим руководствовался, в частности, Генри Сент-Джон, виконт Болингброк (бывший министр иностранных дел в правительстве графа Оксфорда, который пребывал в изгнании во Франции после политического триумфа его противников вигов в 1714 году и утверждения Георга I и Ганноверской династии на престоле Соединенного королевства), оформивший данные тезисы в программу и пытавшийся с ее помощью в общественной дискуссии вернуться в том или ином качестве на британскую политическую арену [12, p. 154]. Этой цели служили регулярные публикации в популярнейшем журнале «Craftsman» («Кудесник»), разжигавшем и питавшем массовый патриотический пыл масс накануне и в период так называемой «войны за ухо Дженкинса» (1739–1742). Естественно, правительство Роберта Уолпола не могло не осудить «греческие грезы» Болингброка, чтобы не дать шанса тори прервать политическую гегемонию вигов. Аргументировано это было отсылкой к прославленной аристотелевской классификации трех чистых форм правления и их соответствующих отклонений, согласно которой афинский народ был обозначен как анархический, а не демократический [7, p. 99]. В ответ на это шаблонное обвинение Болингброк со страниц все того же «Craftsman» обра-

щал внимание на опасности, которые скрываются за устойчивым ростом могущества действующего правительства, и напоминал о том, что обратной стороной неограниченного вмешательства возглавляемых Периклом Афин в дела других греческих полисов после окончания греко-персидских войн (499–449 годы до н.э.) стала принявшая невиданный до того момента размах коррупция. А поскольку Уолпол в 20–30-е годы XVIII века находился в схожем с Периклом положении и ведомая им Британия примеряла роль столь же активного и глубоко вовлеченного игрока, но уже на общеевропейской арене, Болингброк предлагал своим читателям провести аналогию с отношениями между Уолполской системой коррупции и связью Оранжистско-Ганноверского британского национального интереса и континентальной политики под знаменем защиты «Свобод Европы» во имя сохранения «принципов Славной Революции» [8].

Вводя новую параллель, Болингброк обращался к «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, повествующей об уничтожении афинских свобод. Тем самым он продолжал наступление на Ганноверскую внешнюю политику. Столь подробное и пристрастное реконструирование афинской истории имело целью развенчание Оранжистско-Ганноверской веры в неотъемлемую связь между британскими национальными интересами и поддержанием баланса сил за Ла-Маншем. Болингброк был убежден, что Уолпол узурпировал власть над парламентом под предлогом поддержания европейского равновесия и поэтому создавал препятствия для реставрации изгнанного дома Стюартов на британском престоле [3].

Несомненно, мысль о том, что Великобритания следует тем же самым путем, что и Афины при Перикле, на Болингброка наводила страх, поскольку конечным итогом того блестящего периода был полный крах. Он убеждался в правильности подобной аналогии, находя параллели и в предшествующих событиях. Так, первое изгнание афинского тирана VI века до н.э. Писистрата он сравнивал с бегством Якова II, последнего британского короля-католика, свергнутого в результате Славной революции 1688 года, а во временном объединении усилий Афин со Спартой для совместной борьбы с персидским нашествием видел аналог союза Англии с республикой Соединенных Провинций ради противостояния устремлениям универсалистской монархии Людовика XIV, который был для Болингброка – ценителя подобных сравнений – удобным олицетворением персидского царя из династии Ахеменидов Дария I в Новом времени [7, p. 110]. Возможность реставрации династии Стюартов в лице Джеймса Фрэнсиса Эдуарда (так называемого Старого Претендента) порождала у вигов, на его взгляд, такое же чувство страха, какой возникал у представителей афинской олигархии перед возвращением Гиппия, сына афинского тирана Писистрата. Венчалась эта система сравнений логичным выводом: как Великобритания в союзе с Соединенными Провинциями подавила претензии Короля-Солнце на универсальную монархию, так некогда Афинский союз одержал победу над персидской империей. Однако, не оста-

новившись на этом и возжелав еще больших почестей и славы защитников всеобщих свобод Греции, афиняне, по словам Болингброка, «…стали надменными и высокомерными по отношению ко всем соседним государствам» [7, р. 110]. Это привело к полному пренебрежению заботой об их внутренних делах и одновременно к регулярному вмешательству во внутренние дела других свободных полисов Греции и, как оказалось, к недостаточно подкрепленному военной мощью стремлению стать единственным арбитром всех споров в Элладе.

Таким образом, Болингброк всколыхнул информационную каомпанию против вмешательства Британии в дела континента. Он был твердо убежден, что, если тори не преуспеют в том, чтобы отговорить население от следования ложным идеям вопреки их подлинным интересам, кошмар падения древних Афин станет британским будущим. В этом отношении данный проект был противоположен тому, что продвигал в свое время один из столпов английского Просвещения и основателей теории государственного суверенитета XVII века Томас Гоббс, издавая классические сочинения Тацита на английском языке накануне гражданской войны. Прибегая к гуманной риторике для оценки напряженной политической ситуации, Гоббс в комментариях к переводу приветствовал греческого историка для того, чтобы осудить непослушный народ.

Возвращаясь к актуальным для указанного в заглавии периода событиям, напомним дипломатическую обстановку в Европе того времени. В 1720 году Гаагский мирный договор положил конец очередному англо-испанскому конфликту. По этому договору испанцы отказались от каких-либо притязаний на итальянские и нидерландские территории, а также от претензий на объединение французской и испанской корон. Аналогичные гарантии предоставили император и французский король, чем, так или иначе, был подтвержден ранее заключенный Утрехтский мир (1713) [1, с. 93].

Этот конфликт был притворной войной с едва ли не единственной целью: продемонстрировать Испании, что она может выступать как военная держава только с позволения французов или британцев. Испания была вынуждена присоединиться к Четверному Альянсу (Великобритания, Франция, Республика Соединенных Провинций, Австрия) в феврале 1720 года и принять участие в мирных переговорах, неофициально начатых в Камбре в 1722 году, но официально открывшихся в 1724 году [2, с. 623].

Однако прежние союзники Четверного альянса – Англия и Голландия – требовали роспуска Австрийской Ост-Индской компании, которая мешала их торговле. В 1725 году Филипп V предложил императору договориться: обменять итальянские владения на помощь испанцев. А Карл VI в эти годы как раз пытался реформировать Империю, изменив как внутреннюю, так и внешнюю политику [3, с. 42]. В ходе переговоров стороны заключили 30 апреля 1725 года Венский союз. Соглашение нарушало равновесие сил в Европе, более того, ответом на него стал союз между

Великобританией, Пруссией, Францией и Ганновером при содействии Республики Соединенных Провинций и Дании, которые терпели экономические убытки от Испании и Империи.

Формирование данной коалиции явно нарушило Акт об устроении 1701 года, который не разрешал короне, а значит и правительству, вести войну за внешние территории без согласия парламента [6, p. 404–430]. Сомнительность этого предприятия очень тонко уловил якобит Уильям Шиппен, категорически выступив против подписания союзного соглашения, предполагая, что «это вовлечет британскую страну в войну для защиты владений Величества в Германии» [7, p. 113].

Безусловно, никто пока еще не смел публично подвергать сомнению тот факт, что внешняя политика является исключительной королевской прерогативой. Но когда это начало затрагивать государственную казну, монарх обязан был уважать прерогативу палаты общин [4]. С другой стороны, на этом основании оппозиционная партия тори могла законно потребовать информацию о любых внешних соглашениях и согласованиях, которые в большой степени касались государственного бюджета. Так, в конце февраля 1727 года Уильям Палтни (британский политический деятель первой половины XVIII века, изначально придерживавшийся идей вигов, однако в 40-е годы XVIII века под влиянием Болингброка примкнувший к тори) постоянно напоминал Георгу I, что, когда палата общин решила финансировать его политику по отношению к Европе, они, «таким образом, не лишали себя своего бесспорного права на то, чтобы ознакомиться с расходованием государственных денег» [11, p. 69–75]. Данный запрос был реакцией оппозиции на скрытые мотивы в политике короля и его министров.

Таким образом, с увеличивающейся интенсивностью и частотой парламентарии из разных партий стали просить Георга I опубликовать копии и переводы дипломатических материалов, нот и инструкций любого финансового значения, призывая его консультироваться с палатой общин, прежде чем принять любые серьезные решения [10, p. 64]. Будет справедливо отметить, что Уолпол никогда не был против передачи подробной информации общественности.

Столкнувшись с тщательно организованной информационной кампанией Болингброка – Палтни, Роберт Уолпол пытался вернуть королю, а через него и себе, инициативу в борьбе за влияние на парламент для проведения внешней политики. В качестве теоретического довода он привел идеи Томаса Гоббса об источнике государственной власти. Напомним, Гоббс считал, что, ратуя за общественную безопасность, народ при создании государства сознательно и полностью отказался от многих своих прав, в том числе и от права ведения международных отношений. Более того, сэр Уолпол как никто другой осознавал рост влияния общественного мнения на ситуацию в стране и потому стремился обезопасить свое правительство от любой необоснованной, на его взгляд, критики. Назначение своего близкого друга епископа Бенджа-

мина Хоэдли в редакционный консультационный совет лондонского журнала – явный тому пример. Считается, что Уолполом между 1731 и 1741 годами было потрачено почти пятьдесят тысяч фунтов на субсидирование многих ведущих газет. Более того, на эти средства был издан трактат Хоэдли под названием «Расследование причин поведения Великобритании в отношении нынешнего состояния дел в Европе» (1727), который сыграл одну из важнейшую ролей в разрядке политической напряженности в стране. В дополнение к этому анонимный критик из министерской газеты «Daily courant» указал на некоторые фактические нестыковки в политических размышлениях Болингброка об Афинском морском союзе. И все же, несмотря на указанные эффективные меры, отношение вигского правительства к внешней политике оставалось чрезвычайно статичным, и в целом свободная пресса была опорой для антиминистерской полемики оппозиции в течение 1730-х годов [13].

Неспособное конкурировать в общественной дискуссии правительство иногда отвечало репрессивными мерами. Одним из печально известных примеров подобной политики стало преследование Ричарда Франклина, главного редактора периодического издания Болингброка. Зимой 1731 года он был подвергнут судебному преследованию за опубликование «Выписок из личного письма из Гааги» ранее в том же году, после решения суда, что это работа Болингброка и, более того, очевидный памфлет на Георга II и его дипломатическую некомпетентность [14, p. 248–250]. Таким образом, суд пытался узаконить наказание оппозиционных журналистов, прикрываясь якобы заботой о том, чтобы оппозиционная внепарламентская деятельность Болингброка не стала инструментом для скатывания страны к анархии, подобной той, которая имела место в послеперикловских Афинах. Эти действия коррелировали с пропагандой Уолпола в убеждении, что конституции Британии, а также ее национальным интересам угрожает не усиление прерогативы немецкого курфюрста на английском троне, не коррумпированность правительства, а заведомо подрывная деятельность оппозиции. И, чтобы защитить страну, необходимо срочно укрепить королевскую прерогативу в области иностранных дел.

На этот раз официальным рупором правительства стал известнейший писатель и журналист Даниэль Дефо. В 1727 году в ярком памфлете он выступил с рядом тезисов, в частности, о том, что «война и мир в Великобритании, несмотря на все наши привилегии, находятся в груди короля» [5, p. 1]. «Это – прерогатива также большинства королей Европы, таким образом, это встречается, это должно быть» [Там же]. «Позвольте королям делать войну или мир!» [Там же]. Мало того, Дефо пошел еще дальше. Он подверг сомнению воинственный антииспанский патриотизм оппозиции, обвинив ее в сговоре с перекупщиками и финансистами, планировавшими попросту нажиться на боевых действиях. Иначе зачем, по его словам, «вся эта озабоченность по поводу войны или мира?» [5, p. 4].

Поскольку Дефо авторитетно высказался в защиту Ганноверов, этим воспользовался Уолпол через подконтрольный ему лондонский журнал и оправдал «диктатуру» премьер-министра, перефразировав сочувствующее объяснение Плутархом неумеренности Перикла. Статья в журнале показала, что «притворная произвольная власть [афинское множество], которая наделала столько шума, и называется “монархия” и “тирания”» [9, p. 115]. Как и Уолпол, Перикл, «всегда видевший процветание Афин в глубине души», искал «все возможные способы избежать войны». Перефразируя Болингброка, автор этого министерского возражения заключил: «У нас есть современный Клеон (афинский политический деятель, глава радикальных демократов. – *К. Д.*), а также современный Перикл» [9, p. 115].

Таким образом, Дефо, не обращаясь напрямую к опыту античности, приходит к тем же выводам, что и так часто апеллировавший к древнегреческому опыту Томас Гоббс. И, несмотря на убедительность данной риторики, народное возмущение против бесконечной эксплуатации Уолполом идей расходования британской казны на подержание баланса сил в Европе не шло на спад, что в очередной раз доказало неприменимость понимания Гоббсом антидемократических оснований государства для Англии этого периода.

Римская империя создала мрачный прецедент для универсалистских претензий монархии Бурбонов, и, возможно, закат последней вдохновил британского историка второй половины XVIII века Эдуарда Гиббона на написание своего знаменитого классического труда «История упадка и разрушения Римской империи», ставшего своеобразной эпитафией идеям Гоббса. В то же время взлет и падение Афин Перикла, которые служили источником вдохновения для создания британского имперского патриотизма, в итоге, практически соответствуя предостережениям Болингброка, во многом предвосхитили быстрое становление и стремительное падение первой Британской империи, которое традиционно относят к периоду неутешительного конца войны с Североамериканскими колониями (1775–1783).

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидова К.В. Англо-испанское противостояние и крах реваншистской политики Испании (1718–1729) // Сборник материалов пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015». М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 92–94.
2. Киймен Г. Испания. Дорога к империи. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007.
3. Киселев А.А. Роберт Уолпол и внешняя политика Великобритании в 1725–1742 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Работы молодых ученых. 2005. Вып. 4, ч. 1. С. 42–47.
4. Bolingbroke Henry St. John. The occasional writer. No. II. 1727. URL: https://books.google.ru/books?id=q-BbAAAAQAAJ&printsec=frontcover&dq=Bolingbroke++The+occasional+writer+No.+II.+1727.&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj3zbmszPjSAhWjYpoKHZWjBMkQ6AEIJDAB#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.02.2017).
5. Defoe D. The evident approach of a war; and something of the necessity of it in order to establish peace, and preserve trade. L., 1727. URL: http://quod.lib.umich.edu/e/ecco (дата обращения: 10.02.2017).

6. Gibbs G.C. Britain and the Alliance of Hanover, April 1725 – February 1726 // The English Historical Review. 1958. Vol. 73. № 288. P. 404–430.
7. Ideology and Foreign Policy in Early Modern Europe (1650–1750) / ed. by David Onnekink and Gijs Rommelse. Burlington, Vermont: Ashgate, 2011.
8. Kenyon J. Revolution principles. The politics of party, 1689–1720. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
9. Lives. With an English translation by Bernadotte Perrin. Cambridge: Harvard University Press, 1916. Vol. 3. URL: https://archive.org/details/liveswithenglish03plutuoft (дата обращения: 10.02.2017).
10. Newman A. Parliamentary diary, 1722–1730. Edited for the Royal Historical Society. L.: Royal Historical Society, 1963.
11. Pulteney W. The politics on both sides, with regard to foreign affairs. L., 1734.
12. Targett S. Sir Robert Walpole's newspaper, 1722–1742. Propaganda and politics in the age of Whig supremacy. Cambridge, 1991.
13. The Daily courant 5149 (10 October 1732). URL: https://newspaperarchive.com/daily-courant-oct-10-1732-p-1 (дата обращения: 10.02.2017).
14. The entire document, as well as the court order, can be found in David Horn and Mary Ranson (eds) // English historical documents, 1714–1783. L.: Routledge, 1996.

K.V. Demidova

Antique Argument in Foreign Policy and Public Discussion of Great Britain in the 1720th – the 1730th.

Key words: *foreign policy in Britain; public discussion; parallels with the history of Ancient Greece.*

The article is devoted to the parallels with the history of Ancient Greece in the public debate in Britain in the 1720–1730s, and their influence on the foreign policy of the United Kingdom.

А.В. Есьман
Белорусский государственный университет (г. Минск)

УДК 9.94(4)

Вклад Английской Ост-Индской компании в формирование торгового баланса Великобритании в 1763–1813 годах

Ключевые слова: *Английская Ост-Индская компания; Великобритания; торговый баланс; торговля Великобритании; чайная торговля; экономическая история; XVIII век; XIX век.*

В статье рассматривается вклад Английской Ост-Индской компании в формирование торгового баланса Великобритании в 1763–1813 годах. Анализируются состав и эволюция структуры импорта и экспорта компании в Великобритании. Выявлено влияние компании на развитие импорта и экспорта Великобритании. На основе проведенного исследования

автор доказывает, что Английская Ост-Индская компания являлась важным инструментом в торговле Великобритании, обеспечивая в среднем около 10% ее внешнего товарооборота, а также анализирует ее значение для торговли Великобритании на протяжении исследуемого периода.

Английская Ост-Индская компания (далее – ОИК), являясь крупнейшей торговой корпорацией Великобритании в описываемый нами период, оказывала непосредственное влияние на формирование ее торгового баланса и благосостояния. Будучи в значительной степени торговой корпорацией, она участвовала как в импорте в Великобританию товаров, производившихся или приобретавшихся за рубежом, так и в экспорте товаров, произведенных в Великобритании. Торговая деятельность компании во многом регулировалась государством. Так, компания была обязана ежегодно экспортировать из Великобритании товаров на сумму не менее 10% от размера своего капитала [10, p. 79].

ОИК имела широкий ассортимент как экспортируемых, так и импортируемых товаров. В бухгалтерских книгах компании, относящихся к исследуемому периоду, выделяется 10 основных товарных позиций, экспортируемых компанией: изделия из хлопка (тонкосуконная ткань саржевого переплетения), монета (медная британская монета, используемая в основном как драгоценный металл для покупки товаров), серебро (серебряные слитки, используемые для покупки товаров и расчетов с местным населением, а также для чеканки монет) [9, p. 75], медь, железо, свинец, олово, шерстяная ткань, камвольная шерсть и изделия из нее, другие товары (см. рис. 1) (1).

Для объективного анализа вклада ОИК в развитие Великобритании стоит рассмотреть более подробно некоторые из описанных выше позиций. К примеру, позиция «другие товары», занимавшая в разные годы от 9,64 до 36,55% экспорта компании, состояла в основном из товаров, направленных на удовлетворение нужд военного и гражданского истеблишмента ОИК в Индии и Китае [2]. До 1814 года подробные записи по назначению и составу этих товаров в коммерческих журналах не велись, однако впоследствии, когда компания была обязана разграничить свои торговые и управленческие функции в Индии, данные товары стали относить к таким категориям, как фабричные товары, гражданские товары, военные и военно-морские товары [2]. То есть фактически это были различные военные товары, а также товары общего потребления.

Следующая позиция – это серебро и монеты (медные). Медные монеты экспортировались компанией в период с 1791 по 1811 год. Основываясь на их географическом распределении, можно отметить, что никакой взаимозависимости между этими данными нет, а их количество является незначительным по отношению как к общим объемам экспорта (0,32% от общего экспорта компании), так и к ежегодной или географической дистрибуции товаров.

Поэтому можно с высокой долей уверенности сказать, что медные монеты экспортировались с целью покрытия текущих расходов компании на местах.

Рис. 1. Структура экспорта ОИК

Необходимо отметить, что серебро экспортировалось в нескольких различных формах: слитки, ямбы, доллары, а также необработанное серебро. В стоимость серебра включались как его номинальная стоимость, так и небольшие накладные расходы, связанные с его упаковкой в мешки, сундуки и прочие контейнеры [2]. Серебро использовалось в основном для закупки местных товаров, его вывоз строго регулировался государством, а количество – постановлениями парламента [1, p. 452]. Для вывоза серебра из страны необходимо было получить специальное разрешение от казначейства. Серебро и монеты не учитываются при наших подсчетах влияния компании на экспорт Великобритании, так как они фактически представляли собой экспорт платежных средств и не имели прямого влияния на значение экспорта товаров, произведенных или приобретенных в Великобритании.

Таким образом, систематизируя структуру экспорта ОИК, его можно подразделить на несколько главных категорий: товары текстильной промышленности (в данную группу входят изделия из хлопка, шерстяная ткань, камвольная шерсть и изделия из нее), металлы (данная группа делится на две основные подгруппы: железо и неферические металлы (олово, медь, свинец)) и различные другие товары. Общая структура и объемы экспорта представлены на рисунке 2.

Что касается импорта, то здесь наблюдалась несколько иная картина, характеризуемая более простой структурой товаров, ввозимых ОИК в Великобританию. Товары, импортируемые ОИК из Азии, можно отнести к трем основным категориям: текстиль, чай, различные товары. Такое деление они получили по принципу их записи в коммерческих журналах компании, в которых весь экспорт был записан в трех товарных журналах, носивших названия: коленкоровый, чайный и журнал китайских товаров и медикаментов. К сожалению, оригиналы данных журналов не сохранились, однако информация, содержавшаяся в них, была скопирована в соответствующие разделы коммерческих журналов [5].

Рис. 2. Экспорт ОИК по категориям товаров в £

Для более точного понимания эволюции вклада компании в торговлю Великобритании необходимо упомянуть о структуре и изменениях, происходивших в торговом балансе как Великобритании, так и самой ОИК.

Рассматривая соотношения импорта и экспорта Великобритании в обозначенный период, можно выделить три важные детали (см. рис. 3). Во-первых, импорт Великобритании превышал ее экспорт на протяжении всего исследуемого периода. В среднем значение импорта и экспорта Великобритании за данный период представляло собой соотношение 55,45% на 44,55% соответственно.

Во-вторых, значения показателей импорта можно интерпретировать как стабильные, они не были подвержены серьезным изменениям и имели крайние значения в 62,54% в 1781 году и 47,04% в 1812 году, среднее же значение составляло 55,45% на протяжении всего исследуемого периода. Возникший в результате такого распределения торговый баланс можно охарактеризовать как отрицательный.

Торговый баланс ОИК, как и Великобритании в целом, характеризуется доминированием импорта над экспортом. Однако его структура в корне отличалась от общебританского (см. рис. 4).

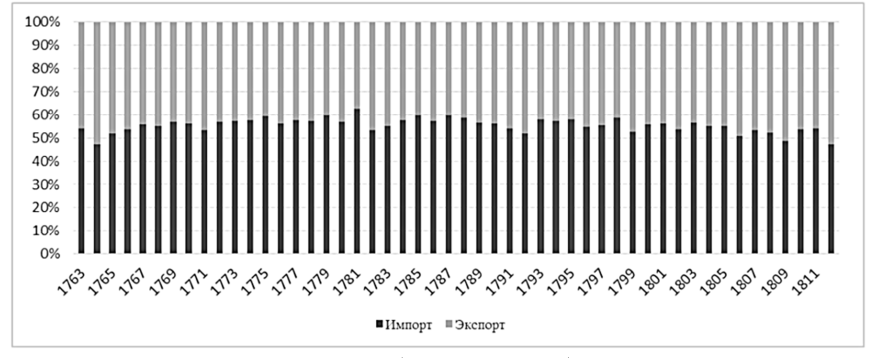

Рис. 3. Торговый баланс Великобритании

Во-первых, в отличие от 55,45% значения импорта в общем торговом балансе Великобритании у ОИК данный показатель равнялся 68,87%, что ука-

зывает на более чем двукратное преобладание импорта над экспортом, а следовательно, и его общее более высокое значение в торговой стратегии ОИК.

Во-вторых, показатели импорта и экспорта у ОИК не были стабильными, они значительно варьировались на протяжении всего периода. Пик пришелся на 1784 год, когда импорт достиг значения в 87,9%, минимальное значение зафиксировано в 1809 году и составило 45,64%

В-третьих, нестабильность показателей явно складывается в тренд, описывающий изменения стратегии в торговле ОИК, из которого следует, что с начала исследуемого периода до конца 80-х годов XVIII века ОИК постоянно наращивала объемы своего импорта в Великобританию, а прирост экспорта из Великобритании, следовательно, постоянно снижался. В начале 90-х годов происходит разворот политики, в результате которого темпы прироста экспорта увеличиваются, а в 1811–1813 годах осуществляется резкая коррекция импорта.

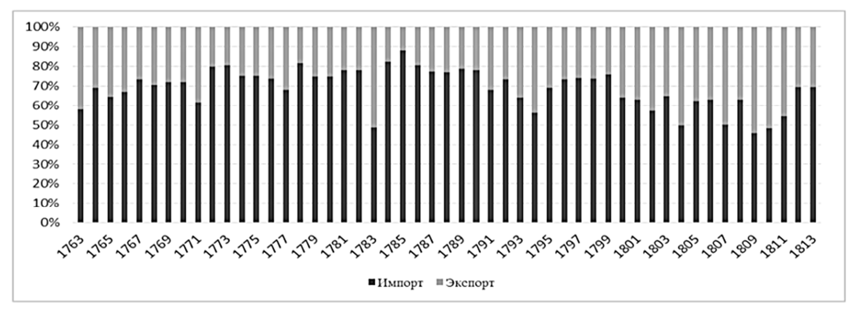

Рис. 4. Торговый баланс ОИК

Что касается непосредственной доли ОИК в импорте и экспорте, то здесь перед нами предстает следующая картина.

В общебританском импорте ОИК всегда занимала довольно высокую позицию для торговой, хотя и обладавшей монопольным правом, корпорации, о чем красноречиво говорят данные о ее месте в нем. Так, в частности, на протяжении всего рассматриваемого периода доля ОИК в импорте Великобритании в среднем была равна 12,10%. Пик был достигнут к 1778 году, когда она смогла занять свыше 20% общего импорта в Великобританию, максимальное же падение в доле импорта наблюдалось в 1783 и 1810 годах, когда ее вклад упал до 5,24 и 4,23% соответственно. Анализ тренда показывает нам, что до начала 90-х годов ОИК поступательно завоевывала все более высокое положение среди импортеров Великобритании, однако после она начала постепенно утрачивать свои позиции, что могло быть вызвано увеличением издержек на управление в Индии, введением регулируемой монополии на торговлю с Индией со стороны государства и началом активности частных купцов [6, p. 158–159].

В то же время, говоря о снижении доли ОИК в импорте после 90-х годов, следует сказать, что данное падение не было возвратом к показателям

начала периода, то есть к 60-м годам, а скорее коррекцией к уровню второй половины 70-х годов, после которой в 1811–1812 годах последовало значительное увеличение доли ОИК в импорте, вызванное окончанием блокады со стороны Франции. В это время доля ОИК находилась на уровне 17,84% от общего импорта, что в принципе соответствовало ее наивысшим показателям за весь исследуемый период, а именно 1780-м годам (см. рис. 6).

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение импорта чая, осуществляемого компанией в Великобританию. ОИК не только сделала чай одним из своих основных импортируемых товаров (см. рис. 5), но и смогла вывести его на совершенно новый уровень в общем импорте Великобритании.

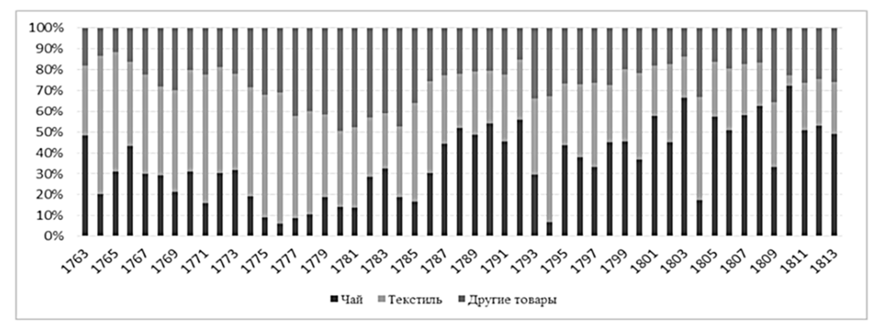

Рис. 5. Структура импорта ОИК

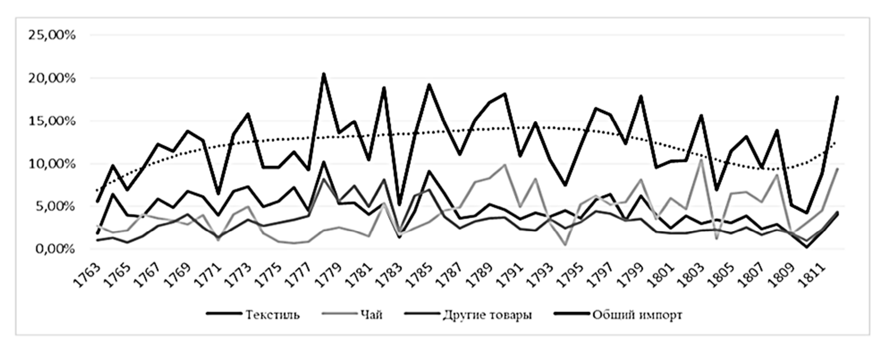

Рис. 6. Доля ОИК в импорте Великобритании

Таможенная пошлина на ввозимый ОИК чай была очень высока и редко падала ниже отметки в 80% от его стоимости, а зачастую была выше 100% [12, p. 45], иногда, как это было к 1784 году, достигая отметки в 119% [3, p. 241]. Высокие ставки приводили к росту цены на чай, ввозимый компанией, что делало его покупку весьма дорогостоящим для конечного потребителя предприятием. Такое развитие событий послужило причиной формирования в стране огромного рынка контрабандного чая, достигавшего в свои лучшие годы ввозимого объема от 4 до 7,5 млн фунтов (веса) в год [10, p. 396, 405–407].

Столь высокий уровень контрабанды не мог устраивать ни одну из заинтересованных сторон. Английская ОИК несла потери, так как ее чай продавался очень низкими темпами. Со стороны государства также было недоволь-

ство, вызванное тем, что оно не только не получало налоги от импорта и продаж чая на своей территории, но и фактически могло прийти к разорению своей чайной отрасли, так как контрабандисты не только торговали чаем, привезенным с помощью ОИК, но и реэкспортировали чай, ввезенный в Европу другими европейскими торговыми компаниями [12, р. 47–48].

Рассматривая вклад чайного импорта ОИК в общий импорт Великобритании, следует отметить, что для него также характерна тенденция двухпериодичного деления с границей в точке принятия Чайного акта в 1784 году.

С 1763 по 1784 год чай занимал в среднем 3,11% от общего импорта Великобритании, однако с 1785 и до 1812 года его доля в общем импорте резко возросла, составив в среднем 5,78% ежегодно, достигая своих пиков в 1790, 1803 и 1812 годах, когда она находилась на отметке около 10% от общего импорта (см. рис. 7). Таким образом, анализируя в целом чайную торговлю ОИК, можно сказать, что чай занял свое важное место в британском импорте, а ОИК как его практически монопольный импортер стала не только важнейшей составляющей торговли Великобритании, но и источником пополнения ее бюджета за счет выплаты ввозимых пошлин.

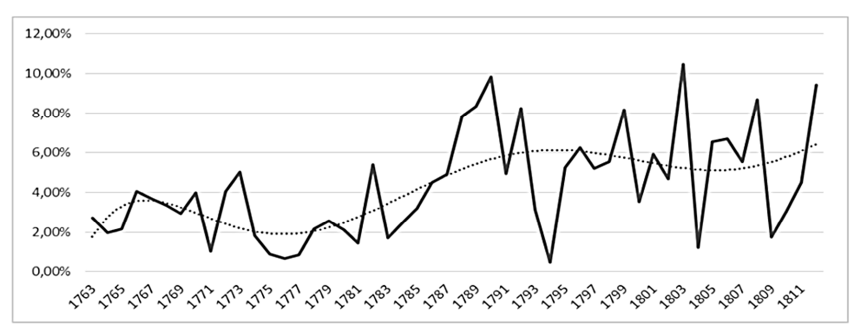

Рис. 7. Отношение импорта чая ОИК к общему импорту Великобритании

Важным моментом является также тот факт, что значения ОИК в доле импорта на протяжении всего периода могли значительно разниться, а показатели последующего года – существенно отличаться от показателей предыдущего (как, например, в 1782 и 1783 годах). Причинами являлись логистическая система компании и продолжительное время плавания ее судов, равнявшееся 6–8 месяцам пути в одну сторону [7, р. 202].

Доля ОИК в экспорте Великобритании находилась на более низком уровне как в абсолютных значениях, так и по ее отношению к экспорту Великобритании в целом. Однако в его развитии можно выделить два основных периода.

Так, на протяжении первого периода, длившегося с 1763 по 1792 год, экспорт ОИК редко выходил за пределы значений на уровне 4–7% от общего экспорта Великобритании, а в среднем за данный период он находился на отметке в 5,43%.

После 1793 года ОИК начала с переменным успехом завоевывать лидирующие позиции, достигнув в 1803 году отметки в 11%, однако после 1807 года ее доля в экспорте вновь пошла на спад. Таким образом, за весь период времени ОИК имела среднюю долю в экспорте, равную 6,37%, что явилось гораздо более низким значением по сравнению ее с долей в импорте (см. рис. 8).

При характеристике вклада ОИК в экспорт Великобритании необходим анализ ее влияния на отдельные секторы экспорта. ОИК имела ограниченное количество экспортируемых товарных позиций, слабо менявшихся с течением времени, однако в тех отраслях, где она присутствовала, влияние ее деятельности имело большое значение (см. рис. 9).

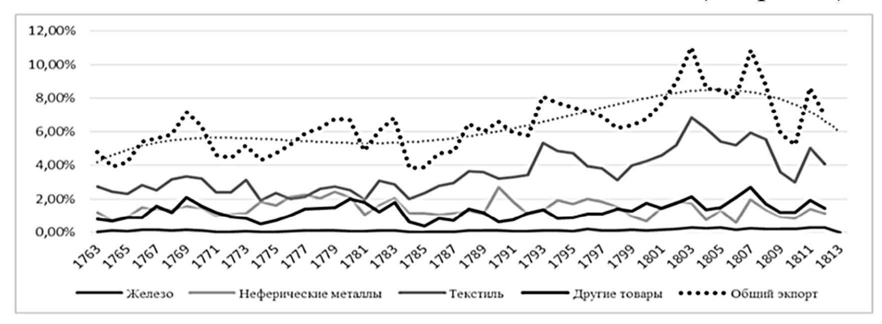

Рис. 8. Доля ОИК в экспорте Великобритании

Так, например, ОИК занимала важное место в экспорте хлопка из Великобритании, в период с 1763 по 1773 год она обеспечивала в среднем 80% ежегодного экспорта хлопковых товаров, фактически на протяжении 10 лет не только оставаясь двигателем хлопковой торговли Великобритании, но и давая работу ее хлопковой индустрии. Однако после 1773 года наблюдается постоянный спад доли ОИК в экспорте хлопковых изделий из Великобритании до уровня 2% к 1812 году.

Рис. 9. Доля ОИК в секторальном экспорте Великобритании

Для группы неферических металлов ОИК почти постоянно на протяжении всего рассматриваемого периода наращивала как абсолютные, так и относительные объемы экспорта, что приводило к постоянному росту ее значения как экспортера. Так, если в 1763 году ОИК обеспечивала экспорт

почти 20% товаров данной группы, то уже к 1812 году она смогла занять 45% рынка. Также интересен тот факт, что ОИК смогла сохранить свои объемы поставок неферических металлов на уровне около 300 тысяч фунтов в год после их общего падения в 1803 году. Именно благодаря такому развитию событий ОИК в конце периода стала одним из крупнейших экспортеров данной группы товаров.

Такое большое секторальное влияние ОИК, оказываемое на отдельные отрасли, в частности текстильную и металлургическую промышленность, выражалось через воздействие не только на торговлю Великобритании, но и, косвенно, на развитие ее производства, как это, например, было с находившейся в упадке шерстяной промышленностью Девона, которой сотрудничество с компанией продлило жизнь «как минимум на 50 лет» [8, p. 86].

Поэтому, давая характеристику влиянию торговли ОИК на торговый баланс Великобритании, можно сказать, что на протяжении всего периода ОИК укрепляла свои позиции в качестве важного торгового агента Великобритании, ее доля постоянно росла, достигнув пика в 14,41% к 1778 году, а в среднем на протяжении всего периода она находилась на отметке в 9,57% в структуре общего торгового баланса Великобритании (см. рис. 10).

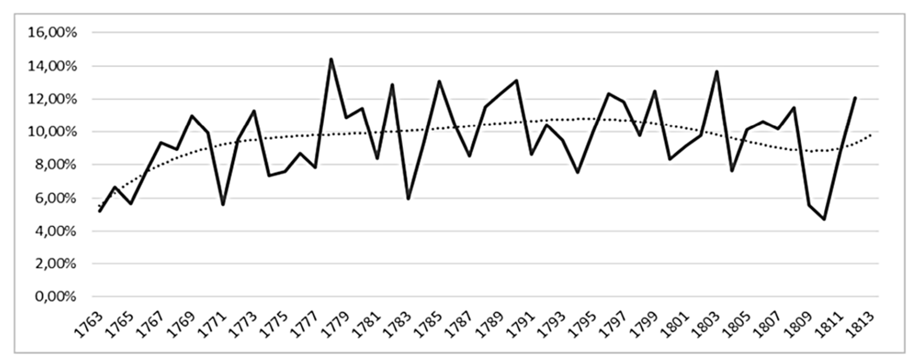

Рис. 10. Доля ОИК в торговом балансе Великобритании

Лишь в начале XIX века ОИК начала сдавать позиции, когда у нее наметился спад торговли, однако к концу периода она смогла вернуть себе положение крупнейшего торговца. Таким образом, постоянный рост товарооборота привел к тому, что частная компания смогла стать важнейшим торговым агентом Великобритании, обеспечивающим в среднем фактически 1/10 товарооборота страны на протяжении всего исследуемого периода.

Проанализировав структуру торговли ОИК и ее вклад в общее развитие торговли Великобритании, можно прийти к следующим выводам.

1. За весь исследуемый период Английская Ост-Индская компания, являлась важным инструментом внешней торговли Великобритании, постоянно наращивала свое влияние и обеспечивала в среднем почти 10% ее общего товарооборота.

2. Компания, по сути, являлась крупным импортером, ее экспортная составляющая имела гораздо меньшие как абсолютные, так и относительные объемы.

3. Компания была монополистом фактически только в торговле чаем, выращиваемым на индийских и китайских территориях, во всех прочих отраслях торговли ей приходилось конкурировать с другими субъектами.

4. Экспорт тканей ОИК заметно повлиял на хлопковую промышленность Великобритании, фактически 10 лет (1763–1773) компания наращивала объемы экспорта и обеспечивала до 80% экспорта хлопковой ткани из Великобритании, тем самым дав большой импульс развитию данной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. A Collection of Statutes relating to The East India Company; with an appendix, containing Acts and Parts of Acts, relating to shipping, duties, regulations for export and import, &c. &c. L.: Printed by George Eyre and Andrew Strahan, 1810. 1174 p.
2. Bowen H.V. East India Company: Trade and Domestic Financial Statistics, 1755–1838 // UK Data Service. URL: https://discover.ukdataservice.ac.uk/catalogue?sn=5690 (дата обращения: 26.03.2017).
3. Bowen H.V. The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756–1833. New York: Cambridge University Press, 2006. 304 p.
4. Cole W.A. Trends in Eighteenth-Century Smuggling // Economic History Review, 2d Series. 1958. No. 3. P. 395–410.
5. Commerce Journals, 1763–1813 // BL IOR. Accountant General's Records. East India Company and India Office Ledgers and Journals. East India Company Commerce Journals. Vol. 14–24.
6. Cuenca-Esteban J. India’s contribution to the British balance of payments, 1757–1812 // Explorations in Economic History. 2007. Vol. 44. P. 154–176.
7. Erikson E. Malfeasance and the Foundations for Global Trade: The Structure of English Trade in the East Indies, 1601–1833 // American Journal of Sociology. 2006. Vol. 112, № 1. P. 195–230.
8. Hoskins W.G. Industry, trade and people in Exeter 1688–1800, with special reliance to the Serge Industry. Manchester: Manchester University Press, 1935. 189 p.
9. Johnston J.M.C. Coinage of the East India Company // The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society, Fourth Series. 1903. Vol. 3. P. 71–78.
10. Marshall P.J. Problems of empire. Britain and India, 1757–1813. L.: George Allen & Unwin, 1968. 239 p.
11. Mitchell B.R. British Historical Statistics. New York: Cambridge University Press, 2011. 886 p.
12. Mui H-C. Smuggling and the British Tea Trade before 1784 // The American Historical Review. 1968. Vol. 74, № 1. P. 44–73.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все данные относительно торговли Английской Ост-Индской компании, приводимые в данной статье по каждой из указанных товарных позиций, являются консолидированными значениями, почерпнутыми из коммерческих журналов Английской Ост-Индской компании [5, vol. 14, p. 286–348; vol. 15, p. 5–386; vol. 16, p. 7–439; vol. 17, p. 5–444; vol. 18, p. 3–345; vol. 19, p. 3–460; vol. 20, p. 3–458; vol. 21, p. 11–377; vol. 22, p. 5–437; vol. 23, p. 7–378; vol. 24, p. 13–307]. Данные об объемах торговли (импорта и экспорта) Великобритании, используемые в статье, взяты из монографии Б.Р. Митчелла «Историческая статистика Великобритании» [11, p. 448–451, 468–470].

A.V. Yesman

The Contribution of the English East India Company to the Formation of the British Balance of Trade, 1763–1813

Key words: *East India Company; Great Britain; balance of trade; British trade; tea trade; Economic history; XVIIIth century; XIXth century.*

This article examines the contribution of the English East India Company to the formation of the British trade balance in 1763–1813. The author analyzes the composition and evolution of the structure of import and export of the Company in the UK. The influence of the Company on the development of British imports and exports is revealed. On the basis of the study, the author proves that the English East India Company was an important tool in the UK trade providing an average of about 10% of foreign trade turnover, and analyzes the change in its value for the UK trade during the period under study.

М.Н. Горяева

Смоленский государственный университет

УДК 94 (410) 17

Загадка шотландского Просвещения

Ключевые слова: *шотландское Просвещение; история; интеллектуализм; Великобритания; парламентская уния; якобиты.*

Статья посвящена особенностям шотландского Просвещения, роли интеллектуальных элит, системы образования и церкви в формировании идей Просвещения.

Шотландское Просвещение внесло важный и влиятельный вклад в интеллектуальную и культурную жизнь человечества. От науки до философии, от истории до медицины, от экономики до геологии во всех областях шотландские мыслители XVIII века помогли создать новое понимание пределов и границ существования.

Но почему это произошло именно в Шотландии? Это и является загадкой. Шотландия казалась самым маловероятным местом для такой интеллектуальной и культурной революции. Все предыдущие десятилетия она была очень бедной страной, находилась почти на периферии богатого центра Европы, обладала культурой, где религия полностью затмевала возможность любой инновационной мысли.

В середине XVIII века, в разгар европейского Просвещения, известный французский философ Вольтер писал: «Мы смотрим на Шотландию, когда речь заходит о стандартах жизни нашей цивилизации» [8, p. 149]. Однако выражение «шотландское Просвещение» официально не использова-

лось вплоть до 1901 года [5, p. 32]. Профессор Эдинбургского университета Дэвид Аллан предположил, что в понятии «шотландское Просвещение» просто не было заинтересованности у предыдущих поколений, однако затем оно стало «модным» [Ibid., p. 48]. По мнению другого шотландского историка Александра Броуди, действительно замечательно, что такая небольшая страна с населением всего в 1,1 миллиона человек оказала исключительное влияние на мысли о западной цивилизации. «Шотландское просвещение – это самый большой подарок для мира, и, учитывая его размеры и масштабы, сложно представить, что такое повторится в будущем» [7, p. 12].

Шотландское Просвещение было частью большого интеллектуального движения, которое возникло в определенных «горячих точках» повсюду в Европе, включая германские земли, Францию, части Италии и т.д.

Сущность европейского Просвещения как совокупности трех идей заключается в том, что, во-первых, оно являлось рассветом после долгой темноты – так к этому относились, в основном, писатели, сравнивая восход солнца и развитие культуры общества. Во-вторых, оно включило в себя размышления о сущности власти и оппозиции. Любые знания научного или культурного характера ставились в оппозицию слепой власти, основанной на старых порядках. Результатом этого спора должна была стать «истина», которую возможно подкрепить реальными доказательствами, и именно такое новое устройство должно было возглавить общество.

Наконец, Европа испытала ужасы Тридцатилетней войны (1618–1648). Это был конфликт, формально основанный на религиозной конфронтации в самой «ядовитой» его форме – «сектантстве». Соответственно, естественным результатом конфликта стало развитие идеалов «терпимости». Было принято считать, что человек не должен преследоваться из-за своих религиозных убеждений государством, оно вообще не должно вмешиваться в вопросы личного выбора человека [6, p. 56].

Шотландское Просвещение имело ряд особенностей, которые были исключительно шотландскими по своей природе. Эпоха Просвещения отличалась беспрецедентной глубиной изучения широкого спектра предметных областей, включая экономику, историю, геологию, науку, медицину, архитектуру и литературу, которые находились в самом начале своего развития в качестве отдельных дисциплин. Все они были связаны с великими шотландскими «героями» Просвещения, включая Адама Смита (1723–1790), Дэвида Юма (1711–1776), Адама Фергюсона (1720–1774), Джеймса Хаттона (1726–1797), Джеймса Уатта (1736–1819) и др. Кроме того, из-за миграционной политики шотландцев с XIII века люди среднего класса и профессионалы, получившие образование в шотландских университетах, распространяли свои знания через Атлантику в американских колониях Британии.

Еще одной особенностью было то, что шотландская культура эпохи Просвещения часто трактовалась как состоящая из двух совершенно различных культур – высокой (polite) и народной (popular) [8, p. 257]. Первая – это

рафинированная английская поэзия и проза, рациональная религия, благородные манеры и развлечения, эмпирическая наука, университеты, философские и научные общества. Вторая – неформальная, главным образом устная, оригинальная национальная культура «народа», выражавшаяся в популярных балладах, песнях и поэмах, например, Роберта Фергюсона (1750–1774) и Роберта Бернса (1759–1796). Вместе с тем просвещенные шотландцы из высшего света часто отдавали дань «народной» культуре, говоря по-шотландски и даже сочиняя на этом языке песни и баллады. Кто-то рассматривал шотландский язык как местный диалект английского. Многие шотландцы доходили до «культурной шизофрении», пользуясь стандартным английским в письменной и устной речи, но продолжая думать и чувствовать на шотландском.

Несмотря на христианские традиции, Шотландия сильно отличалась от Европы. Здесь двигателями мысли и идей часто становились «министры церкви», то есть священнослужители [9, p. 217]. Специфика Шотландии заключалась еще и в том, что по всей стране были открыты университеты. Студенты и учителя разъезжались по ее территории, и все «инновационные мысли» вместе с ними.

Главная проблема шотландского Просвещения состоит в его неожиданности. В Шотландии не было никаких предпосылок для такого расцвета, никакой терпимости, свободы – только лишь бедность. Шотландия в конце XVII века представляла собой расколотое общество с фракционностью, нетерпимостью, фанатизмом, бедностью и неисправимой человеческой ненадежностью [13, p. 178].

После Славной революции 1688 года, когда династия Стюартов потеряла британский трон, «Акт о веротерпимости» (1690) утвердил пресвитерианство в качестве государственной религии в Шотландии, епископат был ликвидирован. Это послужило идеологической основой якобизма. Кроме того, последнее десятилетие XVII века в Шотландии было особенно трудным: неурожай из-за «малого ледникового периода» и климатической катастрофы, которая также привела к потере 15% населения между 1692 и 1698 годами из-за голода, смертей и миграции [11, p. 196]. К тому же Шотландия должна была бороться с ужасными последствиями проекта «Дарьена» (неудачная попытка основать собственную колонию в заливе Дарьен в Центральной Америке в 1690 году), который привел к финансовому краху.

Все эти рассуждения отражают только часть загадки шотландского Просвещения.

Но возникает закономерный вопрос: была ли Шотландия настолько темной страной до Просвещения, как ее представляли предыдущие поколения историков? Ответ один – решительно нет! В основном взгляды на Шотландию XVII века складываются из творений литераторов XVIII века, которые, выступая за объединение Шотландии и считая себя «глобальными мыслителями», предпочитали красочно описывать ужасы предыдущего столетия, забывая о достижениях той поры. Также определенное влияние оказы-

вало наличие более успешной в политическом и экономическом отношениях страны к югу от границы. Конечно, нельзя отрицать сложности 1690 года и провал проекта «Дарьена», однако стоит отметить, что экономическое развитие страны было довольно динамичным, несмотря на то, что связи с Европой в торговле угасали, а отношения с американскими колониями крепли.

Конечно же, шотландское Просвещение не было равномерно «распределено» по всей стране. Оно процветало главным образом в равнинном поясе, ограниченном Глазго на западе и Эдинбургом на востоке, а также в университетском Абердине. Это было городское движение, и его существование и прогресс зависели от социальных и интеллектуальных форм самовыражения участников – городских жителей. Шотландское Просвещение распространялось в университетах, а также среди юристов и церковных деятелей, поэтому главнейшую роль в нем играл Эдинбург – столица страны, университетский город, центр судебной власти, место, где ежегодно собиралась Генеральная ассамблея Церкви Шотландии, центр социального и экономического притяжения для большинства образованных людей страны.

Учебная система с появлением школ начального образования и средних школ для элиты тоже развивалась, Шотландия двигалась в сторону светского управления [11, p. 69]. И хотя у Шотландии было всего три университета перед будущими преобразованиями, она все еще продолжала посылать многих выпускников за границу для дальнейшего обучения. Шотландские интеллектуальные анклавы существовали повсюду в Европе, и одной из сил, стимулирующих шотландское Просвещение, было движение интеллектуалов в сторону стран Европы (Франции, Италии, Германии и др.). Там они встречались и активно общались с гугенотами, которые полностью посвятили себя идее религиозной терпимости.

Основополагающие реформы шотландская университетская система получила из этих стран, и особенно от кальвинистской части мира. Центральным фактором, оказавшим влияние на шотландское Просвещение, являлся кальвинизм. Впрочем, некоторые исследователи расценивают кальвинизм как ограничение Просвещения, но без него ускользает сама суть шотландского Просвещения. Кальвинисты в 60–70-х годах начали активно строить школы, и нужно отметить, что их целью было не само образование, а способ приблизить людей к Библии, научив их читать и писать. Все это послужило появлению полноценного начального образования к началу XVIII века. Учебу в средней школе продолжали уже дети элиты, как правило, мальчики 9–13 лет. И, несмотря на то, что кальвинизм не разделяет любви к искусству, вместо выражения национальной души через эту веру шотландцы выбрали философию, науки и формальный язык (функциональный стиль речи, разновидность литературного языка). Конечно, если посмотреть на историю Шотландии XVIII и XIX веков, мы обнаружим поэтов, художников, драматургов и литераторов, но в основном это все же философы, научные деятели и историки.

В дополнение к кальвинизму шотландская университетская система XVIII века также способствовала Просвещению. С тех пор, как «умеренные эрудиты» (moderate literati), ведомые Вильямом Робертсоном (1721–1793), взяли под контроль церковь и главные университеты, Шотландия вступила в эпоху, в которой церковный истеблишмент не только не препятствовал распространению идей Просвещения, но и фактически начал играть ведущую роль в развитии Просвещения, пропагандируя его в письменной и устной формах, в частности в проповедях [9, p. 54]. Религия давала людям язык, на котором они выражали свои ценности. Такие традиционные дисциплины, как юстиция и медицина, тоже оказались восприимчивыми к принципам Просвещения. Университеты, особенно Глазго и Эдинбурга, извлекли большую пользу из реформ, установивших новую систему лекций, читаемых профессионалами. Таким образом, к 1750-м годам шотландское Просвещение поддерживалось и развивалось всеми видами институциональной поддержки. Ведущим университетским академикам хоть и платили скромное жалование, но их доход главным образом зависел от количества учащихся в классах. Это означало, что они должны были преподавать как можно лучше для того, чтобы иметь большее количество учеников.

Кроме того, в шотландских университетах с конца XVII века преподавание велось на английском языке, а не на латыни. Это время являлось также временем очевидного упадка гэльского и шотландского языков. Стали считать, что гэльский поэтический гений пригоден лишь для выражения примитивных мыслей и эмоций. Гэльский язык сравнивали с языком Гомера – необработанным, сильным эпическим языком славы и величия. Следовательно, неверно было бы обвинять шотландцев в капитуляции перед доминирующей английской культурой. Будучи новым lingua franca того времени, английский язык открывал доступ в международное культурное пространство (как это происходит и сегодня в неанглоязычных странах). Этот язык являлся скорее средством, чем конечной целью. К середине XVIII века английский стал языковой средой городской шотландской культуры в университетах и городах Эдинбурге, Глазго и Абердине. Особенно он расцвел в профессиональных сообществах юристов, священников, врачей и профессоров университетов.

Более полутора столетий продолжались споры о том, какова же должна быть система шотландского образования. Четыре года студенты получали общее образование, которое включало гуманитарные (в том числе и философию) и точные науки и завершалось отдельным обязательным курсом философии. Эти четыре насыщенных философией года рассматривались как необходимая для всех основа. После этого студенты – по крайней мере, лучшие из них – продолжали обучение, уже ориентированное на будущую профессию. В результате в конце курса студенты чувствовали себя в философии весьма уверенно. Таким образом, философия занимала командные высоты в системе высшего образования, а другие дисциплины отвечали на эту ситуацию тем,

что становились сами более «философскими». Тенденция прослеживать прямую связь первых принципов философии с повседневной жизнью людей, со здравым смыслом приводила к тому, что даже ученые-экспериментаторы, среди которых были такие знаменитости, как Дэйвид Брюстер (1781–1868) и Джеймс Максвелл (1831–1879), понимали философские проблемы своей области знания и считали академических коллег-философов не обскурантами, но союзниками. И юристы, и медики хорошо относились к философии как элементу юридического образования.

Шотландия характеризовалась в век Просвещения небывалым расцветом интеллектуальной активности большого числа гуманитариев мирового уровня. Сами они постоянно объединялись во множество клубов и обществ. Одна из причин этого заключалась в том, что их было относительно немного и все они были связаны друг с другом социальными условиями. Однако они еще и считали, что человек есть животное социальное: рожденный в обществе и для общества, он развивается, проходя различные стадии от «грубости» до «утонченности», или, как шутили тогда, «от дикаря до шотландца» [8, p. 317]. Писатели эпохи Просвещения глубоко верили в человеческие контакты, осуществляемые как посредством личных связей, так и в публичных обсуждениях.

В этот период появились фонды и интеллектуальные клубы («Общество избранных» («Select Society») в 1754 году, как дискуссионный клуб для высшего света, в 1762 году – «Покер-клуб» («Poker Club»), в 1783 году – Эдинбургское Королевское общество, а в 1758 году – «Клуб мудрых» («Wise Club»)). Эти ассоциации были открыты для любого интеллектуального обсуждения.

Важную роль в привлечении широкой публики и ее воспитании играли и известные периодические издания, такие как «Шотландский журнал» («Scots Magazine»), «Каледонский вестник» («Caledonian Mercury»), «Эдинбургское обозрение» («Edinburgh Review»), «Эдинбург» («Edinburgh») и «Журнал Блэквуда» («Blackwood's Magazine»). Вообще возрастало количество людей, стремившихся выразить себя в печатном слове, количество обсуждаемых в печати тем и количество читающей публики. Причиной этого был рост размеров, богатства и чувства собственной идентичности городского среднего класса, представители которого – в том числе и женщины – имели достаточное количество времени и денег на покупку и чтение книг и журналов. Такой спрос, в свою очередь, вызвал рост сети книгоиздателей и книгопродавцев. Появилось и достаточное количество книжных лавок, в которых образованные люди и читающая публика могли не только приобретать книги, но и собираться для обсуждения свежих публикаций. Книгопродавцы стали играть довольно значительную социальную роль, на что указывает тот факт, что многие из них занимали высокие посты в структурах городской власти Эдинбурга. Развитие книжного дела привело к появлению и дешевых изданий «для народа». К 1830 году благодаря применению изготавливавших

бумагу и книги машин стало возможным издание книг, настолько дешевых, что они были доступны даже рабочим [11, p. 27]. Именно такие издания позволили затем книжной индустрии Шотландии выдержать экономические потрясения первой трети XIX века. Издательская деятельность распространилась практически по всем городам Шотландии, хотя, конечно, Эдинбург, занимавший в Британии второе место после Лондона по количеству издаваемых названий, и Глазго, который был в этом ряду четвертым после Лондона, Эдинбурга и Оксфорда, доминировали, печатая около 97% всех издаваемых в Шотландии книг [Ibid., p. 34].

К тому же после окончательного поражения якобитов при Каллодене (1746) шотландская политика стала «скучной», и это означало, что интеллектуалы больше не должны были выбирать, на чьей они стороне; вместо этого они обладали большей свободой знания и общения, не будучи гонимыми со стороны властей.

Свои роли сыграли также экономика и политика. Эпоха Просвещения в Шотландии, особенно в период 1750–1780-х годов, была эпохой постоянного, но плавного развития торговли и сельского хозяйства. Стабильной была и политическая ситуация. Атмосфера была спокойной и свободной, что и способствовало распространению Просвещения. Все это вскоре стало казаться в Европе идиллией на фоне Французской революции и наполеоновских войн, быстрого экономического роста и инфляции.

Великобритания может гордиться многими философами, учеными и писателями, однако огромное значение в истории имело именно шотландское Просвещение, и фундаментальной причиной этого было то чувство коллективной идентичности и общей цели, которое объединяло шотландских просветителей literati.

В одном из самых известных своих романов сэр Вальтер Скотт заметил: «Не найдется в Европе страны, которая бы за каких-нибудь полвека с небольшим так совершенно изменилась, как шотландское королевство» [3, с. 594]. Мы же можем отметить, что изменилась окружающая среда, и с этим изменением, этими факторами и продолжением развития форм интеллектуализма начиная с конца XVII века сила кальвинистской традиции, сила воспитания и общего образования стали механизмами, которые позволили Шотландии расцвести и распространить более широко свое политическое, экономическое и религиозное влияние в XVIII веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов М.А. Шотландская философия века Просвещения. М., 2000.
2. Игудисман М.Н. Анализ Англо-Шотландской Унии 1707 года // Энергетика, информатика, инновации-2013: сборник статей. Смоленск, 2013. С. 213–220.
3. Скотт В. Уэверли // Скотт В. Собр. соч. в 20 т. М.–Л., 1960. Т. 1.
4. Юм Д. Англия под властью дома Стюартов / пер. А.А. Васильева, ред. С.Е. Федорова. СПб., 2001. Т. 1.
5. Allan D. Virtue, Learning and the Scottish Enlightenment: Ideas of Scholarship in Early Modern History. Edinburgh University Press, 1993.

6. Bower A. History of the University of Edinburgh. Vol. II. Edinburgh, 1817.
7. Broadie A. The Scottish Enlightenment: The Historical Age of the Historical Nation. Edinburgh: Birlinn Ltd., 2002.
8. Bruce Duncan A. The Mark of the Scots: Their Astonishing Contributions to History, Science, Democracy, Literature, and the Arts. L., 1996.
9. Daiches D. The Paradox of Scottish Culture: The Eighteenth-Century Experience. L., 1964.
10. Derry J.F. Darwin in Scotland: Edinburgh, Evolution and Enlightenment. Whittles Publishing, 2009.
11. Harkin M. Mackenzie's Man of Feeling: Embalming Sensibility // English Literary History. 1994. Vol. 61, Is. 2 (Summer).
12. Scotland and the Union: 1707–2007 / ed. by T. Devine. Edinburgh University Press, 2015.
13. Sher R.B. Church and University in the Scottish Enlightenment: The Moderate Literati of Edinburgh. Edinburgh; Princeton, 1985.
14. Whatley C.A. Scottish Society 1707–1830. Beyond Jacobitism, towards industrialization. Manchester, 2000.

M.N. Goryaeva
The Mistery of the Scottish Enlightenment

Key words: *Scottish Enlightenment; history; Intellectualism; Intellectual elites; United Kingdom; Act of the Union; the Jacobites.*

The article deals with the peculiarities of the Scottish Enlightenment, the role of intellectual elites, education system and church in the shaping of the Enlightenment ideas.

Б.А. Азнабаев

Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра Российской академии наук

УДК 94(470.57)

Судьба смоленской шляхты на Южном Урале в XVII–XVIII веках

Печатается при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00123.

Ключевые слова: *смоленская шляхта; города-крепости Закамской черты; служилая корпорация; поместное землевладение; герольдия; башкирские восстания XVII–XVIII веков; лишение дворянских прав.*

В статье рассматривается история формирования служилой корпорации смоленской шляхты в крепостях Закамской черты с середины XVII века до 30-х годов XIX века. Основными факторами, предопределившими специфический статус смоленской корпорации на Южном Урале, были местное земельное законодательство, ограничивавшее развитие поместного хозяйства, и определенное недоверчивое отношение администрации к бывшим

подданным польской короны. Это обусловило крайнюю незначительность земельных владений и неизбежное обнищание смоленских шляхтичей, все более сближавшихся по своему положению с государственными крестьянами.

Взятие Смоленска русскими войсками в 1654 году явилось начальной точкой формирования в структуре военного сословия государства особой служилой корпорации – смоленской шляхты. В служилый список смоленской шляхты были включены не только представители благородного сословия Речи Посполитой, но и так называемые панцирные бояре и грунтовые казаки Смоленска. Две эти категории служилых людей занимали промежуточное положение между шляхтой и крестьянами, владея землей на условиях личной службы государству. Однако, несмотря на различный статус и происхождение ее представителей, смоленская шляхта России отличалась от других служилых городов государства корпоративной сплоченностью и стремлением сохранить традиционные формы самоуправления.

В определенной мере эти качества были присущи и смоленской шляхте, переселенной в 1665 году в крепости Закамской черты, возведенные на границе Уфимского и Казанского уездов. Вплоть до конца XVIII века служилый список смоленской шляхты Закамья оставался одним из самых закрытых для проникновения в него выходцев из других сословных групп. Для стрельца или казака Уфимского уезда в XVII веке легче было поверстаться в более аристократический по своему составу список уфимских дворян и детей боярских, нежели попасть в список смоленской шляхты.

В этой небольшой статье мы попытаемся рассмотреть политические и экономические причины, обусловившие длительность сохранения в крепостях Закамской черты служилой корпорации смоленской шляхты.

Первое исследование, в котором затрагивается история смоленской шляхты на Южном Урале, принадлежит В.А. Новикову [11, с. 66–88]. Автору удалось обнаружить именной список смоленских переселенцев, включенных в начале XIX века в дворянскую книгу Оренбургской губернии. Статья М.М. Богословского интересна тем, что в ней излагаются причины, обусловившие переселение части смоленских служилых людей в Закамье. Он указал, что эта мера была распространена только на тех представителей смоленской шляхты, которые перешли на сторону правительственных войск уже после сдачи Смоленска [2, с. 37]. В небольшом докладе В.В. Латыповой затрагиваются вопросы расселения шляхты в крепостях Закамской черты. Она выявила польское аристократическое происхождение представителей некоторых служилых родов смоленской шляхты Мензелинска [9, с. 13]. В двухтомном исследовании «Смоленская шляхта» впервые выдвигается версия о том, что в Закамье была поселена собственно не шляхта, а грунтовые казаки и панцирные бояре Смоленска [19, с. 196]. Вместе с тем авторы сборника не отрицают наличия среди закамских переселенцев определенного числа офицеров-шляхтичей. Н.Н. Петрухинцев отмечает, что закамские шляхтичи дольше других групп смоленской шляхты сохраняли подобие

обособленной корпорации [12, с. 34]. Исключительный интерес представляет статья Л.И. Ивониной, посвященная конфессиональной политике польских королей в Смоленском воеводстве в эпоху Тридцатилетней войны. Она убедительно доказала невозможность полной идентификации «национальности» смоленской шляхты [8, с. 91].

Определенная фрагментарность исследований, посвященных истории смоленской шляхты Закамья, обусловлена тем, что с конца XIX века круг источников по теме практически не изменился. Вместе с тем в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) отложились фонды делопроизводственных документов, которые позволяют выяснить и уточнить многие спорные вопросы истории закамской шляхты. Особый интерес представляют документы РГАДА из фондов Уфимской приказной избы [13], а также полковые сказки и формулярные списки полков Оренбургского корпуса из собрания РГВИА [16; 17]. Для исследования сословных прав смоленской шляхты в Оренбургской губернии необходимо обратиться к «Делу об отыскании дворянских прав смоленскою шляхтой», которое было обнаружено в фондах Государственного архива Оренбургской области [6, д. 11 073].

В 60-е годы XVII века смоленские служилые люди были посланы не только в крепости Закамской черты, но и во многие города Уфимского и Казанского уездов. Переселенцев из Речи Посполитой в крае было так много, что шведский подполковник Страленберг, сосланный в Сибирь, отметил, что «жители городов по Каме, Волге и по Белой, тако ж Симбирския в Тетюшях, в Билярске, в Тиличинске, в Ерыклинске, в Сергиевске, в Шешминску, в Мензелинску, в Бирю, в Сарапуле, в Каракулине и в Уфе все взятыя под Смоленском поляки» [20, с. 101]. В фонде Уфимской приказной избы нами был обнаружен документ, обозначенный в описи фонда как «Расспросные речи уфимской смоленской шляхты» [13, д. 568, л. 2–17]. Он датирован 28 марта 1668 года. В связи с заключением Андрусовского перемирия в Уфу из Приказа Казанского дворца была послана анкета, на вопросы которой должны были ответить 26 шляхтичей, присланные в Уфу на «вечное житье». Москве потребовалась информация о прежнем месте службы шляхты в «Коруне Польской», ее чинах, служебном и семейном положении. Кроме того, уфимских шляхтичей спрашивали, хотят ли они переменить религию и вернуться в Польшу. Из 26 человек только трое (Александр Жданович, Иван Трацевский, Григорий Головачев) ответили, что они «в Смоленске городе добили челом великому государю» [13, д. 568, л. 3–6]. Остальные оказались на российской стороне в разное время и в разных точках театра военных действий. Все они перешли на российскую сторону не добровольно, но были пленены. Например, Микулай Шаблевич и Ян Пухальский были «взяты на бою ратными людьми полку боярина и воеводы Ивана Андреевича Хованского под Витебском» в 1665 году. Федор Ивановский был взят в плен в ходе боя под Новгородом-Северским ратными людьми воеводы Григория Заманского. Остап Та-

таринов пленен под Белой церковью. «Курлянской земли драгун» Мартин Кулаковский был взят в бою под Стародубом. Таким образом, только трое шляхтичей по службе имели прямое отношение к Смоленску. Два человека указали, что прежде служили в Дорогобуже. После присоединения к Москве дорогобужские служилые люди вошли в состав полка смоленской шляхты. Остальные ответили, что прежде служили в Модлине, Луцке, Королевце, Юрьеве, Вильне, Лифляндии, Пруссии и Курляндии. Следовательно, в Уфе второй половины XVII века служилый список «смоленская шляхта» был довольно условным понятием, поскольку большинство шляхтичей к Смоленску не имели отношения как по месту службы, так и по расположению поместий.

До присылки в Уфу все 26 шляхтичей исповедовали католицизм, однако к 1668 году шесть человек приняли решение перейти в православие. Интересно то, что именно выходцы из Смоленска сохранили приверженность католицизму. Лишь у двоих шляхтичей имелись семьи. У Ивана Трацевского из Луцка было четверо сыновей, из которых двое «прижиты на Уфе и крещены в православную веру». Смоленский шляхтич Григорий Головачев прибыл в Уфу с дочерью, которую выдал замуж за смоленского мещанина Льва Козырского. В 1662 году Головачев женился в Уфе «на польке и прижил двух сыновей да дочь».

Отдельной проблемой формирования смоленской корпорации на Южном Урале является вопрос о добровольности переселения служилых людей. М.М. Богословский отмечает, что шляхтичам, потерявшим права на свои маетности на Смоленщине, было предложено, если они пожелают иметь поместья, получить их в Казани [2, с. 36]. Однако в уфимских «расспросных речах» 1668 года в отношении всех шляхтичей указано: «присланы на Уфу на вечное житье и в никакие города отпускать не велено». Никто из них не был верстан поместным и денежным окладом, несмотря на то, что после их перевода в Уфу прошло от 5 до 12 лет. Положение шляхтичей в Уфе мало отличалось от статуса ссыльных. Вместе с тем только в отношении модлинского шляхтича Томаша Дубровского было указано, что он был прислан в Уфу «за измену» [13, д. 568, л. 4].

Несмотря на то, что среди служилых людей были смоляне и дорогобужане, чьи земли уже находились под властью России, все опрашиваемые заявили: «в польскую землю ехать они хотят».

А.В. Лохвицкий установил, что в 1509 году Россия и Польша взаимно условились относительно содержания дворян и шляхтичей, взятых в плен обеими сторонами. По принятии православия польские шляхтичи зачислялись в сословие российского дворянства. Второй формой натурализации в России было вступление в службу, и, наконец, играло роль собственное желание остаться в России по заключении мира [10, с. 5]. Тем не менее даже после окончания войны российское правительство не намеревалось выполнять требования соглашения 1509 года. Возможно, что у российских властей имелись какие-то основания для того, чтобы ограничить свободу шляхтичей.

К примеру, подозрительность правительства могла быть вызвана тем, что во время башкирского восстания 1662–1664 годов на стороне башкир действовал отряд из 50 служилых людей из Речи Посполитой, помогавших восставшим обстреливать из пушек Кунгур [21, с. 29].

До 1674 года начальные люди смоленской шляхты получали по 40 алтын, а рядовые – по 30 алтын в месяц [13, д. 568, л. 4]. Эти «кормовые деньги» не считались окладным жалованьем. Однако по сравнению с денежным жалованием дворян кормовые выплаты шляхты имели определенные преимущества. Корм выдавался регулярно, а главное – он был больше жалования дворян. В Уфе смоленский шляхтич, получая в год почти 11 рублей, мог смотреть свысока на уфимского дворянина, которому по окладу полагалось 7–8 рублей в год. Причем последний на эти деньги должен был подготовить себя к ежегодной станичной службе, к которой смоленская шляхта не привлекалась.

Только спустя почти 20 лет после падения Смоленска власти решились на проведение массового отвода земли смоленским служилым людям в закамских крепостях. В результате 127 человек получили землю в округе Тиинского острога, 127 шляхтичей – Новошешминского острога, 81 человек – Заинской крепости. 129 шляхтичей разместили для прохождения службы в Мензелинске и его окрестностях. Каждому из переселенцев для обустройства и обзаведения хозяйством было выделено по 6 рублей 26 алтын и 4 деньги [3, с. 42]. Первые три года им выплачивалось денежное содержание по три рубля человеку в год. Однако в дальнейшем шляхтичей оставили только на земельном окладе. В.А. Новиков, опубликовавший два наказа от 1674 года [11, с. 210–218] об отводе земель смоленской шляхте в крепостях Закамской линии, отмечает крайнюю мизерность земельных наделов. Однако историк не обратил внимания на терминологию отводных документов. Во-первых, служилые люди названы не шляхтой, а смоленскими казаками. Во-вторых, в отношении дворян Уфимского уезда никогда не практиковались единовременные и массовые отводы земель в одном месте. Обычно подобным образом отводились служилые наделы стрельцам, казакам или служилым новокрещанам. Но главное отличие заключалось в том, что шляхте в крепостях отводились участки без обводных и примерных земель, то есть эти наделы в юридическом смысле нельзя считать поместными дачами. Таким образом, российское правительство в 70-е годы XVII века не считало смоленских переселенцев в Закамье служилыми людьми, равными по статусу российскому дворянству. Об этом свидетельствуют и статьи, по которым определялись размеры земельных угодий. Вся смоленская шляхта закамских крепостей была разделена на 4 разряда. В ходе разбора было определено: «Отвести земли породным людем, у которых местности и земли были в старине Королевскаго величества и тем по пятидесяти четвертей, второй статье по сороку четвертей, третьей статье по тридцати четвертей, четвертой статье по двадцати четвертей человеку». Однако по причине не-

достаточного количества подходящей земли смоленские шляхтичи получили в среднем 26,9 десятин пашни, то есть по 18 четвертей [5, д. 8823, л. 19]. Таким образом, реальное землевладение служилых людей не дотягивало даже до четвертой статьи. Впрочем, к концу XVIII века отдельные представители смоленской корпорации приобрели в собственность поместные владения. Большинство хозяйств образовалось в результате покупки земель у башкир. Кроме того, 8 августа 1743 года был принят указ Сената «О наделении землей служащих в Оренбургской губернии офицеров и чиновников» [1, с. 52], который предусматривал безвозмездное пожалование земельных дач офицерам в соответствии с чином и званием по месту службы.

Несмотря на мизерный характер обеспечения землей и фактическое прекращение выплаты денежного жалования, смоленская шляхта закамских крепостей исправно несла службу государству и сохраняла корпоративное устройство до конца XVIII века. Консерватизм служилой организации был обусловлен тем, что вплоть до этого времени юго-восточная окраина России была еще слабо интегрирована в административную структуру империи. До 30-х годов XVIII века на территории обитания башкирских родов действовало особое законодательство, запрещавшее любые формы изъятия башкирских владений. Это предотвратило массовое проникновение в край землевладения крупной столичной знати, разрушавшей провинциальные служилые корпорации. Даже после выхода указа 11 февраля 1736 года, разрешившего башкирам продажу своих вотчин, только офицеры и чиновники Оренбургской губернии получили право приобретать земли у башкирских общин. С другой стороны, самим закамским шляхтичам лишь по указу от 9 сентября 1683 года было пожаловано право продавать и закладывать отведенные им земли в качестве награды за активное участие в подавлении башкирского восстания под руководством Сеита Садира [7, с. 25].

С 40-х годов XVIII века на границе Оренбургской губернии формируется особый пограничный корпус, куда вошли и служилые люди закамских крепостей. В отличие от других формирований русской армии XVIII века Оренбургский корпус сохранил некоторые черты армии допетровского типа. Это в первую очередь касается системы комплектования. Она, как и в XVII веке, строилась на территориальном принципе. С 1744 года дворянских недорослей Оренбургской губернии отправляли на службу только в полки Оренбургского корпуса. В деле 1825 года «О дворянских правах мензелинской шляхты» указано, что «в 1738 и 1761 годах из шляхты были составлены по распоряжению правительства шляхетския роты для отправления службы дворянству свойственной» [5, д. 8823, л. 26].

В середине XVIII века смоленская шляхта вполне четко осознавала себя в качестве корпорации с особыми, только ей присущими интересами и правами. Когда в 1766 году вышел указ о выборах дворянских депутатов в Уложенную комиссию, смоленская шляхта Мензелинска, не желая участвовать в одном собрании с уфимским дворянством, избрала собственного депу-

тата и предводителя. В своем наказе в Уложенную комиссию шляхта напомнила правительству, что «употреблялись против набегов и воюющих разных степных народов, и многие при сражениях побиты и в плен побраны, а сверх оного с казанскими и симбирскими дворянами в два Крымских похода и в Азовский поход, и в Белгород ходили, а в 1709 году Петром Алексеевичем Апраксиным наравне с симбирскими дворянами Петром Матвеевичем Апраксиным набраны в сочиненные тогда вновь полки и ходили на Кубань, а по возвращении оттоль в Харьков» [15, д. 108, л. 37–41].

В начале 40-х годов XVIII века в двух мензелинских городовых шляхетских ротах несли службу в разное время от 190 до 220 человек [14, д. 138, л. 229], основная же масса местных шляхтичей направлялась в полки Оренбургского пограничного корпуса. Мы проанализировали полковые и формулярные списки на 2556 дворян и шляхтичей, служивших в этом корпусе в 30–60-е годы XVIII века [16; 17]. Из 2556 человек 542 служащих (21%) указали на то, что они «происходят от смоленской шляхты». Самое значительное представительство смоленская шляхта имела в трех полках Оренбургского пограничного корпуса: Шешминском ландмилицком [17, д. 402], Уфимском драгунском [17, д. 461] и Уфимском гарнизонном драгунском [17, д. 213]. Шешминский ландмилицкий конный полк был сформирован в марте 1732 года. С 1766 года штаб полка дислоцировался в крепости Верхояицкой. В 1753 году списочный состав полка составлял 1022 человека. Из этого числа 222 служащих указали на свое происхождение из смоленской шляхты. Из 35 штатных офицеров полка 8 человек были смоленскими шляхтичами. Из 222 шлятичей полка лишь у одного поручика Кублицкого имелось 4 ревизские души. В среде рядовой шляхты полка отмечен относительно высокий процент грамотных – 67 человек (30%). Полковые списки Уфимского драгунского полка за 1754 год свидетельствуют, что из списочного состава 1070 человек 57 человек указали, что происходят от смоленской шляхты. Из 46 штатных офицеров только двое назвали себя смоленскими шляхтичами. Лишь у капитана Превлоцкого указаны дворовые люди (4 ревизские души). Из 57 человек только трое умели читать. В 1748 году в Уфимском гарнизонном драгунском полку несли службу 56 смоленских шляхтичей из 1020 человек списочного состава полка. Из 42 офицеров 4 прапорщика происходили от смоленских шляхтичей. Два человека указали на наличие у себя крепостных крестьян – С.В. Милкевич (6 ревизских душ) и Я.Я. Ляхович (6 ревизских душ). Из 67 человек 12 были грамотными. Всего же из 542 человек, указавших на свое происхождение от смоленских шляхтичей, только 14 человек имели крепостных и дворовых людей. Самым крупным помещиком являлся премьер-майор Сергиевского драгунского полка С.Ф. Кублицкий. В двух его деревнях в Казанском и Уфимском уездах за ним числилось 47 ревизских душ [17, д. 382, л. 7]. П.И. Рычков отмечает, что именно майор Кублицкий в 1744 году был послан для первого правительственного обследования Илецкой соли [18, с. 77]. В 1747 году во время волнений бобылей и тептярей в Орен-

бургской губернии майор Кублицкий был избран руководством для усмирения восставших в качестве офицера, «знающего язык и нравы инородцев» [14, д. 135. л. 298]. За всеми 542 служащими шляхтичами числилось всего 142 ревизские души. Таким образом, для подавляющего числа смоленских шляхтичей, служивших в полках Оренбургской губернии, единственным источником существования являлось армейское жалование.

Обращает на себя внимание довольно высокая доля офицеров из смоленских шляхтичей. Из 542 служащих Оренбургского корпуса 108 человек имели офицерские звания от прапорщика до полковника. Следовательно, представители более 100 родов смоленского шляхетства в середине XVIII века имели право претендовать на включение в ряды потомственного дворянства по чину. Однако далеко не все из них воспользовались этой возможностью.

Из «Дела о причислении мензелинских шляхтичей к дворянскому сословию» от 1835 года выясняется, что в 1797 году из служилых людей всех закамских крепостей лишь мензелинские шляхтичи подали документы, доказывающие их права на получение потомственного дворянства [6, д. 11 073, л. 121–134]. В начале XIX века в Оренбургской губернии, под подсчетам губернской канцелярии, было 1086 смоленских шляхтичей, представлявших 187 родов. О своих правах заявили 359 человек, представлявших 42 шляхетские фамилии. В 1674 году в районе Мензелинска были расселены шляхтичи полка черного знамени, которые, в отличие от служилых людей полков красного, белого и желтого знамен, относились не к грунтовым казакам, а к панцирным боярам Смоленска. Таким образом, сами панцирные бояре отнюдь не считали себя равными по положению с другими смоленскими переселенцами, что в наиболее очевидной форме проявилось в ходе выборов депутатов в Уложенную комиссию в 1767 году. Мензелинская шляхта отказалась составлять наказ и выбирать депутата вместе со смоленской шляхтой других городов-крепостей Оренбургской губернии [11, с. 77]. В 1799 году дворянское депутатское собрание Оренбургской губернии удовлетворило ходатайство мензелинской шляхты и включило представителей 42 фамилий в дворянскую книгу губернии. Однако указом 28 января 1828 года Герольдия исключила шляхту из дворянской родословной книги, сочтя «доказательства их на дворянство не достаточными» [6, д. 11 073, л. 127]. Таким образом, для наиболее амбициозных представителей мензелинской шляхты остался только один путь получения прав потомственного дворянства – через службу. В результате потомственными дворянами стали представители 44 фамилий смоленских шляхтичей. Однако среди них мензелинская шляхта составляла не 42, а всего 14 родов, тогда как остальные 30 фамилий происходили от служилых людей, ведших свое происхождение от грунтовых казаков Смоленска. Тем не менее смоленские роды составили почти половину (44 из 101) дворянских родов Уфимской провинции, поселившихся в крае до начала XVIII века [6, д. 11 073, л. 133].

Бедственное материальное положение большинства представителей смоленской шляхты лишало их возможностей для успешной военной или гражданской карьеры. В 1835 году, по подсчетам оренбургского губернского правления, только 94 представителя смоленской шляхты имели статус потомственных дворян и чины, дающие права личного дворянства. Оставшиеся 892 человека либо служили канцеляристами и рядовыми, либо не служили вообще.

Подводя итог, следует отметить, что корпорация смоленской шляхты Закамья повторила судьбу многих национальных групп внутри российского служилого сословия. На протяжении XVII–XVIII веков эти служилые люди вынесли на себе всю тяжесть хозяйственного освоения и защиты приграничного мятежного края. Их служба не отличалась от конной дворянской, тем не менее правительство не стремилось обеспечивать их необходимой экономической базой. С конца XVIII века проблема интеграции края, населенного инородцами (мусульманами), была решена путем создания милитаризованной кантонной системы управления. С этого времени потребность государства в закамской шляхте перестала быть актуальной, и правительство без каких-либо затруднений ликвидировало эту служилую корпорацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.
2. Богословский М.М. Смоленское шляхетство в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. CCCXXII. С. 25–62.
3. Восточное Закамье в XVII веке: сборник документов и материалов / сост. В.В. Ермаков, Ю.Н. Иванов. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. 192 с.
4. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 6. Оп. 1. Канцелярия оренбургского генерал-губернатора.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Канцелярия оренбургского генерал-губернатора.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Канцелярия оренбургского генерал-губернатора.
7. Иванов Н.С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Ч. 29, кн.1. С. 21–25.
8. Ивонина Л.И. Конфессиональная политика польских королей в Смоленском воеводстве в эпоху Тридцатилетней войны // Studia internationalia: материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв». Брянск, 2015. С. 85–92.
9. Латыпова В.В. Шляхтичи Смоленские и Полоцкие (Поляки на Урале в XVII–XIX вв. // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 13–14.
10. Лохвицкий А.В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М.: Унив. тип., 1855. 106 с.
11. Новиков В.А. Сборник материалов по истории уфимского дворянства, продолженный и дополненный до 1902 г. включительно депутатом Уфимского дворянства Н.А. Гурвичем. Уфа: Печатня Н.К. Блохина, 1903. 309 с.
12. Петрухинцев Н.Н. Корпорации в эвакуации: смоленские служилые «города» после Смутного времени // Родина. 2013. № 9. С. 31–35.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1173. Оп. 1. Уфимская приказная изба.

14. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Сенат и его учреждения.

15. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Комиссия о сочинении Нового Уложения.

16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Формулярные списки и другие документы о службе личного состава русской армии.

17. РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Офицерские сказки и другие документы о службе личного состава русской армии.

18. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / науч. ред. Р.Г. Кузеев; коммент. И.В. Кучумова, Ф.А. Шакуровой. Уфа: Китап, 1999. 309 с.

19. Смоленская шляхта / науч. ред. Б.Г. Федоров. М.: Русское экономическое общество, 2006. Т. 1. 496 с.

20. Страленберг Ф.И. Записки капитана Иоганна Фридриха Страленберга по истории и географии России империи Петра Великого. Северо-восточная часть Европы и Азии. М.–Л.: АН СССР, 1985. Ч. 1. 220 с.

21. Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII – первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / под ред. А.П. Чулошникова. М.–Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. 631 с.

B.A. Aznabaev

The Fate of Smolensk Gentry in the Southern Urals in the XVIIth – XVIIIth Centuries

Key words: *Smolensk gentry; walled cities of Zakamsk line; serving Corporation; estate; heraldry; Bashkir uprising of the XVIIth – XVIIIth centuries; deprivation of the rights of the nobility.*

The article discusses the history of the formation of the serving corporations of Smolensk nobility in the fortresses of Zakamsk line beginning from the middle of the XVIIth century till the 30-ies of the XIXth century. The main factors which determined specific status of Smolensk Corporation in the southern Urals, were local land laws which restricted the development of estate economy and certain suspicions the administration had concerning the former subjects of the Polish crown. This led to extremely small land in the possession of Smolensk gentry and their inevitable impoverishment, which made their position similar to that of state peasants.

А.В. Якутин

Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

УДК 94(471.332)«1941/1943»

Деятельность немецких оккупационных органов на территории Смоленской области в 1941–1943 годах

Ключевые слова: *Смоленская область; оккупация; война; партизаны; полиция; налоги; законность.*

В статье на основе опубликованных и архивных материалов анализируется деятельность нацистских оккупационных властей и их пособников из числа граждан СССР по организации правопорядка в соответствии с требованиями германских властей, методика и эффективность работы полицейских подразделений, а также работа советских органов госбезопасности по укреплению социалистической законности в партизанских формированиях, действовавших в Смоленской области.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз началась новая фаза Второй мировой войны. В ходе оккупации центральной части Советского Союза перед нацистской Германией встал вопрос о поддержании порядка на захваченной территории, контроле над мирным населением, а также борьбе с партизанскими отрядами, развернувшими свою деятельность в немецком тылу. В связи с тем, что основные армейские силы были задействованы на фронте, немецкое командование решило прибегнуть к помощи советских граждан, которые «встали на путь измены», белоэмигрантов периода Гражданской войны в СССР, а также «обиженных» советским режимом в 20–30-е годы. Смоленск стал одним из первых городов, где была организована служба полиции, имевшая все признаки правоохранительного органа: устав, материально-техническое оснащение, жесткое подчинение, а также штат, в который входили как местные жители, так и немецкие офицеры, стоявшие во главе всех структурных подразделений.

При создании оккупационной полиции немецкое командование ставило целью устрашение местного населения, противодействие партизанским отрядам и поддержание правопорядка, осуществление следствия и исполнение судебных решений. Об этом свидетельствуют имеющиеся документы о деятельности «новой полиции» [1, л. 50].

Для утверждения оккупационного режима в захваченных областях СССР действовали многочисленные сыскные, полицейские и карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны, дивизии охраны тыла, полевая жандармерия, тайная полевая полиция, охранная полиция. Все эти немецкие карательные органы активно использовали вновь созданную местную «русскую вспомогательную полицию». Формально вспомогательная полиция подчинялась сельскому старосте или бургомистру, а в городах и крупных населенных пунктах – городской управе. Фактически же вспомогательная полиция работала по заданиям и под строгим контролем германских комендатур, гестапо и др.

Так, для контроля над захваченной территорией СССР уже с августа 1941 года на Северо-Западе РСФСР германские вооруженные силы начали создавать «службу порядка». В ее задачи, как следует из ее устава, входило «поддержание общественного порядка и безопасности среди местного населения, содействие при выполнении уголовно-полицейских поручений, в особенности информирование СД и полиции безопасности о всех фактах противогосударственной деятельности» [2, с. 117].

Формирование рядов полиции на первоначальном этапе оккупации Смоленской области осуществлялось разными способами. Так, к примеру, после вступления захватчиков в г. Боровск оставшееся население было согнано на городскую площадь. Оккупанты приказали собравшимся жителям, чтобы вперед вышли те, кто служил в чине офицера в царской армии. Вышло 15–20 человек. «Вот ваша полиция!» – сказали захватчики жителям Боровска [9, л. 90].

Личный состав такой полиции на первоначальном этапе был небольшой по численности, но в период с 1942 по 1943 год число служащих в полиции возросло в десятки раз.

Служебная деятельность полиции на Смоленщине регламентировалась приказами и директивами, разработанными немецким командованием. Полиция как правоохранительный орган государства имела свою систему управления, вела документацию, обладала материально-технической базой, а также штатом сотрудников, получавших материальное вознаграждение за службу.

В Смоленске помимо местного населения в организации работы «русской» оккупационной полиции принимали участие и белоэмигранты. Так, например, в конце июля 1941 года из Варшавы прибыли Брандт, Сорокин, Шлыков, Алферчик и другие. Всего в Смоленск приехало около 60 белоэмигрантов, имевших рекомендации ведомств Геббельса и Розенберга. Белоэмигранты Космович, Ватушко и Данич стали организовывать окружную полицию, формировать карательные отряды для борьбы с партизанами. Начальником городской полиции стал бывший белогвардейский офицер Сверчков. Под его командованием находилось, по разным подсчетам, около 200 человек [3, с. 4–6].

Задачи полиции можно сгруппировать по четырем направлениям:

а) уголовно-полицейское (пресечение и преследование всех уголовных проступков, охрана важного хозяйственного производства и складов);

б) государственно-полицейское (раскрытие и преследование всех стремлений, направленных против германских властей);

в) охрана общественного порядка (надзор за дисциплиной уличного и дорожного движения, пожарная охрана, надзор за содержанием в чистоте улиц более крупных населенных пунктов, караульная служба);

г) особого назначения (содействие в борьбе с партизанами, воздушно-десантными отрядами и парашютистами, сопровождение продовольственных транспортов из крестьянских общин на сборные пункты) [10, л. 26].

Штатная численность полицейских зависела от размеров населенного пункта и рассчитывалась следующим образом: до 25 дворов – 1 полицейский, до 60 – 2, до 125 – 3, от 200 и выше – 4. Городскому полицейскому управлению подчинялись районные полицейские управления. Последним подчинялись полицейские участки, имеющие в своем составе квартальных полицейских. Полицейские функции возлагались также на домоуправов, комендантов домов или домовых уполномоченных. В Смо-

ленске домовые уполномоченные выполняли следующие обязанности: сбор квартплаты, наблюдение за приходом и уходом квартиросъемщиков, за пропиской жильцов, выявление новых лиц в квартирах, сбор и сдача властям советских листовок, сброшенных с самолетов.

Кроме чисто контрольных функций, полицаи (так сразу же стало называть представителей «службы порядка» мирное население) были обязаны оказывать содействие старостам и волостным старшинам в доставке, расклейке и распространении немецких приказов, листовок, газет и плакатов [2, с. 124]. Для выполнения отдельных полицейских задач в принудительном порядке привлекались и мирные жители, не состоящие на постоянной службе в полиции. Так, например, велосипедисты мобилизовывались для сбора листовок, сброшенных с советских самолетов.

По мере создания постоянно действующих оккупационных администраций формирование полицейских подразделений оккупантами становилось все более упорядоченным. Руководство по организации работы полиции было изложено захватчиками в «Наставлении бургомистрам». В соответствии с положениями данного документа бургомистрам надлежало создавать службу полиции (Ordnungsdienst) на территории целого района либо крупного города. Максимальная ее численность оккупантами определялась в 300 человек на каждый район. В ее ряды надлежало набирать молодых и холостых людей [10, л. 26]. При этом в некоторых районах области, например в Куйбышевском, в ряды полиции набирались даже девушки [9, л. 140]. Необходимо отметить, что на протяжении всего периода оккупации Смоленщины штатная численность полиции непрерывно увеличивалась, в тех же районах, где было наиболее активно партизанское движение, оккупанты стремились завербовать на службу в полицию как можно больше жителей деревень.

Полицейские при исполнении своих служебных обязанностей носили белые, пронумерованные по порядку нарукавные повязки. Кроме того, им выдавались специальные удостоверения, в которые был вписан номер их нарукавной повязки и ставилась гербовая печать. Эти удостоверения выдавались местным немецким комендантом.

Новобранцы оккупационной полиции в обязательном порядке проходили первоначальную профессиональную подготовку в созданных с этой целью специальных школах. Учеба проводилась под руководством офицеров-инструкторов германской армии. Одна из таких школ была создана оккупантами на территории бывшего совхоза «Высокое» в пригороде г. Смоленска. В этом специализированном учебном заведении на протяжении двух месяцев оккупанты обучали новоиспеченных полицейских стрелковому делу, читали им лекции о перспективах «великой Германии» и о задачах полиции в текущий момент. Внимание слушателей школы акцентировалось на том, что главной задачей полицейских является уничтожение партизан путем проникновения в партизанские отряды и разложение их изнутри. Внедренный в партизанский отряд полицейский был обязан принимать меры к срыву боевых операций народных мстителей,

создавать панику и передавать оккупантам данные о расположении отрядов, их численности и вооружении. После выявления лиц, заподозренных в нелояльности к нацистскому оккупационному режиму, полицейские производили их аресты и обыски и препровождали в жандармерию и военную комендатуру, предварительно проводя расследования по поступившим материалам. Окончившим данную школу полицейским немецкие офицеры в торжественной обстановке перед строем вручали оружие [10, л. 26].

В предметы обязательного обмундирования полицейского должны были входить гимнастерка, шинель и головной убор.

За службу в полиции оккупантами было установлено вознаграждение, выплачивавшееся районным либо городским управлением в виде должностного оклада. Так, начальнику полиции полагалось жалование в размере оклада начальника отдела соответствующего районного или городского управления, заместителю начальника – в размере оклада заместителя начальника такого же отдела. Рядовому полицейскому – 5 рублей в сутки. Сверх этого руководящие чины полиции обеспечивались районным либо городским управлением бесплатным питанием. В том случае, если полицейскому поручалось выполнение задач, связанных с непосредственной опасностью для жизни, за каждый день несения такой службы ему можно было предоставлять дополнительный оклад в размере 10 рублей в сутки [10, л. 27]. Однако подобная оплата службы полицейских применялась не во всех районах Смоленской области.

Так, например, в Тихвинском сельсовете Пречистенского района оккупантами был организован полицейский отряд. На протяжении четырех дней захватчики снабжали это формирование белым хлебом и консервами, а затем заявили, что продукты питания они должны добывать сами у местного населения [10, л. 6]. В Монастырщинском и Хиславичском районах на содержание полиции вводился специальный налог с деревень в размере 6 пудов хлеба с деревни в месяц, а сена по потребности. Кроме того, каждый полицейский в этих районах получал ежемесячно 150 рублей советскими деньгами, а также по 30 кг хлеба на себя и 15 кг на членов семьи [10, л. 105].

О своей текущей работе руководство полиции ежедневно отчитывалось перед военной комендатурой, гестапо и бургомистром.

После освобождения Смоленской области от оккупантов советскими правоохранительными органами была проделана колоссальная работа по расследованию преступной деятельности пособников нацистского оккупационного режима. В ходе проведенных следственных действий и проходивших вплоть до середины 80-х годов XX века судебных процессов над предателями Родины была вскрыта мрачная картина деятельности многих членов оккупационной полиции в борьбе с советским подпольем и гражданами, сочувственно относившимися к Советской власти. Выполняя эту грязную работу, многие полицейские предпринимали максимальные усилия: убивали, грабили, истязали коммунистов и членов их семей, партизан и советских активистов с целью оправдания «высокого» доверия своих хозяев-захватчиков. По-

рой жестокость этих людей превосходила карательные акции самих нацистов. Так, к примеру, в один из дней мая 1942 года начальник Брусовской полиции Понизовского района Солодченков вместе со своим подчиненным полицейским Ткачевым выявляли в д. Брусы советских патриотов. В ходе «допроса» жителей деревни Солодченков сломал приклад о голову гражданки Никифоровой, избил до потери сознания старика К.П. Шевелева, его жену, дочь. Он же бил плеткой, топтал ногами беременную жену коммуниста Науменкова. И это не полный перечень «заслуг» Солодченкова и его подчиненных.

На состоявшемся в 1963 году судебном процессе над Солодченковым на вопросы государственного обвинителя о деталях совершенных преступлений обвиняемый сухо отвечал: «Пьян был, не помню» [4].

Было установлено, что чины оккупационной полиции принимали участие в массовых репрессиях и убийствах мирного населения на Смоленской земле. К примеру, Иван Кириенков – начальник Велижской полиции – принимал непосредственное участие в зверских расправах над советскими патриотами и руководил действиями своих подчиненных. Полицейский Петр Сычев участвовал в массовом истреблении советских граждан еврейской национальности, собранных в велижском гетто. После изгнания немцев из Велижа Сычев в составе отряда полевой полиции продолжал работать на территории Белоруссии. За усердие и преданность фашистскому «новому порядку» Сычев был награжден оккупантами «почетной» медалью [5].

Отдельным направлением деятельности советских правоохранительных органов на оккупированной территории являлось обеспечение социалистической законности в деятельности партизанских соединений. В этих целях находившимися в партизанских отрядах сотрудниками НКВД проводилась оперативная работа по выявлению лиц, засланных оккупантами в ряды народных мстителей для дискредитации партизанского движения и срыва боевых операций.

Из числа раскрытых сотрудниками НКВД преступных деяний проникших в партизанские отряды вражеских агентов наибольшее количество составляли убийства, мародерство, грабежи, дезертирство. Так, сотрудниками органов госбезопасности, прикомандированными к партизанскому формированию «Бати», было выявлено, что 28 мая 1942 года партизаны из отряда Шлопакова прибыли в деревню Логнутово Демидовского района и незаконно произвели ряд обысков в домах, после чего арестовали бригадира колхоза Ивана Азарова и расстреляли около реки Гобзы, а у его семьи изъяли все вещи, вплоть до детской одежды [7, л. 110]. В Сафоновском районе действовал партизанский отряд под командованием И.А. Шевардина. Комиссар этого отряда С.Л. Волынский в апреле 1942 года с группой бойцов в д. Быченки незаконно произвел обыск у гражданки М.Ф. Симоновой, изъял лично принадлежащие ей вещи (пальто, костюмы, юбки, блузки, туфли), после чего арестовал ее и допрашивал, незаконно присвоив себе функции следователя. На следующий день Волынский вторично выезжал в д. Быченки

и изъял вещи у сестер М.Ф. Симоновой, после чего в д. Березки написал от своего имени постановление и предложил своим бойцам расстрелять сестер Симоновых, зачитав им предварительно сфальсифицированный приговор. А изъятые у сестер Симоновых вещи Волынский присвоил себе, часть отдал своей жене и родственникам. 14 апреля 1942 года Волынский с группой бойцов прибыл в д. Тихоново и произвел обыск у гражданина Новикова, изъяв: 60 метров мануфактуры, 2 окорока, мыло, детские носки, 5 пудов ржи, 3 пуда овса, пуд сена, после чего арестовал Новикова и его жену и вывел их за пределы деревни на расстрел, однако по дороге передумал и, предупредив их, чтобы они под угрозой расстрела не рассказывали о происшедшем, отпустил. Проведенное по данным фактам следствие подтвердило вину так называемых партизан, и решением военного трибунала Волынский был приговорен к расстрелу, а Шевардин – к 10 годам лишения свободы с направлением на передовую линию фронта [6, л. 128–131].

В 4-й партизанской бригаде, действовавшей в Руднянском и Починковском районах, командир одного из отрядов А. Корешков установил связь с полицией и вел переговоры о переходе на сторону врага со всем отрядом, но при помощи местного населения и благодаря патриотическим чувствам матери Корешкова, рассказавшей партизанам о предательской деятельности сына, Корешков был разоблачен и перед строем отряда расстрелян [8, л. 15].

Таким образом, на территории оккупированной Смоленской области проходило ожесточенное противоборство двух идеологий и юридических антиподов. Однако, несмотря на все усилия оккупационных властей, нацистам так и не удалось взять под должный контроль население захваченных территорий, а советские правоохранительные органы, наоборот, смогли в сложных условиях противостоять вражеской агентуре и способствовать укреплению социалистической законности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2540. Оп. 1. Д. 16.
2. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М.: Транзиткнига, 2004. 483 с.
3. Котов Л. Смоленское подполье. М.: Московский рабочий, 1966. 240 с.
4. Рабочий путь. 1963. 12 ноября.
5. Смена. 1960. 20 марта.
6. Центр документации новейшей истории Смоленской области (ЦДНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 16.
7. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24.
8. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 172.
9. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 76.
10. ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 162.

A.V. Yakutin

Activities of the German Occupation Authorities in Smolensk Region in 1941–1943

Key words: *Smolensk region; occupation; war; partisans; police; taxes; legality.*

The article uses published and archival materials to analyze the activities of the Nazi occupation authorities and their collaborators from citizens of the USSR concerning the organization of order according to the requirements of the German authorities. Methods and efficiency of police units as well as the work of the Soviet State security agencies to strengthen socialist law in partisan formations which operated in Smolensk region are investigated.

Е.А. Сидорчук

Государственный университет управления (г. Москва)

УДК 94(47)+ 94(48).083

Роль и место органов государственно-партийного управления в организации хозяйственной и повседневной жизнедеятельности осажденного Севастополя в период 1941–1942 годов

Ключевые слова: *оборона Севастополя; Городской комитет обороны Севастополя; Великая Отечественная война; исторический источник.*

В статье рассматривается деятельность гражданского руководства и жителей Севастополя по обороне города в период Великой Отечественной войны 1941–1942 годов, представлена такая малоиcследованная тема, как жизнь гражданского населения и деятельность Севастопольского горкома ВКП(б) в период обороны Севастополя.

Прежде чем рассмотреть деятельность руководства Севастополя в период обороны города в 1941–1942 годах, необходимо понять, кто руководил гражданской администрацией города и какие источники можно использовать, чтобы получить объективное представление об этом историческом периоде. Этим человеком был Б.А. Борисов, капитан второго ранга, а с 1940 года – первый секретарь Севастопольского горкома ВКП(б). Как и многие другие руководители обороны Севастополя, Б.А. Борисов оставил большое количество воспоминаний, которые позволяют взглянуть на оборону города в годы Великой Отечественной войны с новой стороны – с точки зрения всестороннего обеспечения жизнедеятельности города. Большинство исследований и мемуарных источников советского периода фактически не затрагивало вопросы: а как жил город в период осады, какие цели и задачи ставились и выполнялись его гражданским руководством, как жили и трудились граждане

Севастополя, каков был вклад промышленности города в его оборону, в обеспечение техникой и вооружением советских войск?

Интересны мемуары Б.А. Борисова «Подвиг Севастополя. Воспоминания», которые были впервые изданы в 1957 году, в последующем претерпели два переиздания: в 1970 году из названия убрано слово «воспоминания», а в 1977 году книга вышла под названием «Подвиг Севастополя. Воспоминания секретаря горкома» [1, с. 390; 2, с. 320; 3, с. 400].

В дни героической обороны города 1941–1942 годов Б.А. Борисов был первым секретарем горкома партии, одновременно занимая должность председателя Городского комитета обороны Севастополя. В этот период ему приходилось решать ряд вопросов, таких как эвакуация части предприятий города и сотрудников, организация работы спецкомбината по производству военной продукции, ремонт поврежденных кораблей и введение их в строй на базе Севморзавода, контроль над строительством оборонительных сооружений, работой госпиталей и эвакуацией раненых, создание местной противовоздушной обороны. В своей книге Б.А. Борисов рассказывает не только о судьбе севастопольцев, участвовавших в боевых действиях с оружием в руках, но и о повседневном быте жителей родного города, находящегося в осаде.

Значительное внимание автор уделяет работе партии в этот трудный и ответственный период жизни города, ее роли и месту в организации его жизнедеятельности.

26 сентября 1941 года немецким войскам удалось прорвать советскую оборону на Перекопе, а уже 26 октября 1941 года – взять и следующую линию обороны, Ишуньские позиции, таким образом выйдя на оперативный простор Крыма. За этим последовала активизация как армейских, так и гражданских структур на территории Крыма по дальнейшему противодействию немецким войскам. В Севастополе создается Городской комитет обороны.

Б.А. Борисов вспоминал об этом так: «Немцы прорвали Ишуньские позиции, – позвонил мне 26 октября секретарь обкома. – У вас в Севастополе решено создать городской комитет обороны. Вы утверждены председателем, а председатель горисполкома Ефремов, контр-адмирал Жуков и начальник горотдела НКВД Нефедов, – членами комитета. Приступайте к работе. Решение высылаем. Я хотел выяснить кое-какие подробности, но разговор прервали» [5]. Таким образом, руководство Севастополя непосредственно было включено в оборону города, на базе административно-хозяйственных органов для наибольшей централизации и эффективности работы был создан чрезвычайный орган управления, обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти на территории города.

Городской комитет обороны Севастополя сразу же приступил к выполнению наиболее значимых задач: «В тот же день был созван руководящий актив города, а на следующий проведено совещание секретарей первичных парторганизаций, руководителей предприятий и учреждений. Мы рассказали

о создавшейся обстановке под Севастополем, зачитали обращение городского комитета обороны и предложили привести в боевую готовность части народного ополчения, истребительный батальон, партизанский отряд, все службы местной противовоздушной обороны. На предприятиях и в учреждениях ввели, по сути, военную дисциплину» [5]. То есть руководство ГКО, осознавая всю тяжесть сложившегося положения, приступило к целому комплексу мероприятий для наиболее эффективной обороны города. А ситуация складывалась действительно непростая: «После сдерживающих боев на севере Крыма войска Приморской армии под воздействием значительно превосходящих сил противника, в конце октября 1941 года с боями отходили на юг, к Симферополю. Обстановка на фронте была сложной и чреватой неожиданными тяжелыми последствиями. И вот 31 октября 1941 года поступил приказ об отходе армии к Севастополю, так как над ним нависла угроза захвата противником» [13, с. 224]. В воспоминаниях Д.И. Пискунова мы видим, что после прорыва основных линий укреплений на севере Крыма немецкие войска устремились к Севастополю, к главной военно-морской базе Черноморского флота, слабо подготовленной к сухопутной обороне. Повторилась ситуация вековой давности, связанная с Крымской войной.

Необходимо понимать, как и чем жил простой севастополец, какой вклад он вносил в оборону города. В истории Великой Отечественной войны известно только два случая, когда жители крупных городов оказывались в блокаде на длительный период и не просто жили в осажденных городах, но и вносили весомый вклад в оборону. Еще одной характерной особенностью в обоих случаях было то, что оба города являлись военно-морскими базами и значимыми военными, экономическими и политическими центрами в своих регионах. Этими городами были Ленинград и Севастополь, но только в случае Ленинграда в исторической науке широко изучена жизнь и деятельность гражданского населения в период осады. Повседневная жизнедеятельность граждан Севастополя освещена слабо, фрагментарно в исследованиях и мемуарах. Только в постсоветский период стали публиковаться воспоминания тех, кто жил и трудился в осажденном городе и в дальнейшем пережил оккупацию.

Необходимо сказать, что изучение периода обороны Севастополя 1941–1942 годов с позиции исследования повседневной жизнедеятельности гражданского населения является новым взглядом на оборону города. Ведь, рассматривая мемуары горожан периода осады, мы имеем возможность дополнить панораму сражения и открыть новый пласт исторического знания – изучить не просто жизнь, но и трудовую деятельность населения города, направленную на поддержку войск. Вот как описывает начало боев за Севастополь один из жителей: «Немцы уже были в Симферополе. Участились бомбежки, начались регулярные артиллерийские и минометные обстрелы города. Ближе к зиме, в периоды очередных немецких наступлений, я в театральный бинокль мог видеть бои на Северной стороне. Черные яростные раз-

рывы шрапнельных снарядов, почти у самой земли, все небо, усеянное белыми клубочками от зениток. Пикирующие "Юнкерсы-109", трагичные воздушные бои» [7, с. 49–50]. Да, автору этих строк на момент осени 1941 года было 8 лет, но именно такие воспоминания, возможно несколько эмоциональные, дополняют картину сражения за город, разбавляют своей информативностью сухие строчки архивных материалов и исследований.

Руководство города делало все возможное для спасения горожан, но в условиях прямых артиллерийских обстрелов и бомбежек обезопасить людей было невозможно. Председатель Севастопольского городского комитета обороны Б.А. Борисов вспоминал: «С 29 числа город был на осадном положении. Хождение граждан и движение автотранспорта разрешалось с пяти утра до десяти вечера. Движение в ночное время – только по специальным пропускам» [5]. В то же самое время Севастополь подвергся первым атакам врага, которые жители города описывали так: «В ночь с 31 октября на 1 ноября, когда начался первый штурм города, была очень сильная бомбежка. Было очень страшно: сильный грохот, рядом пожары, крики. Папа решил идти всем в Инкерман и прятаться в штольнях. Когда мы пришли, везде были трехэтажные нары, было очень душно и нехорошо пахло. Тогда папа сказал: "Пошли домой, будем умирать дома". Позже под руководством папы мы вырыли так называемую "щель", и в ней мы просидели до 1 июля 1942 г.» [6, с. 7]. То есть, несмотря на начавшуюся подготовку города к обороне и на все принимаемые руководством меры, в первые дни не удалось избежать паники и потерь среди гражданского населения.

Если трудовая деятельность горожан нашла свое отражение в исторических источниках, то жизнь и быт севастопольцев освещены достаточно слабо. О том, как жили севастопольцы в осажденном городе, Г.К. Задорожников пишет: «Однажды средь бела дня ворвалась взволнованная соседка с известием: над нами, в степи, только что убило снарядом лошадь! Стремительный рывок, и нам что-то достается. За многие месяцы в доме пахнет мясной пищей»; «Последний раз электрический свет был на Новый 1942 год» [7, с. 55, 62]. Необходимо сказать, что описываемые события происходили не в конце обороны Севастополя весной – летом 1942 года, а непосредственно в период первого и второго штурма города осенью 1941 года. Это говорит нам о том, что в деле снабжения города приоритет отдавался в первую очередь военным предприятиям и оборонным объектам. Так, например, широко была развита работа автолавок вблизи фронта: «Наши автолавки по-прежнему обслуживают передовую линию фронта, приспосабливаясь к тяжелым условиям. Программу прошлого месяца наше отделение выполнило на 143 процента. Мы, закрепив успехи, боремся за новые показатели» [15, с. 3]. То есть первоочередной задачей было снабжение сражающихся войск, а затем уже непосредственно жителей города. Вместе с тем необходимо отметить, что продовольственная проблема в Севастополе была, но не такая острая и трагическая, как в блокадном Ленинграде.

Экономически целесообразнее было производить и продовольственные товары, и продукцию военного назначения в самом Севастополе, ведь не стоит забывать, что в это же самое время Советский Союз проводил крупные военные операции, такие как битва за Москву, на нужды которых направлялись все ресурсы государства [4, с. 600]. Именно поэтому в Севастополе, как и в Ленинграде, и на других ключевых участках советско-германского фронта, старались производить необходимую для фронта продукцию в рамках своих возможностей, чтобы не отвлекать ресурсы государства от других, более важных участков фронта.

Первоочередной задачей для городского комитета обороны стала следующая: обеспечить постоянное партийное руководство производством, оперативное решение самых неотложных дел. На передний край сдвигалась борьба за выпуск как можно большего количества продукции для фронта.

11 ноября 1941 года областным комитетом ВКП (б), Советом народных комиссаров Крымской АССР, Военным советом Черноморского флота и руководством города было принято решение о создании в Севастополе подземного Спецкомбината № 1 на основе производственных мощностей Морского завода № 201, промартели «Молот», а также эвакуированного из Симферополя завода «Красный металлист» [9, с. 178]. Руководство производством возлагалось на секретаря по промышленности Крымского обкома Н.А. Спектор и второго секретаря горкома партии А.А. Сарину. В эти же дни для координации действий военных и гражданских структур Военным советом Черноморского флота была создана оборонная комиссия, в ее задачи входило определение производственных планов, а также вопросы, связанные с материалами и оборудованием.

Основной продукцией спецкомбината было минометное вооружение. Связано это с тем, что бои велись на пересеченной, а порой и на холмисто-гористой местности, так что наибольшую значимость приобретали именно минометы. Основой производства являлся принцип внутригородской кооперации. Минометы собирались на основной производственной площадке в бывших штольнях минно-торпедного арсенала в Троицкой балке Севастополя, а комплектующие производили железнодорожные мастерские. Корпуса мин изготавливались здесь же, в Троицкой балке, и на Мехстройзаводе Севастополя. Мины снаряжались взрывчаткой и собирались на территории флотских складов в штольнях Сухарной балки, позже на основной площадке был создан собственный заряжающий цех на базе эвакуированной из Евпатории промартели «Химчистка».

Вся работа Спецкомбината № 1 проходила в тяжелых условиях: постоянные налеты вражеской авиации на территорию производства, проблемы с вентиляцией в штольнях и обеспечением электроэнергией. Однако уже к концу ноября была выдана первая продукция – минометы, мины и гранаты. До конца месяца комбинат выпустил 110 82-мм минометов и 33 тысячи мин различных калибров. А всего до конца декабря на севастопольских предприя-

тиях было произведено 1090 50-мм минометов и до 15 тысяч мин данного калибра [2, с. 103–104]. Кроме того, необходимо отметить, что сами сотрудники Спецкомбината № 1 постоянно выступали с рационализаторскими предложениями по совершенствованию конструкции и производства минометов и старались внести полезные изменения в военную продукцию. Например, осенью 1941 года было сокращено количество операций по обработке деталей 82-мм миномета. По предложению начальника цеха была изменена конструкция вертикального подъема ствола, что привело к уменьшению сборочных деталей. А в феврале 1942 года было организовано производство небольшой партии 50-мм автоматических минометов, которые заряжались кассетами на шесть мин [9, с. 179].

Работа Спецкомбината № 1 велась до 27 июня 1942 года, когда была полностью прекращена подача электроэнергии, и через несколько суток штольни, в которых размещались цеха, были взорваны. Согласно официальным, далеко не полным данным, во время обороны на предприятиях Севастополя было изготовлено 930 штук 82-мм минометов, 1326 штук 50-мм минометов, 109 400 штук 82-мм мин, 140 600 штук 50-мм мин, 55 тысяч взрывателей. Для сравнения: только минометных мин за май-июнь 1942 года в Севастополь было доставлено 81 163 штуки, в том числе 35 209 штук для 50-мм, 42 082 штуки для 82-мм, 944 штуки для 107-мм и 8 928 штук для 120-мм минометов.

Можно сказать, что руководство Севастополя сделало все возможное для оказания помощи в снабжении советских войск, обороняющих город, причем данная работа была проведена оперативно и в сжатые сроки. Так, уже к окончанию зимы 1942 года было объявлено следующее: «Все предприятия города выполнили свои обязательства. К 23 февраля на крупнейших фабриках и заводах была досрочно выполнена производственная программа. Для наших предприятий характерен рост стахановцев, … внедрение организаторских и изобретательских предложений. Расширились ряды трехсотников, четырехсотников, пятисотников. Февральский выпуск валовой продукции был значительно перевыполнен. Успех наших предприятий в феврале воочию показывает, какие неисчерпаемые резервы имеются на наших заводах и фабриках. Налицо все возможности досрочно выполнить мартовскую программу и отлично сдать все заказы, удовлетворить все требования фронта» [16, с. 3]. Увеличение количества продукции имело не только политическое, но и реальное, практическое значение.

Необходимо отметить еще один, очень серьезный, вклад руководства Севастополя в оборону города. На базе штолен в Инкермане был развернут огромный подземный комплекс, в котором разместились производство военной продукции, ряд гражданских объектов и крупный госпиталь. Инкерманские штольни существовали еще в период Крымской войны, а в довоенный период там было развернуто производство шампанских вин. «Подземный госпиталь (Инкерман): Под каменным массивом, глубоко под

землей расположен этот замечательный военный госпиталь. Совсем недалеко – линия фронта. Отчетливо доносятся артиллерийские залпы, треск пулеметов, ружейные выстрелы. Но они слышны, только когда выходишь из госпиталя. Здесь под землей в уютных палатах раненые бойцы и командиры не чувствуют, не слышат этой близости фронта. Опытными врачами вырываются из когтей смерти прославленные защитники морской крепости Крыма, здесь они находят надежный уход и заботу. Отсюда по выздоровлению с новыми силами вновь возвращаются в свои части» [14, с. 2]. В конце обороны Севастополя, летом 1942 года, часть Инкерманских штолен была подорвана по приказу вышестоящего руководства, причем взрыв был очень мощным и нанес урон немецким войскам, которые находились на данном рубеже: «Здесь произошла трагедия, показавшая, с каким фанатизмом боролись большевики. Высоко над Инкерманом поднималась длинная, уходящая далеко на юг скалистая стена. В этой стене находились огромные галереи, служившие в Крыму винными погребами для заводов шампанских вин. Наряду с большими запасами этого напитка большевики создали здесь склады боеприпасов; кроме того, эти помещения использовались ими для размещения тысяч раненых и бежавшего гражданского населения. Когда наши войска ворвались в населенный пункт Инкерман, вся скала за населенным пунктом задрожала от чудовищной силы взрыва. Стена высотой примерно 30 м обрушилась на протяжении около 300 м» [10]. Хоть фон Манштейн и не признает немецких потерь, но понятно, что такой взрыв нанес урон войскам, которые находились вблизи места взрыва.

Также одним из ключевых вопросов являлась продовольственная проблема. В Севастополе было достаточное количество запасов продовольствия, так как, во-первых, перед началом войны командование решило развернуть в Севастополе склады, на которых бы разместились большое количество продовольствия, необходимое для снабжения как флота, так и города, потому что город был неотделим от флота. Во-вторых, в Севастополь с Кавказа прорывались корабли, которые привозили не только боеприпасы, боевую технику и пополнение, но и продовольствие. Кроме этого, в приморском городе существовали артели, которые ловили рыбу и снабжали Севастополь. Например, одно из подобных предприятий отчитывалось: «За две недели марта колхоз сдал Главрыбтресту 22 центнера мидий. Лучшие ловцы Андруцаки, Ткачев, Серафимов заключают между собой социалистические договоры, обязуются до конца марта выловить и сдать на базу по 5 центнеров мидий каждый» [11, с. 3]. Понятно, что продовольственные запасы постепенно истощались, к тому же и горожане, и защитники города нуждались в свежих овощах и фруктах, хотя бы по медицинским показаниям, для предотвращения заболеваний. И руководство Севастополя успешно решало эти вопросы, проводя грамотную работу и с организациями, и с отдельными гражданами: «Успех выращивания овощей будет зависеть от того, как развернется социалистическое соревнование в бригадах и звеньях колхозов и совхозов. Необходимо, чтобы каждый колхозник, специалист, работница и рабочий совхоза взяли на себя конкрет-

ные обязательства и обещали вырастить максимальное количество овощей. Можно привести интересный пример из опыта колхоза “Путь к социализму”, который в 1941 году с одного гектара неполивного участка снял 15 тысяч килограммов помидоров сорта “чудо рынка”» [8, с. 2]. Руководство Севастополя изыскивало любые способы для снабжения и войск, и города продовольствием, например, был сделан акцент на кролиководстве и птицеводстве: «В снабжении фронта и страны продуктами большое значение имеет кролиководство и птицеводство. Этому важному делу партийные и советские организации обязаны уделить особое внимание. В условиях осажденного города местное животноводство играет большую роль. Каждый колхозник, рабочий совхоза и пригородного хозяйства должен приложить все усилия к тому, чтобы полностью сохранить приплод скота. Особенное большое внимание нужно уделять молодым телятам» [12, с. 3].

Рассматривая деятельность Севастопольского городского комитета обороны, можно с уверенностью сказать, что он внес значимый вклад в оборону города. Несмотря на тяжелейшей положение в период начала войны и эвакуацию части предприятий с ценными кадрами на Кавказ, руководство Севастополя в сжатые сроки наладило выпуск военной продукции для сражающихся советских войск. Особенно продукции, в которой остро нуждались защитники города, – минометного вооружения, так как оно было наиболее предпочтительным на сложных холмисто-гористых рубежах Севастопольского оборонительного района. Кроме того, заслугой руководства Севастопольского городского комитета обороны является создание и развертывание на базе завода шампанских вин крупного подземного центра, включавшего в себя и Инкерманский подземный госпиталь. Не стоит забывать и о том, что деятельность руководства города была направлена на обеспечение повседневных нужд жителей Севастополя. Да, возникали и трудности при работе с жителями, продовольственные проблемы, перебои с водо- и электроснабжением, что нашло отражение в воспоминаниях «детей войны», переживших оборону в осажденном городе. Но Севастопольский городской комитет обороны прилагал максимум усилий в условиях блокады и ограниченности внутренних ресурсов города для решения подобных проблем. Руководство считало, что выход из сложившейся ситуации возможен путем организации четкого управления городским хозяйством, что проявилось в налаживании «стахановского движения» на предприятиях, колхозах, артелях и вдумчивой организации жизнедеятельности горожан. В целом можно сказать, что действия Севастопольского городского комитета обороны внесли значимый вклад в оборону Севастополя в 1941–1942 годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя. Симферополь: Крым, 1970. 320 с.
2. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя: Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. 390 с.

3. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя: воспоминания секретаря горкома. Симферополь: Таврия, 1977. 400 с.
4. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Второе Военное издательство МО СССР. М., 1970. 600 с.
5. Гармаш П.Е. Огненные дни Севастополя: сборник. Симферополь, 1978. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html.
6. Долгушева З.И. Воспоминания севастопольской девочки. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2011.
7. Задорожников Г.К. Мемуары старого мальчика. Севастополь: Изд. Кручинин Л.Ю., 2010. С. 49–50.
8. К вопросу овощеводства // Красный Крым. 1942. № 73(5402) (14 марта). С. 2.
9. Крым в период Великой Отечественной войны: сборник документов. Симферополь, 1973.
10. Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб Terra Fantastica, 1999. URL: http://militera.lib.ru/memo/german/manstein/index.html.
11. Н-ский колхоз // Красный Крым. 1942. № 84(5413) (25 марта). С. 3.
12. О роли животноводства // Красный Крым. 1942. № 81(5410) (22 марта). С. 3.
13. Пискунов Д.И. Заключительный этап обороны Севастополя. Лето 1942. Севастополь, 2013. 224 с.
14. Подземный госпиталь // Красный Крым. 1942. № 44(5373) (13 февраля). С. 2.
15. Социалистические обязательства N-ской организации // Красный Крым. 1942. № 76(5405) (17 марта). С. 3.
16. Стахановцы // Красный Крым. 1942. № 72(5401) (13 марта). С. 3.

E.A. Sidorchuk

Role and Place of Bodies of State and Party Government in the Organization of Economic and Daily Activities of the Besieged Sevastopol during 1941–1942

Key words: *defense of Sevastopol; Sevastopol City committee of defense; Great Patriotic War; historical source.*

The article deals with the activities of the civil government and residents of Sevastopol devoted to the defense of the city in 1941–1942 during the Great Patriotic War. The study is based on such little studied subjects as the life of the civilian population and activities of the Sevastopol city committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) during the defense of Sevastopol.

Ю.А. Мурашова

Региональный открытый социальный институт (г. Курск)

УДК 303.823

«Железные» аргументы: идейная борьба советской власти с православными паломничествами в Курскую Коренную пустынь в хрущевский период

Ключевые слова: *история СССР; православие; паломничество; крестные ходы; Коренная пустынь; антирелигиозная пропаганда.*

Статья посвящена истории антирелигиозной пропаганды в СССР конца 1950-х годов. Внимание автора сосредоточено на риторике, направленной против массовых православных паломничеств, возродившихся в позднесталинский период. На примере борьбы с крупнейшим в России крестным ходом из Курска в закрытый монастырь Коренная пустынь рассмотрены основные аргументы, использовавшиеся советскими функционерами для снижения популярности паломнических практик и дискредитации их организаторов.

Советская эпоха стала временем перманентной борьбы с религией и религиозностью в СССР. Будучи принципиальным противником любых форм религиозного сознания, коммунистическая партия и подконтрольный ей государственный аппарат вели эту борьбу с помощью широкого арсенала средств. Одним из них стала массовая пропаганда неприятия религиозных «пережитков», история которой до сих пор изучена довольно слабо. Конечно, антирелигиозная риторика постоянно фигурирует либо подразумевается в трудах по церковной истории советского периода как некая данность, но, как правило, не становится предметом специальных исследований. Между тем это важная составляющая истории общественного сознания в СССР, без изучения которой вряд ли возможно понимание хода «советской модернизации», а также сложных духовных процессов постсоветской эпохи. В данной статье сосредоточимся на одном из малоизученных эпизодов идейной борьбы советского государства с религиозностью граждан – агитации против массовых православных паломничеств в хрущевский период. В качестве исторического материала проанализируем кампанию против паломничества в Курскую Коренную пустынь – закрытый в советское время монастырь.

Предваряя непосредственный анализ указанной проблемы, необходимо пояснить, почему борьба с паломничествами в Коренную пустынь стала столь важной для советской власти в эпоху «оттепели». С данным монастырем была связана история крупнейшего в России крестного хода, запечатленного И. Репиным на знаменитой картине «Крестный ход в Курской губернии». Значение названного события во многом определялось древностью связанной с ним традиции. По церковному преданию, еще в 1295 году некий курский охотник обнаружил у корней дерева чудотворную икону с образом Богоматери, а под иконой нашелся целебный источник. После многочисленных исторических перипетий икона, названная «Знамение», была отправлена в Курск, в мужской Знаменский монастырь, а на месте ее обнаружения была основана обитель, получившая известность как Коренная пустынь. В 1618 году по случаю освящения первой деревянной церкви Рождества Богородицы в данном месте, в девятую пятницу после праздника Пасхи, икона впервые была перенесена из Курска в Коренную пустынь. Так было положено начало знаменитому крестному ходу [1, с. 126]. С этого момента икона Божией Матери «Знамение» регулярно находилась в Коренной пустыни в летнее время, привлекая паломников едва ли не со всей России. Во второй

половине XIX – начале XX века ежегодный крестный ход в Коренную пустынь стал самым массовым в России. Ежегодно на девятую пятницу после Пасхи верующие из разных областей центральной России (до 60 тысяч) шли с чудотворной иконой Божией Матери «Знамение» из Курска к месту ее легендарного обретения. В 1923 году крестный ход в Коренную пустынь был принудительно прекращен, в 1943–1944 годах возродился вновь [1, с. 127]. Несмотря на отсутствие оригинала иконы (она была вывезена после Гражданской войны за рубеж), запрет священнослужителям участвовать в этом действе (1949 год), год из года крестный ход становился все более массовым, к середине 1950-х годов насчитывая до 20 тысяч паломников. Верующие шли с собственными иконами к освященным источникам на территории бывшего монастыря, совершали там богослужения и набирали святой воды [1, с. 127–130]. Совет по делам РПЦ, пристально наблюдавший за этим и другими массовыми паломничествами, длительное время не предпринимал решительных действий для их прекращения, транслируя либеральные установки в отношении религиозности граждан [6, с. 349].

Однако в 1956–1957 годах внутриполитическая обстановка в стране изменилась. В результате укрепления власти Н.С. Хрущева и его сторонников в СССР был взят курс на быструю коммунистическую модернизацию, при этом политика относительной терпимости к церкви была пересмотрена [16, с. 234]. Обещанное Н.С. Хрущевым скорое построение коммунизма было невозможно при сохранении «религиозных пережитков», тем более столь явных. Массовые паломничества граждан к оформившимся еще до революции святым местам свидетельствовали, с точки зрения властей, о неэффективности антирелигиозной работы в частности и идейного воспитания граждан вообще. К тому же открытость, публичность таких паломничеств являлась своего рода вызовом атеистически ориентированной власти. В ноябре 1958 года ЦК КПСС приняло секретное постановление «О мерах по прекращению паломничества к “святым местам”» [17, с. 127–128]. В нем Совету по делам РПЦ предписывалось срочно продумать и разработать мероприятия по ликвидации «святых источников» и других мест, к которым совершаются паломничества, а партийным структурам (крайкомам, обкомам КПСС) – принять «меры к усилению агитационно-пропагандистской работы среди населения тех районов, где имеются чтимые места. К этой работе привлечь лучшие пропагандистские силы». К 1 июня 1959 года местные партийные органы должны были отчитаться о выполнении данного постановления [17, с. 128].

Следствием выхода ноябрьского постановления стала самая масштабная идеологическая кампания против православных святынь и связанных с ними паломнических практик. Если в 1930-е годы основу борьбы с церковными традициями составили репрессивные методы (закрытие храмов, аресты священнослужителей и активных прихожан), то в конце 1950-х годов общественно-политическая ситуация заставляла власть воздействовать на граждан менее грубо. После XX съезда КПСС советская власть постоянно деклариро-

вала стремление соблюдать социалистическую законность и уважение к конституционным правам граждан (одним из которых была свобода совести). Как следствие, излишне «топорные» попытки местных функционеров пресечь паломнические практики (вооруженный караул около освященного источника, организация свинарника около святыни, запугивание в милиции и т.д.) вызывали в высших инстанциях скорее раздражение, чем одобрение [16, с. 242]. Теперь власть стремилась победить религиозные установки прежде всего на идеологическом фронте, не столько запугать, сколько убедить население в ненужности и даже «пагубности» традиционных православных практик. Для этого необходимо было мобилизовать «лучшие кадры» и сформулировать достаточно убедительные, «железные» аргументы, понятные простому человеку. Последние должны были тиражироваться в газетах, журналах, радиопередачах, брошюрах общества «Знание», доводиться до слушателей на лекциях и собраниях. Из анализа документов курского уполномоченного Совета по делам РПЦ видно, что главным средством прекращения массовых паломнических практик должна была стать информационная атака [2, л. 106–107]. Изучение печатных изданий того времени, а также документов из фонда курского уполномоченного Совета по делам РПЦ дает возможность выделить ряд наиболее распространенных аргументов.

Первый, чаще всего встречавшийся аргумент был связан с тезисом, что паломничества – результат суеверий, пережиток эпохи массовой темноты и неграмотности. Возможно, этот аргумент был не самым убедительным для граждан, однако именно с него, как правило, начинались просветительские лекции и газетные заметки о паломничестве. Развивая соответствующую мысль, лекторы и авторы публикаций обычно утверждали, что явление икон, те или иные чудеса, чудодейственная сила воды из святых родников – не что иное, как «выдумки» священнослужителей, стремившихся «паразитировать» на массовом невежестве [5; 13–15]. Как правило, приводились те или иные исторические факты, призванные подчеркнуть несостоятельность распространенных в православной среде легенд, с «научной» точки зрения оценивались возможные последствия культовых действий. Например, о курской Коренной иконе «Знамение» постоянно говорилось, что она, во-первых, не могла быть найдена в XIII веке и является гораздо более «молодой», а во-вторых, была уничтожена взрывом «адской машины» А.Г. Уфимцева в 1898 году, не проявив на самом деле тех чудесных свойств, которые ей приписывались [7, с. 36]. В 1959 году в Курске были специально проведены лабораторные исследования воды из родников закрытой Коренной пустыни, опираясь на которые пропагандисты постоянно подчеркивали, что «это самая обычная вода» без каких-либо целебных свойств [8; 10]. Также в изобличительных газетных публикациях постоянно приводились примеры того, как тот или иной верующий, поддавшись «суевериям», испортил(а) себе жизнь: простудился и заболел воспалением легких во время длительного крестного хода [8], разрушил семейную жизнь, поверив ложному пророчеству [14], не

обратился вовремя к врачу, положившись на обещанное исцеление в святом месте [15]. Так, в 1958–1959 годах курскими лекторами постоянно пересказывался случай из жизни крестьянина д. Щетинка Стрелецкого района, который, поранив ногу, отказался идти в больницу и вместо этого присоединился к крестному ходу. Вскоре ему пришлось ампутировать ногу [7, с. 48].

Второй распространенный аргумент против массовых паломничеств был связан с утверждением, что они являются ареной деятельности спекулянтов и шарлатанов, которые поддерживают существование религиозных мифов ради наживы. Относительно крупнейшего в России крестного хода из Курска в Коренную пустынь говорилось и писалось, что он был когда-то организован купцами, желавшими продать как можно больше товаров на сопутствовавшей религиозному действу ярмарке; в советское же время отдельные личности пытаются продолжить дело дореволюционных купцов [8; 11]. Характеризуя на страницах «Курской правды» крестный ход 1958 года, местный преподаватель и общественный деятель Г. Петров отмечал «бойкую торговлю» крестиками, свечами и церковной литературой у колодца, а также подчеркивал, что за незаконную продажу церковных принадлежностей было задержано свыше двадцати человек. В статье добавлялось: «Не одна сотня рублей оседала в карманах этих лиц» [8]. Известные курские лекторы Г.К. Лунев и П.И. Просужих в своей брошюре «Происхождение и вред крестного хода в Курске» писали, что, по неполным данным, в 1956–1958 годах у 23 спекулянтов было найдено 46 икон, пять тысяч крестиков, несколько тысяч свечей, более чем полторы тысячи религиозных листовок «и много других принадлежностей религиозного культа, с помощью которых они обирали верующих, участвовавших в паломничестве в бывшую Коренную пустынь» [7, с. 39]. В той же брошюре передана беседа с «благообразным» стариком, якобы имевшая место в поезде после завершения крестного хода в Коренную. Старик, продававший разные церковные мелочи паломникам, по утверждению авторов, хвастался: «Мне и моей старухе на год с лихвой денег хватит». На вопрос, не стыдно ли ему, он якобы ответил: «Да разве я один такой был? Если не я, так кто-нибудь другой занимался бы этим… А там столько народу бывает! И каждого надо чем-нибудь обслужить – то свечку, то крестик, то от хвори какой полечить… На наш век простаков хватит» [7, с. 40]. Советская пропаганда активно призывала граждан не быть такими «простаками» – жертвами спекулянтов, не помогать шарлатанам, участвуя в массовых паломничествах. Уполномоченные Совета по делам РПЦ постоянно подчеркивали необходимость использования охарактеризованного аргумента в антипаломнической агитации, указывая на его эффективность [2, л. 58].

Третий аргумент постулировал, что массовые паломничества (крестные ходы) – серьезнейший фактор распространения инфекции и эпидемий. В 1959 году пресса стала много писать о росте заболеваемости после традиционных процессий в Коренную пустынь. «По данным Свободинской санэпидемстанции, в 1956 г. в дни проведения крестного хода было выявлено

32 случая заболевания острыми кишечными инфекциями, в 1957 г. – 25 случаев, имелся рост кишечных заболеваний и в 1958 г.», – писала «Курская правда» [8]. Также говорилось о фактах заболеваний сыпным тифом, отмечался рост детских инфекционных заболеваний, а также полиомиелита. При этом довольно красочно описывались эпизоды, в которых тот или иной верующий, вернувшись с крестного хода, последующие недели или месяцы вынужден был провести в больнице [8; 15]. Сложно судить о том, насколько объективной была приводимая статистика, однако данный аргумент оказывал серьезное влияние на население, что подчеркивалось курским уполномоченным Совета по делам РПЦ [3, л. 69]. Аргумент был удобен с двух сторон: информация о высоких шансах заразиться во время паломнического похода отпугивала, параллельно показывалось, что «святыни» не оказывают целебного действия на верующих.

Четвертый аргумент против участия граждан в массовых паломничествах сводился к тому, что эти действа отвлекают от работы, подрывают трудовую дисциплину, наносят ущерб народному хозяйству. «Паломничество … происходит в самый разгар сельскохозяйственных работ, когда дорог каждый час…. Многие верующие, собираясь принять участие в крестном ходе, летом задолго до него перестают производительно трудиться в колхозах и на заводах, отвлекают от работы членов своих семей и других граждан. Направляясь к месту сбора паломников, они за 2–3 дня бросают работу. Все это паломничество из Курска к месту бывшего Коренного монастыря отнимает 3–4 дня, а у жителей отдаленных районов 5–7 дней… Во время крестного хода беспорядочно движущаяся толпа не только мешает движению транспорта, но и вытаптывает посевы на полях» [7, с. 46]. Тиражируя данную мысль, авторы и редакторы местных периодических изданий обращались не столько к паломникам, сколько к людям, их окружавшим, с тем чтобы вызвать осуждение, сформировать стереотип паломника – лодыря, равнодушного к реальным интересам общества, плюющего на дисциплину и труд товарищей.

Пятый аргумент опирался на тезис о том, что паломнические практики – удел слабых, неуверенных в себе людей, простительны разве что для стариков. Идея паломничеств состоит в том, говорили и писали проводники антирелигиозной кампании 1959 года, что от человека ничего не зависит в жизни, все находится в руках «божественного промысла» (здоровье, семейное благополучие, удача даются свыше, о них нужно просить сверхъестественные силы). Между тем сильный, уверенный в себе человек в справедливо устроенном советском обществе может добиться счастья собственными силами. Полагаться же на «небеса» – значит обречь себя на «жалкое» существование («превратить человека из стойкого борца за счастливую и радостную жизнь на земле в жалкое, безвольное существо») [7, с. 42]. Обычно в таких случаях приводились примеры того, как кто-либо из молодых людей, будучи введен в заблуждение стариками, безрезультатно «выпрашивал» себе счастье молитвами, а достиг его лишь тогда, когда отказался от церковных практик [9].

В 1959 году курские издания подняли на смех девушку из районного г. Суджи, которая по совету бабушки ходила с крестным ходом для того, чтобы выйти замуж [7, с. 38; 13].

Шестой аргумент сводился к тому, что во время массовых паломнических процессий, а также на местах паломничества трудно встретить «достойных», уважаемых людей, а вот разного рода «шарлатанов» – хоть отбавляй. Как известно, из-за невозможности духовенства участвовать в народных паломничествах важную роль в их организации играли «народные проповедники», бравшие на себя миссию разъяснять те или иные вопросы веры окружающим. О некоторых таких проповедниках в Курске до сих пор сохраняется добрая память [12, с. 96], однако советской пропагандой в хрущевский период они обычно представлялись как люди сомнительного нравственного облика. «Жительница с. Будановки Свободинского района … особенно много трудилась на ниве прославления родников Коренной пустыни… Она успешно совмещала два занятия: служение богу и пристрастие к спиртным напиткам, причем последнему отдавала явное предпочтение», – типичная характеристика одного из организаторов крестного хода, данная в 1959 году [8].

Седьмой аргумент против паломнических практик базировался на сциентистском противопоставлении религии и науки. Он обычно сводился к нелепости участия в паломнических практиках людей, получивших образование, знакомых с материалистической, естественнонаучной трактовкой действительности. В силу резкого противопоставления религии и науки в СССР фактически ставился знак равенства между паломничеством и необразованностью. Молодой человек или девушка, пришедшие к освященному источнику с религиозными чувствами, – это, в представлении советской пропаганды конца 1950-х годов, люди недоучившиеся, подрывающие веру в главную созидательную силу XX века [7, с. 54].

Естественно, охарактеризованными аргументами идейная кампания 1958–1959 годов против паломничеств не ограничивалась. Много говорилось и писалось о паломничестве как «подрыве человеческого оптимизма» [7, с. 44], а также веры в возможности СССР обеспечить достойную жизнь каждого гражданина [14]. В целом антипаломническая риторика конца 1950-х годов оказалась очень активной, направленной на самые разные чувства и душевные «струны» граждан.

Были ли вышеприведенные аргументы эффективными? Можно предположить, что, несмотря на свою идеологизированность, они, будучи постоянно тиражируемы в СМИ и общественных мероприятиях, оказали заметное влияние на общественное сознание. Об этом свидетельствует, например, донесение курского уполномоченного Совета по делам РПЦ председателю данного совета. Рапортуя в 1960 году в Москву о том, что традиционный крестный ход в 1960 году не состоялся, он обратил внимание не только на принятые административные меры (запрет подходить к источникам на территории бывшего монастыря), но и на успешность проведенной с гражданами

«разъяснительной работы», активную помощь в этом направлении областных и районных газет, радио [3, л. 67–68]. При этом функционер ссылался на «осознанность» заявлений свободинских колхозников, в январе 1959 года требовавших запретить крестный ход [5]. Об эффективности сочетания ограничительных административных мер с тотальной антипаломнической пропагандой свидетельствует и история самой Коренной пустыни: в последующие десятилетия советской эпохи паломники посещали окрестности закрытого монастыря небольшими группами, их общее количество к середине 1960-х годов уменьшилось по сравнению с серединой 1950-х годов на порядок [1, с. 133], а их социальный состав в 1964 году характеризовался местным уполномоченным Совета по делам РПЦ как «маргинальный» [4, л. 99].

Таким образом, в конце 1950-х годов советская власть предприняла серьезное идейное наступление на традицию православных паломничеств, что явственно проявило себя в истории крестных ходов в Курскую Коренную пустынь. Возродившись в последние годы Великой Отечественной войны и став масштабным явлением в последующее десятилетие, в конце 1958–1959 годов они оказались значимым объектом хрущевской антирелигиозной кампании. Отличительной чертой этой кампании стала важная роль, которую власть отводила убеждению граждан в ненужности паломнических практик. Партийные структуры и СМИ были мобилизованы для создания в общественном сознании отрицательного образа паломника. Тиражируемые пропагандой идеи оказались достаточно разнообразными, ориентированными на разные социальные круги и разные чувства – как верующих, так и неверующих. С одной стороны, жесткая критика была направлена на паломнические практики как таковые, с другой – на широкий спектр сопутствующих им явлений. В первом случае доказывалось, что паломничества – не более чем пережиток эпохи суеверий, несовместимый с советским образом мысли и жизни, существующий лишь в силу недостаточной образованности и сознательности отдельных граждан. Во втором случае говорилось о неблагоприятных санитарных последствиях крестных ходов и «мошенничествах» их организаторов, нарушениях трудовой дисциплины паломниками и наносимом ими экономическом ущербе. Хотя советской власти не удалось полностью искоренить практику паломничеств, ее аргументы, несомненно, сыграли существенную роль в процессе маргинализации паломничества в общественном сознании советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апанасенок А.В., Шульгина Н.П., Мурашова Ю.А. «Народная школа православия»: крестные ходы в Коренную пустынь в 1940–60-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 3. С. 126–134.
2. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 18.
3. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 22.
4. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 5. Д. 68.
5. Иванов В. Свободинские колхозники требуют запретить «крестный ход» // Курская правда. 1959. 14 января.

6. Каиль М.В. Государственное регулирование церковной жизни в послевоенном СССР: персональный план, социальные практики // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 344–350.
7. Лунев Г.К., Просужих П.И. Происхождение и вред крестного хода в Курске. Курск: Курское книжное издательство, 1959. 56 с.
8. Петров Г. Крестный ход – вредный пережиток прошлого // Курская правда. 1959. 14 июня.
9. Пилипенко К. Порвав с религией, я обрел счастье и радость жизни // Курская правда. 1959. 8 сентября.
10. Правда о «святом» источнике / И. Коваленко [и др.] // Курская правда. 1959. 21 июня.
11. Просужих П.И. К старому возврата нет // Курская правда. 1960. 10 июня.
12. Пудякова И.С., Апанасенок А.В., Апанасенок Е.С. «Хранители веры»: устная история православия советского периода в биографиях курян // Провинциальные научные записки. 2015. № 2. С. 93–98.
13. Рощин В. Суевериям приходит конец // Блокнот агитатора. 1959. № 4, февраль. С. 33–41.
14. Сойникова М. Я никогда не пойду в «Коренную пустынь» // Курская правда. 1959. 1 июля.
15. Сумароков Н. Шарлатаны под личиной святош // Курская правда. 1959. 15 февраля.
16. Хун У. С иконами и песнопениями, или Епископ, сбежавший от своих прихожан. Массовые паломничества в России эпохи Сталина и Хрущева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 232–256.
17. Церковь под контролем: Выписка из протокола № 193 заседания Президиума ЦК КПСС от 28 ноября 1958 г. // Источник. Вестник архива Президента Российской Федерации. 1997. № 4. С. 127–128.

Y.A. Murashova

«Iron» Arguments: the Ideological Struggle of the Soviet Authorities against Orthodox Pilgrimage to Kursk Korennaya Pustyn during the Khrushchev Period

Key words: *history of the USSR; Orthodoxy; Pilgrimage; religious processions; Korennaya Pustyn; antireligious propaganda.*

The paper is devoted to the history of the anti-religious propaganda in the USSR in the late 1950s. The author's attention is focused on rhetoric against mass orthodox pilgrimage, reborn in late-Stalin period. Using the example of the fight against Russia's largest religious procession from Kursk to closed monastery Korennaya Pustyn the study investigates the basic arguments used by Soviet functionaries to reduce the popularity of the pilgrimage practices and discredit their organizers.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О.В. Ощёхина
Обнинский центр социальной помощи семье и детям «Милосердие»

Е.И. Хачикян
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

УДК 37.013.46

Парадигмы воспитания: философско-социальный аспект

Ключевые слова: *философско-педагогические течения XIX – начала XX века; парадигмы воспитания: культурно-антропологическая, религиозно-антропологическая, социально-антропологическая, «свободное воспитание».*

В статье представлены различные парадигмальные схемы воспитания, характерные для общества конца XIX – начала XX века. Автором проанализированы разнополярные подходы к воспитанию с преобладанием в них одного из аспектов – социального, культурно-исторического, религиозного. Предложенный анализ представляется весьма значимым в связи с необходимостью радикальных перемен в сфере воспитания подрастающего поколения, его вовлечения в процессы активного освоения социального опыта и включения в общественные отношения и общественно значимую деятельность.

Известно, что под парадигмой принято понимать совокупность теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретное научное исследование, которое воплощается в научной практике на том или ином этапе развития общества [10, с. 354]. Философская наука использует этот термин для обозначения тех или иных культурно-исторических типов мышления и практики. Педагогическая наука рассматривает парадигму как переведенный на язык педагогики идеал человека, к которому стремится общество, его отдельные группы и представители. Этот идеал возникает в рамках различных форм общественного сознания и на его различных уровнях (теоретическом, обыденном). «Педагогическая интерпретация идеала человека, перевод его в плоскость цели воспитательно-образовательной деятельности – вот смысл и значение данного уровня предложенной парадигмальной типологии педагогических явлений. В этой интерпретации в наибольшей степени проявляются позиции исследователей, ибо они определяют содержание избранного им идеала. В свою очередь, педагогическая парадигма со всей полнотой воплощает в себе социо-

культурные особенности той цивилизации, в рамках которой она разрабатывается, так как для каждой цивилизации характерна своя специфическая трактовка смысла и назначения человеческого бытия» [5, с. 116].

Таким образом, парадигмальное развитие можно рассматривать как процесс эволюционный, позволяющий определить основную миссию воспитания в становлении и развитии человеческой личности и отражающий общую картину мира, свойственную той или иной эпохе.

На разных этапах исторического развития общества и собственно развития самой педагогической науки существовали различные концептуальные схемы воспитания. Они представляли собой единство многообразия философско-педагогических идей, контрастных и подчас полярных направлений. Несмотря на то, что в них предлагались различные теоретические методы, средства и принципы осуществления процесса воспитания, сложившиеся парадигмы в той или иной мере стремились к упрочению своего антропологического фундамента, рассматривая человека в качестве главного предмета воспитания.

Наиболее ярко полярные подходы к представлениям о человеке и его воспитании обозначились в философско-педагогических течениях XIX – начала XX века. С одной стороны, эти изменения были связаны с распространением материалистического понимания воспитания как общественного явления, представленного в трудах классиков марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса, которые, опираясь на совокупность знаний о человеке, добытых естественными и социальными науками, раскрыли общественную сущность человека и объективно закономерный, социально-исторический характер его развития. Разработанные ими положения о сущности человека как совокупности общественных отношений, соотношении объективного и субъективного, стихийного и управляемого в процессе общественного развития, возможностях всестороннего развития личности в обществе будущего стали основополагающими для теории воспитания и определили основную задачу воспитания как целенаправленную передачу подрастающим поколениям социально-исторического опыта, целостной совокупности общественных требований к формирующейся человеческой личности.

С другой стороны, на полярность подходов к воспитанию повлияло движение «нового религиозного сознания», которое, по словам Н.А. Бердяева, стремилось вписать историческое, традиционное христианство в контекст современной культуры и научных знаний, чтобы таким образом связать религиозное сознание «со смыслом всемирной истории». В произведениях русских религиозных мыслителей этого периода содержатся оригинальные разработки духовно-мировоззренческих основ воспитания, его идеалов, истоков духовного становления личности. В их трудах излагается традиционный, христианский взгляд на человека, описываются особенности религиозно-философских подходов к воспитанию, цельность как атри-

бут человеческого познания, идея соборности, связь веры и знания в развитии личности, ступени ее духовного восхождения и т.д.

Несмотря на полярность этих подходов, в парадигмах данного периода было много общего, что обусловливается осмыслением в них реального процесса воспитания. Это осмысление с различных методологических позиций имело следствием преобладание в них одного из аспектов – социального, культурно-исторического, религиозного и др., что, в свою очередь, позволило определить их основные типы.

Для большинства педагогических течений и направлений XIX – начала XX века доминирующим началом было утверждение, что главным в воспитании и образовании является приобщение подрастающих поколений ко всем благам культуры. Крупнейшие мыслители отечественной культурно-антропологической парадигмы воспитания (С.И. Гессен, В.В. Розанов) главную его задачу видели в осмыслении и освоении личностью накопленных человечеством традиций, ценностей культуры, а также в его сознательном творческом деятельностном отношении к сохранению этих существующих культурно-исторических нравственных ориентиров. Выдающийся философ, писатель и педагог XIX века В.В. Розанов разработал одну из первых концепций культурно-исторической феноменологии образования. Размышляя о судьбах русской средней и высшей школ, отвечая на важнейший практический вопрос, что есть педагогика – «ремесло ли, искусство ли», он четко сформулировал принципиальные дидактические требования к искусству воспитания личности человека, которые и сегодня не утратили своей актуальности. В.В. Розанов считал, что в школьном образовании необходимо опираться на три основных принципа. Первый из них – принцип индивидуальности. Он заключается в сохранении в ученике и учебном материале этой самой индивидуальности; уникальности и неповторимости каждой личности, ее самоценности, ее способности к творчеству и к продуктивной культуросозидающей деятельности. «Личность – вот его высшее, глубочайшее определение, и, отвечая этому определению, каков бы ни был тип школы, система образования только та одна будет образовательною, где не будет нарушен этот принцип индивидуальности» [6, с. 92].

Второму принципу – целостности – он придавал культурное, образующее и воспитательное значение; подразумевал под ним «отсутствие разорванности в группах знаний, в художественном чувстве, в волевом стремлении». Школа, по мнению В.В. Розанова, не может воспитывать и образовывать, если в ней нарушен первый принцип. В свою очередь, если нарушен принцип целостности – школа не способна влиять на детей, воспитывать какие-либо убеждения, давать веру во что-нибудь. Третий принцип – принцип единства типа, подразумевающий существование источника одной какой-нибудь культуры для формирования единого мировоззрения личности ребенка. Если предположить, что эклектичное образование делает ученика духовно пустым, не испытывающим внутренней привязанности ни к одной из

культурно-исторических традиций, то толкование этого принципа заключается в следующем: все «образующие впечатления» системы образования должны восходить к традиционным ценностям: к своей истории, православной культуре, природе, национальной психологии, народной педагогике.

В этих трех принципах прослеживается, на наш взгляд, главная идея В.В. Розанова – нерасторжимая связь процесса обучения и воспитания подрастающего поколения. Такая интеграция помогает рассматривать воспитание в более широких социальных категориях: в отношении к истории и таким институтам исторически развивающегося общества, как семья, церковь и государство.

С.И. Гессен определял личность как носительницу духовной культуры, что получило свое обоснование в предложенной им «ступенчатой» модели воспитания. Свою модель он рассматривал как процесс духовного (морального) созревания личности, основную задачу которого видел в том, чтобы помочь ей «углубить и осознать внутренний (диалектический) закон, которому она подчинена в своем созревании» [3, с. 87]. Стоит отметить, что С.И. Гессен в своей парадигме использовал термин «образование», а не «воспитание». Но если последнее может, на наш взгляд, выступать как «частный случай» воспитания, то основная цель такого воспитания видится С.И. Гессеном в приобщении ребенка к культурным достижениям человечества и в формировании высоконравственной, свободной и ответственной личности.

Инновационным в философско-педагогическом плане является провозглашенный С.И. Гессеном взгляд на мировоззрение. Философ был противником «мировоззренческой» педагогики, направленной на формирование школой целостного мировоззрения. По-видимому, в этом он видел опасность перерастания мировоззрения в идеологию. Поэтому главный акцент делал на «преодолении мировоззрения как основной заповеди всякой подлинной образовательной деятельности». Философ не отказывался от мировоззренческой проблематики вообще, но предлагал переход к динамичному индивидуальному мировоззрению, связывающему культурно-творческую деятельность человека с иррациональным корнем его живой личности.

Философские воззрения В.В. Розанова, С.И. Гессена тесно перекликались с идеями, получившими свое развитие в этот период на Западе. В. Дильтей определял исторически обусловленную жизнь человека с позиции формирующей его культуры. Главным условием и фактором становления личности он считал историческое развитие ее духа, то есть воспитание, понимаемое как приобщение к исторически накопленной культуре. Это приобщение, по В. Дильтею, не есть сама цель. Это, скорее всего, средство обогащения жизни человека, каждый период которой «стремится добыть и удержать свою особую жизненную ценность». А.Н. Уайтхед искал понимание процесса воспитания с позиций объяснения гармонии различных вещей. Как и В. Дильтей, он видел возможность достижения целей воспитания только путем передачи подрастающему поколению культурного наследия. Культура,

согласно его убеждениям, есть «деятельность мысли и восприимчивость к красоте и человеческим чувствам». П. Наторп предлагал свою идею – единения «культуры личности» с «культурой народа». Тем самым он выступал с критикой индивидуального воспитания, в котором видел «известную ограниченную ценность» и пути ее преодоления. Несмотря на некоторые их разногласия по данному вопросу, важной характеристикой культуры как у западных, так и у отечественных представителей культурно-антропологической парадигмы выступала целостность, а своеобразным «посредником» и «потребителем» этой культуры – сфера образования и воспитания. Смысл воспитания в соответствии с данным парадигмальным мышлением заключался в приобщении человека к миру культуры – мировой, отечественной, региональной, этнической. А воспитанный человек рассматривался как человек культурный, ориентирующийся в ценностях культуры, принимающий эти ценности и способный решать свои личностные и социальные проблемы на основе использования достижений культуры.

Представители религиозно-антропологической парадигмы XIX – начала XX века (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, В.С. Соловьев) обращались к святоотеческой традиции воспитания, пытались осмыслить нравственные пути совершенствования личности, а также закрепить за ней право обрести себя в культуре, ощутить себя звеном в цепочке поколений «предки – современники – потомки» (по вертикали) и в системе отношений «Я – окружающий мир» (по горизонтали); рассматривали мир в единстве природы, человека и бога, пытались осмыслить целостность человека для понимания русской духовности. Сторонники данной парадигмы единственный путь для развития всех положительных сил русской нации, проявления истинной самобытности, самостоятельного и деятельностного участия во всемирном ходе истории видели в овладении «общечеловеческой христианской культурой». Примером может служить концепция связи веры и знания, предложенная русским философом В.С. Соловьевым, который, пытаясь найти пути, ведущие к воспитанию духовно цельной личности, признавал ее внутреннее достоинство и нравственное совершенство. Такое внутреннее личностное единство, обозначенное им как «цельная жизнь», понималось не как внутреннее единство интеллектуальных, эмоциональных и физических проявлений, а как живое и подлинное общение человека с Абсолютом. От знания, усваиваемого развивающейся личностью, Соловьев требовал не только формального совершенства, какой-то логической последовательности, но и «всецелости». Но такая личность, по мнению философа, могла формироваться и реализовать себя только в обществе, которое вместе с ней должно совершенствовать свою духовную и нравственную сферы и признавать личное достоинство каждого индивида, не ущемляя его прав и свобод.

Качественно важным для нас в философских воззрениях В.С. Соловьева является то, что они весьма тесно связаны с его исторической ориентацией. В соответствии со своими этическими убеждениями философ отстаивал

идею единства космоса и истории для достижения самой высшей ценности человечества – добра, которое считал реальной силой истории. В частности, он считал, что космический процесс заканчивается рождением натурального человека, а за ним уже следует исторический процесс, который, в свою очередь, подготавливает рождение человека духовного. Добро Соловьев интерпретировал как смысл жизни. Поэтому рассматривал его как единственную возможность осмысления и понимания ценностей жизни. Применительно к этой концепции, на наш взгляд, можно построить тезис: не свобода от Добра, а свобода для Добра. Отсюда очевидна и проблема свободы выбора поступков, и проблема ответственности за эти поступки. Кроме того, смысл воспитания философ видел в передаче поколениям нравственных ценностей, достижений и традиций культуры. Считал, что истинное воспитание должно быть одновременно и традиционным, и прогрессивным: передаваемое новому поколению, все духовное наследие прошлого должно развивать в этом поколении охоту и способность пользоваться этим живым наследием как движущею силою для нового приближения к высшей цели. Иначе говоря, нравственная основа воспитания заключается во внушении потомкам живого интереса к будущности предков, в нерасторжимой связи поколений. В отношении преемственности поколений «ближайшим восстановлением нравственной целости человека» он считал семью. «Почитание предков и основанное на нем семейное воспитание побеждают безнравственную рознь и восстанавливают нравственную солидарность людей в порядке времени, или последовательности бытия» [7, с. 498].

Прогрессивность взглядов В.С. Соловьева очевидна: признавая универсальный, всеобщий характер нравственных начал, философ практически обозначил путь, которому сегодня в эпоху национальных, социальных и прочих катаклизмов необходимо следовать в процессе воспитания личности, – это адаптация к свободе через сохранение и приумножение достоинства человека.

Опираясь на философские достижения В.С. Соловьева, Н.А. Бердяев в своей книге «Смысл истории» раскрывал суть приобщения каждого человека в процессе воспитания к «тайне исторического». В этом он видел философско-педагогический аспект национального воспитания, его специфических черт. При этом философ выделял три основные константы воспитания: открытость, традиционность и духовность. Под открытостью воспитания он понимал способность русской культуры и образования открываться иноземным влияниям, впитывать общечеловеческие ценности, обогащаться и преобразовывать их, сохраняя свою неповторимость и единственность. Вторую константу воспитания рассматривал как опору на традиционную народную культуру и эмпирически сложившийся порядок образования человека. Духовность – как обостренное внимание к религиозной сфере жизни человека, к сфере абсолютного, вечного. Самого человека Бердяев рассматривал не в качестве организма или социального существа, а именно как личность. Лич-

ность, в свою очередь, не являлась у Бердяева частью общества. Наоборот, общество – часть личности, ее социальная сторона, так же как космос есть часть личности. «Личность, – писал он, – не может быть частью в отношении к какому-либо целому, космическому или социальному, она обладает самоценностью, она не может быть обращена в средство» [1, с. 297].

Вместе с тем аналогичные тенденции развития философской мысли наблюдались в этот период и за рубежом. Ф.В. Ферстером была предложена программа «гражданского воспитания», которая базировалась на религиозно обосновываемой этике. Ф.В. Ферстер признавал, что воспитать человека может этнос, каждодневная жизнь нации. Нравственность должна выступать своего рода «законом», что определяет в конечном итоге возможность передачи нравственности от поколения к поколению, от человека к человеку. Проповедуя духовность, именно ее Ф.В. Ферстер считал высшей целью католического воспитания, связывал воспитание веры с «гуманистическим» содержанием. М. Бубер утверждал, что воспитание является процессом и результатом встречи человека с вечным «Ты» – благодаря установлению «Я – Ты» связи. Помочь проявлению лучших качеств ребенка можно только в том случае, если рассматривать его как конкретную личность с ее потенцией и актуальностью. Другими словами, согласно М. Буберу, нужно осознавать каждого ребенка как некую цельность и принимать его в ней.

В рассматриваемый период широкое распространение как в России, так и на Западе получила и другая парадигма, можно сказать феномен, педагогической науки – «свободное воспитание». В это время создавались экспериментальные школы в Западной Европе, где пытались воплотить основные идеи и принципы этой парадигмы. В этом плане показательно «Воззвание» – своеобразный манифест группы ученых «О задачах новой свободной школьной общины в Германии», появившийся в начале XX века. В этом манифесте были сформулированы следующие принципы «свободной школы».

1. Дети должны жить счастливой жизнью, соответствующей их природе, однако детей необходимо знакомить и с серьезными проблемами, чтобы впоследствии они могли самостоятельно и с воодушевлением проводить в жизнь воспринятые ими в школе принципы.

2. Школа должна развивать в воспитанниках взгляд на целостность человеческого знания и будить в ребенке живое сознание тех духовных ценностей и задач, воплощение которых составляет цель жизни.

3. Новая школа должна воспитывать в ученике стремление к сотрудничеству в жизни учебного заведения, развивать в нем чувство взаимоответственности, а также стараться создать простые и дружеские отношения между педагогами и учениками.

4. Новая школа должна сделаться духовной родиной учащейся молодежи, местом ее свободы, естественного развития; она должна научить каждого питомца самостоятельно думать и работать; развивать в них дух общительности и альтруистические стремления [8, с. 11].

Перевести идеалы свободного воспитания в реальный процесс в этот период удалось многим западным и отечественным педагогам-гуманистам. Среди них – М. Монтессори, Р. Штейнер, С. Ферьер, Г. Винекен. Но, пожалуй, наибольшее развитие эта парадигма получила в России.

Среди сторонников «свободного воспитания» особое место принадлежит Л.Н. Толстому. О нем в начале XX века замечательный русский мыслитель С.Н. Дурылин писал, что величайшее значение Толстого-педагога в том, что он с гениальной смелостью провозгласил основной принцип новой педагогики – клич освободительного движения «Свобода – детям!». «После провозглашения таких идей в истории педагогики начинается новая эпоха – открывается новый путь, отправная точка которого – идеи Толстого и его Яснополянская школа, как первая попытка провести их в жизнь» [4, с. 55]. Отрицая все виды насилия над ребенком и обращаясь к принципам свободы, Толстой в основу «разумного» образования, воспитания и обучения положил «религиозное учение» и вытекающее из него «учение нравственности», так как полагал, что в них скрыты самые важные человеческие истины. «В основу воспитания, – писал Л.Н. Толстой, – должно быть положено религиозное понимание жизни» [9, с. 41]. А его задачей должно стать воспитание детей «применительно не к настоящему, а к будущему, возможно, лучшему состоянию человеческого рода». Л.Н. Толстой требовал подчинения всего воспитания высшим религиозным принципам, главным из которых было служение Добру. В своей парадигме он пытался приблизить школу к жизни таким образом, чтобы ее движущими силами были не педагогические требования, а требования самой жизни.

К.Н. Вентцель, в отличие от Толстого, наиболее последовательно защищал идею «свободного воспитания». Основные фундаментальные идеи парадигмы Вентцеля связаны с преодолением отчуждения ребенка от педагогического процесса, гуманизации и демократизации педагогических взаимоотношений, изменения характера деятельности педагога по отношению к ребенку, организации «свободных» и «семейных» школ, детских садов и клубов. К.Н. Вентцель выступал против «одностороннего интеллектуалистического» воспитания, против оформления его в «систему», аргументируя это тем, что всякая система воспитания «есть ограничение свободы как воспитателя, так и воспитанника». Воспитание, по Вентцелю, должно приобрести «характер цельности и гармонии». Кроме того, Вентцель резко критиковал толкование воспитания «как умышленного формирования людей по известным образцам», предложенное ранее Л.Н. Толстым. Рассматривал его как «деятельное содействие тому, чтобы тот смутный образ индивидуальной человеческой личности, который дремлет в ребенке, во всей его психической и физической организации, принял путем самопроизвольного органического роста и развития ясные, резко выпуклые и отчетливые формы» [2, с. 9]. При этом он видел ребенка в качестве «живого материала», который следует

в своем развитии своим собственным законам, определяемым его индивидуальными природными задатками.

Описанные взгляды на проблему нравственного и религиозного воспитания в свете принципа свободы ребенка являются на сегодня весьма значимыми в связи с необходимостью радикальных перемен в сфере идейно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Кроме того, обращение к ним представляется очевидным и в связи с появлением в последнее десятилетие в России свободных, альтернативных школ, провозгласивших основной ценностью развитие личности в процессе воспитания.

Идеи «свободы» в воспитании находятся в тесном единстве со взглядами отечественных и зарубежных ученых, основу которых составляет рассмотрение природы человека как субъекта и объекта воспитания во взаимодействии со средой. Эти взгляды были характерны для представителей социально-антропологической парадигмы воспитания. В отечественной педагогической мысли она была представлена русскими педагогами-социологами П.А. Кропоткиным, Н.А. Рубакиным, С.Т. Шацким, которые выдвигали среду на первый план воспитания, а главную его цель видели в подготовке индивида к экономической, социальной и политической деятельности. С.Т. Шацкий предпринял попытку теоретического обоснования социальной роли школы. Он рассматривал процесс воспитания детей и подростков в системе широких социальных категорий, объяснял закономерности его функционирования, взаимодействия с личностью, исходя из общих закономерностей общественного развития. С.Т. Шацкий считал, что проблемы воспитания нельзя рассматривать в рамках только одного учебного заведения, поскольку на формирование личности ребенка очень сильное влияние оказывает окружающая среда, то есть социум – природа, семья, улица, общественные организации, внешкольная работа. Поэтому он рассматривал процесс воспитания как «постепенное овладение средствами приспособления к окружающей среде», видел задачу педагогики в тщательном и глубоком анализе факторов воздействия среды на ребенка с целью использовать полезные социокультурные влияния в педагогическом процессе. С.Т. Шацким был введен в педагогическую науку термин «социальная наследственность», под которым он понимал обычаи, традиции, взгляды окружающей ребенка среды, которые передаются из поколения в поколение и под воздействием которых происходит формирование личности ребенка.

На Западе основоположником исследований процесса социализации личности был Э. Дюркгейм, убежденный в общественном характере воспитания. Считая, что воспитание – явление главным образом социальное, как по своим функциям, так и по происхождению, главную его цель он видел не в природе индивида и его интересах, а в средствах, с помощью которых общество постоянно воспроизводит условия своего собственного существования, то есть в целенаправленной социализации молодого поколения, что в конечном итоге ведет к созданию в человеке нового «социального существа».

Дюркгейм, наполняя категорию «воспитания» последовательно социологическим содержанием, утверждал, что человек становится социальным существом благодаря воспитанию, принимая идеи, чувства и способы деятельности той группы или групп, частью которых он является.

Представители социально-антропологической парадигмы как в России, так и на Западе пытались найти реальные связи школы с жизнью, организовать взаимодействие процесса воспитания и обучения с социальной действительностью. Они предложили модели воспитания, в рамках которых индивидуальное развитие человека и его становление как социального существа видится в гармонии и органическом единстве. Считая тем самым воспитательную среду частью социальной среды, специально созданной для формирования субъектов общественной деятельности на всех уровнях общественной жизни, они отстаивали приоритеты индивидуальной свободы личности, поскольку считали ее исходным моментом для общества. Для нас это представляется особо значимым, так как в настоящее время к исследованиям среды (природной, социальной, культурной) как главному фактору, влияющему на характер процесса воспитания, возвращаются многие отечественные и зарубежные специалисты. Они пытаются объяснить, в какой мере внешние условия способствуют развитию ребенка, как взаимодействуют с его внутренним миром, как с характером среды согласуются его природа и потребности.

Рассмотренные нами парадигмы тесным образом взаимосвязаны и, более того, взаимоопределяют друг друга, так как основываются на выделении особенного в зависимости от социально значимых функций процесса воспитания. Это объясняется тем, что воспитание по своему назначению, содержанию и формам носит конкретно-исторический характер, осуществляется за счет освоения людьми основных элементов социального опыта, в процессе и результате их вовлечения в общественные отношения, систему общения и общественно-значимую деятельность. Последнее выступает высшим проявлением индивидуальности личности и базируется на философских представлениях о ней как творчески-деятельном субъекте, на том, что способности формируются и развиваются только в общественно полезном деянии. Эта деятельность направлена на создание условий для развития личности с целью формирования определенных знаний, взглядов, убеждений, нравственных ценностей, гражданской ориентации и адаптации к современным условиям жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Правда, 1989. 608 с.
2. Вентцель К.Н. Свободное воспитание // Вентцель К.Н. Сборник избранных трудов. М.: Профессиональное образование, 1993. 172 с.
3. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
4. Дурылин С.Н. Л.Н. Толстой и свободное воспитание // Научный архив РАО. 1908. Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 62. 115 с.

5. Корнетов Г.Б. Гуманистическое образование: традиции и перспективы. М.: ИТПиМИО, 1993. 135 с.
6. Розанов В.В. Сумерки просвещения // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.
7. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 892 с.
8. Свободное воспитание. Педагогический альманах. Вып. 4. М.: Влади, 1993.
9. Толстой Л.Н. Проект устава учебных заведений // Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. М.: 1989. С. 40–44.
10. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 720 с.

O.V. Oschehina, E.I. Khachikyan
Paradigms of Education: Philosophic and Social Aspect

Key words: *philosophic and pedagogic trends of the XIXth – beginning of the XXth centuries; paradigms of education: cultural and anthropological, religious and anthropological, social and anthropological, «free education».*

Different paradigms of methods of education, which were typical for the society of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century, are present in the article. Different approaches to education, with prevalence of one of the aspects – social, cultural and historical, religious – were analyzed by the author. The results can be considered as quite significant, due to the necessity of radical changes in the field of upbringing new generation, and to the meaning of the results for the processes of active assimilation of social experience and its inclusion in social relationships and socially significant activities.

Н.П. Сенченков
Смоленский государственный университет

УДК 376

П.П. Блонский о воспитании умственно выдающихся детей

Ключевые слова: *П.П. Блонский; умственно выдающиеся дети; трудные школьники; воспитание; педология.*

В данной статье представлены ключевые идеи П.П. Блонского о воспитании умственно выдающихся детей, являющихся «трудными» школьниками по причине своей особой развитости.

Обращение в данной статье к теоретическому обоснованию отечественным ученым-педагогом П.П. Блонским проблемы воспитания умственно выдающихся детей, а также к его практическим наработкам не случайно. В течение нескольких лет группой преподавателей Смоленского государственного университета создается современная концепция работы с одаренными детьми Смоленщины как важное условие поступательного социально-экономического развития региона. Для проверки ключевых по-

ложений концепции разработана программа «Ступени к Олимпу», включающая в себя несколько направлений работы с одаренными детьми, в частности, проведение ведущими учеными университета специализированных занятий по конкретной учебной дисциплине во время весенних и осенних каникул, а также летней профильной смены «Одаренные дети» на базе одного из социально-оздоровительных центров с привлечением к работе не только преподавателей, но и психологов, и игротехников.

Ставя задачу «поиска оптимальных для каждого ребенка механизмов максимально полного раскрытия его личности через проявление и развитие индивидуальности и предоставление каждому участнику нашей программы возможностей для самоутверждения в наиболее значимых для него сферах деятельности» [2, с. 10], мы обращаемся в том числе и к опыту работы отечественных психологов, педагогов, педологов 20-х – начала 30-х годов XX века, в частности к работам П.П. Блонского (1884–1941) – одного из основоположников советской педагогической и психологической науки. Как отмечал М.Г. Данильченко, П.П. Блонский – «человек огромной эрудиции, широких и разносторонних интересов, он оставил богатое научное наследие» [1, с. 5]. Обращаясь к педологическим работам П.П. Блонского, мы, безусловно, должны учитывать ту непростую обстановку, в которой трудился ученый. Эти работы «отражают насыщенную смелыми идеями, напряженными поисками и острыми противоречиями эпоху революционных преобразований в области педагогики и психологии», в них «слышится отзвук той борьбы…, активным участником которой был П.П. Блонский…» [1, с. 11–12]. К данным работам относится монография «Трудные школьники», вышедшая в 1929 году в московском издательстве «Работник просвещения». Интересна постановка проблемы в этой работе: «Почему дети с высоким IQ – трудные ученики?». Сам ученый, размышляя над данной проблемой, писал: «Вероятно, вас очень удивляет, что я зачисляю в разряд трудных учеников детей с очень быстрым развитием. Поэтому мне необходимо разъяснить это. Кого мы называем трудным учеником? Понятие “трудный ученик” можно употреблять и в объективном, и субъективном смысле. С объективной точки зрения, трудный ученик – такой, по отношению к которому работа учителя оказывается малопроизводительной. С субъективной точки зрения, трудный ученик – такой, с которым учителю трудно, тягостно заниматься, который требует от учителя много работы» [2, с. 26–27].

Определив проблему «трудного ученика», П.П. Блонский отмечает, что в этой ситуации учитель стремится «выровнять» (термин П.П. Блонского) группу. При этом ученый констатирует: «Результаты такого “выравнивания” мы видим. Наши таблицы ярко демонстрируют нивелирующие действия школы. Школа нивелирует детей, делая их всех в большей или меньшей степени середняками, … наименее выигрывают от школы наиболее развитые ученики» [3, с. 27]. Исходя из данного вывода П.П. Блонский подчеркнул, что по отношению к наиболее развитым ученикам работа школы оказывается

наименее производительной, она даже тормозит темп их умственного развития, делает их более медленными.

Вступая в некий виртуальный спор с оппонентами, П.П. Блонский особенно отмечал: «… Я был прав, назвав детей с высоким IQ трудными учениками: школа плохо справляется с ними. Но их можно назвать трудными и с субъективной точки зрения. В той школе, где я работаю, дети распределяются по параллелям так, чтобы в данной параллели учились дети одного и того же умственного и паспортного возраста, с одним и тем же IQ» [3, с. 27]. Таким образом, ученый констатировал, что в его школе «умственно-недоразвитые» дети, середняки и дети с высоким IQ учатся в особых параллелях. Но интересный парадокс описал П.П. Блонский, затронув проблему «параллелей»: «вначале учителя очень гнались за тем, чтобы получить группы детей с высоким IQ, и всячески отнекивались от группы с умственно-недоразвитыми детьми. Но теперь наоборот: в этом году последние группы брались на расхват, а в группы с высоким IQ учителей приходилось назначать администрации школы» [3, с. 27]. Логика в данных действиях очевидна. Помимо того, что учителю не давала удовлетворение его снижающая IQ детей деятельность, работа с очень развитыми умственно детьми имела ряд трудностей. Во-первых, это крайне требовательные ученики, нуждающиеся в разнообразном, выходящем за пределы школьного учебника материале, то есть их нисколько не удовлетворял мало знавший учитель, они быстро замечали его неподготовленность и ошибки. Соответственно, таким ученикам нужен был сильный учитель. Во-вторых, перед учителем оказывался класс с очень большой разнородностью – широким спектром интересов данных учеников. П.П. Блонский подчеркивал: «Эти ученики – дети с резко выраженными индивидуальными отличиями. Вот почему в массовой школе с ними очень трудно работать» [3, с. 28].

При описании детей с высоким IQ П.П. Блонский подметил одну очень важную деталь, заключающуюся в том, что они полны исследовательского духа. Ученый пишет: «Их ум широк и в то же время объективен в том смысле, что именно для них более всего характерно объективное отношение к проблемам. Также в высшей степени сильно развита у них способность “знать, когда они знают” и самокритицизм, а также критическое отношение к другим, переходящее иногда в тонкий юмор. Их работы отличаются оригинальностью и творческим характером» [3, с. 29].

Наблюдая за детьми с высоким IQ, П.П. Блонский констатировал, что они отличаются хорошим развитием речи, особенно письменной, в музыке им лучше дается оценка музыкальных произведений и они менее монотонны в исполнении. В рисовании, как отмечал ученый, они лучше понимают теорию и приспосабливают свой графический материал для конкретной цели.

Общаясь с учителями подобных детей, П.П. Блонский просил охарактеризовать своих учеников. В подавляющем случае учителя отмечали, что дети с высоким IQ отличаются большим самообладанием и сдержанностью, а

также надежностью, развитой ответственностью и уважением к правам других. Они обладают хорошим умением обращаться с людьми и обыкновенно пользуются авторитетом у товарищей. Эти дети характеризуются силой воли и настойчивостью, то есть оказываются детьми с очень развитой волей. Они превосходят остальных детей не только интеллектуальными, но и общественными, и практическими интересами. В эмоциональном отношении эти дети отличаются эмоциональной сдержанностью, но отнюдь не бедностью эмоций, наоборот, их эмоции гораздо богаче и сложнее, гораздо менее примитивны, чем у остальных детей. Таким образом, согласно характеристике П.П. Блонского, дети с высоким IQ вовсе не «только ум» [3, с. 30], но и развитые воля и эмоции, а это значит, что у них присутствует комплекс высоко развитого поведения, включающий сильное внимание, прекрасно действующий ассоциативный аппарат, понятливость, инициативную, ярко целенаправленную и целеустойчивую волю, развитую речь, эмоциональную сдержанность.

Однако, давая такую характеристику детям с высоким IQ, ученый вслед за учителем замечал: «Расхождение между умственным развитием детей, их знаниями и их нахождением в данной группе не может не отражаться на их поведении в школе. Было бы ошибочно представлять себе их как полное совершенство… Учителя нередко жалуются на их недостатки» [3, с. 31].

Анализ полученных данных позволил П.П. Блонскому четко систематизировать эти недостатки. К первой группе он отнес леность и неаккуратность. Ученый пишет: «Тип способного, но ленивого ученика общеизвестен. Легко догадаться о причине этой лени. Предлагаемый учебный материал слишком легок и элементарен. Как элементарный он скучен для них. Как на слишком легком, на нем не могут выработаться трудовые привычки» [3, с. 31].

Ко второй группе недостатков П.П. Блонский относил тщеславие и высокомерие. Как замечал ученый, «…этот ребенок в своем роде “первый в деревне”. Его постоянно хвалят и ставят в пример, как лучшего ученика. Он – вне конкурса. С ним никто не конкурирует, и первенство его общепризнано. Невольно у него развивается тенденция считать себя “первым в городе”. Нечего говорить, сколько горьких разочарований готовит это в будущем» [3, с. 31].

Также П.П. Блонский отметил еще одну важную деталь: в детях с высоким IQ его поразило ярко выраженное стремление к оригинальному творчеству, например, стремление переделать данное указание, изменить его, сделать по-своему, а не механически подражать. Как заметил ученый, это же стремление делает для них очень неприятной исполнительскую механическую работу. «Эти дети, с обычно очень ярко выраженной целевой установкой, предпочитают нередко скакать прямо к цели, не очень задерживаясь на препятствиях. Если умственно недоразвитый ученик, вообще не любящий писать, из разных видов писания предпочитает само себе довлеющее механическое списание, то ребенок с высоким IQ очень любит

писать как раз сочинение, но больше увлекается замыслами этих сочинений и в глубине души предпочел бы, чтобы эти сочинения сами написались. По отзывам ряда учителей, самые лучшие по внешности тетради – тетради не этих детей» [3, с. 32].

И еще одну важную деталь отметил П.П. Блонский, подчеркнув, что недостатки этих детей – леность, неаккуратность и небрежность в работе, тщеславие, стремление к командованию, чрезмерный индивидуализм и эгоизм – бросались в глаза лишь в первое время. Дети с высоким умственным развитием способны к большому самокритицизму, а также к быстрой приспособляемости и понятливости. Поэтому они довольно легко и быстро избавлялись от недостатков, если оказывались в среде, не способствующей их развитию.

Вызывает интерес у нас и подход П.П. Блонского к проблеме нахождения в смешанной группе умственно выдающихся детей и умственно-недоразвитых (термин П.П. Блонского). Он говорил о вреде подобного «объединения», хотя его оппоненты считали, что последние пользуются помощью первых, состязаются с ними, тянутся к ним и подражают им. Ученый категорически заявил: «Все это неверно. Никто не конкурирует с заведомо более сильным. Наоборот, последний подавляет: в смешанных группах умственно-недоразвитые дети вытеснены из органов самоуправления и не пользуются никаким авторитетом. Они совершенно забиты, оттеснены на задний план. Изучение детских компаний неизбежно всегда обнаруживает, что тянутся и сближаются друг с другом обычно дети с одинаковым IQ. Умственно-недоразвитые дети и в смешанных группах, таким образом, обособленны при ежедневно подчеркиваемом неравенстве. Помощь же сильных выражается чаще всего в делании работы за слабых, а вовсе не в обучении их» [3, с. 34].

Этому тезису П.П. Блонский противопоставляет идею о том, что единой группы умственно выдающихся детей фактически не существует, так как этим детям присуще свойство иметь очень сильно выраженные индивидуальные особенности. Эти дети заметно отличаются друг от друга: один выделяется в одном направлении, например, увлекается чтением, а другой предпочитает математику. Поэтому ученый обращался к организаторам школьного дела: «Мечтать создать однородную группу умственно выдающихся детей значит не понимать своеобразия этих детей. Это своеобразие тем больше, чем развитее эти дети» [3, с. 34].

Еще одна проблема работы с данными детьми была связана с учителем. Как отмечал П.П. Блонский, интеллектуальная сила умственно выдающихся детей приводила к тому, что учитель просто-напросто бездействовал, проходя только обычную программу. А это приводило и к бездействию детей. Соответственно, занятия предрасполагали учителя к небрежности. Но не лучше обстояли дела и тогда, когда учитель, наоборот, увлекался и занимался с детьми по расширенной программе. Эта «система обогащения», состоявшая в том, что проходилась обычная программа, но с

деталями на богатом материале, с массой упражнений, не приносила, по мысли ученого, никакой пользы. Это было связано с тем, что дети с высоким IQ очень разнородны, система обогащения же подвергала их «равной обработке», притом очень интенсивной. Таким образом, происходила нивелировка, и, как подчеркивал П.П. Блонский, при этом очень энергичная.

Какой же выход из этой ситуации видел сам ученый? Проанализировав научные данные, полученные и самостоятельно, и с помощью учителей в ходе экспериментальной работы, П.П. Блонский пришел к выводу: единственный выход из положения – в индивидуализации обучения детей с высоким IQ. Индивидуализация заключается в том, что дети должны проходить обычную программу в обычном темпе, как все остальные ученики, но появившийся у них вследствие их высокого IQ излишек свободного времени не должен оставаться незаполненным. Он должен быть заполнен индивидуально каждым таким ребенком его любимыми занятиями. «Школа, – отмечает ученый, – должна дать этим детям возможность отдаться своим увлечениям. При этом у одного на эти свои любимые занятия остается одно количество времени, а у другого – гораздо большее или меньшее» [3, с. 35]. Исходя из этого ученый приходит к выводу о проявлении индивидуализации в дополнительных индивидуально-избранных занятиях и в разном времени, уделяемом разными учениками на эти дополнительные занятия. При этом данные занятия не должны выглядеть как отдельные уроки по отдельным предметам, так как по причине разнообразия этих предметов сделать это организационно невозможно. По мысли П.П. Блонского, детям необходим широкий простор для их инициативы и самодеятельности, в выборе пути для своих занятий. При этом для них необходимо обеспечить возможность проявить свои творческие способности. Высказанные ученым опасения, что дети увлекутся этими занятиями в ущерб обязательному минимуму, оказались преувеличенными, так как школьники с высоким IQ благодаря быстрой приспособляемости хорошо регулировали свои дела.

Подводя итоги, можно констатировать, что многие идеи крупного советского ученого П.П. Блонского, касающиеся воспитания умственно выдающихся детей, не потеряли своей актуальности и в наши дни. Это связано с тем, что в 20-е годы прошлого века педологами были проведены масштабные исследования школьников на основе тезиса ученого: «Для того, чтобы уметь воспитывать ребенка, надо знать его» [3, с. 12]. Таким образом, современным исследователям важно понять, почему ученики с высоким IQ оказались трудными школьниками и какова задача школы, учителя по поиску, поддержке и сопровождению одаренного ребенка с учетом его интересов и мотиваций. На наш взгляд, ответы на эти вопросы можно найти в трудах П.П. Блонского, учитывая при этом итоги исследований современных ученых и дидактические наработки педагогов-практиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения в 2 т. Т. 1 / под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. 304 с.
2. Летняя школа «Одаренные дети»: учебно-методическое пособие и рабочая тетрадь организаторов и участников профильного лагеря / под ред. Н.П. Сенченкова. Смоленск, 2016. 78 с.
3. Наука о развивающемся ребенке: хрестоматия по педагогике. Кн 2. М.: Прометей, 1990. 160 с.

N.P. Senchenkov

P.P. Blonsky on Upbringing Intellectually Gifted Children

Key words: *P.P. Blonsky; intellectually gifted children; troubled children; upbringing; pedology.*

The article describes the most essential ideas of P.P. Blonsky on raising intellectually gifted children who are at the same time troubled children because of their specific development.

А.М. Петрунин

Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского

УДК 37.01

Информационная рациональность, мудрость и проблемы воспитания современной молодежи

Ключевые слова*: наука; информация; мудрость; рациональность; кризис; воспитание; вечность; красота; добро; истина; счастье; свобода.*

Статья посвящена исследованию проблемы развития информационной рациональности, значение которой может не иметь отрицательных последствий, если в основе ее будет находиться мудрость. Она направляет развитие информационной рациональности на поиски вечности, красоты, добра, истины, счастья и свободы в жизни человека. Показаны пути совершенствования воспитания современной молодежи.

Чем энергичнее и стремительнее развивается информационное общество, тем очевиднее не только его успехи, но и появление проблемы некомфортности его для человека. В чем причина этого, казалось бы, верного направления непрерывного совершенствования ранее неведомых основ социальной жизни?

Ответы на этот вопрос могут быть разными, но основная причина заключается, с одной стороны, в преувеличении роли информационной ра-

циональности, на основе которой и происходит развитие современного общества, а с другой – в принижении и забвении мудрости человека.

Предшественницей информационной рациональности является научная рациональность, корни которой уходят в эпоху Нового времени. Но уже в эпоху Просвещения Ж.-Ж. Руссо предупреждал об опасности, которая заложена в развитии научной рациональности. А в последующее время проблема только обострялась. Ведь научная рациональность рассматривалась как основа избавления человека от многих невзгод и проблем. Мудрость же оказалась не у дел. Более того, некоторые философы, недооценивая роль мудрости, пытались избавиться от нее. Так, в работе «Мудрость или разум?» Г.Г. Шпет, принижая и отрицая какую-либо положительную роль мудрости в жизни человека и общества, вместе с псевдофилософией противопоставлял ее философии [14, с. 223–224]. Развитие самой философии привело к тому, что в ней, по мнению А.Н. Чанышева, «…все больше знаний и все меньше мудрости» [13, с. 231].

Несмотря на дальнейшую недооценку мудрости, становилось все яснее, что человек без нее жить не может, а обострение социальных и экологических проблем в XX веке напомнило об опасности научной рациональности и необходимости вести гуманитарный контроль за развитием ее высоких технологий. В статье «Знание и мудрость в глобализирующемся мире» В.А. Садовничий обратил внимание на то, что знание имеет огромное значение для развития общества, тем не менее он, исходя из своего понимания мудрости как «…способности принимать и усваивать опыт жизни предыдущих поколений», указал на необходимость «….усваивать его творчески и критически» [11, с. 12].

Знания об информационной рациональности, являясь современным видом научной рациональности, усиливают свое влияние на социальную жизнь. Они также требуют нового подхода к проблеме воспитания современной молодежи. Итак, обозначенная нами проблема актуальна, более того, по мере развития информационного общества непрерывно обостряется.

Чтобы рассмотреть ее, необходимо, прежде всего, уяснить сущность информационной рациональности, мудрости и особенности информационного воспитания.

Слово «рациональность» происходит от латинского *ratio*, обозначающего *разум*. Рационализм же – это особое свойство разума. По мнению Г. Башляра, его «…следовало бы определить как очевидно возобновляемое мышление, и возобновляемое ежедневно» [1, с. 98]. В философском энциклопедическом словаре уточнено: «Рациональность – разумность, характеристика знания с точки зрения его соответствия наиболее общим принципам мышлении, разума» [12, с. 719].

Важными видами проявления рациональности могут быть философская рациональность, математическая рациональность, научная рациональность и др. Разновидностью научной рациональности является информацион-

ная рациональность, которую можно определить как высший уровень организации и развития знаний в информационных технологиях. Информационная рациональность – это логическая система символических понятий, отражающая уровень развития специфических знаний об информации.

Понятие рациональности сложное и имеет полисемантическое значение. В работе «О природе рационализма» Г. Башляр приводит тезис Э. Брейе о рационализме: «Рационализм, – говорит он, – отнюдь не является легкой, плоской и общедоступной вещью, которую можно резюмировать в нескольких фразах» [1, с. 107]. Рациональное означает положительное решение проблемы, а рациональность несет на себе элементы как обособления, так и недооценки других факторов, влияющих на решение поставленных задач. Вот почему в философском энциклопедическом словаре подчеркнуто, что «понятию “Р.” свойственны и *неясность* и *неточность*» [12, с. 719].

Широкий подход к пониманию слова «рациональность» позволяет осмыслить и точнее определить влияние различных форм ее проявления на формирование творческой деятельности человека и его логическую культуру, которые в каждую эпоху имели свои особенности. Например, философская рациональность Древней Греции отличается от средневековой религиозной рациональности, научная рациональность Нового времени – от просветительской рациональности эпохи Просвещения, капиталистическая рациональность – от пролетарской рациональности и т.д. Одним из течений рациональности является рационализм, анализу которого посвящена книга «Исторические типы рациональности» (см. [3]). В ней авторы, исследуя рациональность, выявляют ее виды и формы, а также влияние на развитие человека и общества.

Разновидностью научной рациональности является современная информационная рациональность, которая, являясь более высокой формой рациональности, характеризуется динамичностью, пластичностью, символичностью, что позволяет использовать ее всесторонне, быстро, гибко, тонко и во всех сферах жизни человека и общества. Ее ценность принимает универсальный характер и составляет основу развития культуры информационного общества. Опираясь на информационную рациональность, современное общество сделало шаг вперед в своем развитии. Перспективы этого развития более заманчивы, чем развитие индустриального общества. Тем не менее процесс информатизации общества, вызывая тревогу у консерваторов, подвергается критическому переосмыслению. Дело в том, что информационная рациональность, являясь одной из форм развития науки и культуры, способна абсолютизировать возможности человека и сделать его господином природы, дать ему право контролировать процессы ее развития. Кроме этого она может как помочь человеку осознать свои разумные интересы, потребности и проявления свободы, так и сделать эти возможности виртуальными.

Что получилось в результате развития научной рациональности? Если научно-технический прогресс, основанный на научной рациональности

XX столетия, привел к глобальному экологическому кризису, а военные противоречия социализма и капитализма поставили человечество на грань катастрофы, то информационная рациональность закладывает основы новой жизни, сущность которой трудно определить. Информационная рациональность имеет много преимуществ перед научной рациональностью прошлого века. Она обладает гигантскими возможностями в экономике, социальной жизни, управлении, развитии духовности. Развитие информационной рациональности предъявляет такие непрерывно растущие требования к разуму человека, которые не каждое сознание в состоянии осмыслить. А это – новые, ранее неизвестные проблемы для человека. Оно также может оказать отрицательное влияние на состояние атмосферы, растительного и животного мира. По мнению специалистов, только «…компьютеры и мобильные телефоны приводят к потере зрения и раку мозга» [6, с. 274]. Здесь необходимо возразить оппоненту, что положительное или отрицательное воздействие получается не от самих информационных технологий, а от умения пользоваться ими. Очевидно, что это зависит и от воспитания современной молодежи. Ее информационное воспитание требует своего исследования.

Развитие информационной рациональности может не только привести к увеличению свободы личности, но и, наоборот, повлиять на психику человека, ускорить процесс ее изменения и, в зависимости от длительности и интенсивности взаимодействия с информационными технологиями, лишить ее свободы, то есть подчинить ее себе. Ученые подсчитали, что каждый десятый пользователь социальных сетей в мире является интернет-зависимым [5]. Анкетирование 180 человек (60 студентов, 60 учащихся, 60 преподавателей), проведенное студентами Тульского областного медицинского колледжа, показало: «…лишь по 10% учеников и студентов осознают, что чрезмерное увлечение Интернетом может негативно повлиять на учебу, преподаватели отрицают такое влияние, однако 43% студентов, 25% школьников и 17% педагогов считают, что иногда Интернет отвлекает их от непосредственных обязанностей» [4, с. 123].

Дружба без интернет-общения и мобильного телефона становится все более проблематичной. Меняются, наполняются новым содержанием и многие другие понятия, которые для человека недалекого прошлого имели несколько иное значение.

Многие философы и педагоги озабочены сложившейся ситуацией. На вопрос «Как быть?» отвечают по-разному. Одни предлагают исключить все лишнее в Интернете, найти такие подходы к его развитию, которые бы формировали у пользователей разумную меру культуры. Такой ответ может быть оправданным, так как «существенную часть знаний, убеждений, эмоциональных предпочтений и установок обучаемый всегда получал от общения с другими людьми, от тех коммуникаций, которые в итоге определяют его индивидуальность и меру культуры» [10, с. 222].

Другие намечают пути гуманизации информационных технологий, предлагают вернуть их в педагогическое поле. В.А. Мясников пишет: «Специалистами подсчитано, что не менее 70–80% образовательных воздействий, порождаемых информационными контактами, находятся вне педагогической практики» [7, с. 190]. Третьи предлагают все ту же информационную рациональность, только считают, что необходимо обеспечить более интенсивное информационное воспитание молодежи. «Для реализации целей и направлений профилактики, – пишет Г.Н. Конаныхина, – необходимо разработать программы и комплекс апробированных мероприятий на уровне лечебно-профилактических учреждений, школ, вузов, семей и т.д.» [4, с. 125].

Современные примеры отношения человека к информационным моделям мира, с одной стороны, имеют много положительного, с другой – не предвещают радужных перспектив. Очевидно, что виртуальная реальность может существовать, но живой человек в ней жить как прежде не сможет. Это обусловлено тем, что, во-первых, какие бы художественные миры ни строил человек в XX веке и какие бы информационные виртуальные миры ни создавал разум человека в XXI веке, смерть всегда напоминает ему о бренности реальной жизни. Как жить человеку в этих всевозможных виртуальных мирах, зовущих его к себе, но не дающих того, что больше всего необходимо для его жизни? Во-вторых, все выдающиеся завоевания в области информационных технологий быстро или в первую очередь идут на службу государству, которое применяет их в своих интересах, а часто и против народа, не говоря уже об отдельных личностях. Это естественно, ведь у власти находятся тоже люди, которые стремятся по возможности жить лучше, богаче, чем другие. Такие люди, находящиеся при власти и злоупотребляющие ей, имеют свои мысли, в том числе и относительно проблемы информационной рациональности, мудрости и воспитания.

Чем быстрее происходит процесс виртуализации общественной жизни, тем острее напоминает о себе мудрость и необходимость воспитания современной молодежи. Известно, что человеку хочется всего, молодому – особенно. Он желал бы не только жить в виртуальном мире, но и жить вечно, красиво, добро, истинно, счастливо и свободно. Однако виртуальный мир, имея много достоинств, может дать человеку только надежду и веру в него, а любовь к нему разума естественна. Получается, что в перспективе информационная рациональность сравнима с рациональностью религиозной. Разница между ними в том, что в религиозной рациональности бог, мир божий один, и если ты жил честно, то после смерти попадешь в рай, а если много грешил, то ада тебе не миновать.

Информационная рациональность – дело совсем другое. Человек сам себе строит такой мир, какой ему видится самым лучшим. Создав его, он уже стремится жить по-иному, забыв о своей биосоциальной сущности, которая властно требует избегать подобных виртуальных рациональных представлений, выдумок и игр. Жить нормально вместе с природой, жить в

обществе по-человечески в условиях информационной рациональности становится все сложнее. Ведь разные фантазии, модели природы, общества, игры, удивительные истории, сказки, загадки всегда притягивали разум человека. Обстановка, все более располагающая к этому, не дает возможности разуму отказаться от подобных удовольствий.

По нашему мнению, любой вид виртуальной рациональности можно охарактеризовать как молодой пытливый и зреющий разум, мечтающий об абсолютном добре, об абсолютной воле, об абсолютной идее и т.д. Молодой разум – это самой быстрый, ловкий, абсолютный чемпион, мировая звезда, самый богатый, самый денежный, самый исключительный и т.д. и т.п. Нет конца поиску тех основ, которые могли бы сделать человека самым исключительным (идеальным и «нечеловечным»). Понятно, что под воздействием информационной рациональности человек меняется. Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор В.И. Слободчиков выдвинул идею о том, что происходит процесс «расчеловечивания человека». Чтобы остановить этот процесс, необходимо совершенствовать образовательную деятельность и воспитательную работу.

Агональность (состязательность), заложенная в философской рациональности Древней Греции, расцветает пышным цветом в современной Европе и Америке. Как следствие, современная западная цивилизация быстро обнаружила свои пределы, ускоряется процесс разрушения ее культурного стержня, девальвации разумных основ жизни, теряется идентичность нации, семьи, утверждаются двойные стандарты и меняются ценности человека. Очевидно, что и современный информационный рационализм, базирующийся на информационных технологиях и финансах, является основой, на которой бурно развиваются предпосылки, ведущие западную цивилизацию к очередному кризису, который можно было бы назвать информационным.

В этих условиях необходимо развивать зреющий молодой разум до зрелого ума, который видит жизнь не виртуальной, как детскую забаву или игру, а настоящей – от юности до зрелости и старости. Зрелый ум исключает всевозможные крайности информационной рациональности, страсти, увлечения виртуализацией и ориентирует на меру, сдержанность и молчание. Известно, что мера – основа мудрости, проявляющейся в мастерстве высочайшего класса. Как же соотносятся мудрость и информационная рациональность? Первая попытка решения проблемы была предпринята в начале третьего тысячелетия (см. [8]).

Еще в XX веке было известно, что мудрость, знание и информация – отнюдь не равнозначные понятия. Т. Элиот, определяя их различие, сказал: «Человек в погоне за знаниями теряет мудрость, а в погоне за информацией он теряет знание». Информация – это более рационализированное знание, которое, все дальше отходя от истины к символу, уводит человека от основ реальной жизни. Да и современная философия как философский разум имеет множество разных форм. Она уже не так

эффективно может повлиять на ход развития информационной рациональности, как это было возможно десять лет назад (см. [2]).

Получается так, что мудрость не утратила своего значения и в условиях информационной рациональности. Более того, информационная рациональность, опираясь на мудрость, может повысить свое значение в решении жизненных проблем современного человека и общества. Да, в разуме сила человека, а в информационной рациональности эта сила возрастает. Тем не менее нельзя допустить ее абсолютизации, которая может привести к отрыву от жизни. Мудрость же, ориентируя развитие информационной рациональности на гуманные основы, помогает ей более эффективно влиять на развитие человека и общества, исключая различные формы абсолютизации и стихийности. В этом и смысл воспитания современной молодежи, который раскрывается через воспитание духовного богатства, творчества и мудрости самой информационной рациональностью.

Выдающиеся философы видели элементы проявления мудрости в мастерстве высочайшего класса, сравнимом с божественным. Не случайно они, обращаясь к космосу (небу), природе, народу, единству противоположных сторон, мере, ритму, видели в них некое совершенство, недоступное разуму, но раскрыть всю полноту этих явлений и показать, в чем проявляется мудрость, оказалось делом сложным.

Нами проведено исследование понятия мудрости (см. [9]). В результате выявлено, что мудрость – многозначное слово. Мы определили, что под мудростью следует понимать единство знаний и опыта жизни, основанных на учете универсума Вселенной, гармонии в природе, лада в народе, диалога оппонентов, меры и ритма жизни человека, побуждающих его постоянно стремиться к вечности, красоте, добру, истине, счастью и свободе.

Думается, что информационная рациональность в своем мастерстве не уступает мудрости, а в чем-то и превосходит ее, помогая человеку в его стремлении достичь своих идеалов. В то же время если информационная рациональность благодаря своим свойствам может притягивать человека к своим безграничным виртуальным идеалам, то познание мудрости ведет к утверждению вечности, красоты, добра, истины, счастья и свободы – реальным символам жизни. Нельзя ни преуменьшать, ни преувеличивать роли того или иного фактора в современной жизни человека и общества. Важно понять, что должен делать человек для того, чтобы стать еще лучше и совершеннее. Информационная рациональность и мудрость могут оказать помощь молодому человеку в решении этой проблемы.

Взвесив все на весах мудрости, мы получим реальные основы жизни человека, на весах информационной рациональности мы можем получить более совершенные основы жизни человека и общества, но это лучшее только для разума человека. Полученное различие весьма существенно. Проведем

краткий анализ соотношения информационной рациональности и мудрости и определим основные направления воспитания молодежи.

Отметим, что рациональность всегда временное явление, а стремление человека к вечности позволяет ему управлять развитием рациональности и принимать только ту ее часть, которая больше всего способствует его стремлению к вечности. Мудрость человека в том и проявляется, что он, умирая, постоянно утверждал вечность в своих делах, творениях. В этой связи и развивать надо ту информационную рациональность, которая способствует вечности жизни человека.

Информация красивой не может быть, она может быть достоверной или ложной. Но обращение человека к природе делает его здоровым и красивым. Развитие информации (информационной рациональности) должно осуществляться с учетом природных основ человека и, возвышая его, утверждать красоту и величие. В этом и состоит приоритет мудрости перед рациональностью, в том числе и информационной. Информационная рациональность также может побуждать человека к природе и красоте. Но они не естественные, даны только разуму как надприродному явлению.

Информация усиливает разум индивида, который может оторваться от народа. Но для народа информационная рациональность слишком абстрактна, из-за неопределенности она может ввести в заблуждение большие массы людей. В то же время единство и лад с жизнью народа делает человека (специалиста в области информационных технологий) добродетельным, ответственным, нравственным. Народ воспринимает только ту информацию, которая несет в себе добро и благо. Жить в единстве и в ладе с народом – значит быть мудрым представителем огромной армии специалистов, занятых в области развития информационных технологий.

Мудрость проявляется в диалоге оппонентов, которые, владея противоречивыми видами информации, не должны допустить взаимного уничтожения. Преодоление противоречий возможно только на основе диалога. Что происходит в Украине? Без диалога оппозиции и правительства это государство (оппоненты) может погибнуть. Диалог оппонентов – основа мудрости, а развитие информационной рациональности, помогающей преодолеть кризис в отношениях оппонентов, – важная задача представителей власти и СМИ.

Информационная рациональность безмерна. Но мера и стремление к ней обусловливают мудрость специалиста в области информационных технологий. Нельзя потопить человека в море информации. В этом случае, по мнению специалистов, мудрость может выступить в качестве смирительной рубашки для разбушевавшейся (бесконтрольного развития) информационной рациональности. Человек может усвоить ее только в той мере, в которой его организм и духовные возможности позволяют вести накопление, освоение и реализацию. Найти свою меру информации – спасение человека. Безмерная информация может быть губительной для него. Каким же надо быть мудрым наставником молодежи, чтобы не дать ей погибнуть или испытать отвраще-

ние к информационным технологиям! Очевидно, что мера – основа мудрости, являющаяся важным условием развития информационной рациональности.

Ритмичность – свойство информации и основа ее развития, но и человек – существо ритмичное. По ритму он определяет время и порядок своих дальнейших действий. Однако информационная рациональность может сбить ритмы жизни человека и навязать ему свою систему ритмов, в результате которой человек может оказаться заложником информационной рациональности, сбиться с ритма жизни и потерять себя во времени. А время всегда требует от человека точности. Ритмичность жизни, помогая человеку сделать выбор, обусловливает проявление его свободы. Если информационная рациональность ритмична и человек работает с ней в унисон, то успех дела может быть обеспечен. В этом и проявляется мудрость человека, который живет ритмично и, таким образом, может освоить самые сложные информационные технологии. Свобода – важнейшее качество человека, условие развития современной информационной рациональности, а ритмичная жизнь – отражение основ выбора и проявления мудрости человека. Информационная рациональность – наиболее полное выражение свободы, но эта свобода – свобода разума, мысли.

Совершенно очевидно, что мудрость должна оберегать информационную рациональность от нарушения всевозможных мер своего развития, а современная молодежь, приобщаясь к знаниям мудрости, не должна отдавать приоритет виртуальной жизни, полнота и богатство которой могут обернуться грезами. В своей молодой жизни надо исходить из тех основ мудрости, которые, упрочивая реальную жизнь, ориентируют ее на достижение в будущем более достойных и совершенных форм.

Обозначим основные направления психолого-педагогической работы по организации взаимодействия информационной рациональности и мудрости в процессе обучения и жизни.

Приоритетным направлением могло бы быть воспитание современной молодежи в духе стремления не только быть знатоком всего, но и учитывать специфику молодого организма, жизнь которого только начинается; важно постепенно, из года в год, в меру овладевать информационной рациональностью, отлично учиться и в меру жить, ориентируясь на жизнь мудрых педагогов. Ничто не делает молодого человека таким счастливым, как соблюдение чувства меры. Мера – то, что исключает избыток и недостаток. Для молодежи научиться понимать свою меру во всем – начало большой и полной жизни.

Вторым направлением могло бы быть воспитание приоритета в общении с товарищами, коллегами по работе, с друзьями по сравнению с общением с Интернетом и социальными сетями. Реальная жизнь продуктивнее по сравнению с виртуальной. Никто не может сказать о тебе так, как надо, кроме оппонента. Он подскажет, как решать проблемы информационной рациональности и проблемы мудрости.

Третье направление – воспитание молодежи в духе истины, знание ее поможет понять значение информационной рациональности, смысл виртуальной реальности и понять реальную жизнь, которая исключает желание обмануть, поступить нечестно, что-то скрыть, украсть и т.д. Молодой человек, воспитанный в духе истины, самостоятелен, имеет свое мнение и чувство собственного достоинства.

Четвертое направление – воспитание молодежи в духе высокой нравственности, в основе которого находится понятие «добро». Информационная рациональность, безусловно, добро. Добро является и важным элементом мудрости. Но злоупотребление информационной рациональностью, непрерывная работа в Интернете и социальных сетях могут породить зло. Мудрость на основе меры определяет то и другое.

По каждому направлению могут быть свои методы, приемы и формы воспитания. Мы отметим, что традиционными методами воспитания являются личный пример педагога и владение мудростью, сочетанием информационной рациональности и мудрости. Метод убеждения развивает стремление молодого человека соблюдать определенные нормы, правила в понимании информационной рациональности и мудрости, в их сочетании и применении. Метод упражнения применяется в развитии как знаний информационной рациональности, так и мудрости. Для этого разрабатываются задания, которые должны выполнить обучающиеся. Метод поощрения применяется для развития настойчивости и самостоятельности в стремлении обучающегося достичь больших знаний и мудрости. Метод наказания применяется к тем, кто не желает работать, учиться, не формирует из себя настоящего человека. Но метод наказания можно применить только в исключительных случаях.

К нетрадиционным методам воспитания можно отнести такие, как тренировки, ответственные задания, которые раскрывают знания не только информационной рациональности, но и мудрости (вечности, красоты добра, истины, счастья и свободы). Ставится задача найти эту связь и определить степень их единства, затем указать направления развития их единства. Любая форма информационной рациональности так или иначе связана с основами мудрости.

Итак, мудрость и информационная рациональность должны взаимодействовать, помогать друг другу. Они не могут быть едины. Да мудрость и не должна быть равной информационной рациональности. Она должна корректировать развитие информационной рациональности в направлении создания настоящих человеческих ценностей, утверждающих стремление молодежи к вечности, красоте, добру, истине, счастью и свободе. Безусловно положительной и больше всего необходимой будет та информационная рациональность, которая побуждает и призывает молодого человека стремиться к идеалам мудрости: вечности, красоте, добру, истине, счастью и свободе. Без воспитания и опоры на эти взаимосвязанные основы мудрости информационная рациональность может породить более глубокий кризис в жизни че-

ловека и общества, чем все предшествующие виды кризисов, вызванные развитием других видов рациональности, по-своему повлиявших на ход истории.

Исходя из вышеизложенного материала, сделаем краткие выводы.

Во-первых, информационная рациональность и мудрость оказывают большое влияние на развитие человека и общества.

Во-вторых, информационная рациональность – высшая форма научной рациональности – является самой молодой и быстро развивающейся. Она, превосходя в своих возможностях по некоторым показателям мудрость, не должна отрываться от нее, господствовать над человеком.

В-третьих, информационная рациональность не должна развиваться ради самой себя и для себя, ее цель – задавать определенную планку, помогать человеку возвыситься, делая его более совершенным и человечным. Для этого надо больше обращать внимание на развитие той информационной рациональности, которая ближе к человеку и обществу, которая формирует у человека стремление к вечности, красоте, добру, истине, счастью и свободе. Эти ценности были и остаются смыслом жизни для большинства людей.

В-четвертых, чем больше специалист в области информационных технологий будет опираться на основы мудрости – вечность, красоту, добро, истину, счастье и свободу, тем эффективнее будут результаты его информационного творчества, великодушнее и совершеннее будет он сам.

В-пятых, развитие форм и методов воспитания современной виртуальной молодежи – важная задача воспитателей и научно-педагогических работников вузов. Очевидно, что воспитание обучающихся в духе информационно-рациональной мудрости и мудрой информационной рациональности – актуальная проблема современной педагогики.

Таким образом, мы, рассмотрев проблемы информационной рациональности, мудрости и воспитания современной молодежи, считаем, что есть основы для размышления не только специалистов в области информационных технологий, философов, но и педагогов, воспитателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башляр Г. О природе рационализма // Феномен человека. М.: Высш. шк., 1993. С. 96–108.

2. Гайденко П.П. Рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.

3. Исторические типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. Т. 1. М.: ИНФРАН, 1995. 350 с.

4. Конаныхина Г.Н. Психологическая зависимость от социальных сетей и меры по ее профилактике // Личность в пространстве и времени: сб. науч. ст. V международной научно-практической конференции / под ред. И.В. Морозиковой, Н.П. Сенченкова, К.Е. Кузьминой. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. С. 121–126.

5. Малыгин В.Л. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика. М.: Мнемозина, 2010. 136 с.

6. Михалев-Волоогов В.М. Почему человечество погибнет от научно-технического прогресса // Авраамиевские чтения: сб. науч. ст. Вып. X. Смоленск, 2013. 358 с.

7. Мясников В.А. СНГ: информационное взаимодействие в образовании в контексте глобализации // Социально-гуманитарное знание. 2002. № 4. С. 176–190.

8. Петрунин А.М. Информатизация общества и проблемы воспитания информационной мудрости // Информатизация общества и проблемы образования: материалы научно-практической конференции 25–27 марта 2002 года. М.–Смоленск: Изд-во ИПИРАН, СГПУ, 2002. С. 45–49.

9. Петрунин А.М. Философия мудрости: Исследование понятия мудрости от генезиса до системного знания. Смоленск: Маджента, 2010. 224 с.

10. Разумный В.А. Драматизм бытия или обретение смысла. Философско-педагогические очерки. М., 2000.

11. Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 5–27.

12. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 719–721.

13.Чанышев А.Н. Мировоззрение и философия // Мысли и жизнь. Ч. 1. Уфа, 1993. С. 226–240.

14. Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 222–278.

A.M. Petrunin

Information Rationality, Wisdom and the Problems of Education of Modern Youth

Key words: *science; information; wisdom; rationality; crisis; education; eternity; beauty; the good; truth; happiness; freedom.*

The article investigates the problem of development of information rationality, which may not have negative consequences if it is based on wisdom. It will direct the development of information rationality in search of eternity, beauty, the good, truth, happiness and freedom in modern life. The author shows the ways to improve the education of contemporary youth.

Н.Ю. Налётова, Н.П. Сенченков

Смоленский государственный университет

УДК 37.01

Обучение духовному опыту в контексте педагогики «внутреннего делания» просветителей Руси (преп. Авраамий Смоленский)

Ключевые слова: *православие; образование; внеинституциализированные формы образования; преподобный Авраамий Смоленский.*

В центре данной статьи – тезис о конструктивном значении в развитии образования, обучения, воспитания различных способов личностной синергии – таких категорий, как «самобытность, «воля», «дух», «вера», «выбор». В такой мыслительной парадигме на первый план выхо-

дят конкретные люди, благодаря нравственным усилиям которых формируется национальное образование и культура.

Проблемное поле историко-педагогической рефлексии достигает сегодня предельной широты. В переосмыслении и пересмотре нуждаются не только конкретные области и темы, но и духовно-культурное содержание, которое слагает дискурс отечественного образования, обуславливает источники его развития.

Историко-педагогические источники показывают, что в формировании, сохранении и развитии отечественных образовательных традиций важную роль играет **внеинстуциализированный педагогический опыт** [7]. Внимательный взгляд улавливает, что на протяжении всей тысячелетней истории в России складывается своеобразное социальное движение – монашество, старчество, учительство Русской православной церкви, которое без вмешательства различных институтов власти становится центром духовного воспитания для окружающей среды, своим примером, советом, руководством, творчеством транслируя людям знание законов духовной жизни, оказывая глубокое, непрерывное, иногда определяющее действие на их личностный облик и образ жизни.

Отметим, что эпигенез духовного роста (духовного воспитания) человека связывают с именами византийских монахов-подвижников Иоанна Лествичника, Григория Паламы, Аввы Дорофея, Иоанна Златоуста, Пахомия Великого, ставших родоначальниками аскетической школы – исихазма, школы духовной практики, которая «учит жизни в подвиге, практике богообщения» [10]. На русской почве идея исихазма была осмыслена и развита русскими святыми митрополитом Илларионом, преподобными Антонием и Феодосием Печерскими, Сергием Радонежским, Нилом Сорским, Паисием Величковским, Тихоном Задонским, Серафимом Саровским, Оптинскими старцами, Игнатием Брянчаниновым и Феофаном Затворником.

В философском дискурсе вопросы исихазма затрагивались в трудах отечественных ученых Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Ю.Ю. Булычева, Г.П. Федотова, С.С. Хоружего, а также в работах западных исследователей: о. Иринея Осэра, Фомы Шпидлика.

В педагогической сфере наблюдается четкая тенденция обращения к конкретным подвижникам-просветителям (свят. Тихон Задонский, Иннокентий, свят. Херсонский, преп. Сергий Радонежский, схиарх. Иоанн Маслов и др.) и включение их наследия в современный педагогический контекст.

Как показывают исследования, воспитание в традиции исихазма есть тщательно разработанный поэтапный духовный процесс. Это постоянное духовное делание, центром которого является искренняя (сердечная) молитва, контроль над всеми исходящими изнутри помыслами, покаяние, послушание, многодневное воздержание. Конечно, подобный опыт требует организации специальных условий, которые были созданы в христианских монастырях. Трансляция духовного опыта там происходит в рамках спе-

цифической «антропологической двоицы» [10]. Послушник и его старец, как правило, жили вместе и образовывали теснейшую двойственную человеческую связь, диаду; так что обсуждаемое явление, собственно, заключается в образовании и существовании этой антропологической диады, двух обращенных навстречу друг другу служений: служения Старца и служения Послушника. В сочетании этих встречных служений, их общим действием осуществляется определенный духовный процесс – процесс становления, возрастания, выработки Послушника в Подвижника. Внутри этой пары происходит обучение *путем* сугубо личностного содержания, путем общения, путем руководства, путем передачи мистического и аскетического опыта богоустремленного существования [11].

Однако нельзя не отметить то важное обстоятельство, благодаря которому аскетика может являться областью значимой не только для людей монашествующих. Суть этого обстоятельства хорошо выразил философ С.С. Хоружий: «Исихастский подвиг никогда не мыслился как закрытый эзотерический культ, удел кружка избранных... исихастское сознание закономерно ощутило необходимость утвердить, раскрыть эту общечеловеческую суть исихастской практики, исихастского образа существования. Изнутри традиции рождалось стремление к внесению, трансляции исихазма в мир, окружающую христианскую среду. Если же сознание среды оказывалось благодарной почвой, в нем возникал отклик, встречное стремление к восприятию начал… и в результате жизнь создавала те или иные практические формы, механизмы трансляции» [11].

Эту форму, механизм обучения духовному опыту можно представить в виде педагогического контакта, причем не только как традиционную антропологическую пару *«старец – послушник»*, но и как *«старец – мирской человек»*, а в целом и как *«учитель – ученик»*, *«воспитатель – воспитуемый»*. Конечно, в этом случае трансляция опыта будет «присутствовать отнюдь не во всей своей абсолютной полноте и идентичности, как в исихазме, а только в избранных, в основном в нравственных и этических элементах» [11]. Однако и здесь центром созидающего, руководящего, воспитывающего пространства будет являться личность учителя и данная в нем концентрация.

По Сергию Булгакову, истинный учитель – синоним «подвижник» – продвигающийся, старающийся: «мерность, выдержка, неослабная самодисциплина, терпение, выносливость, верное выполнение своего долга, несение каждым своего креста…» [3, с. 53].

Подобную мысль мы находим у Е.П. Белозерцева, который отмечал: «Монашество, старчество, учительство – феномены одного порядка… Учитель есть делатель, способный преодолеть длительный путь самосозидания и в силу этого могущий брать на себя великую ответственность за духовное мужание других» [2, с. 507].

Обращаясь к российскому культурному контексту, анализируя развитие педагогических процессов на Руси, отметим, что в условиях становления

нового религиозного сознания именно монастыри формировали христианский уклад и аскетический идеал русской жизни. В монастырях, древнейших центрах духовного учительства, развивалась наука, основанная на древних традициях православного Востока, интересная своей неразрывной связью теории и практики. О.Л. Янушкявичене назвала эту науку педагогикой «внутреннего духовного делания» [12, с. 23]. Вся святоотеческая мудрость изучалась в православных обителях не ради обширных теоретических богословских познаний или получения степеней, должностей, но из стремления найти путь образования в себе праведного человека, христианина. Хорошо пишет об этом исследователь М.А. Маслин: «Русь не блистала научными изобретениями, но зато в ней хранилось то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Просвещение глубокое, не материальное, имевшее целью удобства жизни, но внутренне духовное, исходящее из церкви и крепкое согласием нравов и учением веры» [9, с. 35].

В своих стенах монастыри – «лаборатории духа» – создавали совершенно уникальный климат просвещения человека, заключающийся в личном молитвенном общении и последовательном изменении себя для соединения с Богом. Покаяние, насыщенность душевной жизни, способность к самонаблюдению и самокоррекции – таковы задачи древнерусской педагогики.

Основной формой церковной педагогики являлось наставничество опытного духовника, насельника монастыря, от которого воспитанники получали не только знания, но и одновременно практический совет и навык правильной христианской жизни. В этом контексте монашеское самосовершенствование, или, как его называли, делание, являлось педагогическим творчеством, искусством создания нового человека; искусством, «материалом которого являлся человек как целостность, а образ Бога – идеей, одухотворявшей этот процесс».

Монастырь был в первую очередь школой духовного возрастания, причем не только самих монахов-насельников, но и обычного народа. Он был школой-храмом, где просвещалась (вплоть до середины XIX века) вся народная масса. В определенной степени единственным училищем народа был храм с совершавшейся в нем церковной литургической жизнью и проповедью. Церковная проповедь выполняла назидательную функцию. В церковной проповеди, по мнению академика Д.С. Лихачева, «…представления о “должном” и о “сущем” отождествлялись…, детально анализировалось “сущее”, чтобы привести человека к мысли о необходимости осуществлять в жизни “должное”» [5, с. 36]. Причем наш народ имел важное преимущество перед, например, массой христиан Западной Европы, он слушал церковное богослужение и проповедь не на чужом непонятном языке, а на своем собственном.

За пределами храма люди могли получить религиозные знания и представления о христианской нравственности у книжных людей, монахов, посвящавших себя поучениям и беседам с носителями мирского сознания, то

есть с народом. Безусловно, в христианской традиции учительство всегда считалось особым призванием в общественном служении, исполнение которого было сопряжено в первую очередь с подвигом высокой духовной жизни. В исследованиях по педагогической антропологии подчеркивается, что именно учителю – монаху-старцу на Руси присваивалась самая важная функция – трансляции в мир опыта христианской духовности.

Проблему духовности сложно изучать в строго научной манере, ибо предметом осмысления здесь является целостный и многообразный духовный мир человека, являющийся пространством сугубо личностным, индивидуальным.

Безусловно, в истории образования были люди, которыми двигало желание духовного наставничества и просветительства. Это первые русские подвижники преподобные Илларион, Феодосий, Никон, Нестор, Стефан – иноки Печерской обители. Есть свидетельства, что среди первых подвижников Киево-Печерского монастыря, которому отводится центральная роль в деле духовно-нравственного просвещения, были выходцы из Смоленской земли. Киево-Печерский патерик упоминает преподобного Исаакия, уроженца северного смоленского города Торопца, преподобного Прохора Лебедника, уроженца самого Смоленска, преподобного Аркадия Вяземского, Иакова Мниха. Киево-Печерский патерик прямо не указывает на то, что именно смоленские иноки занимались трансляцией духовного опыта, но упоминает, что воспитание послушников являлось одним из важных аскетических подвигов.

Для всего православного мира большое значение имеет духовное наследие учителя, **преподобного Авраамия Смоленского – святого первого поколения Русской православной церкви**. Инерция «местночтимости» не препятствует его вхождению в общерусское пространство христианской святости. Духовное учение, учительство, наставничество, проходящие через полувековое подвижническое служение, являются главным смыслом его деятельности, результатом которой становится просветительство народа. Житие отмечает, что преподобный Авраамий провел в Селищенской обители около 30 лет. Известно также, что в период с 1197 по 1214 год Авраамий был рукоположен в иеродиаконы, а после 1214 года − в иеромонахи. Вскоре после рукоположения преп. Авраамий был назначен духовником обители. В работе с братией монастыря раскрывается его главный дар – власть слова, а именно способность к «учительству, наставничеству, просветительству» [8, с. 132].

«Страстотерпцем православного гнозиса» проницательно называл этого святого известный философ Г.П. Федотов. Именно власть слова, которой обладал преподобный, его блестящая образованность и сила духа стали причиной недовольства, а затем и гонения со стороны братии монастыря и церковного начальства, беззакония духовенства Смоленска, результатом которых стало массовое религиозное движение 1218–1220 годов, завершившееся осуждением обвинителей и завистников святого.

Фигура Авраамия уже воплощает в себе основные черты формирующегося русского старчества. Полного своего развития это духовное явление достигает, конечно, в лице последователей.

Именно с именем преподобного Авраамия Смоленского связаны истоки русской учительной традиции. Блестящая образованность Авраамия и дар учительства синтезированы в тексте стихиры празднику преподобного: «явися гора умная нам, ты преподобне отче Авраамие… утверждая и просвещая всех душа к богоразумию» [6, с. 28].

В летописях и житиях запечатлено множество подобных примеров. Около Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского, других русских мыслителей, интеллектуалов своего времени собираются собеседники и «совопросники», совместно дискутирующие по вопросам познания «пользы душевной», ищущие пути человека в этом мире [1].

Автор жития преподобного Авраамия Ефрем указывает на духовные способности и знания Авраамия, на его нравственные добродетели, которые позволяли ему как учителю естественным путем совершать обучение и воспитание. В житии упоминается, что Смоленский проповедник поднимал актуальные для жизни народа вопросы: богословские, социальные, политические, философские. Давал советы по семейному воспитанию, обращался к теме труда как основы человеческого благосостояния.

Для простых русских людей, не имеющих развитого мышления (такое мышление остается уделом элитарного слоя, нарождающейся церковной и государственной интеллигенции, таких как Илларион, Климент Смолятич, Авраамий Смоленский, Кирилл Туровский и др.), образец добродетели преподобного служил нравственно-воспитательным уроком. Уроком того, как бороться со своими страстями, как совладать с самим собой, как поступать по правде – совести.

Как репрезентант традиции преподобный Авраамий выполняет в структуре социума просветительную социокультурную роль. Он олицетворял собой форму межчеловеческого участия. Совмещение монашеской практики с практикой широкого общения, с социальной активностью обусловило глубокие антропологические и духовные прорывы в общественных процессах того времени. Конечно, в эпоху Древней Руси мирская народная жизнь туго прогрессировала в нравственном отношении. Грубые языческие пороки: пьянство, блуд, убийства – были в народе вовсе не редкостью. Тем не менее за сравнительно короткий период своего существования Церковь в лице своих просветителей сумела уничтожить многие негативные социальные установления (холопство и ростовщичество), укрепить нормы семейной жизни.

Антропологический опыт христианства оказал решающее влияние на формирование педагогической сферы. В данный период формируется и развивается агиографическая (житийная) литература – особый учительный пласт, дающий образы и образцы, модели святой и праведной жизни, а

также и образцы ситуаций, духовных конфликтов и жизненных испытаний. Цель житийной литературы, по мнению В. Ключевского, в том, чтобы наглядно на примере святого «показать, что все, чего требует от нас заповедь, не только исполнимо, но не раз и исполнялось, стало быть, обязательно для совести, ибо из всех требований добра для совести необязательно только невозможное» (цит. по: [4, с. 81]).

На примере жизни святых русские авторы синтезировали христианский идеал, построенный на началах душевности, доброты, кротости, отзывчивости, умения жить с другими. В житиях указывались человеческие грехи: гнев, сребролюбие, злоба, уныние, гордость и т.д., давались рекомендации по их исправлению.

Таким образом, даже сравнительно небольшое углубление в проблему обучения духовному опыту в контексте отечественной историко-педагогической традиции доказывает, что это важное направление для актуальных антропологических трендов современности. В своей генеративной способности этот внеинституциализированный опыт уникален. Как нам представляется, он может быть полезен для купирования опаснейших антропологических явлений (нарушения норм морали, насилия, краж, виртуальных практик и др.) сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленчук Л.Н. История отечественной педагогики: учебное пособие. М.: ПСТГУ, 2005. 182 с.
2. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен: курс лекций. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 704 с.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М.: Новое Время, 1990. С. 60–66.
4. Карунин Е.А. Педагогическое наследие Сергия Радонежского: Духовно-нравственный аспект воспитания: дис. … канд. пед. наук. М., 2000. 112 с.
5. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 134 с.
6. Налетова Н.Ю. Духовное образование на территории Смоленской епархии в дореволюционный период: монография. Смоленск: Смоленский ЦНТИ, 2008. 158 с.
7. Налетова Н.Ю. Генезис православного образования в контексте культурно-исторического развития России: дис. ... д-ра пед. наук. Смоленск, 2014.
8. Редков Н.Н. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом. Опыт историко-литературного исследования. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1909. 173 с.
9. Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. 496 с.
10. Хоружий С.С. Духовная и культурная традиции в России в их конфликтном взаимодействии. URL: http://synergia–isa.ru (дата обращения: 05.02.2012).
11. Хоружий С.С. Феномен русского старчества в его духовных и антропологических основаниях. URL: http://synergia–isa.ru (дата обращения: 05.02.2012).
12. Янушкявичене О.Л. Историко-теоретический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающих поколений: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 36 с.

N.U. Naletova, N.P. Senchenkov

Training in Spiritual Experience in a Pedagogic Context of «Internal Making» of Educators of Russia (Rev. Avraamy of Smolensk)

Key words: *Orthodoxy; education; extra institutionalized education forms; the Reverend Avraamy of Smolensk.*

The article deals with the problem of constructive values of such categories as «originality», «will», «spirit», «belief», «choice» in development of education and upbringing, development of various ways of personal synergy. In such cogitative paradigm people, due to whose moral effort national education and culture are formed, come to the forefront.

Е.Н. Макова

Смоленский государственный университет

УДК 373

Развитие женского частного гимназического образования в смоленской провинции XIX – начала XX века

Ключевые слова: *гимназическое образование; система женского среднего образования; провинциальное общество; частное образование; профессиональная деятельность; меценатство.*

В статье описывается вклад ряда провинциальных деятелей в становление женского просвещения, а также проблема открытия учебных заведений в смоленской провинции и ее решение благодаря государственным и провинциальным деятелям и меценатам в области женского среднего образования.

Становление и развитие частного гимназического образования в Смоленской губернии происходило по-разному в каждом уезде. Вплоть до середины XIX века женское образование не входило в круг приоритетных направлений образовательной политики государства. Под нажимом общественного движения в 1858 году было принято «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» [12]. Уставы подробно регламентировали качественную сторону заведений: сроки обучения, курс предметов, типы училищ. Однако законодатель обошел стороной главный вопрос – финансирование женских учебных заведений. Согласно уставам, открытие и функционирование училищ Министерства народного просвещения, а также финансовое бремя целиком и полностью отдавались на откуп местному населению. В течение 1859–1865 годов в Смоленской губернии были открыты женские учебные заведения в городах Духовщине, Гжатске, Юхнове, Красном, Поречье.

Д.О. Жбанков отмечал, что «с более серьезными проблемами организации женского образования боролись в Юхновской, Поречской, Ельнинской и Краснинской женских гимназиях. Обучение в данных учебных заведениях было осложнено не только недостаточным количеством средств, но и нежеланием властей организовывать женское обучение в соответствии с манифестом 1870 года, так как, по их мнению, и двуклассного образования вполне было достаточно для женщины» [11, с. 56].

К середине 1860 годов столь необходимые обществу женские училища, преобразованные затем в прогимназии и гимназии, были открыты вслед за Смоленском лишь в пяти уездных городах губернии: Белом, Вязьме, Дорогобуже, Рославле, Сычевке. В таких городах, как Гжатск, Ельня, Красный, Поречье, Юхнов, местные власти в ответ на циркуляр Министерства народного просвещения от 10 мая 1858 года «О предложении городским обществам оказать содействие добровольным пожертвованиями… к открытию в уездных городах женских училищ» заявили о невозможности открытия подобных заведений в связи с нехваткой денежных средств [8, л. 20]. Например, гжатский городской глава Н.П. Потапов писал следующее: «Невозможно открыть женское училище по неимению достаточных для сего средств…, содействовать этому в уезде желания никто не изъявил» [2, л. 2]. В 1861 году директор Смоленских губернских училищ предложил почетному смотрителю Гжатского уездного училища преобразовать женское приходское училище в женское училище второго разряда. Однако гжатское общество вновь отказалось выделить денежные средства на нужды преобразования. Штатный смотритель училищ и школ уезда предложил «первоначально улучшить женское приходское училище, ввести в него преподавание таких предметов, как география, российская история» [3, л. 2], а затем уже размышлять об основании женского училища. Следует отметить, что для ряда городов губернии (Духовщина, Гжатск, Юхнов, Красный, Поречье) было характерно не только отсутствие женских училищ, но и в целом слабое развитие сети школ и системы народного просвещения.

В числе первых решили основать женское училище на месте приходского власти города Юхнова. Открытие училища состоялось в 1866 году. Наставницей (начальницей) заведения была назначена дворянка Мария Александровна Лазовская, попечительницей стала Клавдия Ивановна Богданова, позже Екатерина Сергеевна Воронец. Положение училища было шатким, при возникновении денежных затруднений оно переводилось в ранг приходского. Стабильности удалось достичь только к концу 1870-х годов, когда учебное заведение было преобразовано в женскую прогимназию. Торжественное открытие прогимназии состоялось 14 ноября 1879 года. Длительные сборы средств увенчались успехом. Учебное заведение находилось под «покровительством княгини Терезы Петровны Ольденбургской, герцогини Лейхтенбергской» [23, с. 77].

Следует отметить особую самоотверженность начальницы училища, а затем прогимназии – М.А. Лазовской, которая пробыла в этой должности более сорока лет. «Должность председателя попечительского совета длительное время занимал И.Н. Воронец. Вплоть до 1904 года прогимназия была трехклассной, не имея финансовой возможности к расширению. После предоставления губернским земством денежной субсидии руководству прогимназии удалось расширить учебное помещение и открыть IV, V классы» [13, с. 39].

Попечительский совет прогимназии поднял вопрос о преобразовании ее в гимназию. Главным аргументом в решении данного вопроса являлось то, что выпускницам уездных прогимназий было сложно поступить в губернские гимназии из-за их переполненности. Губернское земство выступило с ходатайством перед Министерством народного просвещения о предоставлении средств на расширение Юхновской прогимназии и на строительство дополнительных учебных заведений. «В 1907 году был открыт VI класс. Преобразование в гимназию состоялось в 1908 году, через год был открыт VIII педагогический класс. Начальницей Юхновской женской гимназии стала жена действительного статского советника Вера Романовна Цурекова, а с 1914 года эта должность перешла жене полковника Марии Митрофановне Петренко» [24, с. 3]. Новая начальница столкнулась с острой проблемой, заключающейся в крайне низком образовательном уровне выпускниц гимназии и их неготовности быть учительницами даже в начальной школе. Руководство заведения предприняло ряд эффективных шагов для повышения образовательного уровня заведения: на место преподавателей стали привлекать лиц, особенно заинтересованных в своей деятельности, учителей регулярно отправляли на педагогические курсы, при гимназии открыли начальную школу, в которой восьмиклассницы могли практиковаться в педагогических навыках. Эти меры значительно улучшили образовательный и профессиональный уровень выпускниц.

С подобными проблемами сталкивались и другие гимназии Смоленской губернии. Так, например, открытие женской прогимназии на месте женского училища в Гжатске состоялось в 1880 году. Л.Д. Лысых писал: «Больших успехов в обучении девочек достигла Гжатская женская гимназия. Гимназия расширила свою деятельность благодаря особому вниманию В.Г. Шредерс. Во многом благодаря Варваре Григорьевне (Шредерс – урожденной Ломоносовой) гимназия получила название Александровской (в честь императрицы Александры Федоровны)» [10, с. 2].

Н.А. Мицюк указывал: «В заграничной поездке, куда она отправилась в качестве гувернантки, в знакомой семье ее заинтересовало школьное дело, а в Вене на выставке рукодельных изделий она заинтересовалась программой рукоделия в школьных классах. Вернувшись в Москву, она продолжила обучение – на Высших женских курсах. Через два года она блестяще сдала экзамены и так хорошо дала пробный урок, что администрация высших курсов

предложила ей место учительницы в Сущевском первом женском городском начальном училище. Через год она вышла замуж за Владислава Доминиковича Шредерса и вынуждена была переехать в Гжатск, где ее муж был мировым судьей. Молодая супружеская пара приехала в Смоленскую губернию в середине 1870 годов. Социокультурная среда провинциального города Гжатска заметно отличалась от столичной атмосферы. В связи с тем, что супруг Варвары Григорьевны получил хорошую должность, она не нуждалась в средствах, но в то же время не могла довольствоваться исключительно сферой домашнего пространства. Образованная молодая женщина, увлекавшаяся педагогикой прежде, чем стать начальницей заведения, самостоятельно основала частную женскую школу (1877–1880), где за незначительную плату давала уроки. Учитывая тот факт, что в Гжатске женское образование находилось на начальной ступени развития, школа В.Г. Шредерс вскоре получила небывалую популярность. Став начальницей бывшего приходского женского училища, она приложила немало стараний для развития учебного заведения. Опираясь на авторитет своего мужа, она начала писать многочисленные ходатайства в различные инстанции о важности преобразования женского училища в прогимназию. В 1880 году она получила разрешение на открытие прогимназии, в Гжатске была открыта первая прогимназия для девочек» [18, с. 56–61]. Благодаря ее стараниям приходское училище удалось преобразовать в прогимназию, получившую впоследствии наименование Александровской, что было редким явлением для губернских гимназий (только две женские гимназии – в Смоленске и Юхнове – были именными). Работа в прогимназии дала возможность В.Г. Шредерс применить свои глубокие познания в области педагогики. Ее ученицы считались в уезде образцовыми. Начальница прогимназии осознавала важность качества образования, после окончания курса ученицы в течение шести месяцев состояли под присмотром начальницы, посещали ее уроки в роли слушательниц и помощниц, обучаясь тем самым дидактике.

В 1888 году В.Г. Шредерс была вынуждена оставить занимаемую должность в связи с переездом мужа по службе во Владикавказ. В местной прессе это событие описывалось в печальных тонах: «В сердцах наших еще не умерла, да, надеюсь, и не умрет, память о дорогой начальнице, заботившейся не об одних нуждах прогимназии, но и о каждой воспитаннице в отдельности. Мы еще не забыли слез воспитанниц прогимназии при проводах Варвары Григорьевны» [10, с. 2]. Городская дума в память о заслужившей всеобщую любовь и признание начальнице основала стипендию имени В.Г. Шредерс для учениц, проявивших особые заслуги в процессе обучения. Были выделены средства на десять стипендий ее имени. Известно, что «В.Г. Шредерс, приехав во Владикавказ, вскоре заняла пост начальницы местной прогимназии, добившись и там признания в педагогической и просветительской деятельности» [17, с. 75].

После отъезда В.Г. Шредерс должность начальницы Гжатской прогимназии вплоть до закрытия учебного заведения в 1918 году занимала дочь статского советника Ольга Николаевна Изюмская.

Гжатская прогимназия в 1907 году была преобразована в гимназию, опередив в этом отношении многие уездные города губернии: Белый, Дорогобуж, Поречье, Юхнов. В газете «Смоленские ведомости» была опубликована статья об открытии новой женской гимназии, в которой отмечалось, что «учебное заведение именовалось Гжатская Александровская женская гимназия. Руководство учебного заведения приложило немало усилий для открытия с 1908 года VIII педагогического класса со специальностями по математике и русскому языку. С этой целью администрация заведения обратилась к губернскому земству с просьбой выделить пособие в размере пятисот рублей, на что получила согласие. Такая же сумма была выделена уездным земством и городской думой. Открытие гимназии способствовало расширению педагогического и ученического состава. В гимназии обучалась двести восемьдесят одна воспитанница» [9, с. 5]

Таким образом, можно заключить, что развитие в Гжатске женского образования – это заслуга Варвары Григорьевны Шредерс и местной власти. Именно Варвара Григорьевна дала большой толчок для развития женского образования в Гжатске, а после ее отъезда местные власти поддержали инициативу и продолжили заниматься женским просвещением, что привело к появлению одной из первых в Смоленской губернии женской частной гимназии.

К сожалению, достойный пример Гжатска послужил хорошей опорой в развитии женского просвещения не для всех уездов, в результате длительное время без женского училища оставался Поречский уезд. Городской глава Поречья А.Е. Ляхов, купец третий гильдии, отмечал «крайнюю бедность местного мещанства» и «малозначительность купечества» [4, л. 2–3]. Однако статистические данные позволяют проводить сравнения не в пользу уездной власти. Если такие города, как Юхнов, Красный, действительно были малочисленными, в них проживало на 1859 год соответственно 1958 и 2467 человек, то таковым нельзя было назвать Поречье, в котором проживало 5105 человек, и Сычевку, где после открытия женского училища в 1862 году насчитывался 3731 человек [5, л. 1–2]. В 1876 году директор училищ вновь поднял вопрос о необходимости основания в Поречье женского училища. Однако местная городская дума постановила: «Относительно открытия в Поречье женского училища не могло быть проведено управою в исполнение вследствие затруднений по поводу разграничения ассигнований на этот предмет…, не определения сумм на наем дома для училища, на необходимые для училища пособия и книги» [5, л. 1]. В связи с этим открытие женских учебных заведений в губернии зависело не столько от количества и благосостояния жителей, сколько от желания общества и власти уездных городов и их активности в вопросе основания женских училищ.

Несмотря на финансовые затруднения, женское училище в Поречье было открыто в 1876 году. Его преобразование в прогимназию затянулось, так как местные власти считали достаточным существование начального женского училища, которое не давало достаточных знаний. Учитывая наличие двух классов, в народе его называли приходским. «Заведующей училищем в 1890 годы была Анастасия Владимировна Нелидова, выпускница Смольного института» [6, л. 2 об.–3].

Открытие Поречской женской прогимназии состоялось в 1903 году. Прогимназию возглавила Анна Никоноровна Дейер. Следует отметить, что женская прогимназия при открытии не соответствовала положению, так как при ней действовали три класса. Как отмечалось в «Смоленском вестнике» в разделе «Поречье», «…открытие IV класса состоялось спустя четыре года. Администрация заведения была скромной по своему составу, длительное время, вопреки положению о женских гимназиях и прогимназиях, не удавалось сформировать попечительский совет, главная задача которого состояла в сборе средств для успешного существования учебного заведения» [22, с. 1]. Председателем попечительского совета был назначен надворный советник М.А. Тюленев. Среди учителей значились исключительно представительницы женского пола: О.И. Евремова, Н.А. Потапова, Л.И. Лосева, А.В. Кондратьева, А.А. Глебова, О.Ф. Симонова, А.Д. Ерыхайлова, З.М. Мышляева.

Строительство нового здания прогимназии затянулось в связи с начавшейся русско-японской войной 1904–1905 годов. Сохранились сведения в журнале 41-го очередного Смоленского губернского земского собрания о самоотверженном участии юных учениц прогимназии, раньше всех откликнувшихся на призывы земства «на отправку вещей нижним чинам действующей армии» [14, с. 17–18]. «При учебном заведении ученицам под руководством педагогов был организован пошив мужских рубах. Двадцать семь теплых рубах вскоре были направлены на имя главнокомандующего генерала Линевича, от которого последовала телеграмма с искренней благодарностью» [14, с. 17–18].

В деле «Входящая документация. Поречье женская гимназия», хранящемся в Государственном архиве Смоленской области, отмечалось: «В августе 1908 года состоялось преобразование прогимназии в гимназию. Начальницей гимназии была назначена София Васильевна Вонлярская, бывшая учительница Гжатской женской прогимназии. В следующем году был открыт педагогический класс гимназии, гимназия переехала в новое более благоустроенное для учебных целей здание. Она просуществовала до 1915 года» [7, л. 34].

Подобная ситуация складывалась в городе Ельне. Длительное время в Ельне существовало двухклассное женское училище, которое часто в официальных документах называлось приходским. При училище действовал приготовительный класс. На протяжении более чем двадцати лет представительницы женского пола получали в нем начальное образование. К концу века в

училище состояло более шестидесяти учениц. Они происходили преимущественно из мещанского сословия (3/4 от общего количества). «Бессменной начальницей женского двухклассного училища была Лариса Александровна Ефимович. В училище преподавателями числились: сама начальница, ее помощница П.Н. Прасолова, затем Т.Н. Маргис и законоучитель Н.Г. Бурьков, позже А.И. Карпухин. Средства училища были настолько маленькими, а пожертвования незначительны, что Л.А. Ефимович за пожалованные тридцать один рубль девяносто пять копеек общественностью Ельни выражала благодарность в губернской газете» [20, с. 2]. С 1881 года ежегодно в пользу заведения губернское земство стало выделять двести рублей. Несмотря на отсутствие свободных средств, начальница открыла ученическую библиотеку, выписывала детские журналы «Родник», «Друг чтения».

В 1901 году благодаря многочисленным ходатайствам, на протяжении шести лет предъявляемым администрацией заведения (первый вопрос о преобразовании был поставлен на собрании Ельнинского земства 9 октября 1895 года), женское училище было преобразовано в Ельнинскую женскую прогимназию. Начальницей прогимназии была назначена Л.А. Ефимович, дочь титулярного советника, возглавлявшая ранее женское приходское училище. Л.А. Ефимович пользовалось большой популярностью в образовательной среде уезда, так как долгое время занималась частной преподавательской практикой. С 1907 года эту должность заняла Ольга Петровна Полуектова, дочь коллежского регистратора. И. Алишенцев отмечал, что «среди педагогов также преобладали представительницы женского пола, дамы из известнейших семейств уезда (Е.П. Евневич, дочь надворного советника; А.Н. Трофимова, дочь коллежского советника; Е.К. Терентьева, жена потомственного дворянина; Т.Н. Маргис, жена почетного гражданина; А.В. Оберучева, вдова штабс-капитана; А.М. Медведкова, дочь титулярного советника; А.И. Солнцева, дочь чиновника; С.К. Орловская, дочь потомственного дворянина)» [1, с. 207]. «Преобразование прогимназии в гимназию состоялось в 1910 году. Председателем попечительского совета гимназии состоял камергер двора его императорского величества Александр Александрович Энгельгардт» [1, с. 208].

К началу XX века лишь в одном Краснинском уезде губернии отсутствовало среднее женское учебное заведение. Основная проблема заключалась в немногочисленности населения и довольстве провинциального общества существовавшими начальными женскими школами. Состоятельные родители посылали своих девочек на обучение в губернские женские гимназии. Для открытия женской прогимназии или гимназии необходимы были солидные финансовые вливания. Никто не брал на себя инициативу сбора средств. В связи с этим проблема с открытием среднего женского учреждения затягивалась на десятилетия.

В журнале 9-го очередного Смоленского городского земского собрания отмечалось, что «длительное время Краснинское женское (приходское)

училище существовало как двухклассное женское училище, в ряде источников оно именовалось приходским. Оно было основано в 1862 году и имело характер начального учебного заведения. Численность учениц была незначительной, в начале 1870 годов в Краснинском женском училище состояло от пятнадцати до тридцати учениц» [15, с. 38]. Несмотря на малое количество учениц, в училище служили четыре учителя: Ф. Яблонский (законоучитель), В. Глотов, Е. Черков, П. Маторина. Известно, что училище существовало исключительно за счет частных средств. С 1871 года уездное земство стало выделять в его пользу незначительную сумму – сто рублей в год. В прессе отмечалось абсолютное безразличие властей к проблеме женского просвещения: «Несколько лет тому назад в думе был поднят вопрос о преобразовании местного женского, с пятилетним курсом училища – в женскую прогимназию, но почему-то этот вопрос остался вопросом до сего дня» [16, с. 2].

На протяжении 1870–1910 годов училище возглавляли Татьяна Александровна Басова, Лидия Ивановна Гурьянова (дочь надворного советника), Мария Тарасьевна Боброва (дочь купца). Почетным блюстителем длительное время был Т.П. Бобров, купец третий гильдии, который осознавал важность развития женского образовательного учреждения. Он был отцом трех дочерей, которых за неимением гимназии в Красном пришлось отправить для получения среднего образования в женскую гимназию Смоленска. Т.П. Бобров ежегодно выделял средства в пользу Краснинского училища, активно поддерживая идею о его преобразовании в прогимназию, а затем в гимназию. Его дочери впоследствии стали педагогами Краснинского женского училища. Среди первых учителей были: М.И. Лебедева, М.И. Глебова, Л.И. Гурьянова, М.И. Ивашкевич, П. Оглоблин, К.П. Ширяева, А.Д. Ивашкевич, З.Т. Боброва.

Начальницей прогимназии была назначена дворянка Ольга Иосифовна Грачева. К 1913 году в прогимназии обучались сто двадцать пять учениц. В сборнике «Общий обзор народного образования в Краснинском уезде» отмечалось: «Сословный состав распределился следующим образом: шестнадцать дворянок, шесть учениц духовного звания, одна почетная гражданка, одна из купеческого сословия, тридцать одна крестьянка и шестьдесят мещанок» [19, с. 68]. То есть большинство учениц не имели высоких званий. Больше половины детей были приезжими, в основном из сельской местности уезда.

Краснинская прогимназия последней в губернии была преобразована в гимназию. В материалах заседаний губернского земства она называлась «исключительной». Во многом это было связано с тем, что в 1912 году в уезде была открыта Соболево-Воробьевская женская учительская семинария, готовившая учительниц для народных школ. Следовательно, потребность в открытии педагогических гимназических классов не была столь актуальной. Преобразование в гимназию состоялось в 1915 году. По ходатайству попечительского совета заведения в следующем году был открыт VIII педагогический класс со специальностями по русскому, фран-

цузскому и немецкому языкам, математике, истории и географии. Из чего следует, что гимназия отличалась широкой специализацией и делала акцент на подготовке учительниц по иностранным языкам.

Таким образом, к 1915 году во всех уездах губернии функционировали средние женские учебные заведения. Последняя по счету, семнадцатая, гимназия была основана в г. Красном. История их основания во многом соответствует этапам развития женского просвещения в российских губерниях. Активная позиция местного населения, выдающиеся меценаты, открытость и заинтересованность провинциальной власти, готовность преодолевать многочисленные трудности: нехватку квалифицированных педагогов, отсутствие денежных средств, скудность бюджета, тесноту учебных помещений – сыграли главную роль в создании системы женского среднего образования. Женские гимназии являлись для представительниц прекрасного пола не просто учебными заведениями. Они значительно повысили общий культурный уровень населения. Кроме этого, женские гимназии стали плодотворной почвой для развития профессиональной деятельности женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешинцев И. История гимназического образования в России. СПб., 1912.
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 4. Д. 817. 1859. Переписка Гжатского городского главы.
3. ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 93. 1861. Переписка штатного смотрителя Гжатска с Дирекцией народных училищ.
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 818. 1859. Переписка Поречского городского главы с Министерством Народного Просвещения.
5. ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 89. 1876. Отчет губернатору Смоленской губернии за 1875–1876 года. Поречье.
6. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 3013. 1902. Протоколы городской думы за 1902 год. Поречье.
7. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 312. 1908. Входящая документация. Поречье. Женская гимназия.
8. ГАСО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 820. 1859. Переписка главы Рославльского уезда с начальством губернии.
9. Гжатск // Смоленские ведомости. 1908. № 82. С. 175.
10. Гжатск // Смоленские ведомости. 1889. № 82. С. 142.
11. Жбанков Д. О положении народных учителей в Смоленской губернии // Смоленский вестник. 1900. № 211. С. 123.
12. Женские гимназии и прогимназии МНП (1858–1905 гг.). СПб., 1905.
13. Журналы 39-го очередного СГЗ 1903 г. Смоленск, 1904.
14. Журналы 41-го очередного Смоленского губернского земского собрания. Смоленск, 1905.
15. Журналы 9-го очередного СГЗ 1873 г. Смоленск, 1873.
16. Красный // СВ. 1893. № 18.
17. Лысых Л.Д. Народная просветительница В.Г. Шредерс // Педагогика. 2008. № 3.
18. Мицюк Н.А. Семейные практики общественной деятельности в Смоленской губернии (на примере дворянских семей Шредерс. Поповых) // Смоленск в истории России: материалы всероссийской научно-практической конференции (26 ноября 2012 года). Смоленск, 2012.

19. Общий обзор народного образования в Краснинском уезде за 1913–1914 учебный год.
20. Обращение Л. Ефимович // СВ. 1893. № 8.
21. Поречье // СВ. 1902. № 21.
22. Шперк Ф.Ф. Краткий очерк народного образования Смоленской губернии. Смоленск, 1899.
23. Юхнов // СВ. 1915. № 123.

E.N. Makova

The Development of Female Private Gymnasium Education in the Province of Smolensk in the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries

Key words: *gymnasium education; the system of female secondary education; provincial public; private education; professional activity; patronship.*

The paper deals with the contribution of several provincial officials in the establishment of female education. The study also investigates the problem of opening educational institutions in the province of Smolensk and its solution with the help of state and provincial officials, partons in the system of female secondary education.

А.А. Гуменникова
Смоленский государственный университет

УДК 377, 371.121, 37.02

Педагогическая поддержка обучающихся с трудностями в обучении: постановка проблемы и пути решения

Ключевые слова: *педагогическая поддержка; трудности в обучении; инклюзивное образование; педагогическая поддержка обучающихся с трудностями в обучении.*

В статье обосновывается актуальность проблемы педагогической поддержки обучающихся с трудностями в обучении в современных условиях. Проведен обзор литературы по данной теме. Выявлены причины возникновения затруднений при обучении детей. Представлены возможные пути педагогической поддержки обучающихся с трудностями в обучении, схема эффективного взаимодействия субъектов обучения в процессе педагогической поддержки обучающихся с трудностями в обучении. Приведены результаты анкетирования.

Происходящие социальные и экономические процессы в жизни современного общества требуют постоянного обновления технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам и требованиям динамично меняющегося мира. Одновременно возможность получения

качественного образования продолжает оставаться одной из наиболее важных жизненных ценностей граждан, решающим фактором социальной справедливости и политической стабильности. На сегодняшний день целью государственной образовательной политики является повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина [5].

Поэтому вполне понятно повышение требований государства к уровню образования [14]. В то же время здоровье большей части населения России находится в критическом состоянии. Результаты фундаментальных исследований указывают на кризисное состояние здоровья у представителей всех возрастных групп, особенно у школьников (А.А. Шабунова, П.А. Смелов, Е.М. Андреев) [10]. Наблюдается значительный рост количества детей с различными отклонениями в здоровье. Увеличилось число школьников, находящихся в пограничном состоянии, детей, которых нельзя отнести к категории больных, но в то же время их нельзя считать и здоровыми. Большинство таких детей вынуждены сталкиваться с трудностями в обучении.

Анализ нормативно-правовых документов системы образования показывает, что в них учитываются проблемы обучающихся со здоровьем (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года» и др.) [15], описываются обязанности педагогических работников и администрации в отношении здоровья детей. В законе «Об образовании в Российской Федерации» в статье 2 главы 1 дается определение инклюзивного образования как обеспечения равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. Таким образом, выявляется объективно существующее противоречие между необходимостью обеспечения равного доступа к образованию для всех детей, в том числе и с ограниченными возможностями здоровья, и наблюдаемой тенденцией значительного увеличения количества детей, не способных справиться с большой учебной нагрузкой, возложенной на них в связи с постоянным увеличением требований к уровню подготовки.

В условиях необходимости реализации новых стандартов образования, обеспечения закона об образовании перед учителями остро встает вопрос неуспеваемости и педагогической поддержки детей, испытывающих трудности в обучении. Обучающиеся, не способные своевременно усвоить необходимую информацию, в дальнейшем «выпадают» из процесса обучения. Что же делать с такими детьми? Как найти средство для преодоления трудностей в обучении? Какую поддержку оказать таким детям?

Большинство обучающихся, сталкиваясь с подобными проблемами в основной школе, пытаются избежать их в дальнейшем, уходя в средние профессиональные образовательные организации, унося туда весь «клубок

проблем», но некоторые продолжают обучение в средней школе, каждый день испытывая трудности в освоении школьного материала.

В связи с этим проблема педагогической поддержки обучающихся с трудностями в обучении становится актуальной и необходимой для осмысления и проработки каждым учителем.

Для решения этой проблемы необходимо прежде всего выяснить причины «выпадения» детей из учебного процесса, определить, что мы понимаем под педагогической поддержкой, что относится к трудностям в обучении, возможно ли их классифицировать.

Понятие «поддержка» вошло в педагогику относительно недавно. Оно сформировалось на основе концепции гуманистической педагогики, особое место в которой уделено педагогической поддержке. Основные положения теории педагогической поддержки были разработаны О.С. Газманом и представлены им в 1995 году на всероссийской научно-практической конференции в докладе «Потери и обретения в воспитании после десяти лет перестройки» [3]. Данная концепция получила дальнейшее развитие в работах О.С. Газмана, Н.Б. Крыловой, Е.А. Александровой, В.А. Айрапетова, В.А. Сластенина, И.А. Колесниковой и других ученых.

Под педагогической поддержкой О.С. Газман понимал превентивную и оперативную помощь детям в решении их индивидуальных проблем, связанных с физическим и психическим здоровьем, социальным и экономическим положением, успешным продвижением в обучении, в принятии школьных правил; с эффективной деловой и межличностной коммуникацией; с жизненным, профессиональным, этическим выбором (самоопределением) [2]. Таким образом, семантический и педагогический смысл понятия поддержки, по мнению исследователя, заключается в следующем: поддержать можно лишь то, что помогает уже имеющемуся в наличии (но на недостаточном уровне). Таким образом, поддерживается развитие самостоятельности человека. Дополняют и уточняют сущность педагогической поддержки работы следующих ученых: Н.Б. Крыловой, которая рассматривает педагогическую поддержку в широком социокультурном аспекте как проявление позитивного отношения к человеческой деятельности сопровождаемого и готовности содействовать его начинаниям и саморазвитию [6]; А.С. Русакова, считающего основными функциями педагогической поддержки защиту, помощь, содействие и взаимопонимание [8]; Л.И. Семиной, определяющей педагогическую поддержку как особую парадигму педагогики, готовую не столько действовать во благо общества и государства, сколько, прежде всего, создавать условия для ребенка, способного развиваться в субъекта жизнедеятельности [13]; Е.С. Салахутдиновой, по мнению которой педагогическая поддержка – это система педагогических действий, ориентированных на поддержку личного успеха учащегося, актуализацию его личностных качеств [9].

К категории детей с трудностями в обучении относятся дети, испытывающие в силу различных биологических и социальных причин стойкие затруднения в усвоении образовательных программ при отсутствии выраженных нарушений интеллекта, отклонений в развитии слуха, зрения, речи, двигательной сферы. Детей, которые испытывают трудности в обучении, можно разделить на несколько категорий: дети с незначительным дефектом в психологическом развитии (небольшое отклонение от нормы), трудные дети, педагогически запущенные, дети, чьи индивидуальные особенности плохо учитываются традиционной педагогической системой, медлительные дети, одаренные дети (Ю.Д. Бабаева, Я.И. Варваричева [1]).

Работая с детьми, испытывающими трудности в обучении, изначально необходимо выяснить причину неуспеваемости. Не будем забывать и об особенностях физиологии. Так, например, подростковый возраст считается самым сложным в детском развитии, у многих детей начинает пропадать интерес к учебе, появляются апатия и безразличие. Хотя причины плохой успеваемости у каждого обучающегося могут быть и другие.

В зависимости от различного понимания сущности проблемы детей, испытывающих трудности в обучении, назывались и разные причины ее возникновения. Я.А. Коменский определил среди проблем обучения детей трудности внутренние, которые обусловлены индивидуальными особенностями ребенка, и трудности внешние, обусловленные воздействием на ребенка окружающей среды. Известный педагог одним из первых обратил внимание на индивидуальные особенности ребенка, являющиеся причиной затруднений в обучении [6].

В дальнейшем был выделен целый ряд причин возникновения затруднений при обучении детей: психофизические (А. Бине, М.А. Голозко, Е.М. Захарьян, Т. Симон и др.), биологические (П.П. Блонский, Т.А. Власова, М.С. Певзнер и др.), социальные (Е.А. Аркин, А.Б. Залкинд и др.), психологические (Т.А. Власова, Л.С. Выготский, В.И. Лубовский, М.С. Певзнер, С.Л. Рубинштейн, С.Г. Шевченко и др.), педагогические (Г.Ф. Кумарина, Л.С. Славина и др.).

Причины возникновения затруднений при обучении детей можно разбить на две категории.

Внутренние:	Внешние:
– интеллектуальная пассивность;	– снижение ценности образования;
– низкое развитие интеллекта;	– педагогическая запущенность;
– слабое здоровье;	– отсутствие адекватной мотивации к обучению;
– слабое развитие волевых качеств;	– отрицательное влияние семьи;
– отсутствие самодисциплины.	– недостатки в развитии познавательных интересов.

С целью выяснения причин, приводящих к трудностям в обучении в современных условиях, нами проведено исследование в общеобразовательных учреждениях г. Смоленска. Тестирование проводилось среди обучающихся 10–11 классов в условиях СПО (подростки 16–17 лет, количество ре-

спондентов на начало года составило 58 (42 мальчика, 16 девочек), на конец года – 56 человек (40 мальчиков, 16 девочек)). В исследовании использовались следующие методики: изучения мотивации обучения старшеклассников Н.В. Калининой, М.И. Лукьяновой [7]; методика Ч.Д. Спилбергера, позволяющая дифференцированно измерять тревожность и как личностное свойство, и как состояние (на русском языке его шкала адаптирована Ю.Л. Ханиным [10]); тесты интеллекта Г.Ю. Айзенка [12]; методики замера личностной агрессивности и конфликтности Е.П. Ильина, П.А. Королева [4].

Обработка полученных результатов позволила сделать следующие выводы (диаграмма 1): уровень мотивации у большинства обучающихся снижен – 53% обучающихся имеют негативное отношение к обучению, 30% – низкую мотивацию, 15% – положительное отношение к обучению, но в основном их привлекает внеурочная деятельность, и только 2% имеют положительный уровень мотивации. В конце года показатели незначительно изменились. Больше половины обучающихся переживают социальный стресс, остальная часть испытывает страх самовыражения, и только 2% – страх в ситуации проверки знаний. Результаты выполнения теста интеллекта Г.Ю. Айзенка показали, что почти у 80% обучающихся уровень интеллекта ниже среднего значения для детей их возрастной группы. Результаты теста на личностную агрессивность и конфликтность показали, что 73% обучающихся вспыльчивы и склонны к обидам.

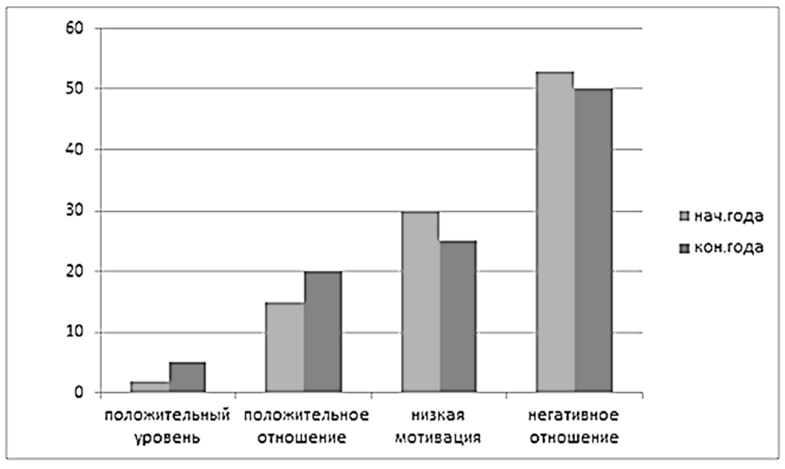

Диаграмма 1. Динамика изменения уровня учебной мотивации в течение учебного года

Анализируя полученные результаты, а также проблему в обучении с психолого-педагогической точки зрения, можно сделать вывод о необходимости совместного эффективного взаимодействия всего педагогического коллектива, родителей и медицинских работников. Способы взаимодействия представлены на схеме 1.

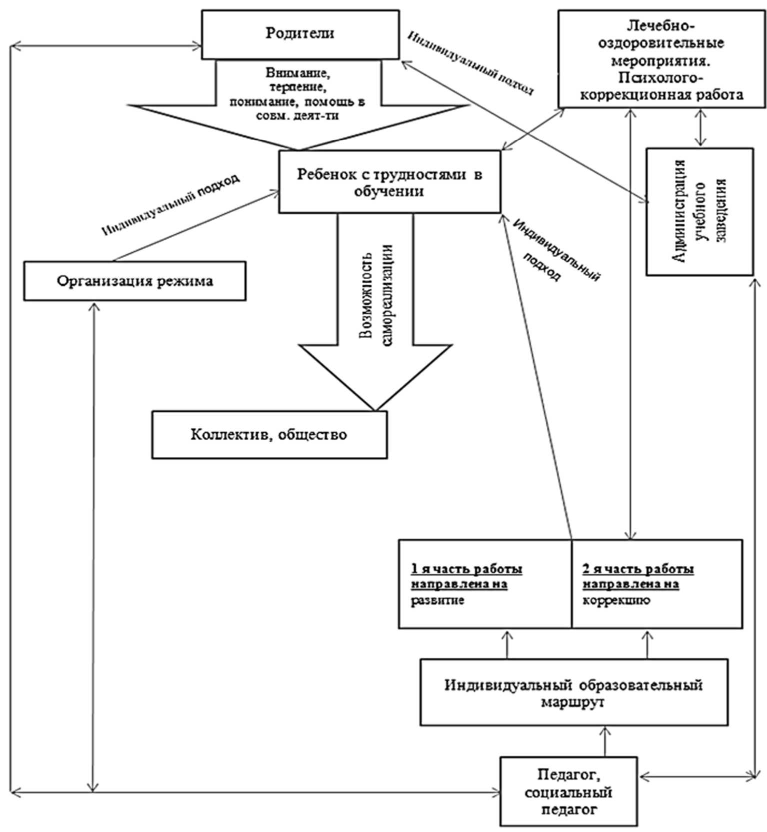

Схема 1. Схема эффективного взаимодействия субъектов обучения в процессе педагогической поддержки обучающихся с трудностями в обучении

Как явствует из данной схемы, часть работы направлена на развитие познавательных интересов, формирование учебной мотивации, умения ставить учебную цель и достигать ее, целенаправленное развитие общеинтеллектуальной деятельности, а также умения общаться со сверстниками. Вторая часть работы направлена на коррекцию негативных тенденций в личностном формировании: повышение уровня самооценки, ориентацию на успех.

При работе с такими обучающимися необходимо искать виды занятий, максимально возбуждающие их активность. По возможности следует найти такие пути, которые отвечали бы особенностям их развития, были им доступны и интересны.

Для организации процесса обучения детей, испытывающих трудности в обучении, приходится постоянно производить тщательный отбор **содержания** учебного материала, творчески подходить к организации деятельности и **формам** ее проведения, чередованию различных видов деятельности.

При работе с такими детьми необходимо принять во внимание следующие рекомендации:

1) содержание учебного материала должно состоять из базовых понятий, составляющих основной *минимум*, необходимый для успешной

сдачи выпускных экзаменов, также нужно делать особый акцент на практической составляющей занятий;

2) следует использовать преимущественно индивидуальные и групповые формы организации учебного процесса, необходимо вводить игровые моменты, проводить дополнительные консультации;

3) в качестве приемов эффективны опорные сигналы, составление алгоритмов и опорных конспектов, эмоциональная подача материала.

При этом нужно руководствоваться следующими принципами: гуманизации образовательного процесса, дифференциации и индивидуализации обучения, оптимизма, последовательного изложения материала, доверия и надежды – необходимо верить в ребенка и постоянно внушать ему, что у него все получится. Важно выявлять лучшие стороны каждого обучающегося и вместе с ним бороться с его проблемами.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что при работе с детьми с трудностями в обучении ключевую роль играет грамотно поставленный педагогический процесс, но не все зависит от педагога (учителя, классного руководителя), необходимо комплексное решение и устранение проблем с привлечением социальных педагогов, психологов, медицинских работников, родителей, общественности: социальных партнеров, потенциальных работодателей и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Ю., Варваричева Я. Феномен выученной беспомощности. Причины школьной неуспеваемости // Классное руководство и воспитание школьников. 2012. № 10. С. 8–11.

2. Газман О.С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования. 1995. № 3. С. 58–63.

3. Газман О.С. Потери и обретения в воспитании после десяти лет перестройки // Первое сентября. 1995. № 119. С. 65–70.

4. Ильин Е.П., Королев П.А. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность». URL: http://vashpsixolog.ru/psychodiagnostic-school-psychologist/69-diagnosis-emotional-and-the-personal-sphere/565-method-of-personal-aggression-and-conflict-ilin-and-kovalev (дата обращения: 20.06.2016).

5. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategic Planning/concept/indexdocs (дата обращения: 20.06.2016).

6. Крылова Н.Б., Александрова Е.А. Очерки понимающей педагогики. М.: Народное образование, 2003. 441 с.

7. Лукьянова М.И., Калинина Н.В. Методика изучения мотивации обучения старшеклассников. URL: http://wallit.ru/studentu/2-kurs/metodika-izucheniia-motivatcii-obucheniia-starsheklassnikov-milukianova-nvkalinina-obrabotka (дата обращения: 20.06.2016).

8. Русаков А.С. Педагогика поддержки и педагогика общей заботы. Лаборатория Олега Газмана. URL: http://altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/22/4/4 (дата обращения: 20.06.2016).

9. Салахутдинова Е.С. Педагогическая поддержка младших школьников в процессе обучения: дис. … канд пед. наук. Ростов н/Д, 2011. 299 с.

10. Смелов П.А. Статистическое исследование состояния здоровья населения Российской Федерации: дис. … канд. эконом. наук. М., 2009.

11. Спилбергер Ч.Д. Измерение уровня тревожности. URL: http://www.psihologu.info/59-biblioteka-psikhologa/spravochnik-psikhologa-srednej-shkoly-o-n-istratova/532-otsenka-urovnya-trevozhnosti-u-starsheklassnikov.html (дата обращения: 20.06.2016).

12. Тест интеллекта Г. Айзенка (Тест IQ). Первый вариант // Айзенк Г.Ю. Проверь свои интеллектуальные способности. Рига, 1992. URL: http://vsetesti.ru/385/ (дата обращения: 20.06.2016).

13. Учитель и ученик: возможность диалога и понимания. Т. 1 / сост. Е.А. Генике, Е.А. Трифонова; под общ. ред. Л.И. Семиной. М.: Изд-во «Бонфи», 2002. 239 с.

14. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. URL: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/543 (дата обращения: 20.06.2016).

15. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года». URL: http://sinncom.ru/content/reforma/index5.htm (дата обращения: 20.06.2016).

A.A. Gumennikova

Pedagogical Support of Students with Learning Difficulties: the Problem and its Solution

Key words*: pedagogical support; difficulties in teaching; inclusive education; ascertaining stage of the experiment; pedagogical support of students with learning difficulties.*

The author of the article proves the urgency of the problem of pedagogical support of students with learning difficulties under modern conditions. The detailed review of the literature is presented. The reasons for learning difficulties were identified. Possible ways of pedagogical support of students with learning difficulties and the model of effective interaction between subjects of education are introduced. The results of the questionnaire survey are given.

Т.Н. Ермакова

Смоленский государственный институт искусств

УДК 37.017.92

Роль музыки в развитии ценностной мироориентации обучающихся: генезис проблемы

Ключевые слова: *образы-ценности; аксиологический подход; образ мира; духовно-нравственные ценности.*

В статье рассматривается влияние коммуникативной, мировоззренческой, воспитательной функций музыки на развитие мироориентации личности на разных исторических этапах, раскрывается роль музыки в развитии ценностной мироориентации обучающихся в современных социально-культурных условиях. Представлены образы-ценности русского музыкального искусства как основа формирования ценностной мироориентации лично-

сти. Охарактеризован потенциал русской музыки в формировании национального самосознания, национальной гордости, патриотизма.

Современный мир нестабилен, хрупок, юное поколение россиян вступает в жизнь в сложных социально-культурных условиях. Массовизация культуры увлекает неокрепшие умы продуктами шоу-бизнеса, глобальная интернет-сеть манипулирует сознанием подростков, подменяя реальную жизнь виртуальной. Утрата обществом традиционных ценностей, исторических корней приводит сегодня молодых, легко внушаемых людей в ряды террористов. Сейчас как никогда важно не допустить утери обществом ценностных ориентиров, и системе образования в решении этой задачи принадлежит приоритетная роль.

Современная педагогика ищет новые пути в формировании нравственной и духовной культуры личности. Один из таких путей – построение в сознании индивида многомерного и ценностно-ориентирующего образа мира. В учебном плане школы предметы художественно-эстетического цикла наполнены образами любви к Родине, к ее людям, истории, природе. Образы-ценности художественных произведений, лежащие в основе аксиологического подхода в обучении, способны развивать ценностную мироориентацию школьников, которая в будущем может стать основой устойчивой жизненной позиции.

Особое место в развитии ценностной мироориентации принадлежит музыке, где мироориентация приобретает статус художественной, а в нашем случае музыкальной, под которой мы подразумеваем усвоенные и присвоенные обучающимися образы-ценности музыкальной картины мира.

Аксиологический подход занимает особое место в педагогике в связи с толкованием искусства как совокупности ценностей, созданных человечеством, он предполагает взгляд на музыку не только как на вид искусства, но и как на носителя ценностных образов мира, специфическую форму познания; он предписывает включение в программу обучения лучших произведений музыкального искусства, представляющих ценности культуры, содержащих информацию о высших духовных ценностях и антиценностях: жизни и смерти, прекрасном и безобразном, добре и зле, об их значении в жизни человека.

Исследуя возможности музыки в развитии художественной мироориентации подростков, мы обратились к генезису обозначенной проблемы, рассмотрели общее и особенное на различных исторических этапах с помощью цивилизационного подхода, позволяющего проследить процесс развития мироориентации личности и его зависимость от идеологических ценностей, господствовавших в исторической эпохе.

Древняя Греция – прародительница культуры Европы, сквозь толщу веков корни европейской культуры уходят в античность. Музыка в образовательной системе древних греков была обязательным предметом, в усвоении ценностей мира ей отводилась первостепенная роль. Воспитание музыкой как

эталоном гармонии, красоты и истины формировало у учеников Пифагора гармоничное восприятие мира, единство и цельность его познания. Музыкальное обучение пронизано идеей формирования ценностного отношения к миру, мыслями о красоте внутренней и внешней, гармонии духа и тела.

Культура Древнего Рима выступила преемником всего лучшего, что было создано греческими философами. В период расцвета империи увлечение музыкой было всеобщим, в римских школах музыку преподавали приглашенные из Греции талантливые музыканты. Римский оратор Марк Фабий Квинтилиан видел воспитание как синтез наук и искусств и в этом отводил музыке важное место. Без знания основ музыкального искусства, обладающего ритмом, метром, понимание которых необходимо для ритора, по мнению Квинтилиана, невозможно овладеть ораторским искусством. Римляне, более воинственные и суровые, чем греки, были заинтересованы в создании военных оркестров, это было обусловлено системой ценностей римских граждан, где на первом месте находились патриотизм, доблесть, слава, победа ценой жизни, политика, римское право. С течением времени Рим становился все более воинственным, соответственно менялась и музыкальная культура, громогласные духовые оркестры наводили ужас на жителей побежденных греческих полисов, музыка становилась методом устрашения.

Основу средневекового христианского сознания составляла идея божественного создания всего сущего. Основным желанием средневековой идеологии было стремление сделать музыку подвластной христианской религии. Церковная музыка воспитывала средневекового человека, в ней звучала идея Бога как всеобщего объединяющего начала, призыв к духовному совершенствованию, к единству мира. Она украшала собой многочасовые богослужения, соответствующим настроем помогала усвоить чистоту и нравственность божественного учения. Дети с младенчества впитывали представление о божественном начале всего сущего, звучащая в церкви музыка приобщала детские души к вере, воспитывала религиозное сознание. При всей строгости и требовательности к духовной музыке этого времени нельзя недооценивать ее просветительское значение и высокий художественный уровень.

Музыка своими ценностными образами может служить жизненным ориентиром, помогая в выборе правильного пути. В подтверждение приведем слова христианского философа Аврелия Августина: «музыка, как бы выходя из сокровеннейших тайников, запечатлела свои следы в наших ощущениях или в вещах, нами ощущаемых, а потому не будет ли правильным сначала изучить эти следы, чтобы затем удобнее, без всякой ошибки, дойти до того, что я назвал тайниками» [1, с. 16].

Если прежде человек уповал только на божественное провидение, то в эпоху Возрождения в нем родилась вера в собственные силы, в возможность преобразить мир вокруг себя. В искусстве соединились божественное и человеческое начала, духовные и мирские мотивы. Музыка пе-

реживает бурный расцвет, становится самостоятельной оригинальной областью человеческой деятельности: по-прежнему являясь основой религиозного просвещения, она превращается в неотъемлемую часть гражданской и придворной жизни.

Николай Кузанский воскрешает мысль философов античности о том, что такие науки, как музыка и математика, способны помочь в познании мира. «Если пожелаешь особо рассмотреть пояснее музыку, представь круг универсума областью музыки и увидишь одну как бы интеллектуальную и более отвлеченную музыку, другую – как бы чувственную, еще одну – как бы рассудочную» [3, с. 239]. Музыка Возрождения создает божественную модель мира, в основе мироориентации, миропонимания человека Возрождения – античная философская идея мировой гармонии. Гуманистам Возрождения она представлялась мировоззренческой ценностью, связывающей человека со всем миром и Богом, осмыслялась сообразно своему времени, интерпретировалась как отражение божественного предназначения человека и божественного мира. Свойство музыки формировать представление о мире и, следовательно, ориентацию в нем является для сегодняшней педагогики особенно ценным.

Мыслители, композиторы последующих эпох: барокко, Просвещения, романтизма, Новейшего времени – будут искать в музыке отражение жизни, красоту и гармонию мира.

Обратимся к русской музыке и ее роли в развитии мироориентации личности. Со времен крещения Руси ее педагогика основывалась на православии, перед ней стояла задача воспитания смиренного христианина. В этом процессе трудно переоценить значение музыки, которая своим возвышенным звучанием способствовала усвоению прихожанами религиозных истин. В древнерусском пении важной была его нравственная составляющая, главным в богослужебном пении считалось созерцание божественного миропорядка. Музыка этого периода была пленницей церковных стен, русское духовенство боролось со светской музыкой, категорически запрещая мирское музицирование.

Во времена правления Петра I церковная музыка обрела государственную поддержку, сам царь, увлеченный военным делом, предпочитал музыку маршевую, строевую. Если в начальный период принятия христианства музыка играла важнейшую роль в формировании новой религиозной картины мира, то со временем свои мировоззренческие функции она утратила и к концу XVIII века в большей степени носила развлекательный характер, являясь частью господствующей моды.

XIX век сохранил для будущих поколений, для современной педагогики ценностные образы, которые не только развивают мироориентацию, помогают формировать ценностную картину мира, но и, что сегодня особенно важно, воспитывают гражданина-патриота России. Русские композиторы, прекрасные педагоги М.И. Глинка, Н.А. Римский-Корсаков,

М.П. Мусоргский, А.П. Бородин, П.И. Чайковский – ярчайшие проводники русской национальной идеи в истории музыкального искусства «золотого века». Для потомков их произведения – это образец любви к России, к ее природе, людям, к ее божественному предназначению в мире. Современная музыкальная педагогика обретает в творчестве русских композиторов-классиков кладезь ценностей, которые служат образцами нравственности, развивают ценностное видение мира и ориентацию в нем.

Творческое наследие М.И. Глинки пронизывает идея патриотизма и истинной народности. Опера «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») уже в своем названии несет гордость за отвагу, геройство русского человека-патриота. Огромный воспитательный потенциал, содержащийся в музыке оперы, является золотым фондом музыкальной педагогики.

Эпические образы А.П. Бородина (опера «Князь Игорь», Симфония № 2 «Богатырская») навеяны русской историей и народным героическим эпосом. В его музыке мы находим отражение могучей народной силы, высоких душевных качеств русского народа. Герои Бородина – это носители нравственных идеалов, олицетворяющие верность родине, стойкость перед лицом испытаний, преданность в любви, высокое чувство долга. Композитор верил в богатырскую силу русского человека, в его богатырский дух. И сегодня музыка А.П. Бородина может нести мысль о пробуждении богатырского духа в современном российском обществе. Задача современной педагогики – использовать средства искусства, музыки для того, чтобы донести эту веру в могущество русского духа, в его богатырскую силу до современной молодежи.

Творчество М.П. Мусоргского наполнено образами русской жизни, с одной стороны, пышной и величественной, с другой – горестной и безрадостной. Грандиозные по замыслу философско-исторические оперы «Хованщина» и «Борис Годунов» обнажили социальные проблемы. Когда во время духовной смуты, периодически окутывающей Россию, народ испытывает лишения и нужду, нужна духовная опора, стойкость и верность главным нравственным ценностям. Русь святая, державная в музыке М.П. Мусоргского раскрывается всесторонне и полно, она наполнена образами добра и зла, жизни и смерти, страдающего человека и бунтующего народа, сиротского детства, любви и ненависти. Здесь, с точки зрения педагогики, с одной стороны, велика познавательная роль музыки; с другой – она учит пониманию того, что мир, в том числе и современный, состоит не только из удовольствий и радостей: в мире существуют добро и зло, любовь и ненависть, то, что мы называем ценностями мира и его антиценностями.

Музыкальное наследие Н.А. Римского-Корсакова олицетворяет самобытную красоту русской музыки. Через сказки, легенды, мифы, обряды композитор раскрывает видение мира. Мечту народа о лучшей жизни, о счастье он воплотил в опере-сказке «Снегурочка», где счастливые берендеи живут по законам добра и нравственности. В опере «Сказка о царе Салтане» Царевна-

Лебедь – образец, красоты, доброты и справедливости. Интересно и ненавязчиво композитор доносит мысль о важных ценностях жизни через близкие и понятные сказочные образы. Музыка Н.А. Римского-Корсакова, наполненная звуками природы, пением птиц, шумом волн, дыханием океана, учит любить русскую природу и искать в ней отдохновение и вдохновение.

Музыка П.И. Чайковского воплотила драматические взаимоотношения человека-художника с Богом, с миром, с обществом и самим собой, извечное трагическое противоречие жизни и смерти, противостояние добра и зла, вобрала и сфокусировала всеобъемлющую информацию о человеке, его чувствах, она запечатлела порывы человека к счастью и невозможность изменить миропорядок, сущность земного бытия. Музыкальная картина мира П.И. Чайковского охватила все стороны жизни: это образы миропорядка в Литургии, во Всенощной, образы природы в симфонических и фортепианных произведениях, сцены крестьянской, помещичьей, светской жизни, образ человека любящего и страдающего, преследуемого роком, нравственные и преступные действия и поступки. Образы музыки П.И. Чайковского сегодня, в третьем тысячелетии, дают нам представление о мире великого человека, гения музыки. Его музыка учит нравственности, честности, учит ориентироваться в сложных жизненных ситуациях и, выбирая свой путь, принимать правильное решение.

Музыка русских композиторов, имеющая народные истоки, несет представление о морально-этических, нравственных идеалах русского народа, таких как истина, добро, красота, ориентирует на национальные ценности. «Национальная идея, обогащая и одухотворяя музыкальное творчество названных композиторов, не могла не проникнуть в сферу музыкальной педагогики, которая в известной степени выполняет функции механизма “воспроизводства” и трансмиссии накопленного в рамках определенного творческого направления опыта» [7, с. 18].

Нравственные ориентиры православных ценностей, утраченные в современной жизни, всегда присутствовали в русской музыке XIX века и служили жизненными ориентирами. Сегодня, когда духовное начало подменено ложными ценностями, педагогика должна использовать такие ориентиры в формировании ценностной картины мира подростков, конечно, не навязывая, а давая о них представление средствами искусства. На современном этапе идея национальной гордости, единства, сплоченности россиян как никогда актуальна и необходима, ее следует воплощать на всех уровнях и всеми доступными средствами, а искусство, в частности музыка, обладает для этого огромным потенциалом.

Конец XIX – начало XX века – сложный, противоречивый период в истории России и русского искусства, в том числе и музыки. Один из ярчайший талантов этого времени – С.В. Рахманинов. В его музыке находим примеры беззаветной любви к Родине, ее духовным истокам, к ее природе,

людям, эти примеры в современной педагогике являются средством, ориентирующим молодежь на ценностное, нравственное постижение мира.

XX век в истории России – время тяжелых испытаний, войн, революций, смены жизненных ориентиров. Великая Октябрьская социалистическая революция подорвала основы монархического строя в России, началась новая эра в развитии русской культуры. Все силы власти были направлены на создание новой культуры, музыке была отведена в этом важнейшая роль. Повсюду звучали революционные песни, вдохновляющие на героический труд, на борьбу за новый мир. Хранить бдительность призывали композитор Самуил Покрасс и поэт Павел Горинштейн: «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон», комсомольцы-железнодорожники вместе со всеми стремились в коммуну: «Наш паровоз, вперед лети!». Песня Первой мировой войны «Смело мы в бой пойдем за Русь святую» теперь звала в бой за власть Советов. Песня композитора В. Белого и поэта Я. Шведова «Орленок» учила пионеров не жалеть жизни в борьбе за правое дело: «У власти орлиной орлят миллионы, и нами гордится страна». Выполнялся наказ В.И. Ленина нести искусство в массы: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их» [6, с. 15].

В предвоенные годы музыка была авангардом воспитания молодого поколения – пионеров, комсомольцев, развивала соответствующую господствующей идеологии мироориентацию, где насаждался атеизм, где человек – винтик в огромном механизме. Наряду с этим музыка воспитывала в подрастающем поколении гордость за Родину, ее трудовые победы.

Великая Отечественная война потребовала титанического напряжения сил и на передовой, и в тылу. Советская музыка, находясь в годы войны в одном строю с другими видами искусств, вдохновляла народ на борьбу с врагом. Развивался прежде всего песенный жанр. Особой популярностью пользовались песни М. Блантера, И. Дунаевского, А. Александрова, В. Соловьева-Седого, В. Мурадели. В сентябре 1941 года, когда враг рвался к Ленинграду, Д.Д. Шостакович писал Седьмую симфонию, известную всему миру как «Ленинградская симфония», о стойкости, беспримерном мужестве советских людей, о вере в победу. С.С. Прокофьев пишет Симфонию № 5 о величии человеческого духа, о любви к родной земле. Музыка военных лет ориентировала советских людей на трудовой и воинский подвиг во имя Победы, во имя свободы Родины. Именно в этот военный период наиболее ярко проявляют себя мироориентационные свойства музыки, важная составляющая которых – знание и понимание ценностей жизни, умение в соответствии с ними направить свою деятельность на достижение цели. В музыке этих произведений современная педагогика находит примеры для формирования патриотизма и ценностной мироориентации современной молодежи.

На XXIV съезде партии в 1971 году в отчетном докладе Л.И. Брежнев выделил важную роль искусства в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений. В.Ф. Кухарский, советский музыковед, оперативно отреагировал статьей в журнале «Коммунист»: «Эту роль достойно выполняет и наша музыка. Ее лучшие произведения, углубляясь в насущные проблемы народной жизни, отражая через правду человеческих чувств, размышлений духовную атмосферу времени, в свою очередь органично входят в жизнь, активно воздействуют на формирование духовного мира советского человека» [4, с. 5].

Прорыв в педагогике музыкального образования в 70-х годах прошлого века совершил Д.Д. Кабалевский, в его музыкальной концепции музыка предстает источником знаний о мире: «Изучая музыку, ребята уже с первого класса почувствуют и поймут, что они изучают жизнь, что музыка – это сама жизнь» [2, с. 73].

В современном музыкальном культурном ресурсе начала XXI века можно выделить несколько основных направлений, имеющих значительное влияние на людей, на их сознание, ценностное восприятие мира. Это музыкальный фольклор, хранящий бесценные национальные традиции, накопленные тысячелетиями. Сохранение самобытной фольклорной музыки не дает национальным корням размыться в современной массовой культуре, подверженной веяниям Запада. Это классическая музыка, несущая в себе ценностные образы музыкальной картины мира предыдущих эпох, великие произведения композиторов-классиков – письма будущим поколениям, в них закодированы образы миропорядка, природы, человека и его чувств, жизнь общества, наполненная яркими событиями. Задача современной педагогики – научить молодое поколение их читать, понимать и черпать из них примеры ценностного мироориентирования. Третье направление – это массовая культура, включающая шоу-бизнес, имеющая самое большое влияние на современную молодежь. Агрессивная аранжировка, бессодержательные тексты, скандальный имидж модных сегодня в молодежной среде исполнителей оказывают серьезное влияние на развитие мироориентации современных подростков. Только такая музыка развивает не эстетическое, этическое, а соответствующее звучащей музыке агрессивное, бессодержательное представление мира, формирует мироориентацию, основанную на антиценностях. «Сегодня мы имеем все основания говорить о музыке как оружии. В составе, а чаще всего в сердцевине, средств психотехнологического поражения выступает “современная”, “молодежная” музыка – рок, попса. <…> А то, чем наполнена сегодня наша жизненная звуковая среда, справедливо называют аудиотеррором, от которого пока нет законодательной защиты» [5, с. 2].

В современных условиях наиболее уязвимой частью российского общества является юное поколение, которое в силу возраста не успело усвоить базовые ценности своего народа, а информационные потоки уводят юные умы в мир потребительства, удовольствий, праздного времяпрепровождения.

Научить подрастающего человека ориентироваться в современном стремительно меняющемся мире, опираясь на духовно-нравственные базовые ценности, такие как патриотизм, свобода, равенство, независимость, справедливость, милосердие, честь, достоинство, мир, труд, уважение к национальным конфессиям, семья, здоровье, любовь, дружба, творчество, знания, искусство, природа и др., – вот задача, стоящая перед современным образованием.

Рассмотрение в генезисе проблемы развития мироориентации личности позволило нам найти подтверждение того, что на каждом этапе развития культуры господствующая идеология видела в музыке мощное средство воспитания, совершенствования человека и с ее помощью создавала представление о мире, закладывая в основы мироориентации личности ценности своей эпохи. В представленном нами историческом экскурсе, музыка, с точки зрения педагогики обладая методологической, гносеологической, аксиологической функциями, содержащимися в ней образами-ценностями, выражающими мировоззрение эпохи, на всех исторических этапах формировала картину мира личности, являлась способом познания мира, важнейшей основой развития мироориентации личности, и эти ее возможности следует всемерно использовать в современной педагогике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий Августин. Шесть книг о музыке. Книга первая // Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения. М.: Музыка. 1966. 174 с.

2. Кабалевский Д.Д. Основные принципы и методы экспериментальной программы по музыке для общеобразовательной школы // Музыкальное воспитание в СССР. Вып. 1 / ред. Л.А. Баренбойм. М.: Советский композитор 1978. С. 58–93.

3. Кузанский Н. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 488 с.

4. Кухарский В.Ф. Единая многонациональная // Коммунист. 1971. № 8. С. 5–6.

5. Марченко Ю.Г. Музыка как показатель высокого и порочного в жизни общества. Новосибирск, 2006. С. 2–4.

6. Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М.: Политиздат, 1976. 64 с.

7. Юдин А.П. Национальная идея в русской музыкальной педагогике XIX века: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 32 с.

T.N. Ermakova

Role of Music in the Development of Values: the Genesis of the Problem

Key words: *images-values; axiological approach; the image of the world; spiritual and moral values.*

This article examines the impact of communicative, ideological, educational music functions in the development of inner world of the person at different stages of history, investigates the role of music in the development of the values of students under the contemporary socio-cultural conditions. The author presents images-values of Russian music as the basis of the development of values of the individual, describes the potential of Russian music in the formation of national identity, national pride and patriotism.

О.Е. Савельева
Смоленский государственный университет

УДК 372.881.111.1

Объектно-субъектная инверсия при изучении английского языка в школе

Ключевые слова: *обучение английской грамматике; межъязыковая интерференция; объектно-субъектная инверсия; сравнительно-сопоставительный анализ.*

В статье рассматривается ряд слов и фраз, предложения с которыми в качестве сказуемых в русском и английском языках имеют разнородный функциональный состав, что приводит к возникновению межъязыковой интерференции. Автор предлагает выделить эти слова и фразы в отдельную методически значимую категорию под названием «объектно-субъектная инверсия» и отводить определенную часть учебного времени на подробное ознакомление с ними и тренировку школьников в их правильном употреблении. В качестве примера приводится ряд упражнений, специально разработанных для этих целей.

В процессе обучения английскому языку русскоговорящих школьников основной причиной ошибок, допускаемых учащимися, является интерференция со стороны родного языка. Заученные с детских лет русскоязычные фразы и грамматические закономерности так или иначе оказывают влияние на стремление школьника построить иноязычное предложение по подобию эквивалентных предложений на родном языке.

В данной связи большую помощь оказывают совпадающие по структуре грамматические явления обоих языков, например, наличие степеней сравнения прилагательных, образование большинства простых утвердительных предложений с глагольным сказуемым (Я иду в школу – I go to school), образование предложений прошедшего времени с составным именным сказуемым (Мы были друзьями – We were friends) и т.п. Во всех перечисленных, а также в других случаях сходности грамматических конструкций успешно овладеть ими школьникам помогает положительный перенос, то есть «оправданный и неошибочный перенос навыков пользования моделями, структурами родного языка в производстве речи на неродном языке (также и в теоретических представлениях) при их совпадении, прямой, полной соотносительности» [2].

Однако далеко не все лингвистические явления хотя бы приближенно совпадают в обоих языках. В силу того, что сравниваемые языки принадлежат к разным группам, на их лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях имеется много существенных различий. В результате

этого перенос привычных школьникам структур родного языка в изучаемый иностранный часто выражается в межъязыковой интерференции, то есть «замене системы правил изучаемого языка другой, построенной под воздействием системы правил родного или ранее изученного иностранного языка». [3]. Задача учителя – найти способ преодоления этого негативного процесса: использованием сигнальных обозначений, перефразированием, сопоставительным анализом, многократным повторением и т.п.

Рассмотрим один из случаев лингвистических несовпадений, которые могут приводить к построению русскоговорящими учащимися ошибочных высказываний на английском языке.

В русском языке существует множество предложений, односоставных и двусоставных, которые начинаются с дополнения – местоимения или существительного в дательном падеже (мне, ей, им); в английских эквивалентах эти местоимения или существительные являются не дополнением, а подлежащим и, следовательно, употребляются в именительном падеже (I, she, they), а не в объектном, характерном для дополнения (me, her, them). Самым очевидным примером может являться предложение с глаголом *like (нравиться)*.

Мне *нравится читать.* ***Ему*** *не нравятся твои песни.* ***Детям*** *нравится английский.*

I *like reading.* ***He*** *doesn't like your songs.* ***Children*** *like English.*

Такое несовпадение в построении похожих по смыслу предложений приводит к тому, что русскоговорящие школьники ошибочно строят свои высказывания, опираясь на логику родного языка (например, употребляют местоимение *me* или *to me* вместо *I* в предложении с фразой *«Мне нравится»*).

Помимо приведенного примера имеется целый ряд случаев, когда та часть речи, которая в русском предложении является дополнением, в соответствующем английском предложении будет служить подлежащим. Собирательно назовем подобные случаи межъязыковой объектно-субъектной инверсией. Перечислим некоторые из них:

– предложения с глаголами **lack, need, manage, may not**:

I *lack money. –* ***Мне*** *не хватает денег;*

He *needs a good job. –* ***Ему*** *нужна хорошая работа;*

They *managed to convince him. –* ***Им*** *удалось убедить его;*

You *may not go there alone. –* ***Тебе*** *нельзя ходить туда одному;*

– предложения с фразами **be lucky, be sorry (жаль), be away, be bored, be scared (страшно), be ashamed, be cold / hot, to be wearing:**

I *am lucky to have such a big family. –* ***Мне*** *повезло иметь такую большую семью;*

I *am sorry for you. –* ***Мне*** *жаль тебя;*

Is ***she*** *still away? –* ***Ее*** *все еще нет?*

They *were bored to stay at home all day. –* ***Им*** *было скучно оставаться дома весь день;*

He *was scared to watch such films. –* ***Ему*** *было страшно смотреть такие фильмы;*

The kid *was shamed to tell the truth. –* ***Ребенку*** *было стыдно сказать правду;*

John *was cold and he tried to get warm. –* ***Джону*** *было холодно, и он пытался согреться;*

She *was wearing a white T-shirt. –* ***На ней*** *была белая футболка.*

На наш взгляд, все эти случаи межъязыковой объектно-субъектной инверсии заслуживают отдельного внимания учителей, филологов-грамматистов, методистов и разработчиков учебных пособий по английскому языку. В современных УМК, как отечественных, так и зарубежных, нигде не заостряется внимание учащихся на особенностях построения подобных предложений. Между тем перечисленные нами глаголы и фразы являются широкоупотребительными. К примеру, на сайте Национального корпуса русского языка [1] глагол *нравиться* (во всех лицах, числах и временах совершенного и несовершенного вида) встречается в 22,5% зафиксированных документов, что составляет достаточно большую долю. Не менее широко употребляется и прилагательное *нужен* (*нужна, нужно, нужны* и т.п.). Следовательно, представляется важным научить школьников правильно употреблять приведенные выше глаголы и словосочетания.

Считаем целесообразным выделять рассмотренный нами ряд фраз и глаголов в отдельную методически значимую категорию и посвящать некоторую часть учебного времени ее детальному рассмотрению и проработке с обучаемыми. В методических целях выделенная категория может называться «объектно-субъектная инверсия», поскольку мы имеем дело с трансформацией дополнения в подлежащее при переводе предложения с русского языка на английский. Проработкой этой категории можно заниматься с начала среднего этапа обучения, когда у учащихся уже наработана достаточная языковая и речевая база для применения к ней сравнительно-аналитических операций.

Для ознакомления учащихся с этим явлением задание в учебном пособии может быть сформулировано, к примеру, следующим образом:

Read and compare the following sentences. Speak about the difference between the English sentence and its Russian equivalent (Прочитайте и сравните следующие предложения. Сформулируйте разницу между английским предложением и нужным эквивалентом).

I like music. – ***Мне*** *нравится музыка.*

They lack specialists. – ***Им*** *не хватает специалистов.*

We need help. – ***Нам*** *нужна помощь.*

She managed to talk to him. – ***Ей*** *удалось поговорить с ним.*

You may not speak to him about it. – ***Тебе*** *нельзя говорить с ним об этом.*

Today ***she*** *is wearing a red hat. – Сегодня* ***на ней*** *красная шляпа.*

You are lucky to have such friends. – ***Тебе*** *повезло иметь таких друзей.*

I am sorry to hear that. – ***Мне*** *жаль это слышать.*

John is away as usual. – ***Джона****, как всегда, нет.*

She was bored. – ***Ей*** *было скучно.*

The girl was scared. – ***Девочке*** *было страшно.*

The boy was ashamed of his behavior. – ***Мальчику*** *было стыдно за свое поведение.*

I was hot, so I took off my hat. – ***Мне*** *было жарко, поэтому я сняла шапку.*

Ставя перед школьником задачу сравнить грамматические явления двух языков, учитель не только решает вопрос ознакомления их с новыми иноязычными словами и фразами, но и развивает способности школьников к наблюдению и логическому анализу, что, в свою очередь, способствует формированию универсальных учебных действий, учет которых в образовательном процессе регламентирован современным государственным образовательным стандартом.

На наш взгляд, на ознакомление и отработку слов и фраз предложенной нами категории не будет затрачено много учебного времени, такая работа может быть органично встроена в 1–2 урока. В качестве демонстрационного варианта организации работы мы предлагаем ряд упражнений.

Exercise 1

Translate the story into Russian, paying special attention to the sentences with the words and phrases in bold (Переведите рассказ на русский язык, обращая особое внимание на предложения с выделенными словами и фразами).

That day I *was* extremely *bored*. The weather was dull, it drizzled, and the city looked grey and unwelcoming. I know that some people *like* such weather, but I don’t like when I *am cold*. My parents *were away*, and I *was sorry* I couldn’t go out and enjoy a walk.

Suddenly the doorbell rang. First I *was scared* to open, for I was not expecting anyone at that time. I looked through the peephole and saw Kate and Ann, my friends from school. They *were wearing* funny umbrella-hats. As I opened the door, the girls came in, chattering gaily and proposing lots of things to do together. Unfortunately, my awful mood could not disappear so quickly. I said to them that I *didn’t need* their company. The girls left, puzzled and insulted.

It wasn’t long before I *became ashamed* of what I had done. I called my friends and tried to apologize. I said: «You know, I really *lack* good manners and gratitude!» Fortunately, I *managed* to convince them to forgive me, and they both came to me again. Actually, I *am lucky* to have such friends.

Exercise 2

Fill in the gaps in the sentences with the following words and phrases, using each of them only once (Заполните пропуски в предложениях следующими словами и фразами, используя каждое из них только один раз):

to be lucky, to be sorry (жаль), to be away, to be bored, to be scared (страшно), be ashamed, lack, need, manage, like, to be cold, may not, be wearing

Though his job was well-paid, he _____ to tell anybody where he worked.

I've never _____ tulips because of their smell.

Oh, dear! You _____ this awful jacket again. Take it off immediately!

I _____ for your brother! His career meant everything for him.

Oh, not again! He always _____ when I need him!

How did you _____ to make him work at the week-end?

Children _____ play with sharp things like knives and forks.

If you _____, the first thing is to is to drink a hot cup of tea.

You've always seemed to be satisfied. I don't think you've ever _____ anything.

No, it's really too dangerous. Even I _____ to do it.

I see you are puzzled. Do you _____ my help?

He's always _____. I think if he buys a lottery ticket, he will certainly win.

With all those things to do I don't think you have any reason _____.

Exercise 3

Join the words and phrases from column 1 to the words and phrases from column 2 so that you get correct word combinations. Compose your own sentences with these word combinations (Соедините слова и фразы из колонки 1 со словами и фразами из колонки 2 таким образом, чтобы получились корректные словосочетания. Составьте собственные предложения с этими словосочетаниями).

1	**2**
to lack	of poor knowledge
to be sorry	to win the race
to manage	sense
to be away	with having to read this book
to be ashamed	the doctor's consultation
to like	for the rude words
to be bored	at the exams
to need	speak loudly
to be lucky	windsurfing
may not	from work

Exercise 4

Translate the sentences into English (Переведите предложения на английский язык).

1. Тебе не стыдно говорить мне неправду?
2. Я так много работаю, что мне не хватает времени куда-либо сходить.
3. Мне жаль, что я пропущу вечеринку, но мне нужно уехать.

4. Практически всем нравится отдыхать на пляже, плавать и вкусно есть в кафе.

5. Мне все же удалось встретиться с ним и поговорить.

6. Детям скучно сидеть дома, когда на улице такая чудесная погода.

7. Мне страшно смотреть фильмы ужасов, давай лучше выберем комедию.

8. Ей не нужны деньги, ей нужен твой совет.

9. Роберта нет, он гуляет с друзьями где-то в парке.

10. Анне повезло получить такую работу: она престижная и высокооплачиваемая.

11. Мне жарко, включи, пожалуйста, вентилятор.

12. Пациентам нельзя есть соленую пищу.

13. Вчера на нем был синий костюм, очень красивый.

Подводя итоги вышесказанного, отметим, что рассмотренные грамматические явления русского и английского языков в силу своего сходства или различий способны либо обеспечивать положительный перенос, что помогает русскоговорящим школьникам в овладении иностранным языком, либо, наоборот, приводить к межъязыковой интерференции.

Мы сконцентрировали внимание на ряде слов и фраз, употребление которых в одном и другом языке диктует построение предложений с функционально не совпадающей структурой. Мы определили, что в английских предложениях со сказуемыми, в состав которых входят слова *lack, need, manage, be lucky, be sorry (жаль), be away, be bored, be scared (страшно), be ashamed, be cold (hot), be wearing*, при переводе на русский язык подлежащее трансформируется в дополнение, что может создавать трудности при анализе их русскоговорящими учащимися.

Для предупреждения некорректного построения учениками англоязычных предложений с такими фразами мы предлагаем учителям и методистам обращать на них особое внимание. Перечисленный ряд слов и фраз предлагается объединить в отдельную методически целесообразную категорию, определяемую как «объектно-субъектная инверсия». Привлекать внимание школьников к выявленным несовпадениям следует, на наш взгляд, в начале среднего этапа обучения, в пятом или шестом классе, когда у учащихся уже сформированы начальные знания и умения в области изучения иностранного языка. Стимулирование школьников к сравнению языковых явлений развивает их логико-аналитические способности, что отвечает требованиям современного государственного образовательного стандарта по формированию универсальных учебных действий.

Предложенные нами типы заданий будут способствовать ознакомлению учащихся с рассмотренными конструкциями и тренировке в их безошибочном употреблении в речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 04.03.2017).
2. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
3. Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2005. 245 с.

O.E. Savelyeva

Object-to-Subject Inversion as Factor of Inter-Linguistic Interference in Learning the English Language at School

Key words: *teaching English grammar; inter-linguistic interference; object-to-subject inversion; comparative analysis.*

The article deals with words and phrases used as predicates in sentences, having different functional composition in Russian and English, which leads to inter-linguistic interference. The author suggests uniting these words and phrases in a separate methodically relevant category called «object-to-subject inversion» and devoting a certain part of the educational process to their detailed study and practice in their correct use. As an example of the training process the author presents a number of exercises specially designed for this purpose.

Г.С. Евдокимова

Смоленский государственный университет

УДК 372.851

Компетентностно-ориентированные задания по стохастике для будущих учителей в условиях современного образовательного процесса

Ключевые слова: *компетентностный подход; компетентности; стохастическая компетентность; формирование; интерактивные методы обучения; компетентностно-ориентированные задания; учитель; сознательность; теоретико-вероятностная интуиция.*

В статье рассматривается компетентностный подход в образовании, являющийся основным механизмом формирования стохастической компетентности студентов в условиях современного образовательного процесса. Показано, что одним из основных инструментов, способствующих формированию стохастической компетентности студентов, являются интерактивные методы обучения, в частности использование компетентностно-ориентированных заданий.

В настоящее время в образовании России делается ставка на компетентностный подход. В учебную программу закладываются отчетливые и сопоставимые параметры описания того, что студент будет знать и уметь «на выходе». Математическая компетентность, в частности стохастическая, относится к числу ключевых компетентностей.

Под стохастической компетентностью понимается «проявленная готовность к деятельности, представляющая собой владение основными понятиями теории вероятностей, комбинаторики и математической статистики и способность их применять в ситуациях, которые могут возникнуть в практической деятельности» [7, с. 113].

Стохастическая компетентность будущего учителя предполагает, что студент:

– имеет представления о детерминированных и случайных событиях, о существовании вероятностно-статистических закономерностей в окружающем мире;

– умеет использовать стохастические знания, вероятностно-статистический аппарат для описания и решения проблем реальной жизни;

– умеет грамотно выполнять алгоритмические предписания и инструкции на вероятностно-статистическом материале;

– умеет составлять формулы зависимостей между величинами на основе обобщения частных случаев и эксперимента;

– умеет прогнозировать наступление событий на основе статистики и вероятности.

Учитывая специфику стохастики как науки и как учебного предмета, можно утверждать, что стохастическая компетентность учителя представляет не только наличный, результативный уровень его подготовленности по стохастике, но и владение психолого-педагогическими знаниями и умениями. Поэтому содержательно-операционная сфера стохастической компетентности учителя кроме теоретических знаний по предмету, умений и навыков оперирования с математическими объектами и т.п. включает в себя знание способов получения математических фактов и их передачи, навыки совершенствования математических знаний и умений, знание межпредметных связей, истории математики и т.д.

Хотя курс стохастики традиционно присутствовал в программах всех математических факультетов университетов и педагогических вузов, соответствующие знания педагогов нуждаются в существенном обновлении. В вопросах подготовки учителя в области теории вероятностей и математической статистики особое место занимает проблема подготовки именно методической. Вузовский материал должен быть переосмыслен и адаптирован к условиям школы, а не ориентирован на вузовские варианты построения курса теории вероятностей. Современному педагогу необходимо овладеть специфической методикой, направленной на развитие особого типа мышления и формирование особых, недетерминированных представлений у учащихся. Учи-

тель, прежде всего, сам должен владеть методами формализации и интерпретации, особой методологией с использованием специфических стохастических умозаключений. Владение искусством вероятностно-статистических рассуждений, рассмотрение стохастики не только как системы понятий и фактов, а как специфической методологии, охватывающей соответствующие умозаключения в их взаимосвязи, – непременное условие успешной деятельности учителя математики [4].

Стремление к безупречному дедуктивному изложению курса теории вероятностей с самого начала может быть настолько искусственным, противоестественным, что может показаться лишенным смысла. В конце прошлого века выдающиеся математики создавали дедуктивные структуры с целью четко сформулировать то, что в общем-то уже понятно. Тонкий логический подход при построении математической теории не так просто уловить. Даже профессионалы математики прошлого подчас не были в состоянии понять некоторые логические обоснования. А разве наши студенты в основной своей массе так уж значительно превосходят лучших математиков прошлого, что все это им дается просто, без особого напряжения? Опыт показывает, что большинство студентов не могут многих тонкостей в логических построениях и воспринимают в этом случае стохастику формально [1].

При всем многообразии методов, используемых в педагогической практике, выделяют следующие методы обучения стохастике:

– словесные: лекция, рассказ, беседа;

– наглядные: схематизация, символизация, демонстрация, иллюстрации, работа с книгой;

– практические: наблюдение, стохастические игры, статистические исследования, эксперимент, практическая работа, лабораторная работа, упражнения, моделирование (имитация);

– интерактивные: дискуссия, деловая игра, «аквариум», метод проектов, кейс-метод, «мозговой штурм», компетентностно-ориентированные задания.

По нашему мнению, основными инструментами, способствующими формированию стохастической компетентности учащихся, являются интерактивные методы обучения, в частности, использование компетентностно-ориентированных заданий, которые наиболее соответствуют компетентностному подходу в образовании.

Компетентностно-ориентированные задания принято определять как объединенную «дидактическую единицу содержания, технологии и мониторинга качества обучения» [6, с. 21]. Компетентностно-ориентированное задание – это задание, содержащее в себе практические элементы, направленные на формирование знаний, умений, навыков, а также качеств, способствующих выполнению самостоятельной познавательной деятельности [8, с. 183]. Целью решения компетентностно-ориентированных задач является разрешение стандартных либо нестандартных ситуаций. Компетентностно-ориенти-

рованные задания не занимаются просто транслированием информации и выполнением конкретных действий – они организуют учебно-познавательную, исследовательскую, межпредметную деятельность студентов.

К основным функциям компетентностно-ориентированных заданий принято относить:

– функцию получения новых знаний;
– функцию углубления знаний;
– воспитательную функцию;
– мотивационно-стимулирующую функцию;
– управляющую функцию;
– контрольно-оценочную функцию.

Таким образом, компетентностно-ориентированные задания способствуют формированию общеучебных и специальных умений студентов, обеспечению самостоятельности целеполагания деятельности, развитию мотивации процесса обучения. Во время работы над такими заданиями происходит активизация нравственных и волевых качеств студентов, поддерживается их работоспособность и происходит развитие навыков оценивания собственной деятельности [8].

В типологии компетентностно-ориентированных заданий выделяются три основных типа: предметные, межпредметные, практические задания. При выполнении компетентностно-ориентированного задания студент решает конкретный набор компетентностных задач. Все эти задачи можно отнести к определенному типу: задача-интерпретация, задача-сравнение, задача на установление аналогий, задачи на поиск прообраза, задача-модель, задача на избыточность, задача на недостаточность.

Для того чтобы гарантировать развитие у студентов необходимых им компетентностей, следует к содержанию компетентностно-ориентированных заданий предъявлять следующие требования:

– условие, а также полученный результат решения должны иметь познавательную, развивающую и воспитывающую значимость, чтобы деятельность студентов, направленная на нахождение решения, была мотивированной;

– студенты должны понимать ценность приобретения нового способа или же приема решения, который в дальнейшем можно использовать в аналогичных ситуациях, иными словами, целью решения компетентностно-ориентированных заданий не должно быть формальное получение ответа;

– формулировать задание необходимо в форме проблемы или же проблемной ситуации, которую студентам предстоит разрешить, причем в тексте не должно содержаться явных указаний на ход решения;

– способ решения задания должен содержать в себе комбинацию уже известных способов, причем на выбор способа не накладываются ограничения;

– информация, содержащаяся в тексте задания, может быть как недостающей или избыточной, так и противоречивой;

– в конце работы над компетентностно-ориентированным заданием студенты должны продемонстрировать тот набор знаний, умений и навыков, который они приобрели в ходе работы;

– в связи с тем, что результат выполнения задания должен нести в себе некую значимость, в конце необходимо указать на такие области, где может применяться полученный результат.

На сегодняшний день в вузе не существует готовых к внедрению в обучение компетентностно-ориентированных зданий по стохастике, есть только иллюстрация возможных реализаций компетентностного подхода [7]. Поэтому при проектировании компетентностно-ориентированных заданий следует придерживаться их структуры и общепринятого алгоритма конструирования. Из них самой полной по содержанию этапов является формулировка задачи на основе выбранных аспектов компетентности, которые подлежат оценке и формированию.

При конструировании компетентностно-ориентированных заданий необходимо учитывать, что в процессе обучения учащиеся должны осуществлять учебно-познавательную деятельность, которая носила бы продуктивный характер. Следовательно, в процессе проектирования таких заданий можно использовать обучающие, поисковые, проблемные компетентностно-ориентированные задания [6, с. 31].

При реализации этапа формирования стимула происходит стимуляция внутренних мотивов учащихся. Это связано с потребностью преодоления познавательных затруднений и получения новых знаний, умений и навыков. Такие возникающие затруднения и способы их преодоления, которые не известны заранее студентам, называют проблемными ситуациями. Понимание характера возникшего затруднения и нехватки имеющихся знаний позволяет раскрыть пути преодоления, которые заключаются в поиске новых способов действий, а активность поисковой работы – условие развития компетентностей.

Критериями оценивания компетентностно-ориентированных заданий являются следующие показатели: полнота раскрытия заданий, владение теоретическими знаниями, обоснованность выводов, логика изложения, самостоятельность при решении, корректность представления результатов решения.

Рассмотрим несколько компетентностно-ориентированных заданий по элементам теории вероятностей. Представленные задания отвечают целям изучения стохастического материала, а именно развитию вероятностной интуиции и формированию адекватных представлений о свойствах случайных явлений. При составлении заданий учитывалось не только то, что студент к этому моменту знает или должен знать, но и необходимая для усвоения нового материала умственная работа, постоянная смена и развитие представлений

учащихся. При разработке подобных заданий уделялось внимание и тому, как студент мыслит, что он помнит, какие способы рассуждения являются для него привычными и какие будут новыми и т.д. [2].

Первое задание «Почему на клавиатуре буквы расставлены не по алфавиту?» связано с темой «Устойчивость относительных частот».

Формируемые компетенции: познавательная, коммуникативная, регулятивная, личностная.

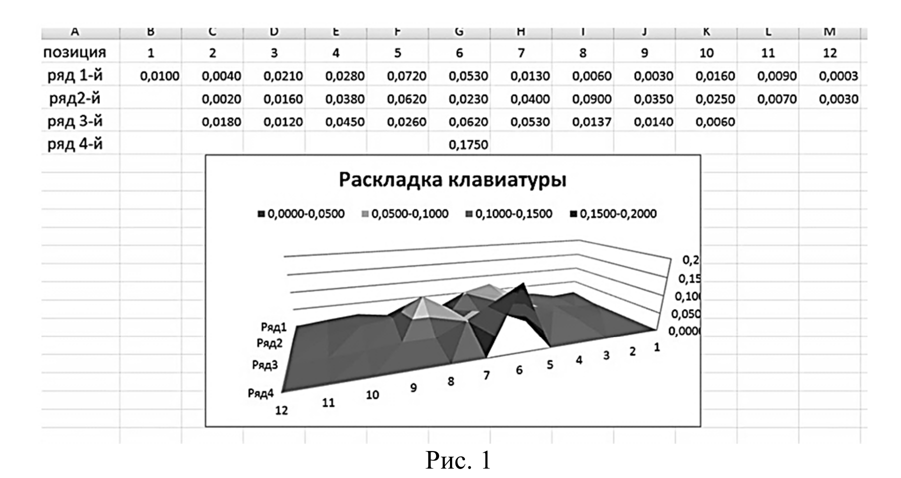
Стимул. Предложите всем студентам группы придумать свой личный шифр: каждую букву заменить каким-нибудь «хитрым» значком. Затем написать этим, известным только ему одному, шифром письмо на одной-двух страницах. Письмами обменяться. И ждать, когда часть студентов огласят расшифрованный текст письма.

Задачная формулировка. В чем секрет этого «фокуса»? Подтвердите, что в случайном, казалось бы, наборе букв «шифровки» проявляется строгая регулярность: частота появления каждой буквы алфавита в тексте практически постоянна. Приведите эти данные с помощью обработки двух страниц любого литературного текста и представьте их в виде таблицы. Кроме того, задумайтесь, почему именно так (не по алфавиту) располагаются буквы на клавиатуре компьютера? Выясните, каким образом эти частоты связаны с расположением клавиш. Для этого расположите буквы в таблице так, как они располагаются на клавиатуре, и постройте над каждой буквой столбик, высота которого пропорциональна ее частоте.

Инструмент оценивания. Модельный ответ: таблицы частот букв русского языка несколько различаются в различных публикациях. Возьмем такую таблицу из книги «Вероятность и информация» [9, с. 238], разделив в ней частоты букв ь и ъ, исходя из других источников.

Буква	Относительная частота	Буква	Относительная частота	Буква	Относительная частота
Пробел	0,175	К	0,028	Ч	0,012
О	0,090	М	0,026	Й	0,010
Е, Ё	0,072	Д	0,025	Х	0,009
А	0,062	П	0,023	Ж	0,007
И	0,062	У	0,021	Ю	0,006
Т	0,053	Я	0,018	Ш	0,006
Н	0,053	Ы	0,016	Ц	0,004
С	0,045	З	0,016	Щ	0,003
Р	0,040	Б	0,014	Э	0,003
В	0,038	Ь	0,0137	Ф	0,002
Л	0,035	Г	0,013	Ъ	0,0003

Перенесем эти данные в MS Excel, имитируя четыре ряда клавиатуры и учитывая стандартную раскладку букв по клавишам. Далее построим трехмерную поверхность, где по оси *OZ* откладываются частоты соответствующих ячеек полученной таблицы. В результате этих действий получаем следующее (рис. 1).

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M
позиция	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ряд 1-й	0,0100	0,0040	0,0210	0,0280	0,0720	0,0530	0,0130	0,0060	0,0030	0,0160	0,0090	0,0003
ряд2-й		0,0020	0,0160	0,0380	0,0620	0,0230	0,0400	0,0900	0,0350	0,0250	0,0070	0,0030
ряд 3-й		0,0180	0,0120	0,0450	0,0260	0,0620	0,0530	0,0137	0,0140	0,0060		
ряд 4-й						0,1750						

Рис. 1

Второе задание «Количество рыб в водоеме» посвящено теме «Классическое определение вероятности».

Формируемые компетенции: познавательная, коммуникативная, регулятивная, личностная.

Стимул. Руководство рыбного хозяйства с целью сокрытия прибыли сознательно идет на занижение количества рыбы в своих искусственных водоемах.

Задачная формулировка. Как налоговому инспектору оценить приближенно количество рыбы в одном из водоемов?

Инструмент оценивания. Модельный ответ: пусть в водоеме имеется N рыб. Забрасываем сеть и предполагаем, что находим в ней n рыб. Каждую из них метим и отпускаем обратно. Через несколько дней в том же месте забрасываем ту же самую сеть. Допустим, что находим в ней m рыб, среди которых k меченых.

Пусть событие A – пойманная рыба мечена. Тогда относительная частота события A будет равна: $P^*(A)=\frac{k}{m}$. Если же в водоеме N рыб и выпустим n меченых, то, согласно классическому определению вероятности, событие A имеет вероятность $P(A) = \frac{n}{N}$. Так как при больших значениях m верно приближенное равенство $P^*(A) \approx P\ (A)$, то студенты приходят к выводу, что количество рыб в этом водоеме приближенно равно $N \approx \frac{nm}{k}$.

Третье задание «Путь к причалу» посвящено теме «Геометрическое определение вероятности».

Формируемые компетенции: познавательная, коммуникативная, регулятивная, личностная.

Стимул. Эффективность работы причала.

Задачная формулировка. Два парохода должны подойти к одному и тому же причалу, причем время прибытия каждого из пароходов равновозможно в течение суток. Как определить вероятность того, что ни одному из пароходов не придется ожидать освобождения причала, если время стоянки первого парохода составляет два часа, а второго – три часа?

Инструмент оценивания. Модельный ответ: обозначим время подхода к причалу первого и второго пароходов через x и y соответственно. По условию задачи $0 \le x \le 24$ и $0 \le y \le 24$ (так как в сутках 24 часа). Если рассматривать x и y как декартовы координаты точек плоскости, то все элементарные исходы (все возможные варианты времени подхода пароходов к пристани) изобразятся точками квадрата *OABC* (рис. 2). Если сначала подходит первый пароход ($x < y$), то второй, чтобы не ожидать, должен подойти не раньше чем через два часа ($2 + x < y$). Если же первым подходит второй пароход, то должны выполняться следующие неравенства для времени причаливания первого – $y < x$ и $y + 3 < x$. Точки квадрата *OABC*, координаты которых удовлетворяют всем этим неравенствам, принадлежат области, состоящей из двух прямоугольных треугольников – *ADE* и *FCG*. А искомая вероятность (по геометрическому определению вероятности)

$$p = \frac{площадь \Delta ADE + площадь \Delta FCG}{площадь OABC} = \frac{925}{1152} \approx 0{,}8029513888.$$

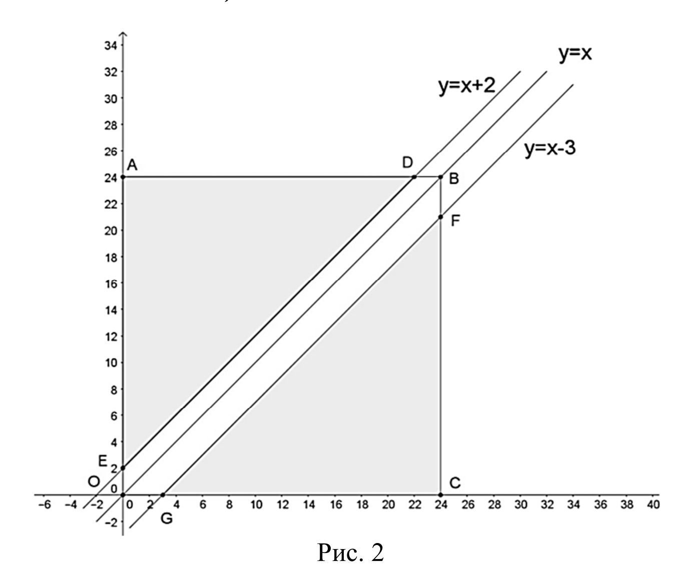

Рис. 2

Студентам предлагается получить ответ к этой задаче, используя компьютерный эксперимент [5]. Вначале провести его в MS Excel.

Заполняем 1000 ячеек столбцов А и В случайными числами от 0 до 24 (используя равномерный закон распределения). Получившиеся пары чисел – это 1000 вариантов подхода первого и второго пароходов к причалу при равновозможности выбора времени прибытия каждого в течение суток. В столбце D напротив вариантов, когда ни одному из пароходов не приходится ждать, проставляется 1, кто-то ждет – ставим 0. Для этого ячейка D1 заполняется формулой **=ЕСЛИ(ИЛИ((И($A1<$B1;$B1–$A1>2));(И($A1>$B1;$A1–$B1>3)));1;0)**. В ячейке F1 получаем эмпирическую частоту по формуле **=СУММ(D1:D1000)/1000**. Нажатие клавиши F9 даст другие 1000 вариантов и, соответственно, другую эмпирическую частоту. Эти частоты служат приближенными значениями искомой вероятности. На этом шаге необходимо обратить внимание студентов на то, что приближения (при 1000 вариантов подхода) могут отличаться от теоретической вероятности больше чем на 0,1. Ниже представлен фрагмент листа MS Excel.

D1 | fx | =ЕСЛИ(ИЛИ((И($A1<$B1;$B1-$A1>2));(И($A1>$B1;$A1-$B1>3)));1;0)

	A	B	C	D	E	F	G	H
1	8,78361	13,0159		1		0,772		
2	21,2661	18,3587		0		частота искомого события		
3	15,8912	4,88197		1				
4	15,7992	17,791		0				
5	19,9049	6,91297		1				

Далее предлагается студентам провести этот же эксперимент в пакете GeoGebra [5].

Строим квадрат *OABC*. В нем получаем множество случайных точек с координатами (время прихода первого парохода; время прихода второго парохода). Причем сразу же визуализируем только те, когда ни одному из пароходов не приходится ожидать освобождения причала (рис. 3).

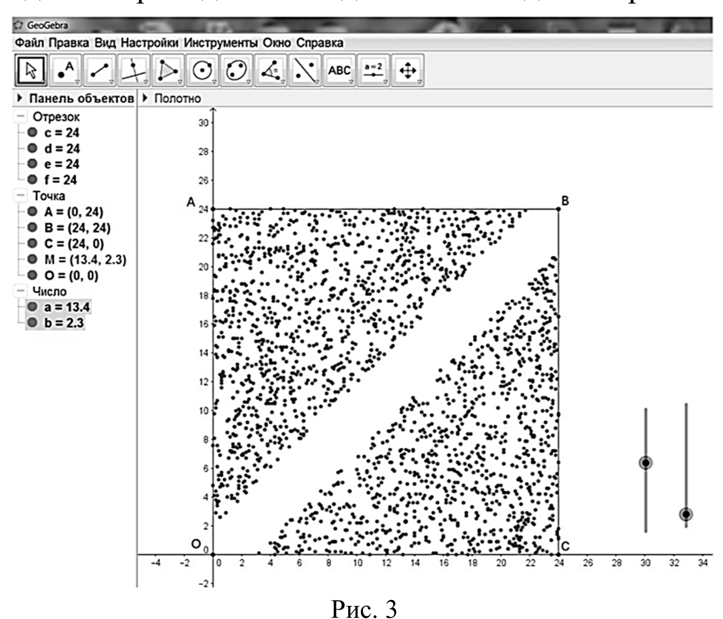

Рис. 3

Выделяем границами полученные области. Студенты замечают, что здесь не представляет труда увеличивать количество таких случайных точек. Поэтому границы можно увидеть достаточно отчетливо и провести их (рис. 4).

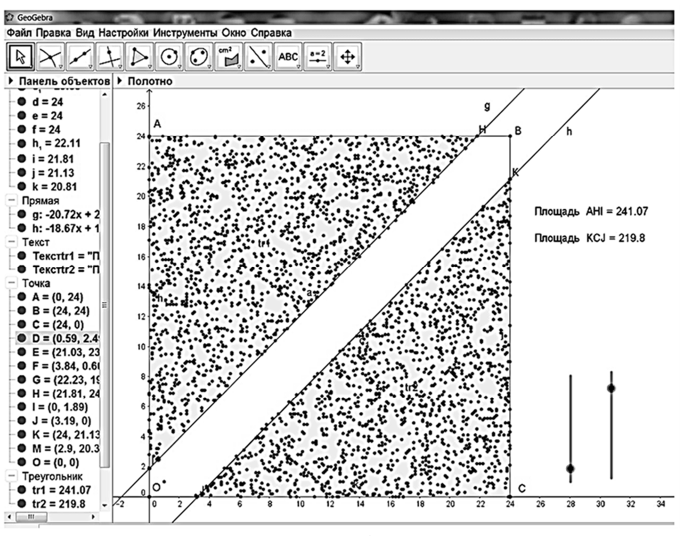
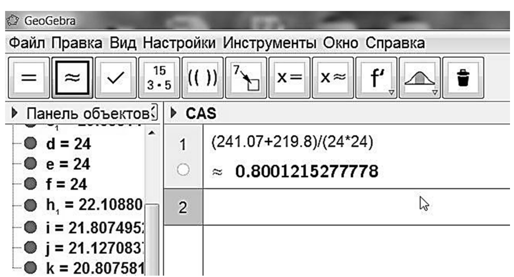

Рис. 4

Площади областей автоматически просчитываются. Используем геометрическое определение вероятности и, не выходя из пакета GeoGebra, получаем приближенное численное значение искомой вероятности

$p \approx 0{,}8001215277778$.

Студенты замечают, что решение задачи в системе GeoGebra дает сразу очень хорошее приближение, в отличие от экспериментов в MS Excel.

Четвертое задание «*Парадокс с днями рождения*» относится к теме «Основные теоремы теории вероятностей».

Формируемые компетенции: познавательная, коммуникативная, регулятивная, личностная.

Стимул. Теория вероятностей необычайно богата парадоксами. Некоторые настолько противоречат здравому смыслу, что поверить в них трудно даже после того, как правильность их подтверждена доказательством. Один из примеров – парадокс с днями рождения. Выберем наугад, скажем, 23 человека. И спросим студентов: какова, по их мнению, вероят-

ность того, что как минимум двое из 23 родились в один и тот же день? Естественно, интуиция им подсказывает, что вероятность такого события должна быть очень мала: дней-то в году как минимум 365.

Задачная формулировка. Рассмотрите шансы несовпадений дней рождения. Понаблюдайте, как вероятность несовпадения дней рождения зависит от размера группы.

Инструмент оценивания. Модельный ответ:

Размер группы	Вероятность несовпадения	Вероятность совпадения
1	1	0
2	0.998	0.002
3	0.992	0.008
4	0.984	0.016
5	0.973	0.027
6	0.960	0.040
7	0.944	0.056
8	0.926	0.074
9	0.906	0.094
10	0.884	0.116
11	0.859	0.141
12	0.833	0.167
13	0.806	0.194
14	0.777	0.223
15	0.748	0.252
16	0.717	0.283
17	0.685	0.315
18	0.654	0.346
19	0.621	0.379
20	0.589	0.411
21	0.557	0.443
22	0.525	0.475
23	0.493	0.507

Очевидно, что для любого размера группы сумма вероятностей совпадения и несовпадения равна единице, так как ничего третьего произойти не может! Из полученной таблицы видно, что при размере группы в 23 человека искомая вероятность равна 0,507. Кстати, вероятность того, что хотя бы у двух людей дни рождения совпадут, растет очень быстро.

Размер	Вероятность несовпадения	Вероятность совпадения
10	0.884	0.116
20	0.589	0.411
30	0.294	0.706
40	0.109	0.891
50	0.030	0.970
60	0.006	0.994
70	0.001	0.999

Все строго, все посчитано, а все равно плохо верится, не правда ли? Для иллюстрации студентам предлагается записать дни рождения 50 студентов-математиков факультета и убедиться, подтверждаются их расчеты или нет.

Далее предлагается «немножко» изменить вопрос задачи. Какого размера должна быть группа, чтобы появился шанс найти кого-нибудь именно с вашим днем рождения?

Почти наверняка интуиция многих студентов и в этом случае подведет. На самом деле в группу должно войти 253 человека (в этом случае $p = 0{,}5005$). Однако они не должны думать, что их спасет, если в группе будет 365 человек – ни о каких 100% речи быть не может. Преподаватель предлагает подтвердить это вычислениями и объяснить, почему в принципе для любой сколь угодно большой группы существует малая вероятность того, что в ней не найдется человека с тем же днем рождения, что и у вас.

Основная цель обучения основам стохастики – формирование умений мыслить по аналогии, обобщать, анализировать, наблюдать и делать выводы. Студентам уже известно, что сравнительно простые модели теории вероятностей позволяют хотя бы в первом приближении правильно описать широкий круг практических задач (такими моделями являются, например, размещение частиц по ячейкам, урновые схемы и случайные блуждания). Поэтому следующим шагом выполнения задания является исследование пространства элементарных событий нового типа, к которым можно прийти простой модификацией задачи о размещении.

Следует провести мысленный эксперимент, состоящий в случайном размещении r шаров по n ящикам. Однако надо не фиксировать заранее число r шаров, а продолжать размещать шары один за другим до тех пор, пока не получится определенная ситуация. Рассмотрим две такие возможные ситуации.

(A) Шары случайно размещаются по ящикам до тех пор, пока какой-нибудь шар впервые не попадет в уже занятый ящик. После этого процесс прекращается.

(B) Фиксируем ящик и продолжаем процесс случайного размещения шаров до тех пор, пока этот ящик остается пустым. Процесс прекращается в тот момент, когда впервые какой-нибудь шар попадает в выбранный ящик.

Очевидно, в примере о днях рождения люди соответствуют шарам, а $n = 365$ дней года – ящикам. Модель (A) сводится к следующему: случайно выбираем людей одного за другим до тех пор, пока не найдутся двое с общим днем рождения. Модели (B) соответствует продолжение процесса до тех пор, пока не найдется человек с тем же днем рождения, что и у вас.

В заключение хочется отметить, что при изучении теории вероятностей, особенно на первых этапах, зачастую у обучаемых складывается обманчивое впечатление. С вероятностной интуицией у них все в порядке. Шансы выпадения, например, «герба» при бросании монеты или выпадения «шестерки» при броске игральной кости угадываются ими правильно. Но, стоит чуть отойти в сторону, интуиция и расчет могут давать различные результаты. Поэтому преподавателю необходимо показывать несовершенство вероятностной

интуиции студентов, и не только показывать, но и предлагать компетентностно-ориентированные задания, помогающие ее улучшить. При этом следует постоянно помнить, что обучение формализованной стохастике не формирует стохастической интуиции, если она плохо развита от природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евдокимова Г.С. Методические рекомендации преподавания теории вероятностей в университете // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 4(16). С. 416–424.
2. Евдокимова Г.С. О двойственности процесса изучения стохастики при подготовке преподавателей математики в университете // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1(17). С. 285–291.
3. Евдокимова Г.С., Усачев В.И. Системы компьютерной математики, используемые при обучении будущего учителя // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4(32). С. 411–420.
4. Евдокимова Г.С., Усачев В.И. Теория вероятностей и математическая статистика: учебное пособие для практических занятий (компетентностно-ориентированные задания). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 178 с.
5. Евдокимова Г.С. О стохастической составляющей в профессиональной подготовке учителя математики // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 4(28). С. 412–425.
6. Компетентностно-ориентированные задания в системе высшего образования / А.А. Шехонин, В.А. Тарлыков, И.В. Клещева [и др.]. СПб.: НИУ ИТМО, 2014. 98 с.
7. Седова Н.С. О сформированности стохастической компетентности учителя математики // Вестник Псковского государственного университета. Естественные и физико-математические науки. 2010. № 10. С. 111–119.
8. Шмигирилова И.Б. Компетентностно-ориентированные поисково-исследовательские задания в школьной математике // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5. С. 182−184.
9. Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация. М.: КомКнига, 2007. 238 с.

G.S. Evdokimova

Competence-Oriented Tasks on Stochastics for Future Teachers under the Conditions of Modern Educational Process

Key words: *competence approach; competence; scholastic competence; formation; interactive teaching methods; competence-oriented tasks; teacher; consciousness; probability-theoretical intuition.*

The article considers the competence approach in education, which is the main mechanism of formation of stochastic competence of students under the conditions of modern educational process. The study demonstrates that the main tools, which contribute to the formation of stochastic competence of students, include interactive learning methods, such as the use of competence-oriented tasks.

Т.В. Михайлова
Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва)

В.П. Губа
Смоленский государственный университет

УДК 371.212

Творческий подход к подготовке тренера в организации спортивной деятельности

Ключевые слова: *тренер; подготовка; учебная деятельность; спортивная деятельность; творческий подход; педагогическое творчество; модельные группы; научно-исследовательская работа.*

В статье рассматривается творческий подход к подготовке тренеров в высших учебных заведениях спортивного профиля. Рассматриваются модельные группы контингента студентов, обучающихся в вузах физкультурного профиля, которые являются основой для формирования профессиональных компетенций для последующего эффективного управления спортивной деятельностью. Представлены данные, обобщающие приоритетные источники научно-методической информации, используемой в процессе подготовки тренеров к спортивной деятельности.

Учебный процесс всегда начинается с воспроизводящей (репродуктивной) деятельности, так как творческая активность возникает на фундаменте знакомства с имеющимся опытом, который закреплен и функционирует в рамках репродуктивной деятельности. Эта деятельность выступает как необходимая первоначальная часть творческого процесса, и она является необходимой стороной актуализации нового учебного материала. Однако исследования показывают, что существующая в настоящее время методика обучения в физкультурных вузах характеризуется в основном репродуктивными формами усвоения студентами знаний и редко переходит от воспроизводящей к творческой деятельности [3; 6; 12].

Существующая практика проведения учебных занятий со студентами ведет к творческой пассивности молодежи, что особенно нетерпимо в возрасте 17–25 лет, когда процессы формирования личности протекают наиболее интенсивно. Этот возраст характеризуется стремлением к активной, творческой деятельности, высокой восприимчивостью ко всему новому и, наоборот, негативным отношением к рутинным проявлениям [1; 7; 10].

Специалисты указывают, что направленность методики обучения на репродуктивный характер препятствует внедрению и распространению современных методов, рассчитанных на проблемное обучение, развивающих

творческое мышление и творческие способности, ведению мотивирующих и контролирующих элементов в обучении [2; 8]. К тому же существующие формы организации учебного процесса в вузе не только сдерживают проявление творчества студентов, но и мешают внедрению новых активных методов обучения, которые стимулировали бы развитие творческих способностей у них, способствовали бы подготовке специалистов, владеющих творческим подходом к профессиональной деятельности.

По этой причине профессионально ориентированных на творчество тренеров катастрофически мало. Хотя для всех ясно, что в деятельности любого педагога, учителя, тренера очень часто возникают ситуации, когда известные приемы тренировки не приносят ожидаемого эффекта и тренер вынужден искать новые пути решения педагогических задач. Другими словами, тренер должен разрешить проблемную ситуацию [4; 5; 9; 11].

Для наиболее объемного анализа проблемы творческой подготовки физкультурных кадров следует исходить из того, что деятельность специалиста по физической культуре и спорту является педагогической и в связи с этим обладает своеобразием, связанным и с характером процесса, и с его результатом – растущей, формирующейся личностью. Педагогическое творчество жестко лимитировано, спрессовано во времени. Тренер не может ждать, пока его «осенит», иногда он должен принимать новое решение в считанные секунды. Поскольку педагогическое творчество слито с учебно-тренировочным процессом, оно всегда должно приносить положительные результаты.

Цель исследования – разработать и обосновать творческий подход к подготовке тренера в организации спортивной деятельности.

Результаты исследования. Известно, что спортивная деятельность неотделима от ориентации на высокие творческие достижения, что объективно определяет необходимость творческого подхода к процессу спортивной тренировки и со стороны тренера, и со стороны спортсмена.

В специальном исследовании установлено, что в среднем заслуженный тренер по сравнению с тренерами без категорий отводит на создание творческих ситуаций, на поиски оригинальных, творческих решений в подготовке спортсменов почти в два раза больше времени (31,1% трудового времени), чем тренер без категории (16,2% трудового времени).

В результате корреляционного анализа уровней творческого мастерства тренерского состава и творческих достижений их воспитанников получен статистически значимый коэффициент корреляции, равный 0,851 ($p < 0,05$), который свидетельствует о том, что среди прочих условий на результативность спортивной деятельности особенно влияет творчество тренера. Корреляционный анализ времени, затраченного тренерами на разрешение творческих ситуаций на занятиях, и достигнутых уровней творческих успехов их воспитанников выявил коэффициент корреляции 0,848 ($p < 0,01$), что свидетельствует о еще более сильной связи. То есть на результативность творче-

ской деятельности юных спортсменов существенное влияние оказывают и творческие способности тренера, и особенно время, которое уделяется на то, чтобы создать и разрешить разнообразные творческие ситуации.

Как свидетельствуют полученные нами данные, оценки компонентов тренировочного процесса на разных этапах спортивного совершенствования в значительной степени зависят от практического опыта непосредственной работы тренера с конкретным контингентом. Из данных таблиц 1 и 2 видно, что наиболее взвешены позиции тренеров, работающих с юношами и юниорами.

Причем данное наблюдение верно и в отношении когорты высшей категории, и в отношении остальных тренеров как на начальных этапах подготовки, так и на более поздних этапах спортивного совершенствования. Об этом говорит не только соотношение рангов, но и реальные показатели в баллах, отражающие оценки тренеров в диапазоне «этому аспекту уделяется излишнее внимание – можно работать по общепринятым методикам – нет определенной позиции – внимание к этому аспекту не имеет существенного значения – необходимо повышенное внимание».

Ориентация на общепринятые методики, как показывает опыт, во многом связана с отношением к использованию новейшей научно-технической информации. В этой связи мы рассматриваем такой показатель, как цель обращения тренеров к научно-методической литературе. Приоритетные источники информации зависят от многих факторов: уровня тренерской квалификации, уровня спортивного мастерства в прошлом и особенно от причины принадлежности к тренерскому корпусу.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что модальные группы включают следующий контингент:

– при целевой установке «повысить уровень знаний, необходимых для работы тренером» – первая категория, в прошлом – спортсмен средней квалификации, не нашедший себя в иных областях деятельности или считающий, что «спортсмену иного пути нет»;

– при целевой установке «решение конкретных проблем профессиональной деятельности в качестве тренера» – высшая тренерская категория, высокий уровень спортивного мастерства в прошлом; спортсмен, пришедший в тренерский корпус по призванию;

– при целевой установке «подготовка к отчетам, совещаниям» – низкая тренерская квалификация и относительно высокая в качестве спортсмена в прошлом; люди, пришедшие в эту сферу деятельности, поскольку «так уж получилось»;

– установка «расширение кругозора» – наиболее низкая тренерская категория, спортмены, не имеющие спортивного разряда, пришедшие на работу тренером, потому что «так уж получилось».

Таблица 1

Педагогические особенности построения тренировочного процесса начального этапа подготовки тренерами различной квалификации, работающими с разным контингентом, баллы

Компонент деятельности тренера	Контингент работает					
	с детьми		с юношами и юниорами		со взрослыми	
	Высшая категория	Остальные	Высшая категория	Остальные	Высшая категория	Остальные
Совершенствование техники	4,18	4,26	4,66	4,60	5,00	5,00
Развитие физических способностей	4,64	4,58	4,35	4,52	4,35	4,29
Повышение функциональных возможностей	3,97	5,00	4,10	4,56	4,26	4,29
Построение тренировочного процесса	2,08	4,32	3,61	4,17	4,21	3,57
Педагогический контроль	3,51	4,53	3,47	4,32	3,70	4,29
Медико-биологический контроль	3,36	3,89	3,39	3,89	3,47	5,00
Отбор и спортивная ориентация	2,85	2,89	3,46	3,43	3,74	3,43
Тактическая подготовка	3,10	3,32	3,76	3,48	3,79	3,57
Психологическая подготовка	3,62	4,16	3,98	4,10	4,00	4,29
Обучение работе в коллективе	3,05	4,16	3,08	4,06	3,90	4,71
Использование технических средств и тренажеров	3,15	3,63	3,73	4,21	4,03	4,29
Соревновательная подготовка	3,51	4,26	4,13	4,23	4,18	4,29
Использование фармакологических средств	2,54	2,42	2,81	2,84	3,43	1,71

Показательно, что «иные мотивы» чаще характерны для высококвалифицированных тренеров, мастеров спорта по спортивной квалификации в прошлом, работающих по призванию и уже имеющих высшее образование.

Таблица 2

Педагогические особенности построения тренировочного процесса на этапе спортивного совершенствования тренерами различной квалификации, работающими с разным контингентом, баллы

Компонент деятельности тренера	Контингент работает					
	с детьми		с юношами и юниорами		со взрослыми	
	Высшая категория	Остальные	Высшая категория	Остальные	Высшая категория	Остальные
Совершенствование техники	4,18	5,00	4,70	4,75	5,00	4,09
Развитие физических способностей	3,00	4,52	3,92	4,61	4,56	4,64
Повышение функциональных возможностей	4,79	4,96	4,66	4,90	4,65	5,00
Построение тренировочного процесса	3,15	5,00	4,21	4,68	4,88	5,00
Педагогический контроль	3,05	4,67	3,77	4,30	4,32	5,00
Медико-биологический контроль	3,82	4,81	4,36	4,51	4,65	5,00

Отбор и спортивная ориентация	2,90	3,41	3,62	3,91	3,83	4,64
Тактическая подготовка	2,95	4,81	4,15	4,66	4,70	5,00
Психологическая подготовка	2,95	4,85	3,83	4,78	4,37	5,00
Обучение работе в коллективе	3,21	4,00	3,66	4,09	4,03	4,18
Использование технических средств и тренажеров	2,90	4,48	3,88	4,56	4,32	4,55
Соревновательная подготовка	2,85	4,81	4,36	4,88	4,53	5,00
Использование фармакологических средств	2,28	4,68	3,71	3,95	4,23	2,86

Наиболее часто представители рассмотренных выше категорий в зависимости от целевой установки обращаются к следующей литературе:

– в первом случае – спортивного или медико-биологического профиля;

– во втором – спортивного или общепедагогического и психологического профиля;

– в третьем – при необходимости решить внетренировочные проблемы (подготовка к отчету, совещанию) – к общетеоретической периодике (табл. 3).

В целом же практически во всех случаях на первый план выходит спортивная периодика, а наименее востребованными остаются источники, отражающие последние достижения спортивной науки: научные и реферативные журналы и данные диссертационных исследований. В первую очередь это касается контингента, имеющего целью как раз решение конкретных проблем тренировочного процесса. Вследствие этого уже не вызывает удивления тот факт, что большинство тренеров предпочитают работать по хорошо апробированным методикам и не склонны к творческому поиску. В последнем случае творческий поиск практически эквивалентен позиции «решение конкретных проблем тренировочного процесса». Это предположение получило подтверждение и при более детальном анализе, который показал, что наиболее востребованы «в среднем» монографии, учебная литература и сборники научных трудов, наименее – как раз указанные выше и литература на иностранных языках.

Таблица 3

Приоритетные источники научно-методической информации в зависимости от основной цели обращения, баллы

Цель обращения к научно-методической литературе	Источник научно-методической информации					
	Сборники научных трудов	Периодика			Научные обзоры и реферативные журналы	Диссертации и авторефераты
		Спортивная	Педагогика и психология	Медико-биологического профиля		
Повышение уровня знаний, необходимых для деятельности тренера	1,78	2,21	1,89	1,99	1,46	1,43

Решение конкретных проблем	1,87	2,18	2,20	1,92	1,39	1,30
Подготовка к отчету, совещанию	1,89	2,00	3,00	2,00	2,00	1,11
Расширение кругозора	2,04	2,21	2,09	1,50	1,41	1,64
Иное	1,00	3,00	3,00	2,00	1,00	2,00
Средние по массиву	1,82	2,28	1,95	1,88	1,38	1,42

В то же время показательно, что оперативная информация достаточно высокого научного уровня привлекает внимание в первую очередь наиболее квалифицированных – даже по их собственным оценкам – тренеров (самооценка квалификации – «соответствует требованиям выполняемой работы» или «выше, чем требуется) (табл. 3). И, что весьма примечательно, в лучшую сторону в этом плане отличается контингент, получивший высшее образование иного, чем физкультурный, профиля.

Таким образом, можно предположить, что у большей части тренеров не выработана установка на активный поиск необходимых для самосовершенствования источников, получение наиболее «свежей» информации – они склонны доверять «общепринятым методикам» ведения педагогического процесса.

В этой связи вполне логичен вывод: необходимо обратить специальное внимание на расширение кругозора студентов спортивных вузов, прежде всего путем вовлечения в научно-исследовательскую работу не только тех, кто намеревается сделать таковую своей будущей профессиональной деятельностью, но и тех, кто нацелен на практическую деятельность в качестве тренера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губа В.П. Особенности решения национального проекта в сфере среднего образования и воспитания // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1. С. 57–61.
2. Губа В.П., Морозов О.С., Парфененков В.В. Научно-практические и методические основы физического воспитания учащейся молодежи: учебное пособие. М.: Советский спорт, 2008. 206 с.
3. Железняк Ю.Д. Интеграция и системность как факторы повышения эффективности физического воспитания, спортивной подготовки, физкультурного образования // Теория и практика физической культуры. 2011. № 3. С. 24–28.
4. К проблеме смены методологических парадигм в системе образования (в контексте сферы физической культуры и спорта) / С.В. Дмитриев [и др.] // Мир психологии. 2015. № 2. С. 244–258.
5. Катровский А.П., Губа В.П. Высшее образование в России – процесс трансформации и интеграции // Веснік Палескага дзяржаўнага універсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. 2015. № 2. С. 32–40.
6. Михайлова Т.В. Социально-педагогические и профессионально-трудовые основы подготовки тренеров в институте спорта: монография. М., 2016. 178 с.
7. Михайлова Т.В. Социально-педагогические основы деятельности тренера: монография. М.: Физическая культура, 2009. 288 с.
8. Михайлова Т.В. Эффективность деятельности тренера и определяющие ее факторы // Теория и практика физической культуры. 2007. № 1. С. 34–38.

9. Научно-педагогическая школа как вид интеграции образовательной и научной деятельности в высшем физкультурном образовании / С.П. Евсеев [и др.] // Теория и практика физической культуры. 2014. № 3. С. 11–16.

10. Неверкович С.Д. Педагогика физической культуры и спорта. М.: Физическая культура и спорт, 2010. 336 с.

11. Неверкович С.Д., Попова А.А. Система образования в вузе физической культуры как социальный институт // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4(129). С. 173–178.

12. Сластенин В.А., Руденко Н.Г. О современных подходах к подготовке педагога // Педагогика. 2011. № 6. С. 55.

T.V. Mikhaylova, V.P. Guba

Creative Approach to Training of the Coach in the Organization of Sports Activities

Key words: *coach; preparation; educational activities; sports activities; creative approach; pedagogical creativity; model groups; research work.*

The article deals with creative approach to training of coaches in higher educational institutions of sports profile. The study is based on model groups of the students studying in higher education institutions of sports profile which form the basis for creation of professional competences for subsequent effective management of sports activities. The data is provided which generalizes sources of scientific and methodical information used in the course of training of coaches for sports activities.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.Г. Егоров, Н.Н. Савченкова
Смоленский государственный университет

Всероссийская олимпиада школьников 2017 года в Смоленском государственном университете

Более десяти лет Смоленский государственный университет принимает в своих стенах заключительный этап всероссийской олимпиады школьников. В этом году в СмолГУ впервые проводились состязания заключительного этапа олимпиады по астрономии и олимпиады по русскому языку.

В состав оргкомитетов по предметам олимпиады вошли представители Администрации Смоленской области, ректората СмолГУ и профильных факультетов университета, члены соответствующих центральных предметно-методических комиссий. Возглавила оргкомитеты заместитель губернатора Смоленской области О.В. Лобода.

Непосредственному проведению олимпиады предшествовала интенсивная подготовительная работа. Были сформированы программы проведения обеих олимпиад, сценарии церемоний открытия и закрытия, учитывающие специфику каждой из них. Для школьников, сопровождающих и членов жюри были забронированы места в гостиницах, организовано питание и медицинское обслуживание, запланированы экскурсионные поездки и другие мероприятия культурной программы. На время участия школьников в конкурсных состязаниях сопровождающим и приглашенным были предложены авторские семинары, лекции, круглые столы и мастер-классы. Для сопровождения олимпиады на весь период ее проведения были назначены и проинструктированы волонтеры из числа студентов и сотрудников СмолГУ, в задачи которых входили встреча, расселение, регистрация участников олимпиады, дежурство в учебных корпусах и аудиториях, помощь в организации трансфера участников.

В заключительном этапе всероссийской олимпиады школьников по астрономии (20–26 марта 2017 года) приняли участие 172 конкурсанта из 40 регионов Российской Федерации в сопровождении 49 педагогов. Жюри – эксперты из Москвы, Рязани, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ярославля – работало в составе 13 человек.

Конкурсные испытания проводились в трех возрастных параллелях: 9-м, 10-м и 11-м классах. За 9-й класс выступали 58 участников, за 10-й – 56, за 11-й – 58. Программа интеллектуальных состязаний включала три этапа – теоретический и практический туры и блиц-тест. В первых двух

турах школьникам были предложены комплекты заданий, решение которых необходимо было оформить письменно в свободной форме, ответы на задания блиц-теста вносились в специальные бланки.

После выполнения заданий каждого тура члены жюри проводили встречи с участниками олимпиады, во время которых излагали основные идеи решения задач, представляли наиболее удачные варианты выполнения олимпиадных заданий и типичные ошибки, допущенные конкурсантами. Далее на показе работ школьники имели возможность самостоятельно просмотреть свои решения и при необходимости уточнить у членов жюри оценку выполненных заданий. В случае несогласия с оценкой участник имел право подать заявление на апелляцию.

Итоговый результат каждого школьника подсчитывался как суммарный балл за все три тура олимпиады. Далее результаты фиксировались в итоговой таблице, представляющей собой отсортированный в порядке убывания баллов список участников. Победители и призеры заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников по астрономии 2017 года были определены в соответствии с квотой, установленной Министерством образования и науки Российской Федерации: дипломами награждены 13 победителей и 56 призеров олимпиады. Кроме того некоторые участники были награждены специальными призами и грамотами.

С 17 по 23 апреля 2017 года Смоленский государственный университет принимал олимпиаду по русскому языку. Общее количество участников, прошедших регистрацию и допущенных к выполнению заданий, составило 248 человек из 60 регионов РФ. В качестве сопровождающих на заключительный этап прибыли 72 педагога. В жюри работали 26 специалистов из Москвы, Санкт-Петербурга и Смоленска.

В ходе заключительного этапа олимпиады школьников по русскому языку состоялись независимые состязания в трех возрастных параллелях – 9-х, 10-х и 11-х классов. В соответствии с программой и требованиями к проведению олимпиады соревнования представляли собой два письменных тура.

Выполняя задания первого тура олимпиады, школьники должны были показать свои знания норм русского литературного языка, проявить языковое чутье и смекалку в решении неординарных вопросов системы русского языка в его прошлом и настоящем состоянии. Участникам предлагались лингвистические задачи, ориентированные на владение орфоэпическими нормами русского литературного языка; знание современной орфографической нормы и умение обосновать ее с исторической точки зрения; знание семантической системы современного русского литературного языка; осведомленность в области этимологии и исторического развития лексического значения слов; навыки синхронного и диахронического морфемного и словообразовательного анализа; знание русской фразеологии и умение анализировать функционирование фразеологизмов в художественном тексте; навыки морфологическо-

го анализа слова; знание синтаксической системы русского языка и умение анализировать синтаксические явления повышенной сложности; осведомленность в области истории русского языкознания.

Во втором туре участникам было предложено письменно выполнить анализ языкового материала на основе лекции на лингвистическую тему, или предложенной лингвистической модели, или опираясь на теоретический материал, лексикографические источники, представленный архаичный текст.

Дополнительно к основной программе школьники принимали участие в интеллектуальных играх, научных шоу, мастер-классах от членов жюри в рамках внеконкурсных мероприятий «Лингвистические посиделки».

После завершения письменных туров был проведен анализ олимпиадных заданий, участников олимпиады ознакомили с основными идеями решения каждого из предложенных заданий и типичными ошибками, допущенными при их выполнении. В ходе этой встречи представители жюри подробно объяснили критерии оценивания каждого из заданий и дали общую оценку по итогам выполнения заданий двух туров. В этот же день прошел показ работ, где школьники могли ознакомиться с полученными за выполнение заданий оценками и замечаниями членов жюри. Если участник не соглашался с оценкой какого-либо задания в своей работе, он имел право подать заявление на апелляцию. По результатам показа ни одного заявления на апелляцию подано не было.

По результатам двух туров были подсчитаны итоговые баллы, составлен рейтинг участников по возрастным параллелям. На основании полученной итоговой таблицы и в соответствии с установленной Минобрнауки России квотой победителями заключительного этапа олимпиады были признаны 17 участников, призерами – 94 участника. Шесть школьников были награждены специальными призами.

Информационное сопровождение заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников обеспечивал пресс-центр СмолГУ, а также корреспонденты спецпроекта Olimpiada.ru. Рейтинг участников, работы победителей и призеров обеих олимпиад размещены в сети Интернет, что позволяет ознакомиться с ними всем интересующимся. Проведение олимпиады способствовало выявлению и развитию у учащихся творческого потенциала и стимулированию интереса к научно-исследовательской деятельности, оказало поддержку одаренным детям, в том числе содействовало их профессиональной ориентации и определению перспектив продолжения образования.

РЕЦЕНЗИИ

О.Ю. Иванова
Смоленский государственный университет

Столетие великой русской революции: 1917–2017 (системно-интегративное исследование). Смоленск, 2017. 253 с.
ISBN 978-5-98156-736-0

Монографическое исследование доктора исторических наук С.В. Вострикова (СмолГУ) и кандидата философских наук В.В. Зайцева (Смоленский филиал РАНХиГС) увидело свет в год столетия революции 1917 года, которая стала знаковым событием, во многом определившим историческую ситуацию XX века. Актуальность данного издания обусловлена в первую очередь необходимостью заново осмыслить события вековой давности, имевшие огромное значение для истории нашего Отечества.

Монографию можно назвать междисциплинарным исследованием: плодотворный творческий союз С.В. Вострикова и В.В. Зайцева позволил обоим авторам внести свой вклад в решение поставленной ими исследовательской проблемы – выяснить причины революции. Авторы попытались сделать это «через системно-интегративный анализ и концептуальное развитие антропологического типа в творчестве Ю. Крижанича, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и П.А. Сорокина в сравнительном анализе» (с. 4).

Первая глава исследования «Историко-политический аспект Русской революции – что произошло с нами в 1917 году» написана С.В. Востриковым. Автор рассматривает такие аспекты, как политические идеи Юрия Крижанича и политические практики российского абсолютизма в XVIII–XIX веках, деструктивные факторы, воздействовавшие на Российскую империю в этот период, социоэкономические и психополитические предпосылки крушения имперской государственности, анатомию революционного кризиса в период развития революции в феврале – октябре 1917 года. С.В. Востриков приходит к выводу, что в революционных событиях «главная доля вины – на бессмысленном управлении» (с. 53). Революцию он классифицирует как «автохтонно-самобытную и уникальную крестьянско-буржуазно-пролетарскую революцию» (с. 87).

Вторая глава исследования «Антропологический тип Русской революции в творчестве русских религиозно-философских мыслителей» принадлежит В.В. Зайцеву. Он анализирует идеи Н.А. Бердяева о неизбежности прохождения России через опыт большевизма, мысли И.А. Ильина о русской революции как процессе «ради права и по праву», высказывания П.А. Сорокина о социальной природе революции. Новизна выводов В.В. Зайцева обусловлена тем, что он, обращаясь к творчеству Н.А. Бердяева, в отличие от

многих других исследователей, не учитывает работу «Философия неравенства», от которой сам Н.А. Бердяев в последние годы жизни отказался, однозначно признав, что более не поддерживает некогда им же самим высказанные в ней идеи. Автор приходит к выводу, что на причины революции Н.А. Бердяев смотрит с идеалистических позиций, одновременно его привлекала широта марксистских идей. Ради возможностей реализации свободы как свободы духа он был согласен с умалением свободы в материальном мире (в сфере экономики). Именно эта его точка зрения создавала у исследователей иллюзию поддержки философом коммунизма (с. 123–128). Причины революции у Н.А. Бердяева – это антропологические основы, сама природа человека (с. 132). В.В. Зайцев, рассматривая далее идеи И.А. Ильина о русской революции, отмечает, что философ выделил три группы причин революции (несоблюдение аксиом политического развития общества, социально-экономические и социально-политические причины). Останавливаясь на сочинениях П.А. Сорокина, В.В. Зайцев обращает внимание на подробный анализ и осмысление последним социополитических аспектов революции. Вывод, к которому он приходит, заключается в том, что, помимо объективных экономических и политических причин революции, все трое философов, сочинения которых были исследованы, одной из самых важных называют изменение антропологического типа (с. 191). По словам Н.А. Бердяева, «слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия, все зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучили себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались: тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре» (с. 6).

Таким образом, сотрудничество ученых разных специальностей позволило им сделать оригинальные выводы и тем самым внести вклад в изучение и осмысление революции 1917 года в России. Данное издание может быть интересно историкам, философам, политологам, всем интересующимся сложными и неоднозначными проблемами истории нашего Отечества.

И.А. Королёва
Смоленский государственный университет

Киселев А.Г., Шилина С.А. Управленческий дискурс как социальная коммуникативная технология в системе отношений государства и социума: монография. М.: ИНФРА – М, 2017. 120 с. ISBN 978-5-16-012422-3 (print), ISBN 978-5-16-105450-5 (online)

Рецензируемая монография (адрес доступа в Интернете – www.dx.doi.org /10.12737/22345) посвящена современным отношениям «государство – социум», в частности управленческому дискурсу как социальной

коммуникации в этой системе. Не вызывает сомнения актуальность заявленной темы, так как новое демократическое российское общество предопределяет соответствующий порядок социального управления, характерной чертой которого выступают специфические отношения между субъектами управления, построенные на активном их участии в управленческой деятельности. Это, несомненно, предполагает как наличие обратной связи, так и широкое информирование всех слоев населения государства обо всех сторонах данной деятельности. В этом свете особое значение приобретает исследование особого управленческого дискурса как социальной коммуникативной технологии взаимодействия различных социальных групп во всех сферах жизнедеятельности и на всех уровнях в системе отношений социума и государства. Его необходимо изучать и социальными средствами, и языковыми, поскольку такой подход способствует более глубокому пониманию управления, его оптимизации. Именно поэтому монография появилась как результат сотрудничества ученого-социолога, доктора социологических наук, профессора, академика РАЕ Александра Георгиевича Киселева и ученого-лингвиста, кандидата филологических наук, социолога и доктора социологических наук, доцента Светланы Александровны Шилиной. Основная сфера научных интересов А.Г. Киселева – совершенствование государственного управления и возрождения России; С.А. Шилиной – социология управления, коммуникативные технологии, управленческий дискурс, языковая личность.

Во введении авторы монографии ставят четкую цель: рассмотреть специфику управленческого дискурса как технологии коммуникации в системе отношений государства и социума, определяющие дискурс атрибуты и выполняемые им функции. Материалом исследования явились послания президента Российской Федерации как субъекта власти. Они рассмотрены с точки зрения выявления коммуникативно значимых стилистических особенностей. Внимание к идиостилю с точки зрения специфики кодирования актуальных смыслов вполне оправдано, так как именно языковые средства значимы в конкретных социально-политических ситуациях для реализации возможности использования инструментов власти в коммуникации. Выступая в качестве рецензента монографии, мы отмечаем, что в ней приведен самый разноплановый лингвистический материал, прекрасно иллюстрирующий управленческий дискурс.

Модель власти как коммуникации, обоснованная в трудах Н. Лумана и Ю. Хабермаса в начале XXI века, требует дальнейшего рассмотрения на новом временном отрезке; именно этой проблеме и посвящается рецензируемая работа, анализирующая взаимосвязь власти, языка и письма.

Прослеживается, как язык все в большей мере обслуживает систему – власть. Исследования идиостиля субъекта власти подтверждает тенденцию развития управленческого дискурса как «генерализирующего средства коммуникации» (Н. Луман).

Структура монографии четкая и логичная: она состоит из введения, десяти глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 93 наименования. Такое мелкое деление соответствует детальному рассмотрению конкретных вопросов, необходимых для всестороннего исследования управленческого дискурса.

Первая глава является определяющей для дальнейшего изложения материала: очерчивается проблема и представляется аспектное освещение дискурса как социально-коммуникативной технологии.

Весьма полезным, на наш взгляд, следует считать стремление авторов монографии всесторонние осветить и упорядочить использование терминологии, связанной с понятием «дискурс», ведь хорошо известно, что оно давно вошло в научное употребление и прочно закрепилось в терминологической системе социально-гуманитарных наук, но до сих пор не имеет однозначной трактовки. То же самое следует сказать и о понятии «управленческий дискурс». После подробного анализа существующих работ авторы приводят свое понимание управленческого дискурса как технологии социальной коммуникации, имеющей в демократическом обществе целью способствовать селекции, желательной для субъекта управления. При этом под технологией имеется в виду совокупность способов управленческого воздействия на социум с помощью языковых «инструментов», адекватных ситуации, целям и задачам данного воздействия.

Во второй главе управленческий дискурс рассматривается в системе коммуникативных отношений государства и социума, анализируются условия его функционирования, конституционные атрибуты, типологические виды. Дискурс рассматривается как социальный процесс, в который включен текст. Это продукт аргументированного обсуждения той или иной проблемы, имеющей в своем основании текст или другой кодифицированный, опирающийся на какой-либо языковой носитель источник информации. С опорой на работы ведущих исследователей (М. Фуко, Н.Д. Арутюновой и др.) рассматривается дискурс применительно к управлению, анализируются специфические черты, отличающие его от других видов организационно-управленческой деятельности. На основании различных классификационных критериев выделяются следующие типы дискурса: устный и письменный; управленческий (статусно-ориентированный и социально-ориентированный); политический, социальный, деловой, научный, медийный.

В третьей главе выделяются функции дискурса в коммуникативном взаимодействии государства и социума: институционная, определяющая специфику нормативно-правового регулирования; трансляционная, сверенная с передачей информации; функция обратной связи; манипулятивная; репрезентативно-стратифицирующая, побуждающая субъектов взаимодействия к осознанию собственного положения; посреднически-

интегрирующая, помогающая дискурсу выступать связующим звеном между государством и обществом.

В четвертой главе текстовый управленческий дискурс рассматривается как кодово-знаковая технология коммуникации в системе «государство – социум». Исследование проблемы направлено на поиски возможностей и средств совершенствования, а тем самым и оптимизации управления. Сегодня для управленческого дискурса как коммуникативной технологии возрастают требования к языку как коду коммуникации власти в социальном институте отношений государства и социума. Слово рассматривается как кодовый знак, который не только репрезентирует в коммуникации объективные реалии, но и формирует программу деятельности.

В пятой главе в русле авторской концепции анализируется послание президента РФ Федеральному собранию от 22 декабря 2011 года как темпорально организованный дискурс. Подробно описываются ключевые языковые средства кодирования информации, использованные с целью формирования имиджа субъекта власти, что совершенно необходимо для современного социума. Материал главы весьма полезен при работе с текстом любого уровня как образец социолингвистического анализа.

Шестая глава посвящена рассмотрению интерактивного дискурса как эффективной управленческой технологии в сфере отношений государственной власти и социума. Справедливо отмечено, что, помимо традиционного письменного текста, сегодня управленческий дискурс как технология расширяет границы и виды своей репрезентации. Подтверждением этому служат неформальные встречи президента РФ с представителями различных социальных групп в рамках молодежных форумов, дискуссионных клубов и т.д. Реализуется устная разновидность управленческого дискурса; ее особенность – спонтанность ответов. Такой дискурс все активнее используется для достижения управленческих целей и оказывается более эффективным, чем традиционный текстовый. Именно этот дискурс определяет во многом имидж президента. Языковые средства демократичны, адекватны социальным характеристикам конкретной группы, в которой проходит коммуникация.

Именно о коммуникативных технологиях управленческого дискурса идет речь в седьмой главе монографии. Объектом исследования в ней являются послания президента РФ Федеральному собранию РФ за период существования президентской власти в России. В ходе анализа выявлены наиболее «рейтинговые» слова и выражения, что позволяет определить тактику его воздействия на субъекты власти. Выявлены частотные смысловые доминанты в дискурсе, такие как *Россия, государство, страна, власть, экономика, политика, работа, граждане*. Второй блок по частотности и значимости составляют слова: *правительство, система, люди, задачи, развитие, жизнь, социальное, рынок, права, органы*. Ключевые слова обозначают сферы и векторы управленческого внимания. Сравнение по-

сланий двух президентов – В.В. Путина и Д.А. Медведева – позволило авторам сделать интересные выводы о языковых личностях глав государства.

В восьмой главе излагаются данные контент-анализа текстуально организованного дискурса. Этот материал может быть использован в практике вузовского преподавания, для проведения разного рода мониторингов в любых субъектах РФ. Все данные представлены в восьми таблицах, трех схемах, обобщающей диаграмме. Рассматривается в разных аспектах социальная коммуникация, которая трактуется как обмен действиями порождения и интерпретации текстов, то есть как текстовая деятельность, в ходе которой выяснится, способны или не способны люди понимать друг друга. Это лингвосоциопсихологический подход (шире – семосоциопсихологический), позволяющий всесторонне рассмотреть взаимодействие социальных субъектов, их взаимопонимание и интенциальную и целеобусловленную деятельность.

Интересна девятая глава, в которой рассматривается управленческий дискурс как кодовая технология конструирования имиджа власти. Безусловно, в настоящее время формирование имиджа государственной власти по различным каналам коммуникативного воздействия, включая печатные документы, является важным механизмом демократизации общества. Выгодный социальный статус адресата должен поддерживаться правильной организацией управленческого дискурса, и именно речь выступает как важный фактор в поддержании реноме, создании имиджа. В главе анализируются коммуникативно важные компоненты: *где, кто, что, кому, как, с какой целью* сообщает, а также их параметры. Приведен интересный список номинаций адресата.

Последняя, десятая, глава монографии посвящена презентации субъекта государственной власти. Материал позволил составить обобщенный образ субъекта высшей государственной власти, который *отличается компетентностью, патриотической и государственной ориентацией, ответственностью, приверженностью букве закона и норме нравственности, признает право на контроль со стороны общества, готов к сотрудничеству с разными социальными слоями и группами, открыт для коммуникации*.

Проанализировав содержательную сторону этой, несомненно, актуальной монографии, хотим обратить внимание на некоторые обобщающие моменты.

Конечно же, на современном этапе развития социума одной из главнейших целей управленческой реформы выступает необходимость приблизить государство к обществу, и эта управленческая задача может и должна решаться с помощью языковых единиц в специфической форме дискурса – управленческой. Анализ таких важных дискурсивных текстов, как послания президента РФ к Федеральному собранию, показал, что

именно в этом виде документа выявляется специфика информационно-кодовой технологии «властного дискурса» (Н. Луман).

Монография содержит материал, который находится на стыке таких наук, как социология, политология и лингвистика. Отрадно, что языковому аспекту уделено достаточно большое внимание. Подробно представлен идиостиль субъекта власти. Предпочтение стилистически окрашенных кодифицированных средств языка, установленное авторами в текстах посланий методом контент-анализа, является особенностью идиостиля и позволяет оптимально манипулировать общественным сознанием, что является одной из функций управленческого дискурса.

Рассматриваемая монография А.Г. Киселева и С.А. Шилиной вышла в серии «Научные мысли» и может быть отнесена к тем актуальным современным научным трудам, которые позволяют не только специалистам, но и студентам, аспирантам, всем интересующимся проблемами современного социума углубить свое видение реального эффективного взаимодействия государства и общества в процессе коммуникации.

КОНФЕРЕНЦИИ

Л.И. Ивонина
Смоленский государственный университет

Круглый стол «К 25-летию Ассоциации британских исследований. Российское англоведение: традиции, достижения, перспективы» (15 марта 2017 года)

По сути, любой юбилей – это подведение итогов достижений за определенное значимое количество лет. 15 марта 2017 года в Институте всеобщей истории РАН (Москва) состоялось заседание круглого стола, посвященное 25-летию Ассоциации британских исследований и 100-летию со дня рождения выдающегося ученого-англоведа Николая Александровича Ерофеева. В его работе приняли участие историки России и Белоруссии – в ИВИ РАН выступили с докладами ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Смоленска, Ярославля, Рязани, Нижнего Новгорода, Иванова, Пензы, Орла и Коломны.

Юбилей ассоциации вкупе с юбилеем известного исследователя стал еще и своеобразным анализом уроков истории. На обсуждение круглого стола было вынесено много проблем, таких как российское англоведение в трудах дореволюционных и советских ученых; актуальные проблемы в современном англоведении; традиционные и новые подходы в изучении истории Британии; ученые-англоведы России и Британии в воспоминаниях современников; Н.А. Ерофеев и его вклад в изучение новой и новейшей истории Великобритании.

С приветственным словом выступили доктор исторических наук, академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян и доктор исторических наук, академик РАН, президент Ассоциации британских исследований А.Б. Давидсон. А.О. Чубарьян подчеркнул международную и историческую значимость такого рода мероприятий, а А.Б. Давидсон остановился на непреходящем интересе британских ученых к российской истории, а также личности Н.А. Ерофеева и его творческих достижениях. Эту тематическую линию продолжили на пленарном заседании доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Орловского государственного университета Т.Н. Гелла в докладе о колониальной проблематике в историческом наследии Н.А. Ерофеева и доктор исторических наук, профессор, ведущий сотрудник ИВИ РАН Т.Л. Лабутина, осветившая новейшие концепции англоведов XX столетия в восприятии современников. Интересными и актуальными были выступления доктора исторических наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета А.А. Паламарчук о подходах и перспективах изучения этнокультурного разнообразия Британии в раннее Новое время и доктора исторических наук, профессора, главного науч-

ного сотрудника ИВИ РАН Е.Ю. Сергеева о проблеме предоставления Великобританией политического убежища семье Николая II в марте-апреле 1917 года.

Работа круглого стола была продолжена на четырех секциях. Актуальные проблемы изучения средневековой Британии были озвучены на секции I. Социально-политическая и культурная история Великобритании в Новое время получила отражение на секции II, история Великобритании в XX–XXI веках – на секции III. Заседание самой многочисленной секции IV было посвящено российскому англоведению в трудах отечественных ученых. Здесь получили освещение как история Великобритании в трудах дореволюционных и советских ученых (доктор исторических наук, профессор И.Р. Чикалова (Минск), кандидат исторических наук, доцент И.В. Кеткова (Нижний Новгород), кандидат филологических наук В.С. Трофимова (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук К.Н. Станков (Москва), кандидат исторических наук, доцент Е.А. Макарова (МГУ), кандидат исторических наук, доцент М.В. Жолудов (Рязань), кандидат исторических наук И.Ю. Новиченко (ИВИ РАН)), так и современные исследования в этой области (кандидат исторических наук И.Ю. Полякова (ИВИ РАН)). Историческому знанию в Британии XVIII века был посвящен доклад доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИВИ РАН М.П. Айзенштат. Доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета Л.И. Ивонина в своем докладе проанализировала вклад смоленского историка И.Н. Неманова в изучение одного из самых глобальных процессов в истории, коренным образом изменившего цивилизацию, – промышленной революции в Британии, или промышленного переворота. Ивонина отметила, что смоленский ученый представил свою периодизацию промышленного переворота и примерно полвека, предшествовавшего его началу, предложил рассматривать не как его предпосылки, а как пролог или генетическую фазу. При этом пристальное внимание Неманов обратил на общественную психологию, на восприятие изменений, связанных с промышленной революцией. Наследие Н.А. Ерофеева и его единомышленников, по мнению докладчика, требует развития, и не только с позиций экономической мысли, поскольку промышленный переворот – это нечто большее, чем внедрение технических усовершенствований и создание новых промышленных структур. В век Просвещения техническая мысль развивалась в Европе повсюду, но только в Британии ее результаты стали очевидными.

Во время заседаний круглого стола работала выставка-продажа книг издательства «Алетейя» (Санкт-Петербург), организованная его главным редактором И.А. Савкиным. Коллеги могли ознакомиться и приобрести как книжные новинки, так и более ранние популярные в кругах историков издания.

Подобные мероприятия являются стимулом для научного творчества преподавателей вузов и научных сотрудников, что способствует дальнейшему развитию исторической науки. Стоит только пожелать, чтобы деятельность Ассоциации британских исследований по-прежнему являлась столь же активной.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азнабаев Булат Ахмерович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: azbulattt@rambler.ru.

Альдингер Ольга Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного медицинского университета. E-mail: aldinger@mail.ru.

Андреев Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: smol.an@mail.ru.

Бабурченкова Ирина Олеговна – аспирант, ассистент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: irbissonnui@yandex.ru.

Баликова Мария Сергеевна – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: masha.balickova@yandex.ru.

Бутеев Дмитрий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Смоленского государственного института искусств. E-mail: Boutya@vail.ru.

Горяева Мария Николаевна – аспирант кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: Igudisman.m@gmail.com.

Губа Владимир Петрович – доктор педагогических наук, профессор кафедры физической культуры Смоленского государственного университета. E-mail: smolguba67@mail.ru.

Гуменникова Александра Александровна – аспирант кафедры информационных и образовательных технологий Смоленского государственного университета. E-mail: aleksandra1391@rambler.ru.

Гунтарева Елена Евгеньевна – аспирант кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: iguntarieva@mail.ru.

Дегтярёва Валерия Сергеевна – аспирант кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: valeri-de@mail.ru.

Демидова Кристина Витальевна – аспирант кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: smdk21@mail.ru.

Евдокимова Галина Семёновна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной математики Смоленского государственного университета. E-mail: kaf-matem @ smolgu.ru.

Евсеева Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы Заборьевской средней школы Демидовского района Смоленской области. E-mail: evseevolya@yandex.ru.

Егоров Александр Григорьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и философии, проректор по научной работе Смоленского государственного университета. E-mail: ag-egorov@yandex.ru.

Ермакова Татьяна Николаевна – преподаватель Смоленского государственного института искусств, Почетный работник общего образования Российской Федерации. E-mail: ermakmuz@mail.ru.

Есьман Алексей Валерьевич – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (г. Минск). E-mail: esmanwm@gmail.com.

Иванова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: olga05ivanova@mail.ru.

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Картавенко Вера Сергеевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: vera-kartavenko@yandex.ru.

Колобов Владимир Васильевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики Воронежского государственного университета. E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru.

Кондратенкова Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и переводоведения Смоленского государственного университета. E-mail: katie.ko@yandex.ru.

Королёва Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: innakor@mail.ru.

Лебеденко Галина Александровна – аспирант кафедры германистики и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного университета. E-mail: g-lebedenko@mail.ru.

Леонов Иван Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: mamif.lis@rambler.ru.

Макова Елена Николаевна – аспирант кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@smolgu.ru.

Мезенко Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. E-mail: mezenka1@yandex.ru.

Михайлова Тамара Викторовна – кандидат педагогических наук, профессор, ректор Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва). E-mail: tomriko58@mail.ru.

Мурашова Юлия Александровна – научный сотрудник Регионального открытого социального института (г. Курск). E-mail: julliya-07@mail.ru.

Налётова Наталья Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета. E-mail: nal.nat@yandex.ru.

Ощёхина Оксана Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Обнинского центра социальной помощи семье и детям «Милосердие». E-mail: O_oschyokhina@mail.ru.

Петрунин Александр Михайлович – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского. E-mail: petrunin_am@mail.ru.

Попова Евгения Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: sashazhenya-p@yandex.ru.

Родионова Лариса Петровна – лаборант кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: panismolenska@yandex.ru.

Савельева Ольга Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: oe.savelyeva@gmail.com.

Савченкова Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, начальник отдела по сопровождению НИР Смоленского государственного университета. E-mail: snatan1@rambler.ru.

Сенченков Николай Петрович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проректор по международным и молодежным программам Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@smolgu.ru.

Сидорчук Евгений Александрович – аспирант кафедры истории и политологии Государственного университета управления (г. Москва). E-mail: zerlo739@mail.ru.

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: suprun@vspu.ru.

Трифоненко Вероника Андреевна – аспирант кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: blocnot_3@mail.ru.

Хачикян Елена Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: helena64@bk.ru.

Чевтаев Аркадий Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Государственной полярной академии (г. Санкт-Петербург). E-mail: achevtaev@yandex.ru.

Чернышев Алексей Борисович – кандидат филологических наук, старший переводчик закрытого акционерного общества «ВолгАэро» (г. Рыбинск). E-mail: alexeich_78@mail.ru.

Якутин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: a.yakutin2014@mail.ru.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Академическое междисциплинарное издание – журнал **«Известия Смоленского государственного университета»** публикует оригинальные научные труды (обзорные и актуальные статьи, научные сообщения, рецензии) по следующим отраслям науки, которые соответствуют основным рубрикам журнала – литературоведение, языкознание, исторические науки и археология, педагогические науки.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 1 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-35710 от 23.03.2009.

Материалы журнала размещаются на сайте Смоленского государственного университета: http://www.smolgu-smolensk.ru и на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России». Индексы: 80190, 80209.

The academic cross-disciplinary journal «Izvestia of Smolensk State University» publishes new scientific works (reviews, authoritative articles, notes). Topics covered include: study of literature, linguistics, history and archeology, pedagogical sciences.

By the decision of the Presidium of Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of Russia dated December 1, 2015 № 13-6518 the journal is included into the List of leading peer reviewed scientific journals, in which the main results of research for PhD and Candidate of Sciences dissertations are to be published.

The journal is registered by the Russian Federal Surveillance Service for Mass Communications. Registration certificate PI NFS77-35710 of 23.03.2009. Published materials are available on the website of Smolensk State University: http://www.smolgu-smolensk.ru and in Russian scientific citation index (RINC) of the Russian scientific electronic library.

The journal is included into the Joint catalogue «Russian Press». Indexes: 80190, 80209.

М.А. Можейко (Минск, Республика Беларусь)

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям института теологии Белорусского государственного университета

Б.В. Носов (Москва)

Борис Владимирович Носов – доктор исторических наук, заведующий отделом истории стран Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

А.П. Сманцер (Минск, Республика Беларусь)

Анатолий Петрович Сманцер – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Белорусской академии образования

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ), профессор кафедры неофилологии Белостокского государственного университета (Польша)

М. Хикки (Блумсберг, США)

Майкл Хикки, доктор философских наук, профессор отдела истории, директор института общества и культуры Блумсбергского университета

В.А. Холоднов (Санкт-Петербург)

Владислав Алексеевич Холоднов – доктор технических наук, профессор, завкафедрой системного анализа Санкт-Петербургского химико-технологического университета

Е.А. Шмидт (Смоленск)

Евгений Альфредович Шмидт – заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Г. Егоров (гл. редактор)

Александр Григорьевич Егоров – доктор философских наук, профессор, завкафедрой социологии и философии, проректор по научной работе Смоленского государственного университета

И.В. Романова (зам. гл. редактора)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, завкафедрой литературы Смоленского государственного университета

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, начальник международного отдела Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

М.Ю. Гильденков

Михаил Юрьевич Гильденков – доктор биологических наук, профессор, завкафедрой экологии и химии Смоленского государственного университета

Э.А. Городниченко

Эдуард Александрович Городниченко – доктор биологических наук, профессор кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета

Ю.А. Грибер

Юлия Александровна Грибер – доктор культурологии, профессор кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета

С.П. Евдокимов

Сергей Петрович Евдокимов – доктор географических наук, профессор, завкафедрой землеустройства и кадастра Смоленского государственного университета

Ю.Е. Ивонин

Юрий Евгеньевич Ивонин – заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории Смоленского государственного университета

О.В. Козлов

Олег Владимирович Козлов – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории России Смоленского государственного университета

Г.С. Меркин

Геннадий Самуйлович Меркин – доктор педагогических наук, профессор-консультант кафедры литературы Смоленского государственного университета

В.И. Мищенко

Владимир Ильич Мищенко – доктор технических наук, профессор кафедры естественнонаучных дисциплин Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск)

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Смоленского государственного университета

К.М. Расулов

Карим Магомедович Расулов – доктор физико-математических наук, профессор, завкафедрой математического анализа Смоленского государственного университета

В.В. Селиванов

Владимир Владимирович Селиванов – доктор психологических наук, профессор, завкафедрой общей психологии Смоленского государственного университета

Н.П. Сенченков

Николай Петрович Сенченков – доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой педагогики и психологии, проректор по международным и молодежным программам Смоленского государственного университета

Г.Г. Сильницкий

Георгий Георгиевич Сильницкий – заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Смоленского государственного университета

А.В. Славин

Александр Васильевич Славин – доктор философских наук, профессор-консультант кафедры социологии и философии Смоленского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

Павлова Л.В., Сильницкий Г.Г., Андреев С.Н. (литературоведение, языкознание);

Ивонин Ю.Е., Козлов О.В. (исторические науки и археология);

Меркин Г.С., Сенченков Н.П. (педагогические науки).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1.1. Рекомендуемый объем – 0,4–0,6 п.л. (до 24 000 знаков с пробелами).

1.2. Материалы представляются в следующем виде:

– редактор Microsoft Office Word 2003;

– шрифт «Times New Roman»;

– основной текст – кегль 12 (кроме литературы и примечаний), печатается через 1 интервал;

– источники (литература и примечания) – 10 кегль;

– все поля – 2 см; параметры абзацев устанавливать с помощью опций меню «Абзац»;

– не использовать переносы;

– использовать следующие символы: кавычки «....» (при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек: «...“....”...»); тире обычное (–). Необходимо различать дефис и тире;

– обязательна проверка орфографии.

1.3. Порядок расположения (структура) текста:

– **сведения об авторах** (фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы)); **полное и точное место работы** каждого автора в именительном падеже; должность, звание, ученая степень; **контактная информация** (e-mail, город, телефоны) для каждого автора; **указание тематической рубрики** (УДК); **указание источника поддержки, если статья печатается за счет средств грантов**. Все сведения приводятся 12 кеглем, выравнивание по правому краю;

– наименование статьи (жирный шрифт, форматирование по центру, НЕ использовать только заглавные буквы);

– ключевые слова статьи (материала). Каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой (данные выделяются курсивом);

– аннотация на русском языке (до 600 печ. знаков) / выделяется курсивом;

– основной текст статьи (материала);

– литература (источники);

– примечания (поясняющие ссылки);

– фамилия и инициалы автора на английском языке (жирным шрифтом, форматирование по центру);

– название статьи на английском языке (оформление – как на русском языке);

– ключевые слова на английском языке (выделяются курсивом);

– аннотация на английском языке (выделяется курсивом).

1.4. Требования к оформлению структуры текста:

– фамилия и инициалы автора, а также название статьи набираются полужирным шрифтом (не допускается выделение прописными буквами);

– названия параграфов внутри статьи печатаются полужирным шрифтом (без нумерации);

– названия подпараграфов печатаются полужирным курсивом;

– выделения внутри текста набираются только обычным курсивом (подчеркивания слов, а также слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем и пр., не допускаются);

– стихотворный текст набирается 10 кеглем;

– нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т.д.; а), б), в) и т.д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

– маркированный список пунктов допускается только в виде тире;

– список литературы располагается строго в алфавитном порядке и приводится 10 кеглем в конце текста статьи, перед примечаниями;

– литература на иностранных языках располагается после литературы на русском языке по алфавиту языка, к которому относятся данные источники;

– электронные источники (например, веб-сайты) указываются в конце списка литературы;

– примечания набираются также 10 кеглем, нумеруются и даются отдельным списком сразу после списка литературы;

– список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P.J., Barrett T.P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3, № 58. P. 75–85.

Корнилов В.И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13, № 3. С. 369–385.

Кузнецов А.Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. М.: Научный мир, 2003. С. 340–342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. Ярославль, 2003.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 125–128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: http://www.oim.ru/reader.aspnomer = 366 (дата обращения: 17.04.07).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. URL: http://eastfront. narod.ru/memo/latchford.htm (дата обращения: 23.08.2007).

1.5. Оформление содержания ссылок и сносок:

– сноски (на литературу) печатаются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты, выделенной кавычками (сначала указывается номер источника, а затем, после запятой – номер страницы: [1, с. 1]);

– на каждый пункт в списке литературы должна быть хотя бы одна ссылка в тексте статьи;

– сноски на несколько источников с указанием страниц разделяются между собой точкой с запятой;

– поясняющие ссылки (примечания) указываются в тексте в круглых скобках, а их содержание приводится в конце текста в отдельном списке примечаний.

1.6. Оформление рисунков:

– на каждый рисунок должна быть хотя бы одна ссылка в тексте статьи перед тем, как дается сам рисунок;

– при выборе положения рисунка в тексте необходимо использовать опцию «В тексте» в меню «Формат»;

– рисунок должен располагаться по центру листа;

– подписи располагаются под рисунком по центру и выполняются 10 кеглем (Рис. 1. Мое название);

– от текста рисунок отделяется одной пустой строкой;

– к печати принимаются только черно-белые рисунки. Допускаются различные градации серого, однако рекомендуется использовать контрастные рисунки;

– рисунки рекомендуется выполнять в графическом редакторе (Adobe Illustrator, Photoshop). Если рисунки выполнены в Microsoft Word, их элементы обязательно должны быть сгруппированы;

– рисунки подаются дополнительно на электронном носителе в отдельном файле.

1.7. Материалы могут содержать таблицы, выполненные в редакторе Microsoft Office Word 2003. Не допускается использование иных программ оформления таблиц. Названия таблицы набирается жирным шрифтом.

1.8. Формулы набираются только в редакторе MathType или Microsoft Equation. Вставка формул в виде рисунков не допускается.

– Все формулы должны быть набраны 12 кеглем.

– Если подряд идут несколько формул, то каждая из них должна быть набрана отдельно, а не в одном окне.

– Математические формулы являются частями предложения, поэтому на них распространяются все правила пунктуации. Запись нескольких формул подряд недопустима – между ними должны быть слова или знаки препинания (а если формула находится в конце предложения, после нее ставится точка).

1.9. Материалы принимаются в распечатке (2 экз.) вместе с электронной версией (только на CD-диске). Печатный экземпляр должен соответствовать электронному варианту. На распечатанных вариантах в конце статьи должна стоять подпись автора, заверенная по месту работы. Допускается присылать отсканированный вариант последней страницы. Материалы следует высылать только обычным (не ценным и не заказным) письмом.

Присланные материалы не возвращаются. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.

1.10. Редколлегия оставляет за собой право предложить автору переработать статью, а также отклонить подготовленную статью, если она не может быть доработана или не соответствует требованиям оформления. Срок внесения исправлений в статьи – 10 календарных дней со дня отправки рецензий. Редколлегия не вступает в переписку с авторами отклоненных материалов.

1.11. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору высылается мотивированное заключение рецензента.

На всех стадиях работы с рукописями, а также для общения с авторами, редакторами и рецензентами редакция использует в основном электронную форму коммуникации, поэтому авторы должны быть очень внимательны к указываемому в рукописи электронному адресу, а также своевременно информировать редакцию о произошедших изменениях.

1.12. За опубликование рукописей аспирантов плата не взимается.

1.13. Статьи аспирантов обязательно сопровождаются письменным согласием научного руководителя на публикацию материала.

1.14. Материалы, не соответствующие требованиям редакции, не рассматриваются.

Материалы принимаются по адресу:
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. (ректорат, с пометкой «В журнал "Известия Смоленского государственного университета"»).
Контактный телефон: (4812) 70-02-32.
E-mail: izwestija@smolgu.ru

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2017 года** во всех почтовых отделениях России будет открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2018», 1 том, зеленая обложка.

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 814 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 421 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная** (журнал поступает к Вам заказной бандеролью).

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2017»

Подписка на **I полугодие – 80190**
Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**
Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru, arpk@eg-online.ru.**

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** http://www.arpk.org.

Адрес редакции:
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700232, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
2017, № 2(38)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко, И.В. Марусова*
Редактор англоязычных текстов *В.С. Андреев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов, К.А. Дударь*

Подписано к печати 04. 07. 2017. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 28,5. Тираж 300 экз. Заказ № 36.

Отпечатано в ИТЦ СмолГУ
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4